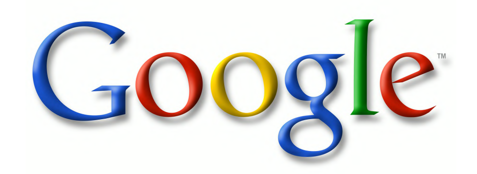
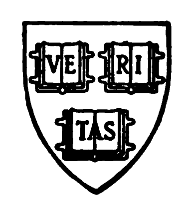

Заказ № 538 Дата

Микросъемка экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.

Все

Наименование или шифр издания

Исполнитель

В

Вѣстникъ Всемірной Исторіи

Ежемѣсячный журналъ

№ 1.
1902 г.

C

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ:

По желанію нашихъ читателей мы перенесли срокъ выхода первой книги съ декабря на январь.

Къ аккуратному выходу книгъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца приняты издателемъ всѣ зависящія отъ него мѣры.

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію — *Петербургъ, Милліонная, 34.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію почтамта, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ, по которому** высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовыя бланки или марки для отвѣта.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) Редакція открыта для объясненій ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 4 до 5 час. дня.

2) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія рукописи должны быть приложены марки.

3) Заявленія объ отдѣльныхъ оттискахъ должны быть дѣлаемы одновременно со сдачею рукописи въ редакцію.

4) За статьи безъ обозначенія гонорара таковой назначается по усмотрѣнію редакціи.

5) Уплата гонорара производится по напечатаніи статьи.

6) Всѣ переводныя статьи и сочиненія считаются полной собственностью редакціи, если не послѣдовало особаго соглашенія.

Отъ конторы редакціи:

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п. производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Милліонная, 34), между часомъ и четырьмя дня.

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 до 4 час. дня.

D

ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЯНВАРЬ

№ 1.

Третій годъ изданія

С.-Петербургъ
1902

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

E

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозв. ценз. Спб. 15 Января 1902 г.

Рабочій вопросъ въ средніе вѣка.

Нормированіе заработной платы идетъ въ средніе вѣка рука объ руку съ регламентаціей цѣнъ на предметы первой необходимости. Обѣ преслѣдуютъ одну и ту-же цѣль: поставить земельнаго собственника и предпринимателя въ возможность не увеличивать издержекъ производства, не отступать поэтому отъ обычнаго порядка веденія хозяйства и платежа обычныхъ цѣнъ за продукты. Нельзя приписать среднимъ вѣкамъ изобрѣтеніе законовъ о максимумѣ, такъ какъ образцы ихъ мы находимъ уже въ римской имперіи V-го вѣка по Рождествѣ Христовомъ. Стоитъ напомнить только изданіе извѣстнаго закона Діоклетіана и мѣры, принятыя въ позднѣйшее время съ тою же цѣлью, не только въ Византіи, но и въ италійскихъ ея владѣніяхъ, въ Равенскомъ Экзархатѣ, чтобы разсѣять ложное представленіе, какое соціалисты-католики постепенно упрочили въ средѣ историковъ и смыслъ котораго сводится къ тому, что средніе вѣка будто бы, предвидя соціальныя невыгоды свободной конкуренціи, задались мыслью путемъ регламентовъ, преслѣдующихъ роскошь, ростовщичество и чрезмѣрные заработки, обезпечить всѣмъ и каждому возможность жить безбѣдно согласно своему общественному состоянію. Мы покажемъ впослѣдствіи, въ чьихъ интересахъ предпринимаема была такая регламентація и заслуживаетъ-ли она тѣхъ похвалъ, какія расточаютъ по ея адресу. Въ настоящее-же время намъ нужно отмѣтить тотъ фактъ, что основы ея во всякомъ случаѣ были положены еще въ римской имперіи; такъ что Карлъ Великій и всѣ тѣ, кто въ данномъ случаѣ дѣйствовали по его образцу, были не болѣе, какъ подражателями. Знаменитый Франкфуртскій капитуларій задается, подобно Діоклетіанову

закону, мыслью установить цѣну хлѣба не на тотъ или другой опредѣленный періодъ времени, а на всѣ времена, безъ различія урожайныхъ и неурожайныхъ годовъ. „Благочестивѣйшій король, нашъ повелитель, гласитъ упомянутый законъ, постановилъ, чтобы никто изъ лицъ свѣтскаго или духовнаго званія, ни въ годы изобилія, ни въ годы дороговизны, не смѣлъ продавать хлѣбныхъ припасовъ дороже того-то и того-то [1])“. Примѣръ Карла находитъ подражателей и въ другихъ странахъ; такъ въ Англіи отъ временъ Генриха II Плантагенета въ XII вѣкѣ уцѣлѣла такъ называемая assiza panis, въ которой опредѣленъ размѣръ и цѣна выпеченнаго хлѣба. Въ отдѣльныхъ городахъ Германіи, въ томъ числѣ въ Аугсбургѣ, какъ видно изъ древнѣйшихъ его статутовъ (Stadtbuch), отъ головы или бургграфа (иначе urbis praefectus) зависѣло установлять ежемѣсячно нормальный размѣръ хлѣба, большій или меньшій сообразно съ цѣною зерна и муки. Съ этими выпеченными по его приказу „образцовыми хлѣбами“ должны были сообразоваться булочники; тѣ же изъ нихъ, которые отступали отъ нормы, подвергались въ первый и второй разъ штрафу, въ третій—тѣлесному наказанію и запрету дальнѣйшаго отправленія промысла [2]).

Въ итальянскихъ муниципіяхъ, какъ показываетъ, между прочимъ, примѣръ Комо въ XIII и XIV вѣкѣ, уже входитъ въ обыкновеніе подвижная скала цѣнъ на хлѣбъ, сообразно большему или меньшему урожаю и соотвѣтственному возрастанію или уменьшенію дороговизны зерна на рынкѣ. Таже цѣль достигается частымъ возобновленіемъ или исправленіемъ регламентовъ, иначе говоря „ассизъ“, муниципальными и помѣстными органами, что въ свою очередь вызываетъ во многихъ мѣстностяхъ,—въ томъ числѣ во Флоренціи, установленіе особыхъ чиновниковъ, обязанность которыхъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы „изобиліе“ не было подвергнуто опасности несвоевременнымъ снабженіемъ припасами общественныхъ магазиновъ, забастовками въ отпускѣ хлѣба или закупками въ широкихъ размѣрахъ продуктовъ урожая немногими монополистами съ цѣлью искусственнаго повышенія цѣнъ, наконецъ чрезмѣрными требованіями или лихоимствомъ мельниковъ и булочниковъ [3]). Въ то

[1]) Cunningham. The growth of english industry and commerce, 1890 г. Appendix, стр. 501.

[2]) Meyer. Das Stadtbuch von Augsburg, стр. 312.

[3]) См. объ этомъ мою статью „Итальянскія муниципіи въ борьбѣ съ голодомъ и нуждою“ въ Сборникѣ въ пользу голодающихъ.

время, какъ въ англійскихъ помѣстьяхъ, напримѣръ, органы вотчиннаго управленія установляютъ отъ времени до времени тарифъ на всякаго рода продукты, получаемые изъ зерна и, въ частности, на хлѣбъ и пиво, а патримоніальные суды, такъ называемые court leets, облагаютъ штрафами всякаго qui vendidit panem vel braciavit contra assizam, въ городахъ Германіи, напримѣръ въ Аугсбургѣ, тѣ-же обязанности падаютъ на общія городскія власти, въ частности на бургграфовъ, или городскихъ головъ [1]), а во многихъ итальянскихъ муниципіяхъ на особый магистратъ изобилія (officium abundantiae), получающій во Флоренціи наименованіе Or san Michele, отъ прозвища занимаемаго имъ сада въ приходѣ святаго Михаила. Частный архивъ этого вѣдомства дошелъ до насъ и можетъ доставить богатѣйшій матерьялъ для исторіи цѣнъ на хлѣбъ, начиная съ XIII-го столѣтія [2]).

Что касается въ частности регламентаціи заработной платы, которая одна будетъ занимать насъ въ настоящей статьѣ, то она, очевидно, не могла появиться раньше возникновенія свободнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока уходъ за домомъ и полевыя работы сосредоточивались всецѣло въ рукахъ рабовъ и крѣпостныхъ, могла чувствоваться потребность въ установленіи только числа рабочихъ дней и соотвѣтственно числа дней отдыха. Мѣстный обычай, руководимый въ свою очередь каноническими предписаніями, регулировалъ эти порядки задолго до ихъ записи въ помѣстныхъ книгахъ, въ тѣхъ счетахъ поступающихъ къ собственнику доходныхъ статей, которые доставили содержаніе французскимъ censiers и англійскимъ rentals. Древнѣйшимъ образцомъ послѣднихъ можно считать тѣ Rectitudines singularum personarum, въ которыхъ указаны обязанности англосаксонскихъ крѣпостныхъ и опредѣленъ размѣръ ихъ барщины. Однохарактерные документы приложены къ тексту картюлеровъ или сборниковъ помѣстныхъ грамотъ, они и вошли въ составъ такъ называемыхъ полиптиковъ или книгъ по экономіи помѣстій, редакцію которыхъ не разъ принимали на себя монастырскіе настоятели или выбранные братіей

---

[1]) Quando tabernarius vilem facit cervisiam vel etiam dat injustam mensuram, значится въ Stadtbuch Аугсбурга... sepradicto ordine puniatur, et insuper eadem cervisia destruetur vel pauperibus gratis erogetur. (Meyer, страница 312-я).

[2]) Тоже можетъ быть сказано объ архивѣ однохарактернаго учрежденія въ Сіенѣ. Libri della bichierna, имя, подъ которымъ извѣстны эти реестры: они содержатъ въ себѣ данныя, восходящія къ XII столѣтію.

иноки. Образцомъ ихъ можно считать восходящій ко временамъ Карла Великаго полиптикъ аббата Ирминона, составленный для монастыря Сенъ Жерменъ-де-Пре. Издатель этого драгоцѣннѣйшаго источника для экономической исторіи IX-го вѣка, Гераръ, принялъ на себя также обнародованіе другихъ однохарактерныхъ памятниковъ X и XI-го столѣтій; тѣмъ самымъ онъ поставилъ насъ въ возможность прослѣдить судьбу крестьянской барщины со временъ Карла Великаго и до той эпохи, когда, а именно въ XIII-мъ вѣкѣ, сензье и рентали настолько сдѣлались обычнымъ явленіемъ, что историкъ-экономистъ скорѣе въ правѣ жаловаться на обиліе, чѣмъ на недостатокъ матерьяла.

Такъ какъ свободный трудъ впервые появился въ городахъ въ средѣ организованныхъ на корпоративномъ началѣ ремеслъ, то неудивительно, если въ постановленіяхъ городскихъ совѣтовъ и въ цеховыхъ статутахъ надо искать древнѣйшихъ регламентовъ заработной платы. Когда въ XIII-мъ вѣкѣ превотъ Парижа Этьенъ Буало предпринялъ частное собраніе этого послѣдняго рода документовъ, обычаи, опредѣлявшіе число рабочихъ дней въ отдѣльныхъ ремеслахъ, уже нашли кое-гдѣ письменное выраженіе. Вотъ почему въ компиляціи этого современника Людовика Святого мы находимъ правила въ родѣ слѣдующаго: слуги портныхъ или ихъ подмастерья не должны требовать отъ хозяевъ ничего сверхъ положенной по обычаю платы, которая въ устахъ превота носитъ наименованіе „правой цѣны", „droit pris", или еще: „да не посмѣетъ никто обѣщать рабочему что либо сверхъ положенной денной платы въ размѣрѣ, какой издавна установился въ городѣ Парижѣ" [1]). Нѣкоторые цехи болѣе опредѣленно указываютъ на этотъ размѣръ, говоря о двухъ или трехъ динаріяхъ вознагражденія въ день, смотря потому падало-ли содержаніе на патрона или нѣтъ. Въ такъ называемой „красной книгѣ парижскаго Шатлэ" мы читаемъ, что подмастерья въ суконномъ производствѣ не должны расчитывать на иное вознагражденіе, кромѣ только что указаннаго [2]), ,

Общее собраніе мастеровъ или избранные имъ органы, консулы, обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы мастера расплачивались съ рабочими по установленной обычаемъ

[1]) Livre des métiers, стр. 143.

[2]) Fagniez. De l'industrie et des classes industrielles en France au XIII et XIV siècles, стр. 89.

цѣнѣ. Доказательство этому можно найти и въ древнѣйшихъ статутахъ Калималы, другими словами, цеха фабрикантовъ тонкихъ суконъ во Флоренціи [1]), и въ регламентахъ портныхъ Монпелье въ той редакціи, какую эти регламенты получили въ 1351 году [2]), и въ той новой кодификаціи, какую въ 1406 году валяльщики Бристоля дали своимъ старинны мъ распорядкамъ [3]).

На ряду съ корпораціями ремеслъ, городскіе совѣты не разъ задавались цѣлью опредѣлить максимумъ заработной платы. Такъ, напримѣръ въ Лондонѣ, когда, по случаю пожара 1212 года [4]), плотники стали требовать чрезмѣрнаго жалованія, городской совѣтъ принялъ сторону домохозяевъ; въ изданномъ имъ постановленіи значилось, что взрослые рабочіе не должны получать въ день больше двухъ динаріевъ на всемъ готовомъ и четырехъ на собственномъ содержаніи, малолѣтніе-же — однимъ динаріемъ меньше.

Въ любой изъ итальянскихъ муниципій городскіе совѣты принимаютъ мѣры къ нормированіе заработной платы, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ сферахъ народнаго труда. Многія изъ этихъ постановленій вошли въ составъ городскихъ статутовъ XIII и XIV вѣка. Для примѣра я приведу здѣсь постановленія, изданныя въ Болоніи. Въ текстѣ общей гражданской присяги, включенной въ редакцію ея статутовъ отъ второй половины XIII вѣка, всѣ жители республики обязуются слѣдовать въ дѣлѣ вознагражденія рабочихъ разъ установленному тарифу. Въ немъ приняты, разумѣется, во вниманіе только тѣ виды труда, которые сдѣлались достояніемъ свободныхъ работниковъ. Разбираемый нами документъ занимается прежде всего извозомъ, въ частности доставкой вина изъ одной части города въ другую, или изъ города въ предмѣстье. Отъ corba перевозимаго вина въ предѣлахъ городской осѣдлости положено брать не болѣе двухъ мелкихъ болонскихъ монетъ. Кузнецамъ также опредѣлена законная плата. За подкову, въ стѣнахъ города, они получаютъ не болѣе восьми бонониновъ, за самый-же трудъ подковки или расковки — всего два динарія. Гвозди цѣнятся отдѣльно и шесть идутъ за динарій. Вознагражденіе возрастаетъ

[1]) Di Giudice. Appendice alla storia dei municipi italiani. стр. 90. См. также Statuta carpentariorum въ Фаэнцѣ 1831 года.
[2]) Ouin—Lacroix, стр. 748.
[3]) Toulmin Smith. 384.
[4]) British museum. add. ms. 14, 252 отпечатано Turner въ Domestic architecture, стр. 281.

въ открытомъ полѣ, во время иноземнаго похода или военной экзекуціи, производимой по отношенію къ тому или другому городу, мѣстечку или замку, расположеннымъ въ предѣлахъ болонской территоріи. Каменьщики, штукатурщики и плотники также должны довольствоваться опредѣленной закономъ платой; она больше или меньше, смотря по временамъ года. Съ праздника святого Мартина въ сентябрѣ имъ полагается поденно 15 бонониновъ, съ Пасхи-же—шесть динаріевъ имперскихъ, да еще содержаніе; буде-же они пожелаютъ жить на своихъ харчахъ, слѣдуетъ прибавка въ два динарія ежедневно, такъ что взамѣнъ шести они получаютъ восемь, въ лѣтнее-же время, т. е. отъ Пасхи по Михайловъ день, когда строительная работа уступаетъ мѣсто сельско-хозяйственному труду, „при согласіи исполнять и другія порученія“ (aliquis alii laborare), вознагражденіе, увеличивается до десяти имперскихъ динаріевъ. Кто возьметъ большую плату, или согласится дать большее вознагражденіе, несетъ штрафъ въ сто солидовъ болонской монеты; половина этой суммы идетъ въ пользу доносчика [1]).

Въ числѣ лицъ, заработки которыхъ фиксированы закономъ, мы встрѣчаемъ одновременно и мельника, и нотаріуса; первый вознаграждается въ принадлежащихъ городу мельницахъ четырнадцатой частью помола, въ остальныхъ-же шестнадцатой [2]). Что касается до нотаріусовъ, то за каждый совершенный ими актъ, смотря по его характеру и длинѣ, положена особая плата; такъ при составленіи простого заявленія одинъ бонининъ, ливелла или аренднаго договора — три и даже шесть, если контрактъ отличается значительной длиною [3]).

Съ праздника святого Михаила, читаемъ мы въ этомъ любопытномъ документѣ, отпечатанномъ въ Archivio storico italiano въ 1880 году, землепашцы не должны получать болѣе четырехъ динаріевъ въ день подъ страхомъ штрафа въ 12 динаріевъ. Этотъ размѣръ вознагражденія продолжается до марта, когда, въ виду большого спроса на рабочія руки, законодатель отказывается отъ мысли поддержать силою установленный имъ максимумъ и дозволяетъ сельскимъ рабочимъ вплоть до Михайлова дня въ сентябрѣ quid possunt accipere in die.

[1]) Статуты Болоніи, т. II, кн. VII, § 73.
[2]) Статуты Болоніи, Liber I, § 23.
[3]) Статуты Болоніи, т. II-ой. кн. § 15.

Статуты Ангаріи задаются также мыслью положить предѣлъ чрезмѣрнымъ требованіямъ плотниковъ, объявляя, что въ тѣ-же сроки они будутъ получать соотвѣтственно 12 и 18 динаріевъ въ день [1]).

Что подобные регламенты составляли общее явленіе и распространены были по всей Европѣ, объ этомъ можно судить между прочимъ по тому, что въ статутахъ, изданныхъ въ 1269 году мэромъ и гражданами города Сіона въ Валлисѣ на общемъ собраніи значится, что поденьщики не должны получать болѣе двухъ динаріевъ съ харчами или четырехъ безъ харчей, но съ виномъ, или пяти безъ харчей и вина. Косарю полагается нѣсколько больше другихъ рабочихъ: пять динаріевъ съ харчами и семь безъ харчей, по всей вѣроятности, потому что онъ поставляетъ и самое орудіе своего промысла, чего нельзя сказать о другихъ поденьщикахъ [2]).

Изъ всѣхъ видовъ труда тотъ, который отправляется кузнецами и извощиками, всего чаще становится предметомъ правительственной заботливости. Городскіе статуты занимаются его регламентированіемъ наряду съ трудомъ пахарей, косарей и молотильщиковъ; всему этому можно найти иллюстрацію въ статутахъ итальянскихъ муниципій, въ частности города Мантуи, которая въ 1303 году обнародовала настоящій законъ о максимумѣ, по своей обстоятельности превосходящій всѣ доселѣ разобранные [3]).

Чтобы судить о высотѣ заработной платы, необходимо знать предварительно число часовъ, затрачиваемыхъ ежедневно трудящимися. Цеховые статуты содержатъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на счетъ длины фактическаго, а не легальнаго рабочаго дня. Что касается до послѣдняго, то онъ, какъ видно, напримѣръ, изъ ордонансовъ французскихъ королей, обнималъ собою, съ перерывами для полудня и ужина, цѣлыхъ 16 часовъ. Но практика установила другіе размѣры, которые перешли постепенно въ обычай и въ нѣкоторыхъ ремеслахъ подверглись письменной записи.

Частію въ интересахъ добраго качества мануфактуратовъ, частью изъ страха пожара, частью наконецъ

---

[1]) Archivio Storico italiano, 1880 годъ, Dispensa I, V. Statuti del Commune di Anghiara posteriori all'a. 1230. ст. 92 и 93.

[2]) Statuts faits par l'évêque, le viguier, le vidame, le major, le sautier et les citoyens de Sion année 1269. Mai. (Documents, relatifs á l'histoire du Valais par Grimaud).

[3]) Содержаніе его передано въ сообщеніи, сдѣланномъ много на съѣздѣ британской ассоціаціи наукъ въ Оксфордѣ въ 1894 году.

изъ желанія уровнять по возможности условія производства между мастерами и воспрепятствовать росту крупной промышленности въ ущербъ мелкой [1]), цеховые статуты, а за ними постановленія городскихъ совѣтовъ и общіе законы страны не допускали работы ночью. Кого застанутъ послѣ сумерекъ за ткацкимъ станкомъ, читаемъ мы въ одномъ постановленіи франкфуртскаго муниципалитета отъ XIV столѣтія, тотъ платитъ штрафу четыре марки; ему въ тоже время запрещается отправленіе ремесла втеченіе цѣлаго года. Такъ поступаютъ потому, что „ночью нельзя выткать матеріи такъ хорошо, какъ днемъ“ [2]). Страхъ пожара выдается за мотивъ подобныхъ-же запретовъ страсбургскими суконщиками и ткачами въ XIII и XIV столѣтіяхъ; ихъ статуты грозятъ штрафомъ, какъ мастеру, такъ и рабочему, нарушившему этотъ запретъ [3]). Но если рабочій день оканчивался съ наступленіемъ вечера, то начинался онъ съ восхода солнца. Нѣкоторые цеховые статуты Любека содержатъ на этотъ счетъ формальныя предписанія: такъ столяры, занятые изготовленіемъ сундуковъ, включаютъ въ XIV вѣкѣ въ свои регламенты правило, что рабочій день начинается съ четырехъ часовъ утра и оканчивается семью вечера, а точильщики, что работа должна производиться зимою съ шести часовъ, а лѣтомъ съ пяти, и продолжаться до 8 вечера [4]). Во Франціи, какъ показываетъ Фаньезъ, цеховые распорядки сократили въ значительной степени закономъ установленную длину рабочаго дня, такъ что напримѣръ въ цехѣ стригальщиковъ (tondeurs) рабочій день въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ включалъ въ себя не болѣе 9½ часовъ, въ виду ранняго наступленія ночи. въ остальное-же время года онъ былъ болѣе продолжителенъ, такъ какъ заходъ солнца наступалъ позднѣе. Но цеховые статуты находятъ тѣмъ не менѣе средство сократить его еще больше, расширяя время отдыха, не-

---

[1]) „Per los perils del fec et la pravitat et fraus pue se poirra commettre de neyt en lodit obratge“ (ouvrage), объявляютъ нѣкоторые цеховые статуты Тулузы. См. Tableau de l'ancienne organisation du travail dans le midi de la France. Corporations ouvrières de la ville de Toulouse par Antoine du Bourg. 1885 г.; стр. 21. Веревочники Парижа въ XIII в. устанавливаютъ тѣ-же запреты изъ страха „fausse oeuvre“. Ouin—Lacroix. Histoire des anciennes corporations d'arts et métiers dans la capitale de la Normandie, стр. 737— Мы находимъ ихъ и въ цеховыхъ статутахъ Венеціи. Такъ въ регламентѣ бутылочниковъ отъ 1338 г. мы читаемъ. „Ne algun del'arte no olse lavorare de la arte de la terça campana enfino a lo maitino (Museo Correr).

[2]) Stahl. Das deutsche Handwerk. Gieszen. годъ, 1874 стр. 309.

[3]) Schmoller. Die Strasburger Tucher und Weberzunft; стр. 543.

[4]) Wehrman: Die Lübeckischen Zunftrolen. стр. 117.

обходимаго для принятія пищи. Въ меньшинствѣ ихъ мы находимъ правило о перерывѣ работы на два часа для обѣда и на полъ-часа для завтрака, большинство-же сокращаетъ срокъ обѣденнаго отдыха до одного часа [1]). Звономъ колокола, объявляющаго о начатіи вечерни или всенощной, первой въ четыре, второй въ семь часовъ, рабочіе многихъ ремеслъ извѣщаются о прекращеніи денного труда, при чемъ время года рѣшаетъ вопросъ о томъ, наступитъ ли конецъ работы съ вечерни или всенощной. Въ Бельгіи, какъ указано Вандеркиндеромъ [2]) въ его извѣстномъ сочиненіи объ Артефельдахъ и ихъ времени, звономъ колокола объявлялось о начатіи работы, о перерывѣ ея для завтрака и обѣда и о прекращеніи ея съ наступленіемъ ночи. Во французской Фландріи, въ Аміенѣ, Турнэ, Коминѣ [3]), колоколомъ съ городской башни или beffroi оповѣщалось о времени начатія и прекращенія работъ. Любопытный и доселѣ неизданный документъ указываетъ намъ на то, какъ сильно народъ дорожилъ этими колоколами, и не по одной лишь привязанности къ старинѣ. Городъ Провинъ издавна имѣлъ свой колоколъ; звономъ его созываемы были, какъ значится въ поданной королю петиціи, и рабочіе въ шерстяномъ производствѣ, и хлѣбопашцы лежащихъ близъ города селеній. Въ наказаніе за мятежъ правительство предписало снять колоколъ; онъ былъ „сорванъ и осужденъ", говорится на картинномъ языкѣ просителей, такъ что въ настоящее время рабочіе не знаютъ, когда начать, когда окончить свой денной трудъ. Король Филиппъ Валуа въ отвѣтъ на ходатайство о возвращеніи колокола даетъ приказъ о томъ, чтобы впредь начатіе работъ объявляемо было звономъ съ двухъ колоколенъ: святого Гвината и королевской часовни. Въ этой послѣдней предписано звонить въ колоколъ, именуемый Jaquete la laveuse, а не въ какой либо другой).

Не менѣе важное значеніе имѣетъ для всякого, желающаго сравнить условія рабочаго люда въ средніе вѣка съ настоящими, вопросъ о числѣ дней обязательнаго отдыха. Съ самаго начала бросается въ глаза тотъ фактъ, что эта обязанность, признаваемая въ настоящее время лишь немногими странами, въ томъ числѣ Ан

[1]) Fagniez. De l'industrie et des classes industrelles en France au XIII et XIV s. стр. 83.
[2]) Vanderkinder. Le siècle des Artevelde. стр. 112.
[3]) Monuments inédits pour servir à l'histoire du Tiers état. I, стр. 516.
[4]) Gracia facta operariis de Pruvino quod ad sonum cuiusdam campanae possint dimittere opus suum, Mai 1319 г. (Archives Nationales J. J. 77, f 253, № 416.)

глiей, пользовалась въ XIII и XIV вѣкахъ общимъ признанiемъ. Самая забота о поддержанiи равенства условiй между промышленниками заставляла цеховые статуты включать однообразно въ число своихъ постановленiй параграфъ de diebus festivis celebrandis. Цеховыя власти должны были слѣдить за строгимъ его соблюденiемъ и подвергали штрафу виновныхъ. Очень поучительны въ этомъ отношенiи статуты нѣкоторыхъ ремеслъ Флоренцiи и Венецiи, напримѣръ, въ первой, фабрикантовъ тонкихъ суконъ отъ XIII столѣтiя, а во второй—корабельщиковъ и рабочихъ, занятыхъ производствомъ веселъ, отъ 1255 и 1380 годовъ [1]).

Во Францiи, говоритъ господинъ Фаньезъ, кромѣ воскресенiй, запрещено было работать на Рождество, Крещенiе, Пасху, Вознесенiе, Пятидесятницу, праздникъ Тѣла Господня и Троицынъ день, въ пять праздниковъ Богородицы, въ праздникъ всѣхъ святыхъ, въ день святыхъ Апостоловъ, въ праздникъ Iоанна Крестителя и въ день церковнаго патрона корпорацiи. Въ субботу, какъ и наканунѣ праздниковъ, работа оканчивалась раньше обычнаго времени. [2]) Не меньше число дней посвящаемо было обязательному отдыху въ Англiи, гдѣ, по вычисленiю Роджерса [3]), четвертая, если не третья часть года, отходила подъ праздника, а также въ Германiи, гдѣ весьма распространенъ былъ въ средѣ рабочихъ обычай праздновать сверхъ воскресенья и понедѣльникъ. Въ пѣснѣ сапожниковъ недаромъ значится: понедѣльникъ родной братъ воскресенья (Montag jst Sonntagsbruder) [4]). Ограниченность обмѣна, почти полное отсутствiе того, что мы разумѣемъ подъ обращенiемъ богатствъ, прiуроченiе промышленности къ удовлетворенiю исключительно мѣстнаго спроса, дѣлали возможнымъ сокращенiе числа рабочихъ дней и часовъ безъ ущерба для обычныхъ клiентовъ, а желанiе предотвратить ростъ крупной промышленности и сохранить равентсво условiй между мастерами, въ связи съ религiозностью, дѣлали обще-обязательнымъ запретъ о соблюденiи воскресныхъ и праздничныхъ дней. Такъ какъ большинство рабочихъ получало содержанiе отъ хозяина, то всѣ только что указанныя постановленiя,

[1]) Statuta artis Calimale, III libro § 5—Capitular. callefatorum (Ducange объясняетъ что этимъ именемъ обозначаемы были кораблестроители) отъ 1255 г. (Archivio di stato. Venezia) и Captulare dei rameri, 1380 г. (Miseo Civico Corres).

[2]) Fagniez, стр. 117.

[3]) History of agriculture and prices, т. I.

[4]) Schanz. Gesellenverbände, стр. 320.

очевидно, клонились къ ихъ пользѣ. Обезпеченный въ отношеніи къ продовольствію рабочій легче могъ удовольствоваться незначительностью поденной платы, такъ какъ послѣдняя шла на удовлетвореніе однихъ второстепенныхъ потребностей. Къ тому-же абсолютно не высокая, она относительно представлялась далеко не ничтожной. Объ этомъ можно судить хотя-бы по тому, что вознагражденіе въ два динарія признается достаточнымъ для покрытія издержекъ на харчи, такъ что хозяинъ, не принимающій ихъ на свой счетъ, обязанъ платить рабочему четыре динарія вмѣсто двухъ. Мы не считаемъ возможнымъ дать болѣе точнаго опредѣленія высоты заработной платы, переводя стоимость динаріевъ и солидовъ на наши деньги, такъ какъ, благодаря частому измѣненію въ легальномъ курсѣ монетъ и обезцѣненію ихъ не рѣдкой фальсификаціей мѣновыхъ знаковъ правительствомъ, почти немыслимъ переводъ ихъ на наши деньги. Можно было-бы передать ихъ покупательную силу одновременной цѣной хлѣба, но такъ какъ содержаніе рабочаго было обезпечено, то для насъ большее значеніе имѣли-бы свѣдѣнія о цѣнѣ другихъ предметовъ, необходимыхъ въ обиходѣ. Но эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію, весьма скудны и дошли до насъ только отъ нѣкоторыхъ эпохъ. Поэтому лучше удовольствоваться тѣмъ общимъ заключеніемъ, какое даетъ фактъ затраты рабочимъ всей половины его заработка на собственное содержаніе, фактъ, не оставляющій сомнѣнія въ томъ, что средневѣковый пролетарій былъ по крайней мѣрѣ внѣ страха голодной смерти, какой грозятъ современному экономическіе кризисы и забастовки предпринимателей.

Изъ всего сказаннаго не мудрено заключить, что идея регламентаціи заработной платы не можетъ быть пріурочена ни къ какому опредѣленному столѣтію и что въ частности она пользовалась уже общимъ признаніемъ въ то время, когда опустошенія, причиненныя моровой язвой 1348 года, измѣнили отношеніе спроса къ предложенію къ выгодѣ трудящагося люда.

Максимъ Ковалевскій.

12

Злая роса.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Жизнь.

„Правда, мы жатву собрали... Но отчего всѣ плоды были блеклы и гнилы? Какая злая роса упала на нихъ въ послѣднюю ночь?..“

„Такъ говорилъ Заратустра“.

Неужели-же вы никогда не любили?

Вопросъ прозвучалъ недовѣрчиво и робко.

Она стояла передъ нимъ въ ожиданіи отвѣта.

Темные хорошенькіе глазки, пухлыя губки, безхарактерное матово-бѣлое лицо, съ мягкими чертами. Много такихъ лицъ.

Но въ эту минуту, поблѣднѣвшее отъ волненія, оно было интересно.

Бородинъ сидѣлъ чуть сгорбившись, запрятавъ между колѣнъ вытянутыя руки и опустивъ крупную темноволосую голову. Его всегда холодные сѣрые глаза упорно глядѣли внизъ, на узоръ ковра.

Наконецъ, онъ поднялъ голову и грустно взглянулъ на Катю.

— Я, кажется... неспособенъ любить.

Онъ взялъ руку дѣвушки и притянулъ ее къ себѣ увѣреннымъ, властнымъ движеніемъ.

Она покорно сѣла около, не сводя глазъ съ этого характернаго, неправильнаго лица, съ высокимъ задумчивымъ лбомъ, съ странно-очерченными бровями, чер-

ными и сросшимися, которыя придавали этому лицу что-то необыденное, печальное, почти трагическое.

Бородинъ былъ очень эффектенъ. Неудивительно, что Катѣ казалось, будто она никого не встрѣчала красивѣе.

Онъ заговорилъ опять. Звукъ его голоса, мягкій и нѣжный, совсѣмъ не гармонировалъ съ его высокой, плотной фигурой. Катѣ долго казался неестественнымъ и смѣшнымъ этотъ мягкій голосъ. Потомъ она привыкла, а теперь этотъ недостатокъ ей даже нравился.

— Пріятныя впечатлѣнія... Вотъ одно, изъ-за чего стоитъ жить. Любовь... страсть...

Онъ задумался на мгновеніе.

— Да, это необычно. И какъ необычное это манитъ. Но...

— Опять но? Вѣчно эти но!

— Какая любовь въ самомъ близкомъ будущемъ не грозитъ пошлостью и прозой? А главное, любовь обязываетъ. А всякія обязательства принижаютъ свободную душу.

Бородинъ иронически улыбнулся.

У него была странная улыбка, полная нѣжности, печали и сарказма. Усы и небольшая модная бородка скрадывали красоту этого тонко-очерченнаго рта, въ линіяхъ котораго было что-то безвольное и въ то-же время жестокое.

— Вы совсѣмъ—совсѣмъ не тотъ, какимъ я васъ считала, когда мы познакомились,—задумчиво сказала Катя.—Мнѣ говорилъ Шиманскій...

Глаза Бородина остро глянули въ ея лицо.

— Что онъ вамъ говорилъ?

— Ахъ! Много! Вы были такой необыкновенный, когда васъ исключили изъ университета.

— Это было давно, — чуть слышно уронилъ Бородинъ и сталъ играть пухлыми пальчиками Кати, перебирая ихъ съ затаенной холодной чувственностью въ движеніяхъ, вкрадчивыхъ и дерзкихъ.

— Ну какъ давно? Какихъ нибудь пять лѣтъ?

— Это вѣчность,—усмѣхнулся Бородинъ.

— Онъ говорилъ, что вы спали на доскахъ. Это вы-то? Ха!.. Ха!.. Ха! Вы только на мягкой мебели и любите сидѣть. Избѣгали женщинъ! Чудеса! Кажется, нѣтъ барышни, за которой вы-бы не ухаживали.

Ревнивая искорка сверкнула въ зрачкахъ Кати.

— Это вамъ тоже сообщилъ Шиманскій?

Бородинъ поднесъ къ губамъ пальцы Кати, но не поцѣловалъ ихъ, а только провелъ ими по горячей кожѣ

своихъ губъ, какъ-бы наслаждаясь этимъ прикосновеніемъ, какъ-бы дразня.

Себя или ее?

Катя вздрогнула.

— Вамъ холодно?—вкрадчиво спросилъ онъ.

Она на минуту потеряла нить разговора. Въ широко-открытыхъ глазахъ ея, устремленныхъ на Бородина, мелькнуло выраженіе страха.

Она его совсѣмъ не понимала, но потому-то онъ имѣлъ такую необъяснимую власть надъ этой капризной, богатой барышней.

— Постойте... Что я говорила?.. Да... Правда, что вы... не помню когда... лѣтомъ какъ-то... давно... жили на два рубля въ мѣсяцъ?

— Я былъ безъ мѣста тогда. Это такъ просто.

— Нѣтъ, я не могу этого понять. Какая сила воли!

— Милліоны людей живутъ не лучше... и всю жизнь.

— Ну да, нищіе... но вы? Вообще вы были такой... такой герой,—задумчиво и восторженно прошептала Катя.

Бородинъ зло засмѣялся.

— Герои, какъ персики, не для нашего климата. Они чахнутъ, не успѣвъ созрѣть. Это легенда, Катя, не больше.

— Что легенда?

— На доскахъ я спалъ только двѣ ночи и нашелъ этотъ подвигъ... неудобнымъ. Не вѣрьте Шиманскому. Или слушайте его, какъ волшебную сказку. Это—ораторъ безъ трибуны, непризнанный поэтъ. Онъ наслаждается музыкой собственныхъ рѣчей, какъ... глухарь на току.

Катя разсмѣялась и ударила Бородина ласково и мягко по рукѣ.

— Ахъ, злючка! Какая вы злючка, Вадимъ Григорьичъ!

Они помолчали, сидя тѣсно рядомъ, плечомъ къ плечу.

— А за что васъ исключили тогда?

— За идеи.

— За какія?

— Спросите Шиманскаго. Онъ вѣдь все знаетъ.

— Да, онъ тоже говоритъ, что вы теперь совсѣмъ другой человѣкъ. Надъ прежнимъ смѣетесь...

— Онъ лжетъ,—съ неожиданной рѣзкостью перебилъ Бородинъ и брови его сдвинулись, придавъ лицу суровость.

Жадно раскрывъ губки, Катя глядѣла съ удивле-

ніемъ. Такого тона, такого выраженія не приходилось ни слышать, ни видѣть.

А онъ тихо, печально говорилъ, глядя въ пространство:

> Въ моей душѣ остался слѣдъ
> Забытыхъ... но святыхъ видѣній.
> И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ...

Его голосъ упалъ до шопота.

„Какая удивительная тонкость“!—подумалъ онъ съ наслажденіемъ.—„И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ...“ Въ пору современнымъ декадентамъ“.

— Чье это?—спросила Катя.

Онъ сбоку поглядѣлъ на нее.

— Мое...

И ноздри его дрогнули отъ сдержаннаго смѣха.

Она повѣрила и задумалась опять.

— Ахъ, да... съ вами ужасно хочетъ познакомиться Похлебкинъ.

— Кто?

Ноги Бородина дрогнули такъ сильно, словно рядомъ раздался выстрѣлъ.

— Фу! Какъ вы меня испугали!

Лицо Бородина выражало страданіе.

— Простите. Это отъ неожиданности. Такая фамилія...

— Дѣйствительно, некрасивая. Но онъ очень талантливый поэтъ. Чему вы?

Бородинъ, откинувшись на спинку дивана, хохоталъ громко, искренно, даже безъ злобы.

— Чему вы?—повторила Катя съ досадой. Она очень гордилась знакомствомъ съ начинающимъ поэтомъ.

— Ха!.. Ха..! Похлебкинъ—поэтъ. На что-же онъ—несчастный—разсчитываетъ?

— Вы право невозможны... Развѣ человѣкъ виноватъ, что у него такая фамилія?

— Нѣтъ, конечно. Но... такое несчастье обязываетъ къ скромности. Онъ долженъ быть мирнымъ обывателемъ и... открыть кухмистерскую.

— Онъ можетъ себѣ псевдонимъ выбрать. Что-жъ такого?

— Псевдонимъ отъ рожденія. Это было бы остроумнѣе. Неужели онъ еще не выбралъ его? О чемъ онъ думаетъ? Несчастный!

— Боже мой! Какой вы иногда бываете противный!

— Вы хотите сказать „всегда“? О да, многоуважаемая Катерина Федоровна, я никому не внушаю симпатіи...

— Послушайте, я съ вами говорю серьезно...

— И я серьезенъ... клянусь собакой!

— Опять? Опять? Ну что за вульгарное выраженіе? Вы такъ всегда возмущаетесь всѣмъ... банальнымъ. А сами?

— Виноватъ. Это слова Сократа... Я не зналъ, что онъ баналенъ.

— Я молчу,—обидчиво, дрогнувшимъ голосомъ сказала Катя.

Бородинъ тихонько положилъ руку на талію дѣвушки.

Она задрожала.

Сколько разъ онъ это дѣлалъ, но она все-таки не привыкла къ его близости. И больнѣе всего было то, что самъ онъ оставался всегда безстрастнымъ.

Какъ-будто онъ дѣлалъ это только для нея.

— Зачѣмъ это?—прошептала она, чуть задыхаясь отъ сердцебіенія.

Ея поблѣднѣвшее лицо съ расширившимися зрачками было такъ близко.

Онъ поглядѣлъ въ него какъ-то жадно, но не поцѣловалъ.

— Вамъ непріятно?—спросилъ онъ вѣжливо и чуть отстраняясь.

— Нѣтъ... Я не то... Я... Ахъ!... Все равно...

Она страстно прильнула къ нему и закрыла глаза отъ наслажденія. Она была хорошенькая въ эту минуту.

— Кто-же еще ищетъ моего знакомства? — спросилъ иронически Бородинъ.

Она разочарованно вздохнула и открыла глаза. Въ зеркалѣ на стѣнѣ, противъ нихъ, отражались ихъ фигуры, ихъ позы.—Она глядѣла туда, не отрываясь.

— Офицеръ одинъ.

— Красивый?

— Да...

— Вашъ новый поклонникъ?

— Д-да..

— Интересный?

— Очень...

— Вотъ какъ!—послѣ паузы протянулъ Бородинъ.— Его зовутъ...

— Преображенскій... Николай Ильичъ... Онъ—въ ростовскомъ полку.

Бородинъ шепталъ что-то.

— Что вы говорите?

— Нѣтъ, такъ,—невинно произнесъ онъ.—Я считаю...

— Что вы считаете?

— Пре...о..бра...жен...скій... (Бородинъ загибалъ пальцы на рукѣ Кати).

— Пять слоговъ... четырнадцать буквъ... Это ужасно.

— Это только вамъ придетъ въ голову такой вздоръ!

Катя совсѣмъ ужъ разсердилась.

— Милый другъ, чѣмъ я виноватъ?—кротко говорилъ Бородинъ.—Нельзя любить человѣка съ пятиэтажной фамиліей... Мадамъ Пре...о...бра...жен...ска...я... О! Это слишкомъ. Такая фамилія съ успѣхомъ замѣнитъ шлейфъ... который опять входитъ въ моду. Я никогда не могъ бы увлечься мадамъ Пре...о...бра...жен...ской...

— Шутки въ сторону!—капризнымъ тономъ сказала дѣвушка.—Приходите завтра. Они всѣ будутъ. Они такъ много слышали о васъ... Придете?

— Нѣтъ...

— Почему-же? Я васъ прошу.

— Я не люблю людей, особенно новыхъ знакомствъ. Мнѣ ихъ не надо. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ вѣчно подавать надежды. Прошу и васъ не видѣть во мнѣ какого-то... трагическаго героя. Я бездаренъ для такого амплуа. Я только зритель партере, безстрастный зритель, который снисходительно апплодируетъ тѣмъ, кто красиво бьется или умираетъ на подмосткахъ, но никогда не забудется до восторговъ и криковъ экспансивнаго райка.

Онъ говорилъ какъ-будто увлекаясь, но съ чуть замѣтной ироніей.

Когда-же онъ смолкъ и сбоку взглянулъ на Катю, то почувствовалъ, что все это ей непонятно и даже ненужно. И ему вдругъ стало скучно и захотѣлось уйти.

А между тѣмъ онъ любилъ здѣсь бывать.

Ему нравилась эта розовая, нарядная, дѣвическая комната, съ бездѣлушками на этажеркѣ и серебряной горкой въ углу, съ маленькимъ письменнымъ столомъ, за которымъ Катя писала свой „дневникъ", съ пышными фикусами и пальмой у окна, съ мягкой мебелью, обитой нѣжнымъ кретономъ. Розовый свѣтъ фонарика бросалъ теплые, живые тоны на блѣдное личико Кати и дѣлалъ ее самое незауряднѣе, поэтичнѣе словно.

Бородинъ любилъ сидѣть на этомъ мягкомъ пружинномъ диванчикѣ, полузакрывъ глаза, положивъ голову на грудь этой дѣвушки; любилъ молчать. Въ эти минуты, пріятно возбужденный близостью молодого женскаго тѣла, онъ грезилъ о любви женщины,—неизвѣстной, далекой, которая когда-нибудь дастъ ему счастье. А чаще

грезы эти были совсѣмъ безпредметны. Какіе-то призраки чувствъ, неуловимые и таинственные, зарождались и гасли.

Какъ жаль только, что это настроеніе было такъ мимолетно! Одно неумѣстное замѣчаніе Кати, какой-нибудь вульгарный жесть - и очарованіе исчезало.

— Шиманскій уѣзжаетъ завтра, — вдругъ сказала Катя.—Бросаетъ университетъ. Придетъ проститься.

— Куда ѣдетъ?

— Не знаю. Это тайна.

Бородинъ засмѣялся.

— Это тоже легенда. Онъ никогда не кончитъ университета и никуда не уѣдетъ. Хотите, поспоримъ? На моей памяти онъ уже пятый разъ приходитъ прощаться... и никуда не ѣдетъ.

— Почему?

— Должно-быть, нѣтъ чемодана, чтобъ вмѣстить весь его багажъ.

— Ба-гажъ у Шиманскаго? Да вѣдь онъ такой бѣдный.

— А можетъ-быть и такъ. Въ дальній путь, да еще на подвиги трудно ѣхать налегкѣ. Я тоже думаю, что багажъ его невеликъ.

— Вы говорите какими-то загадками,—устало бросила Катя.

Бородинъ встрепенулся. Онъ еще ближе притянулъ къ себѣ дѣвушку и прислонился головой къ ея плечу. Его волосы защекотали ей край щеки и ухо.

Катя стиснула руки и стала нервно ломать ихъ.

На губахъ Бородина змѣилась тонкая усмѣшка.

— Зачѣмъ это? Зачѣмъ?

Онъ молчалъ.

— Но вѣдь вы-же не любите меня!—истерически крикнула она и замерла, испугавшись своей смѣлости.

— Я никого не люблю, — отвѣтилъ Бородинъ такъ мягко, какъ другіе говорятъ: „я никогда тебя не забуду"...

Губы Кати дрогнули.

— Оставьте! Это игра. Я не хочу, чтобъ вы мной играли...

Лицо Бородина сразу сдѣлалось безучастнымъ и непроницаемымъ.

Онъ всталъ и пересѣлъ на стулъ, у окна. Его длинные пальцы нервно дергали бородку.

Катя вскочила и глядѣла на него, тяжело дыша. Лицо ея отразило внутреннюю борьбу.

— Будьте осторожны, за нами слѣдятъ, — вдругъ прошепталъ Бородинъ, не мѣняя позы.

Катя кинула боковой недоумѣвающій взглядъ въ зеркало и вдругъ испуганно закричала:

— Кто это? Кто это?

Въ дверь, между розовыми портьерами высунулась чья-то голова.

— Это я. Что ты кричишь?

Хозяйка дома, съ плоскимъ лицомъ, съ мѣшками подъ припухшими рысьими глазами, бокомъ вошла въ комнату.

Катя быстро обернулась на ея голосъ и краска залила ея лицо.

— Ну можно-ли такъ пугать, мамаша? Боже мой! Со мной когда-нибудь припадокъ сдѣлается...

— Какія нѣжности!—кисло улыбнулась m-me Степанова.—Идите чай пить... Тамъ Ивановы пріѣхали, Катя. Выйдешь?

— Ахъ, мамаша! Сколько разъ я вамъ говорила, что мнѣ ваши гости неинтересны! Скажите, что у меня голова болитъ...

M-me Степанова колебалась, враждебно поглядывая на Бородина.

— Видишь-ли? Въ передней тамъ галоши и пальто Вадима Григорьича...

— Виноватъ, — смиренно произнесъ Бородинъ, не подымая глазъ.

Катя взглянула на него и расхохоталась.

— Въ чемъ вы виноваты? Что у васъ галоши есть?

— Да... съ точки зрѣнія многоуважаемой Анны Павловны.

— Придете что-ли? — спросила хозяйка, опасливо взглянувъ на гостя.

Катя безпокойно глазами спросила Бородина, какъ ей быть?

— „Идите",—сказалъ его взглядъ.

— Хорошо, придемъ сейчасъ, — упавшимъ звукомъ отвѣтила она, проводила мать до двери и безшумно заперла задвижку.

Бородинъ все сидѣлъ на кончикѣ стула. Видно было, что ему очень скучно и что онъ собирается уйти.

Катя опустилась на диванчикъ.

— Подите сюда...Сядьте!—умоляюще прошептала она.

Онъ поглядѣлъ на дверь.

— Я заперла. Не бойтесь...

— Вы поступаете неосторожно, Катерина Федоровна.

— Ахъ, будетъ! Потомъ... Какое мнѣ до нихъ дѣло? Ну, подите сюда...

Онъ перешелъ комнату развинченной походкой, съ видомъ человѣка, изъ котораго вынули кости.

— Сядьте ближе... Зачѣмъ вы сердитесь? Возьмите мою руку...

— Зачѣмъ? Не нужно...

Ея губы задрожали.

Бородинъ видѣлъ, что она сейчасъ заплачетъ. Онъ взялъ ея пухлую ручку и сталъ тихо гладить ее.

Вдругъ она поблѣднѣла и наклонилась къ нему лицомъ.

— А что... еслибъ я сказала вамъ... что... люблю васъ? Вы повѣрили-бы?

— Нѣтъ.

Она задыхалась.

— А если это правда?

— Вамъ это кажется,—деревяннымъ тономъ отвѣтилъ Бородинъ, выпустилъ ея руку и всталъ.

— Подите сюда!—съ дрожью въ голосѣ крикнула Катя.—Зачѣмъ ушли? Сядьте опять... И... и... обнимите меня...

Бородинъ колебался съ секунду, закусивъ губы и хмурясь.

Она вскочила вдругъ, съ загорѣвшимися щеками.

— Трусъ!.. Трусъ!.. Жалкій трусъ!—крикнула она, въ упоръ глядя въ его дрогнувшее лицо.—Васъ презирать надо... А не любить... Зачѣмъ вы все это продѣлывали со мной? Чего хотѣли?

— Виноватъ,—вѣжливо перебилъ Бородинъ, и Катѣ вдругъ стало холодно подъ его взглядомъ. — Я дѣлалъ съ вами только то, чего вы сами хотѣли. Въ чемъ вы можете меня упрекнуть? И въ чемъ моя трусость, многоуважаемая Катерина Федоровна?

— Вы боитесь искренней любви. Вамъ страшно, что вашъ покой нарушатъ. Ахъ! Какъ я отлично поняла васъ за эти два раза! Я вижу васъ — всего, насквозь...

Она зло смѣялась, вытягивая и нервно ломая руки, и дѣлая ими странные, безсознательные жесты, за которыми Бородинъ внимательно слѣдилъ изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ.

— Жаль, что нѣтъ флейты,—процѣдилъ онъ, еле шевеля губами, выждавъ, когда она смолкла.

Она такъ и вскинулась, съ затрепетавшими отъ обиды вѣками.

— Флейта? Зачѣмъ флейта?

— Я, какъ Гамлетъ, предложилъ бы вамъ сыграть на ней.

Она не поняла и совсѣмъ упала духомъ.

Кто-то дернулъ за ручку двери, потомъ постучалъ.

— Ну, что еще? Ну, кто тамъ?—злобно взвизгнула Катя и топнула ногой.

Бородинъ скривился, какъ-будто по стеклу провели пробкой.

Катя откинула задвижку.

Въ дверь выглянуло розовое личико пятнадцатилѣтней Лизы Степановой.

Она сощурилась влюбленными глазами на Бородина и онъ ласково ей улыбнулся.

— Чай пить идите! Тамъ пришелъ Шиманскій. Мама тебя зоветъ.

— Ну, ступай, ступай!.. Хорошо...

Каблучки Лизы быстро и легко отзвучали въ коридорѣ.

Катя робко оглянулась на Бородина и ничего не прочла въ его лицѣ.

— Вы сердитесь?

— Нѣтъ,—безучастно отвѣтилъ онъ. Но это было хуже всего, и лицо Кати приняло плачущее выраженіе.

— Простите меня,—прошептала она.

— Васъ ждутъ,—напомнилъ Бородинъ и, вставъ, началъ потихоньку подвигаться къ выходу.

Она шла за нимъ, какъ лунатикъ. У двери она вдругъ поблѣднѣла, странно улыбнулась, взяла его руку и поднесла къ губамъ.

Зрачки Бородина расширились.

— Этого... не надо дѣлать,—прошепталъ онъ мягко.

— Ахъ! Все равно!

Она вдругъ тихонько засмѣялась, все съ тѣмъ-же страннымъ блуждающимъ взглядомъ.

— Отчего не надо?—опомнилась она, махнула рукой и повторила:

— Все равно...

— Вы мнѣ этого потомъ сами не простите,—медленно отвѣтилъ Бородинъ, жадно любуясь необычнымъ выраженіемъ этого сразу измѣнившагося лица.

— Приходите скорѣй,—прошептала она, улыбаясь, какъ морфинистка, очевидно думая свое и не слыша отвѣта.

II.

— Уходишь?.. Здравствуй... А я думалъ, мы вмѣстѣ выйдемъ. Я зашелъ только проститься. Подожди меня...

Такъ говорилъ Шиманскій, выскакивая въ переднюю, гдѣ одѣвался Бородинъ.

Шиманскій—стройный, бѣлокурый, безъ бороды, въ очкахъ, съ испитымъ, желчнымъ и умнымъ лицомъ, выжидательно глядѣлъ въ лицо товарища чуть воспаленными глазами съ красноватыми вѣками.

Бородинъ тщательно застегивалъ пуговицы пальто и дѣлалъ видъ, что ищетъ свои галоши подъ вѣшалкой.

— Ты завтра ѣдешь?—кротко спросилъ онъ.

— То есть... да... на-дняхъ; вѣрнѣе... Надо бумаги взять... заявить...

— Совсѣмъ бросаешь?—нѣжными звуками продолжалъ Бородинъ, надѣвая галоши.

— Беру отпускъ...

— Надолго?

— Видишь ли... это зависитъ...

— Ага!—перебилъ Бородинъ и прямо глянулъ въ вспыхнувшее лицо Шиманскаго.—Ты даже не получилъ отпуска?

Въ эти невинныя слова онъ вложилъ столько сарказма, что Шиманскій какъ-то передернулся весь и сталъ быстро, нервно потирать руки, красныя и грубыя, какъ у рабочаго.

— Ты, кажется, сомнѣваешься въ моемъ твердомъ рѣшеніи пойти по новой дорогѣ? И покончить со старымъ?

Голосъ его такъ и зазвенѣлъ.

— Виноватъ. Твои твердыя рѣшенія — это зыбучій песокъ. Горе тому, кто ему довѣрится.

— Мы съ тобой почти полгода не встрѣчались. Ты... ушелъ какъ-то отъ меня. Господь тебя знаетъ, что у тебя на умѣ?—зашепталъ Шиманскій, близко придвигая свое лицо къ товарищу.—Ну, да не въ томъ дѣло,— вдругъ страшно заспѣшилъ онъ, встрѣтивъ тотъ-же ледяной взглядъ, какъ бы сковывавшій его порывы, и какъ-то весь съежившись и избѣгая глядѣть.—Мнѣ вотъ самому всѣ дни надо было видѣть тебя, поговорить... выяснить кое-что передъ разлукой... хоть ты и не вѣришь... Ну, да Богъ съ тобой! Я-то отъ старой дружбы не отрекаюсь... Нарочно сюда шелъ... знаю, что ты сюда постоянно теперь ходишь.

Онъ вдругъ поднялъ голову и глаза его показались Бородину злыми.

— Въ сущности говоря... это твоя вѣчная манера судить съ кондачка о людяхъ... манера олимпійца... Мы не видались полгода... Перемѣны могли быть за это время, или нѣтъ?

— Въ послѣдній разъ мы говорили въ маѣ,—медленно и отчетливо заговорилъ Бородинъ.—Ты собирался работать въ столовыхъ, въ Воронежскую губернію ѣхалъ и... очутился на дачѣ въ Кунцевѣ... До свиданья!

Онъ кивнулъ головой и вышелъ.

Шиманскій, съ потемнѣвшимъ лицомъ, стоялъ съ минуту, выпрямясь, почти не дыша.

Дверь скрипнула.

— Шиманчикъ?.. Ау!—шепнула кокетливо Лиза и сдѣлала ему ручкой.—А гдѣ-же Бородинъ?

— Милая Лизанька,—безсознательно прошепталъ Шиманскій и съ искусственной веселостью обнялъ хрупкую талію дѣвочки.

III.

Бородинъ шелъ домой.

Былъ только одиннадцатый часъ вечера, но городъ словно вымеръ.

У воротъ кое-гдѣ чернѣли неподвижныя фигуры, закутанныя въ тулупы. Озаренныя мигавшими на вѣтру фонарями улицы были пусты.

И на душѣ Бородина было также пусто.

Онъ давно зналъ Катю Степанову, но раньше какъ-то совсѣмъ не замѣчалъ ее. Она была изъ богатой семьи мѣщанъ, игравшихъ во дворянство, кончила въ гимназіи.

Разъ зимою онъ провожалъ ее ночью изъ клуба, послѣ какого-то концерта и танцовальнаго вечера. Они ѣхали въ саняхъ. Было холодно.

Катя вдругъ начала говорить что-то сбивчивое, такъ стремительно и внезапно, съ истерическими нотками въ голосѣ.

— Жизнь—такая тоска! Нѣтъ цѣли и смысла, нѣтъ порядочныхъ людей. Вѣрить некому...

Бородинъ слушалъ, удивленный. Эта неудовлетворенность въ чужой душѣ—была такъ неожиданна, но близка ему. Онъ только что собирался сказать ей нѣсколько сочувственныхъ фразъ и намекнуть ей о собственной тоскѣ и душевномъ одиночествѣ, — только что пригото-

вился развить передъ ней цѣлую картину нравственнаго вырожденія въ обществѣ,—какъ вдругъ, безъ всякой логики и послѣдовательности, Катя прижалась головой къ его груди.

— Я люблю васъ... люблю,— какъ-то странно всхлипнувъ, сказала она, совсѣмъ забывъ объ извозчикѣ.

Это настолько не слѣдовало изъ всего предыдущаго, что Бородинъ вздрогнулъ и замеръ.

— Что дѣлать? Поцѣловать?.. Руку?.. Въ губы?...

Но онъ вспомнилъ, что усы его заиндевѣли, и не отвѣтилъ ни словомъ, ни жестомъ на этотъ порывъ.

„Возненавидитъ?.. Завтра все пройдетъ... Опомнится... Это истерія",—думалъ онъ.

Она отвернулась. Можетъ быть, плакала.

Онъ глядѣлъ впередъ, не шевелясь, какъ скованный.

Когда доѣхали до ея квартиры, Катя протянула руку. Онъ крѣпко, но все-таки молча пожалъ ее. Она не пригласила зайти, было поздно. А, можетъ быть, она боялась заговорить, чтобъ не разрыдаться.

Она, конечно, ждала его на другой день.

Онъ это зналъ и чувствовалъ себя угнетеннымъ, какъ человѣкъ, сдѣлавшій крупный заемъ, безъ надежды вернуть свой долгъ. Два раза онъ подходилъ къ дому, гдѣ жила Катя, подымался на крыльцо и, постоявъ съ минуту передъ дверью, медленно шелъ назадъ. Потомъ лѣнь пересилила любопытство.

И такъ прошло два мѣсяца.

Бородину было жаль Катю. Онъ зналъ теперь, что она томится не отъ бездѣйствія, а отъ жажды любви.

А въ такія минуты сближаться опасно,—говорилъ онъ себѣ.—Не надо сильныхъ страстей, не надо близкихъ отношеній! Не надо цѣпей.

Онъ слишкомъ мало думалъ о ней. Она была ординарна.

Весной они случайно встрѣтились на бульварѣ. Она предложила сѣсть на скамью.

— Мнѣ надо съ вами говорить.

Онъ сѣлъ покорно, скучающій, но не враждебный.

И опять также внезапно она взволновалась.

— Жизнь такъ безцѣльна. Такая невыносимая тоска! Вы—хорошій, умный... Научите, чѣмъ наполнить жизнь? Что дѣлать?

Онъ прищурился на ея миловидный профиль и полную шейку, бѣлѣвшую изъ-подъ воротника и узла русыхъ волосъ.

— Это вопросъ роковой. *Что дѣлать?* спрашиваетъ тотъ, кто никогда ничего не сдѣлаетъ. А кто созданъ для

дѣла, тотъ никогда не спрашиваетъ: *Что дѣлать?* — усмѣхнулся онъ, чуть замѣтно передразнивая Катю.

Она растерянно поморгала и онъ почувствовалъ, что она уже забыла о своемъ вопросѣ.

— Я рѣшила поступить на фельдшерскіе курсы. Что вы думаете? Скажите. Я хочу знать, что вы думаете?

— „Блажь",—хотѣлось ему отвѣтить, но онъ только пожалъ плечами. Тѣнь скуки прошла по его чертамъ.

Но, чтобъ отдѣлаться, ему оставалось одобрить.

— Надо не подавлять желаній, это главное,—сказалъ Бородинъ.—Подавленное желаніе—это—кредиторъ, который хоть поздно, но предъявитъ свой вексель. Если хотите учиться, поступайте на курсы. Я вотъ въ любительскихъ спектакляхъ принимаю участіе.

— Вы?—поразилась Катя и вдругъ расхохоталась.— Въ какихъ-же роляхъ?

— Не все ли равно? Тутъ дѣло въ обстановкѣ, въ этой особенной пошловатой атмосферѣ... флирта, цинизма и безъидейности.

— Что-же васъ привлекаетъ? Тамъ есть хорошенькія?

— Есть... А, главное, боишься, что если откажешься теперь отъ этихъ ощущеньицъ, то пожалѣешь объ этомъ въ сорокъ лѣтъ, когда ничего не вернешь. Совѣтую и вамъ проникнуться этой теоріей... чтобъ не прогадать жизни.

Онъ улыбнулся и Катя опять не умѣла рѣшить, говоритъ ли онъ серьезно или глумится надъ ней?

Вдругъ глаза ея блеснули.

— Ахъ, теперь я поняла, за что Шиманскій васъ пре?... то есть, что онъ подразумѣвалъ... говоря... что вы...

— Не стѣсняйтесь, пожалуйста. Меня очень умиляетъ эта забота Шиманскаго. Онъ, конечно, постарался меня дискредитировать... въ качествѣ друга...

— Нѣтъ... Въ самомъ дѣлѣ, это какъ-то странно.— Она пожала круглыми плечиками.—Отъ васъ... я этого не ждала.

Бородинъ усмѣхнулся.

Прощаясь, Катя сказала:

— Приходите... Завтра я буду одна.

Онъ взглянулъ на нее пристально.

Она была хорошенькая и красиво одѣта.

Она замѣтно похудѣла и съ этой тревогой въ глазахъ, съ нервно-вздрагивавшими губами—она была положительно интересна.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать.

IV.

Бородинъ подходилъ къ переулку, гдѣ жилъ. Мрачныя очертанія церкви вдругъ поднялись на поворотѣ. Бородинъ свернулъ налѣво.

За заборомъ тянулись сады. Старыя деревья перевѣшивали на улицу оголенныя до половины, черныя вѣтки.

Вѣтеръ вдругъ налетѣлъ и засохшіе листья судорожно забились, оторвались и полетѣли на панель. Другой порывъ подхватилъ ихъ. Они побѣжали въ догонку за Бородинымъ, шелестя и шурша. Словно кто-то крался за нимъ...

Бородинъ остановился на секунду, прислушался къ шороху и пошелъ еще быстрѣе. Старая тоска засосала тихонько сердце. Гдѣ-то глухо и далеко завозилась жуткая тревога...

Дождикъ накрапывалъ, когда онъ подходилъ къ дому.

И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ?..

... вслухъ сказалъ Бородинъ.

Прежде чѣмъ войти во дворъ, онъ остановился у воротъ и оглянулся съ тревожнымъ и странно-тоскливымъ чувствомъ. Поглядѣлъ на черное небо, на трепетное пламя фонарей, опустилъ глаза на грязныя плиты мостовой. Картина была безотрадная.

День не далъ ни одного впечатлѣнія. Печально умеръ этотъ сѣрый, скучный день. Печально надвинулась ночь, полная для него тоскливыхъ предчувствій и неясныхъ угрозъ. На завтра тоже нечего было ждать. Съ чѣмъ же прощался онъ? О чемъ жалѣлъ?

Бородинъ жилъ въ подвальномъ этажѣ двухъэтажнаго барскаго особняка. Каменная лѣстница была грязная, скользкая. Пахло кошками.

Бородинъ никакъ не могъ привыкнуть къ этому запаху и къ своему жилью вообще.

— Вамъ письмо,—сказалъ дворникъ.

Бородинъ равнодушно сунулъ письмо въ карманъ и сталъ спускаться въ подвалъ.

Когда-то здѣсь были кладовыя и людскія. Теперь его сдавали подъ квартиры. Въ немъ было три комнаты и онъ ходилъ по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ. Бородинъ снималъ его втроемъ съ бывшими товарищами по университету.

Одна комната, налѣво отъ входа, служила общей

спальной, вторая столовой. Въ ней принимали гостей.

Въ третьей комнатѣ, запертой на ключъ, не жилъ никто. Тамъ было сыро и темно, даже днемъ. Стоялъ тамъ только хозяйскій старый гардеробъ, съ продавленной спиной, да валялись полусгнившие ящики изъ-подъ вина.

Стѣны,—покрытыя плѣсенью. Наверху окна, въ глубокихъ нишахъ. Мостовая, озаренная ближнимъ фонаремъ, сверкаетъ своими лужами. Мимо идутъ чьи-то ноги. Только ноги, лицъ не видно. Потолокъ въ сводахъ.

Говорятъ, въ старыхъ домахъ вредно жить. Тамъ кишатъ микробы. Объ этомъ Бородинъ не думалъ. Но всѣми нервами онъ почувствовалъ сразу, что въ этомъ домѣ гнѣздится тоска,—старая безнадежная тоска многихъ поколѣній бѣдняковъ, жившихъ здѣсь раньше. И этотъ микробъ былъ живучѣе другихъ. Бородинъ отравился имъ съ первыхъ дней. Ни разу еще въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ онъ не испыталъ молодой радости жизни.

Хуже того.

Ночью, когда товарищи засыпали, реальный міръ исчезалъ и для Бородина, хотя онъ не зналъ, спитъ онъ, или нѣтъ? Оживало царство призраковъ. Въ темной, пустой комнатѣ, нежилой и запертой на ключъ,—жилъ кто-то, таинственный и незримый...

Объ этомъ никто не догадывался. Зналъ это одинъ Бородинъ.

Лишь только наступала ночь, странный сосѣдъ оживалъ. Онъ крался изъ тьмы, проникая черезъ двери, и подходилъ къ Бородину.

А тотъ лежалъ недвижно и ждалъ... Сердца то словно не было совсѣмъ, то оно стучало неровно, глухо и больно. Онъ чувствовалъ кого-то рядомъ... Онъ слышалъ вѣяніе надъ лицомъ... Весь во власти страшнаго кошмара, не имѣя силы крикнуть и шевельнуться, онъ лежалъ такъ, безгласный и недвижный, замирая отъ нѣмого ужаса,—пока не займется заря—и ждалъ...

V.

Обстановка внизу была даже очень прилична. На дворникѣ лежала обязанность приводить комнаты въ порядокъ и по буднямъ онъ съ метлой въ рукахъ являлся въ девять будить господъ. По праздникамъ „нижніе господа" раньше одиннадцати не подымались.

Бородинъ и Шиманскій привезли только постели, тощіе чемоданы и узлы съ книгами. Вся-же обстановка принадлежала третьему жильцу—Ходасевичу.

Онъ еще въ гимназіи учился съ Бородинымъ и Шиманскимъ, потомъ они всѣ встрѣтились на юридическомъ факультетѣ. Ходасевичъ не отличался способностями, но былъ еще въ школѣ примѣрнаго поведенія и кончилъ первымъ, съ золотой медалью, пока товарищи увлекались саморазвитіемъ, писали стихи и пробовали печататься въ журналахъ, еле переходя изъ класса въ классъ. И въ университетѣ Ходасевичъ оставался тѣмъ-же зубрилой, аккуратно посѣщалъ лекціи и сдавалъ экзамены. Шиманскаго и Бородина скоро лишили стипендіи и исключили изъ университета,—Бородина безъ права поступленія куда бы то ни было. Проголодавъ безъ мѣста, перебиваясь на грошовые уроки, онъ, наконецъ, получилъ должность на сорокъ рублей, въ одной изъ частныхъ конторъ.

Шиманскій былъ прощенъ, но ученіе его какъ-то не ладилось. Онъ застрялъ на второмъ курсѣ, поступилъ въ консерваторію, гдѣ на него возлагали надежды. Онъ еще въ гимназіи организовалъ среди товарищей оркестръ, самъ дирижировалъ. Самоучкой изучивъ контрапунктъ, онъ даже написалъ двѣ недурныя вещицы для оркестра— и вообще, увлекаясь музыкой, мечталъ о карьерѣ артиста.

Но когда въ консерваторіи отъ него потребовали упорнаго труда, Шиманскій быстро усталъ, охладѣлъ и ушелъ, увѣряя знакомыхъ, что всякому развитому человѣку стыдно такъ спеціализироваться, что эта дѣятельность только принижаетъ свободный духъ.

Судьба забросила его въ Кіевъ. Тамъ онъ пристроился къ газетѣ и почувствовалъ въ себѣ призваніе писателя. Его очень недурные стихи проникли даже въ толстые журналы, но поэта изъ него тоже не вышло. Всѣ знакомые его вскорѣ узнали, что онъ пишетъ какую-то пятиактную драму въ стихахъ изъ жизни Будды, царевича Сиддарты,—о которомъ Шиманскій не могъ говорить безъ пафоса и волненія. Однако, драма замерзла на второмъ явленіи и Шиманскій сердился, когда ему напоминали о ней. Какъ на грѣхъ всѣ заинтересовались поэмой „Свѣтъ Азіи", которую перевели съ англійскаго—и Шиманскій махнулъ рукой на свою драму.

У него не было ни выдержки, ни способности къ систематическому труду. Разъ только онъ проявилъ энергію. До двѣнадцати лѣтъ почти онъ учился изъ пятаго въ десятое и гонялъ воловъ на хуторѣ у отчима, который

мать его и всю семью держалъ въ черномъ тѣлѣ. А затѣмъ, почти безъ чужой помощи, въ какіе-нибудь три года Шиманскій подготовился въ гимназію. А оттуда крестный отецъ перевелъ его въ Москву.

Вскорѣ и этотъ покровитель умеръ, но предъ Шиманскимъ, съ его блестящими способностями, лежалъ широкій путь. Однако, онъ не достигъ ни одной намѣченной цѣли. Онъ перекочевывалъ изъ одного университета въ другой, пока не вернулся въ Московскій, все на тотъ-же второй курсъ, межъ тѣмъ какъ Ходасевичъ, окончивъ кандидатомъ правъ, уже служилъ въ судѣ.

Шиманскій и тутъ разбрасывался, вѣчно рвался куда-то, горѣлъ, увлекался, проектировалъ, но на полдорогѣ къ цѣли останавливался, разочарованный и усталый. Это былъ вообще какой-то „роковой“ человѣкъ, неудачникъ par excellence.

Наконецъ, Шиманскій влюбился въ одну барышню и скоро сошелся съ ней.

Романъ этотъ тянулся полтора года. Номинально Шиманскій еще числился жильцомъ „нижняго особнячка“ и выплачивалъ Ходасевичу свою часть. На самомъ дѣлѣ онъ поселился у родителей своей любовницы, въ качествѣ жильца. Увлекаясь, Шиманскій уходилъ съ головой въ свою страсть. Такъ и теперь, сойдясь съ Оленькой Шатиловой, онъ забросилъ всѣ знакомства, освободилъ себя отъ всякихъ „идей“ и обязательствъ и сталъ съ какимъ-то отчаяніемъ давать уроки и содержать всю безалаберную семью. Шатиловы, утратившіе всякое нравственное чувство, сквозь пальцы глядѣли на связь Оленьки съ Шиманскимъ и эксплоатировали его, какъ вьючное животное. Шиманскій не доѣдалъ, не досыпалъ и скоро переутомился. Черезъ полгода такой жизни онъ усталъ, а еще черезъ годъ днями уже ненавидѣлъ Оленьку и всю ея семью—и опять стоялъ на перепутьи.

Сама Оленька, уже не первой молодости и истеричка, впрочемъ, очень пикантная, нигдѣ не доучилась, писала съ ошибками и была неспособна къ труду, какъ и вся семья. Когда были еще средства, она училась въ пансіонѣ, но скоро, по слабости ея здоровья, ее взяли оттуда, а потомъ забыли доучить. Когда же она выросла, то и учиться-то было не на что. Дома рѣдко обѣдали. Отца по какому-то недоразумѣнію лишили должности и онъ словно „тронулся“. Всѣ дни онъ проводилъ въ бѣготнѣ, проектируя общество спиритовъ на какихъ-то особенныхъ началахъ и всѣ его эксплоатировали, потому что, по старой привычкѣ онъ сорилъ деньгами, если онѣ попадали въ его руки. А ночью онъ за-

нимался разными сеансами и посылалъ письма въ *Ребусъ*. Мать умерла въ чахоткѣ, еще не доживъ до разоренія. Сыновья—все недоросли—благодаря связямъ, получали мѣста, но скоро теряли ихъ, потому что не хотѣли и не умѣли работать. Бабушка, глухая и полуослѣпшая, одна еще блюла забытыя традиціи. Зажигала подъ праздникъ лампадки, ходила къ обѣднѣ, слѣдила за нравственностью Оленьки, которая хохотала ей въ лицо, мечтала о женихахъ для внучки, скорбѣла объ упадкѣ хозяйства, о томъ, что никого нельзя принять. Въ домѣ былъ адъ. Всѣ кляли жизнь, винили другъ друга въ неудачахъ, грызлись цѣлыми днями. А при первыхъ деньгахъ брали ложу, или тройку, забывая заплатить прислугѣ или въ лавки, накупали ненужныхъ вещей, ѣздили на лихачахъ по трактирамъ и потомъ удивлялись, что черезъ три дня опять приходилось класть зубы на полку. Снова всѣ начинали винить другъ друга въ „*транжирствѣ*".

Оленька проводила дни въ праздности, читая переводные романы, разжигала себя картинами прошлаго довольства, ныла, плакала и влюблялась.

Одинъ только средній сынъ—выродокъ изъ семьи—кончилъ гимназію, служилъ въ банкѣ и кормилъ всю семью. Но онъ наслѣдовалъ отъ матери чахотку и годы его жизни были сочтены.

Впрочемъ, по своей безпечности, Шатиловы этого не замѣчали. И о будущемъ семьи никто не задумывался.

Шиманскій былъ очень влюбчивъ. Онъ сознавался Бородину въ рѣдкія минуты правдивости, что когда на его горизонтѣ нѣтъ женщины, жизнь его теряетъ краски. Разборчивъ онъ не былъ. Скучающая праздная барынька, хорошенькая горничная, миловидная крестьянка, — все равно, лишь бы вспыхнула искра волненія въ душѣ...

Но иногда его увлеченія носили какъ бы „идейный" налетъ и переходили въ какую-то эпидемію. Такъ въ послѣднее время онъ поголовно увлекался всѣми курсистками, которыхъ встрѣчалъ. Стоило ему услышать: это курсистка... Онъ говорилъ значительно: А!... И, нервно потирая руки, шелъ знакомиться и говорилъ готовыя слова о равноправности и т. д., не замѣчая, что повторяется.

— Все фальшь,—говорилъ ему Бородинъ.—Все наносно. И чувства твои, и рѣчи. Стоитъ тебя поскоблить слегка и изъ-за позолоты выглянетъ самый традиціонный буржуа, требующій добродѣтели отъ женщинъ и невинности отъ дѣвушекъ.

Дружба Шиманскаго съ Бородинымъ началась еще въ гимназіи. Со стороны Шиманскаго это была даже не дружба, а влюбленность. Никогда потомъ ни къ одной женщинѣ онъ не чувствовалъ такой исключительной, чистой и глубокой страсти. Дружба дала имъ обоимъ такія радости, предъ которыми поблѣднѣло все, что впослѣдствіи они приняли отъ жизни.

И все-таки они разошлись.

Почему? Для нихъ самихъ это какъ бы осталось тайной. Охлажденіе шло неуловимо, но непрерывно, какъ вода незамѣтно сочится изъ расколотаго сосуда, пока онъ не окажется пустымъ.

Несомнѣнно одно, что Бородинъ отвернулся отъ друга первый.

Черезъ два года послѣ исключенія изъ университета,—которые Бородинъ провелъ въ одиночествѣ, избѣгая помощи друзей, тяготясь ихъ сочувствіемъ, страдая и молчаливо озлобляясь,—онъ былъ уже не прежній человѣкъ. Отъ людей и жизни онъ сознательно ушелъ въ книги, взявъ первое попавшееся мѣсто въ частной конторѣ, на сорокъ рублей. Въ немъ шла какая-то внутренняя, мучительная и упорная работа. Къ чему она приведетъ? Какіе у него теперь планы? Цѣли? Шиманскій не зналъ. Самъ онъ былъ неровенъ, постоянно переходилъ отъ одного настроенія къ другому и не понималъ скептически-холодной выдержки товарища. Откуда она явилась? Она могла быть только результатомъ выработавшейся теоріи, особаго міросозерцанія. Какого?.. Онъ опять-таки не зналъ и оскорблялся этой тайной.

Бородинъ, въ свою очередь, теперь замѣтно раздражался той самой экспансивностью Шиманскаго, которая привлекала его раньше. Онъ холодной усмѣшкой останавливалъ взрывы откровенности и самобичеванія у Шиманскаго, подчеркивалъ неустойчивость его стремленій, его страсть красно говорить и незамѣтно выросшую потребность къ рисовкѣ.

„Лучше не договорить, чѣмъ переговорить“,—замѣчалъ Бородинъ.

Отъ него вообще теперь вѣяло холодомъ. Шиманскій, наталкиваясь на эту ледяную выдержку пріятеля, весь съеживался и уходилъ убитый,—„получивъ камень вмѣсто хлѣба“,—говорилъ онъ. Но онъ былъ желченъ, злопамятенъ и глубоко затаивалъ обиду.

Все-таки онъ долго крѣпился прежде, чѣмъ признать этотъ разрывъ за совершившійся фактъ.

Шиманскій разъ какъ-то забѣжалъ къ пріятелю и выпросилъ у него карточку.

— Зачѣмъ тебѣ?—удивился Бородинъ.

— Во-первыхъ, ты давно обѣщалъ мнѣ, а потомъ... Тутъ... барышня одна заинтересована тобой. Очень хотѣла видѣть твою карточку.

„Шатилова",—подумалъ Бородинъ.

— Кто-жъ такъ даритъ портретъ? Сдѣлай и надпись...

— Изволь...

Шиманскій схватилъ карточку, не читая, крѣпко стиснулъ руку Бородину, тряхнулъ ею съ какою то нервной силой и, нахлобучивъ шапку, кинулся бѣжать изъ подвала.

Но не пробѣжалъ онъ пятидесяти шаговъ, какъ ужъ вынулъ портретъ и взглянулъ на надпись. Лицо его вытянулось.

Тамъ стояло:

„Прошлое умерло, потому-что стало ненужнымъ".

Конечно, онъ показалъ Оленькѣ карточку, предварительно начисто выскобливъ написанное.

— Какой красивый!—крикнула Оленька... и задумалась.

Онъ поглядѣлъ на нее, высоко поднявъ брови, и вдругъ злая искорка сверкнула въ его зрачкахъ. У него явился планъ... который онъ осуществилъ впослѣдствіи.

Разъ, одинъ только разъ Бородинъ раскрылъ передъ старымъ другомъ уголокъ своей души.

Шиманскій прибѣжалъ въ подвалъ, чтобъ отдохнуть отъ семейнаго ада въ квартирѣ Шатиловыхъ и отъ сценъ ревности, которыя ему устраивала Оленька. Нервы его были такъ издерганы, что отъ одного ласковаго слова Бородина онъ былъ способенъ разрыдаться.

Необыкновеннымъ миромъ повѣяло ему въ душу отъ картины, которую онъ засталъ.

Было уже одиннадцать вечера. Ходасевича, по обыкновенію, не было дома. Лампа освѣщала столъ и склоненную крупную голову Бородина. Онъ что-то писалъ и такъ увлекся, что не сразу замѣтилъ стоявшаго въ дверяхъ Шиманскаго.

— Добрый вечеръ!.. Я помѣшалъ тебѣ?

Бородинъ слегка покраснѣлъ и ласково улыбнулся. Это была прежняя улыбка.

Что-то забытое вспыхнуло въ измученной душѣ Шиманскаго.

— Я ночевать пришелъ. Это ничего?

— Конечно... Развѣ ты здѣсь не такой-же хозяинъ?

Шиманскій махнулъ рукою.

— Гдѣ ужъ? Отбился совсѣмъ. Ты вонъ работаешь. А я ужъ отъ всего отсталъ. Отупѣлъ, опустился... Ты что пишешь? Въ печать готовишь?

И сердце у него стукнуло.

— Н-нѣтъ. Просто для себя.

Бородинъ взялъ со стола новую книгу, о которой много говорили.

— Это, видишь-ли, очень оригинальный взглядъ на соціальныя явленія...

И Бородинъ заговорилъ на эту тему.

Шиманскій всегда признавалъ за Бородинымъ писательскій талантъ и совѣтовалъ ему идти этой дорогой. Но... отъ одной мысли, что тотъ близокъ уже къ цѣли, сердце его опять заглодалъ червякъ зависти.

— Почему-же ты не изложишь всего, что говоришь сейчасъ? Вѣдь это, во всякомъ случаѣ, незаурядно.

— Возможно. Но изъ меня никогда не выйдетъ публициста. Что хотѣлъ бы говорить, того нельзя сказать, а что можно сказать, того не стоитъ говорить...

У Шиманскаго отлегло отъ сердца.

Изъ разговоровъ выяснилось, что Бородинъ живетъ анахоретомъ и бываетъ только у матери.

— Увлекаетъ, видно, наука?—спросилъ Шиманскій, блеснувъ глазами.

— Да,—задумчиво согласился Бородинъ.—Она не только самое полезное, но и самое прекрасное въ жизни. Она можетъ властно поглотить сознаніе,—такъ что не будетъ мѣста ни отчаянію, ни скукѣ.

Шиманскій взволнованно потеръ руки и пробѣжалъ по комнатѣ.

— Сильнѣе страсти и увлеченія?—спросилъ онъ на ходу.

— У меня нѣтъ ни страстей, ни увлеченій.

Горечь этихъ словъ не достигла сознанія Шиманскаго. Онъ уже былъ взвинченъ собственными ощущеніями.

— Да здравствуетъ наука!—крикнулъ онъ.

Бородинъ сидѣлъ, чуть сгорбившись и глядя на пестрый полъ, съ котораго облѣзла краска. Онъ тихо отвѣтилъ.

— Но... все-таки она лишь—средство жить равнодушно и умереть безъ сожалѣнія.

Они просидѣли до зари, уже потушивъ лампу, когда вернувшійся Ходасевичъ мирно всхрапывалъ. Сначала говорили объ общихъ вопросахъ, о прочитанныхъ

книгахъ, о намѣчавшемся новомъ теченіи въ обществѣ. Потомъ Шиманскій свернулъ на интимную бесѣду, разсказалъ о своемъ разочарованіи въ Оленькѣ, о душевной усталости.

Утромъ онъ ушелъ, опьяненный впечатлѣніями этой ночи.

Но когда черезъ два дня онъ опять забѣжалъ, Бородинъ встрѣтилъ его сухо.

— Вотъ видишь! Какъ мало въ тебѣ чуткости!—нервно крикнулъ Шиманскій.—Я пришелъ къ тебѣ утолить голодъ душевный.

Голосъ его дрожалъ.

Но Бородинъ ему не повѣрилъ.

— Полно... Это все—эстетика. Красота положенія, которую ты такъ любишь.

Шиманскій ушелъ, глубоко уязвленный и началъ дома изливаться передъ Оленькой, которую только что бранилъ и развѣнчивалъ передъ Бородинымъ.

— Одно слово—олимпіецъ,—язвилъ онъ, вспоминая лицо пріятеля.—Одна поза чего стоитъ! Великолѣпный олимпіецъ. Хоть ты тутъ разорвись передъ нимъ, а онъ отъ книжечки не оторвется. Потому-что по „ихъ системѣ" значится, что эгоизмъ разуменъ и законенъ. Ну, а отъ системы отступить—ни Боже мой! Главное, быть вѣрнымъ себѣ. Этакая выдержка дьявольская! Очертилъ себя заколдованнымъ кругомъ, ушелъ отъ людей и жизни въ теоріи... Поди-ка, достань его!

Онъ бѣгалъ, жестикулировалъ, потиралъ руки.

— А вѣдь ты въ него, Казя, и сейчасъ влюбленъ.

— Что за ерунда такая? Какого чорта?

— Какже? Началъ за упокой, а свелъ на здравіе. И когда ты о немъ говоришь, я изъ другой комнаты узнаю всегда. У тебя въ голосѣ прямо восторгъ, такъ и звенитъ!

Остановился Шиманскій и поглядѣлъ на нее усталыми глазами изъ-подъ очковъ, какъ-то сострадательно (либо презрительно) поднявъ брови.

— А знаешь что, simplicitas? (Онъ такъ звалъ Оленьку въ добрыя минуты).—Глупенькая ты у меня, а геніальныя у тебя замѣчанія иногда бываютъ.

И лицо его затуманилось. Грустно ему было терять эту дружбу.

Озлобился-ли, наконецъ, Шиманскій, усталъ-ли онъ стучаться въ эту замкнутую наглухо дверь,—сказать трудно. Но старые друзья видѣлись все рѣже и расходились все дальше.

Когда же послѣ трехъ лѣтъ упорнаго умственнаго труда и одиночества, въ утомленномъ Бородинѣ совершилась естественная реакція,—и онъ сталъ вести свѣтскую жизнь,—у Шиманскаго явилось необъяснимое озлобленіе противъ товарища.

— Ты—моя мертвая вода,—сказалъ онъ разъ съ горечью Бородину.—Помнишь въ сказкѣ? Придешь къ тебѣ и похоронишь сразу всѣ мечты. Уснутъ...

Да. Когда вспыхивала въ душѣ его искра идейнаго увлеченія, Шиманскій инстинктивно бѣжалъ отъ Бородина, боясь его скептической усмѣшки, боясь этой заразы его безпощаднаго анализа. Онъ имѣлъ тѣмъ болѣе основаній бояться этого, что, горя и увлекаясь,—онъ самъ (и это было всего ужаснѣе) всегда предвидѣлъ моментъ охлажденія собственной души, неизбѣжный мигъ усталости и вопросовъ: зачѣмъ? къ чему?

Насмѣшка Бородина погасила бы въ немъ и эту слабую искру, не давъ ей разгорѣться и согрѣть его сердце.

Но когда наступалъ день итога, когда разложеніе начиналось въ душѣ Шиманскаго, онъ невольно шелъ въ знакомый переулокъ, въ старую квартиру. Онъ шелъ исповѣдоваться къ тому, кто могъ его понять.

— Тризну пришелъ справлять?—спрашивалъ его Бородинъ, сразу угадывая его настроеніе.—Ну, говори.

И Шиманскій говорилъ,—красиво, страстно, прислушиваясь къ трепетному звуку своего голоса, къ собственной, образной, блестящей рѣчи прирожденнаго оратора.

Эта музыка рѣчей, дѣйствительно, звучала какъ бы похороннымъ маршемъ надъ его утраченными иллюзіями,—но она успокоивала его, баюкала словно и спасала отъ отчаянія.

„Онъ счастливѣе меня“, — думалъ Бородинъ. „Ему есть, чѣмъ утѣшиться“...

VI.

Ходасевичъ, по окончаніи курса, получилъ отъ отца, тамбовскаго помѣщика, пятьсотъ рублей на экипировку. Онъ тотчасъ купилъ мебель и началъ жить, какъ рантье. Но одиночество тяготило его, да и дороговько было платить за номеръ въ центрѣ города. Онъ былъ очень аккуратенъ въ своихъ расходахъ. Поэтому онъ съ ра-

достью уцѣпился за предложеніе Шиманскаго жить втроемъ.

Долго потомъ онъ ворчалъ за плохое entrée и за подвальное помѣщеніе, но честь жить съ Бородинымъ, которымъ онъ восторгался еще въ гимназіи, — взяла верхъ надъ другими соображеніями. Онъ даже въ судѣ, куда пристроился пока безъ жалованья, въ качествѣ „кандидата“,—сталъ какъ-то высокомѣрнѣе относиться къ бывшимъ товарищамъ, которые околачивались тамъ же на перепискѣ или на грошовомъ заработкѣ.

— А вы читали „Капиталъ“ Маркса?—небрежно спрашивалъ онъ кого-нибудь изъ нихъ.

— Нѣтъ. А что?

— Т-такъ... Неглупая книжка. Я читалъ ее недавно съ... Бородинымъ.

Эффектъ получался почти всегда.

— Съ какимъ это Бородинымъ?

— Вы развѣ не помните?

— Тотъ самый, который...

— Ну, да. Мы живемъ вмѣстѣ... Это, знаете ли, очень очищаетъ—близость такихъ людей. Что ни говорите...

— А что онъ теперь подѣлываетъ?

— Пишетъ что-то,—таинственно сообщалъ Ходасевичъ, вполнѣ безкорыстно раздувая эту „легенду о Бородинѣ“, отъ котораго онъ когда-то основательно отрекся, дрожа за свое будущее, но предъ которымъ всегда благоговѣлъ въ душѣ.

На самомъ дѣлѣ Ходасевичъ никогда ничего не читалъ, тѣмъ болѣе Маркса. Увидавъ у товарищей книги въ узлахъ и чемоданахъ, онъ сейчасъ-же купилъ подъ Сухаревой хорошенькій шкафчикъ и самъ сталъ разставлять книги по полкамъ.

Развернулъ одну, другую—и почувствовалъ нѣкоторый трепетъ.

Марксъ, Энгельсъ, Каутскій, Рибо, Тардъ, Гефдингъ, Дюрингъ, Спенсеръ, Майеръ.

— Неужели вы все это читали, Бородинъ?—невольно сорвался у него вопросъ.

Тотъ усмѣхнулся.

— И Шиманскій тоже все читалъ, кромѣ Маркса, кажется.

Онъ это нарочно напомнилъ пріятелю, который слегка презиралъ Шиманскаго за безпорядочность и называлъ его „шалавой“.

Ахъ, чортъ возьми! Ну, какъ тутъ не проникнуться уваженіемъ къ людямъ, все это переварившимъ!

Самъ онъ, несмотря на золотую медаль, былъ очень неразвитъ и ничѣмъ не интересовался. Къ завѣтному шкафчику съ книгами онъ подходилъ нерѣдко. Возьметъ иной разъ Энгельса — „*Происхожденіе семьи*". Раскроетъ наудачу, прочтетъ строкъ десять-двадцать, вздохнетъ какъ-то блаженно и аккуратно поставитъ книжку назадъ, стараясь запомнить заглавіе и мелькнувшую въ этихъ строкахъ отрывочную мысль автора. Зачѣмъ она ему? Онъ самъ не могъ бы сказать. А между тѣмъ щеки у него такъ и порозовѣютъ отъ удовольствія.

Ходасевичъ былъ маленькій человѣчекъ, съ коротким ножками, не по росту длинной таліей и тараканьими усиками на полудѣтскомъ лицѣ, скромный по виду, но самонадѣянный, съ характеромъ и правилами.

Онъ любилъ домовитость у себя въ квартирѣ, аккуратно-прибранный письменный столъ (за который, впрочемъ, садился разъ въ мѣсяцъ, чтобъ писать письма родителямъ). Любилъ чистое бѣлье, баню подъ праздникъ. Отдавая прачкѣ свое и чужое бѣлье, Ходасевичъ аккуратно его записывалъ, а, принявъ отъ прачки, раскладывалъ его по кровати каждаго.

Чай, сахаръ и керосинъ покупались въ складчину. Ходасевичъ велъ счета, самъ заваривалъ и разливалъ чай. Любилъ пойти подъ Сухаревку по воскресеньямъ и пріобрѣсти что-нибудь по хозяйству, для „обстановки". Покупалъ онъ, впрочемъ, рѣдко, но любилъ торговаться и доводить торговокъ до отчаянія. Это его занимало.

У его кровати лежалъ красный, бархатный коврикъ. Онъ завелъ плевательницу въ углу.

Въ свободныя минуты онъ подбиралъ по квартирѣ бумажки, требовалъ отъ Егора, чтобъ сапоги блестѣли и самоваръ горѣлъ (хотя лично самъ на чаи былъ прижимистъ). Онъ собственноручно каждое утро чистилъ свой судейскій мундирчикъ и искренно страдалъ, когда неряха Шиманскій плевалъ на полъ.

— Ахъ, Боже мой!—тоненькимъ голоскомъ восклицалъ онъ, болѣзненно вздрагивая, словно плевокъ попадалъ не на полъ, а на его мундиръ.—Ну, къ чему-же такъ? Ну, вѣдь вотъ-же плевательница... нарочно купилъ...

— А чортъ! И въ самомъ дѣлѣ плевательница!—каждый день удивлялся Шиманскій. — Не видалъ, братъ, извини... Въ другой разъ предупреди, когда я захочу плюнуть. А то, знаешь что? Поставь-ка ее лучше посреди комнаты.

Или Шиманскій приходилъ въ своихъ огромныхъ сапогахъ, стуча и оставляя на полу грязные слѣды.

— Варваръ!.. Извергъ!.. вопилъ Ходасевичъ, ловя его за фалды.—Кто-жъ теперь безъ галошъ ходитъ въ такую грязь?

— А чортъ!.. Ты спроси прежде, есть ли у меня галоши? Да и на кой они лядъ, когда безъ нихъ удобнѣе?

Ходасевичъ выпрямлялъ свою маленькую фигурку и изрекалъ, съ неотразимымъ апломбомъ дельфійскаго оракула:

— У всякаго порядочнаго человѣка прежде всего — галоши.

— Анъ врешь! У всякаго порядочнаго человѣка прежде всего въ головѣ всѣ клепки цѣлы, а у тебя многихъ не хватаетъ. А знаешь, Лялька, что я тебѣ скажу? Пренепріятный буржуй изъ тебя вырабатывается.

Ходасевича звали Викентіемъ Осиповичемъ, но Шиманскій еще въ школѣ прозвалъ его Евлаліей Осиповной, а то просто Лялькой.

У этого маленькаго пунктуальнаго человѣчка была одна только страсть—женщины. Только въ этомъ отношеніи Ходасевичъ не былъ брезгливъ и рѣдкій вечеръ не пропадалъ на бульварахъ. Кофейня Филиппова, Омонъ, изрѣдка оперетка, иногда билліардъ и кегли,— вотъ были его развлеченія. Но онъ никогда не терялъ головы, никогда не напивался до безчувствія и всегда возвращался домой, хотя-бъ въ четыре часа ночи.

Но его любимымъ занятіемъ была прогулка подъ дождемъ. Чуть погода испортится, онъ ужъ сейчасъ надѣваетъ пальто, влѣзаетъ въ галоши, беретъ зонтикъ и бѣжитъ озабоченно на бульваръ.

— Какого чорта онъ тамъ дѣлаетъ?—удивлялся Шиманскій, замѣтно заинтригованный.

На разспросы Ходасевичъ разсказалъ свои впечатлѣнія, подвизгивая и блестя сузившимися глазками.

Ахъ! Какъ это любопытно!.. Женщины идутъ, высоко поднявъ юбки, обнажая икры. Самыя скромныя барышни въ эту погоду кажутся такими вызывающими. Онъ любитъ ихъ преслѣдовать по пятамъ, вдыхая этотъ лучшій изъ всѣхъ запаховъ—запахъ женщины...

Онъ разсыпался самыми циничными подробностями.

— Однако, ты... того... чортъ... хорошъ гусь!—вдругъ опомнился Шиманскій, дѣлая строгое лицо. — Что за возмутительная у тебя душонка! Въ твои-то годы?

Но Бородинъ хохоталъ отъ всей души.

— Оставь его,—сказалъ онъ Шиманскому. — По какому праву ты навязываешь ему свои взгляды?

— Мерзость!

Шиманскій плюнулъ и ушелъ.

Но какъ-то разъ Ходасевичъ, красный отъ смѣха, весь мокрый, прибѣжалъ въ подвалъ и поставилъ въ корридорѣ свой зонтикъ, съ котораго стекала грязная вода.

— Чему вы?—брезгливо спросилъ Бородинъ.

— Вообразите, столкнулся... носъ къ носу... на бульварѣ... Онъ тоже наблюдалъ.

— Кто?

— Да Шиманскій...

— Полно вамъ!

— Голову даю на отсѣченіе!... Я къ Страстному, а онъ оттуда... Бѣжитъ за какой-то курсисткой, по пятамъ...

— По дѣлу, можетъ быть?

— Ха!.. Ха..! По такому-же, какъ и я... И надо было видѣть, какъ онъ сконфузился! Потомъ догналъ меня и началъ увѣрять, что идетъ по порученію товарищей куда-то. И проводилъ меня совсѣмъ въ другую сторону.

— Вотъ мы его спросимъ...

— Отречется... Онъ хитеръ и коваренъ. Настоящій ляхъ...

— А вы развѣ не ляхъ, Ходасевичъ?

Тотъ выпрямился и колесомъ выгнулъ грудь.

— Нѣтъ-съ. Я русскій... Я истинно-русскій человѣкъ,— гордо и строго заявилъ онъ.

Бородинъ поморщился.

— Будьте осторожны съ этимъ терминомъ. Онъ сталъ ходячей монетой и часто прикрываетъ собою порядочныя гадости...

— Гадости? Напримѣръ?

— Юдофобство... шовинизмъ, всякаго рода мракобѣсіе...

Ходасевичъ покраснѣлъ и прекратилъ разговоръ. Онъ терпѣть не могъ евреевъ.

Утромъ за чаемъ, до суда, Ходасевичъ любилъ пробѣжать „Листокъ", изъ котораго онъ черпалъ готовыя мнѣнія о всѣхъ сторонахъ общественной жизни. Егоръ подавалъ аккуратно „Листокъ" Ходасевичу,—Бородину „Русскія Вѣдомости".

— Господа! Вотъ скандалъ-то! Послушайте,—блистая глазами, восклицалъ нерѣдко Ходасевичъ.

— Не желаемъ слушать!—мрачно изрекалъ Шиманскій и демонстративно закрывалъ лицо газетой.

— Оставь!—замѣчалъ Бородинъ.—Зачѣмъ ты его учишь? Предоставь каждаго самому себѣ...

— Да, конечно,—хорохорился Ходасевичъ.—Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ? Что ты за учитель жизни?

— Удивляюсь я твоему индифферентизму, Бородинъ! Вѣдь это отъ безпринципности одинъ шагъ.

— И что ты имѣешь противъ этой газеты?—горячился Ходасевичъ.—Это настоящая „русская" газета...

— Поздравляю. И сумѣли-же въ наши дни такъ опаскудить слово „русскій"!

Шиманскій разъ поглядѣлъ на пріятеля поверхъ очковъ съ искреннимъ сокрушеніемъ.

— Эхъ, Лялька!.. Какой ты у насъ старенькій! Ты и ребенкомъ навѣрное никогда не былъ.

Ходасевичъ былъ самымъ аккуратнымъ чиновникомъ, любилъ ходить въ церковь, говѣлъ каждый годъ и находилъ, что каждый порядочный человѣкъ долженъ быть патріотомъ и имѣть „устои"...

Когда товарищи трунили надъ его донжуанствомъ, онъ отвѣчалъ, крутя усы:

— Вотъ перебѣшусь, тогда женюсь. Каждому порядочному человѣку и перебѣситься, и жениться надо.

— А ты воображаешь, въ самомъ дѣлѣ, что ты порядочный человѣкъ?—серьезно спрашивалъ его Шиманскій.

Ходасевичъ не удостаивалъ его отвѣтомъ.

Онъ твердо зналъ, что черезъ три года онъ женится на скромной барышнѣ, которая никакихъ курсовъ „не понюхала"... Возьметъ за ней приданое, обзаведется домкомъ, дачкой, дѣточками, будетъ получать чины и выслужится до прокурора. Его жизненный путь лежалъ передъ нимъ свѣтелъ и широкъ.

— Охъ, ужъ и несчастная-же будетъ твоя жена!—сокрушался Шиманскій.

— А твоя?—дерзко спрашивалъ маленькій человѣчекъ.

— А отъ тебя жена уйдетъ.

— А пущай ее уходитъ!.. Я ее по этапу не верну, какъ это сдѣлаешь ты.

Ходасевичъ посмѣивался. Онъ зналъ, что года черезъ два-три, когда женится, онъ эту богему Шиманскаго на порогъ не пуститъ.

А пока ему нравилось, въ тѣ вечера, когда онъ бывалъ дома,—лежать, покуривая папиросу, и слушать споръ своихъ сожителей,—жаркій споръ ну хотя-бъ о преимуществѣ объективнаго метода въ соціологіи надъ субъективнымъ... Далекій отъ всѣхъ интересовъ и вѣяній среди современной молодежи, онъ мало понималъ сущность этихъ споровъ, но это именно и опьяняло

его. Онъ просто млѣлъ отъ этихъ знакомыхъ ему только по наслышкѣ авторовъ, среди ссылокъ, цитатъ и афоризмовъ, которыми,—какъ мячами въ лаунъ-теннисѣ,—перебрасывались противники.

— А пріятно, что ни говори, съ умными людьми бесѣдовать,—думалъ онъ, жмурясь, какъ котъ.

Бородина, впрочемъ, онъ уважалъ не только за ученость, но и за непонятную для него самого выдержку. Шутка ли? Не пьетъ, въ карты не играетъ, не куритъ и даже... женщинъ не знаетъ... Онъ его прямо побаивался.

Цѣнилъ онъ тоже и то въ своихъ сожителяхъ, что за все время, что они прожили вмѣстѣ, они не попросили у него ни гроша взаймы, хотя и видали оба тяжелыя времена.

Но Шиманскаго въ глубинѣ души онъ все-таки презиралъ.

— Совсѣмъ неприспособленный человѣкъ,—говорилъ онъ Бородину.—И повѣрьте, что онъ даже университета не кончитъ.

— Да, чиновника изъ него не выйдетъ...

— Ничего изъ него не выйдетъ. Мнѣ сдается, что онъ... плохо кончитъ вообще...

— Это возможно,—задумчиво говорилъ Бородинъ,—но вѣдь въ этомъ и вся его цѣнность. Онъ родился слишкомъ рано... или, вѣрнѣе, слишкомъ поздно... Живи онъ за границей, даже сейчасъ, онъ, какъ блестящій ораторъ, какъ пылкій агитаторъ—выдвинулся бы навѣрное. Эти безпокойные, вѣчно тоскующіе люди являются какъ бы общественнымъ бродиломъ. Ихъ заслуга огромна, но судьба зачастую трагична. На Западѣ его сила нашла бы примѣненіе. Здѣсь онъ тратится на безплодные порывы, на слова, которыя ничего не могутъ измѣнить, размѣнивается на мелочи и выкипаетъ...

— Ну, знаете ли, Бородинъ? Вы его просто переоцѣниваете.. Вотъ если бъ вы... жили во Франціи, въ концѣ прошлаго вѣка... быть можетъ, ваше имя и было бы внесено въ исторію.

—Хорошо хоть помечтать объ этомъ,—холодно отозвался Бородинъ.

— А ужъ Шиманскаго наврядъ ли хватило бы на то, чтобъ съ честью умереть на баррикадахъ, какъ Рудинъ.

— Для нашего времени—и такая смерть—недостижимый идеалъ. Этого, пожалуйста, вы не забывайте. Знаменіе нашихъ дней—это глубоко равнодушные люди, не умѣющіе ни желать, ни добиваться. Да...

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда...

— Знаете ли, Ходасевичъ? Это странно, какъ одинаковость общественныхъ условій на протяженіи полувѣка создаетъ нравственное сходство людей. Можно подумать, что Лермонтовъ, когда писалъ свою „Думу" въ тридцатыхъ годахъ, имѣлъ въ виду не свое, а наше поколѣніе конца вѣка. Каждый его стихъ—нашъ смертный приговоръ. Напримѣръ это:

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

Историкъ нашего времени смѣло могъ бы подписаться подъ этой характеристикой.

— Какая у васъ память!—удивлялся Ходасевичъ, втайнѣ очень польщенный этой рѣдкой словоохотливостью гордеца пріятеля.

Когда-же Шиманскій увлекся Оленькой и исчезъ изъ подвала, Ходасевичъ сталъ открыто выражать свое презрѣніе.

— Ну, какая, скажите, цѣна человѣку, который такъ подчиняется юбкѣ? И изъ-за любви способенъ забросить все... товарищей, науку, работу? Вѣдь какъ еще недавно его увлекала наука! Вотъ теперь онъ женится, не кончивъ курса—и пропадетъ.

— Не безпокойтесь,—усмѣхнулся Бородинъ,—Шиманскій—это Протей, котораго не удержитъ ни одна женщина. Онъ будетъ увлекаться, но неспособенъ любить. И не въ этомъ трагизмъ такихъ, какъ онъ.

А. Вербицкая.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Англія, Индія, Китай.

I.

Для человѣка западной культуры возникъ совершенно внезапно въ послѣдніе мѣсяцы огромный, крайне сложный вопросъ: „Что дѣлать съ Китаемъ, съ этой разлагающейся гигантской страной Дальняго Востока?“.

— Очевидно, съѣсть! — отвѣчаютъ самоувѣренно одни. — Покуда Китай будетъ управляться деспотическими чиновниками-мандаринами, покуда единственнымъ устоемъ всего государственнаго строя будетъ взятка, до тѣхъ поръ для Европы торговля съ Китаемъ не будетъ безопасной. Необходимо поэтому привить Китаю западно-европейскія идеи, открыть ему, для его-же собственнаго блага, дорогу къ западно-европейскому прогрессу. А чтобы это сдѣлать возможнымъ, нужно прежде всего слопать Китай: нужно сослать куда-нибудь подальше манчжурскую династію, раздѣлить весь Китай между культурными державами, уничтожить сословіе мандариновъ и водворить тамъ законъ и порядокъ, обезпечивающіе спокойное развитіе промышленности и торговли...

— Легко сказать: слопать... Какъ бы не подавиться!... — возражаютъ другіе. — Развѣ великія державы не пробовали глотать куски китайскаго пирога? Развѣ одна за другой онѣ не оторвали отъ Китая Гонъ-Конгъ, Кіао-Чау, Портъ-Артуръ, Вей-Ай-Вей и т. д. И къ чему-же это привело? Къ возстанію боксеровъ, чуть не превратившемуся въ войну Европы противъ всего 400-милліоннаго населенія Китая. Нѣтъ, политика раздѣла не годится. Нужно оставить Китай въ цѣлости, въ томъ видѣ, какъ онъ есть. А для того, чтобы сдѣлать безопасной жизнь европейцевъ въ Китаѣ и чтобы обезпечить торговыя и международныя сношенія съ нимъ, нужно установить извѣстный контроль великихъ державъ надъ китайскимъ правительствомъ. Такъ, напр., комиссія изъ представителей великихъ державъ, путемъ постояннаго давленія, могла бы заставить китайское правительство пойти по пути реформъ, по пути европейскаго прогресса...

— Позвольте, господа!—говорятъ третьи.—Вы все смотрите съ точки зрѣнія интересовъ вашей торговли или вашей теоріи прогресса. Но мы обязаны взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія китайцевъ. У нихъ есть своя цивилизація, своя культура, которой они дорожатъ, на созданіе которой они трудились въ продолженіе ряда тысячелѣтій. Какое право имѣете вы навязывать имъ *свою* культуру, *свои* западно-европейскія идеи? Они ненавидятъ иностранцевъ, этихъ „западныхъ варваровъ", которые ограбили ихъ территорію, насильно навязываютъ имъ опіумъ, исторгли у ихъ правительства раззорительные для Китая договоры. Какое-же право имѣете вы навязывать себя насильно Китаю, разъ китайцы не хотятъ васъ? Развѣ вы не изгнали китайцевъ изъ Австраліи, Новой-Зеландіи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, отовсюду, гдѣ заработная плата высока и привлекала ихъ? Оставьте-же ихъ въ покоѣ въ ихъ собственной странѣ... Имъ нравятся ихъ отсталые способы производства, они предпочитаютъ вамъ своихъ взяточниковъ-мандариновъ... и прекрасно! Предоставьте имъ вариться въ ихъ собственномъ соку...

Разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ взглядахъ человѣку, ищущему истины и справедливости, чрезвычайно трудно. Одни стоятъ на точкѣ зрѣнія индивидуалистической морали, другіе исходятъ изъ принциповъ цивилизаціи и прогресса человѣчества, третьи идутъ по дорожкѣ оппортунизма, опирающагося на „здравый разсудокъ". Кто правъ изъ нихъ, и правъ ли кто-нибудь изъ нихъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы не беремся. Мы хотимъ въ настоящей статьѣ его лишь освѣтить, а освѣтить его мы надѣемся при помощи разсмотрѣнія исторіи отношеній Англіи къ Индіи,—странѣ, во многомъ напоминающей Китай.

II.

Подобно своему сосѣду Китаю, Индія представляетъ гигантскую страну съ населеніемъ въ 300 милліоновъ человѣкъ и по пространству почти равную всей Западной Европѣ (1.700.000 англійскихъ кв. миль). Индія, подобно Китаю, уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ достигла высокой ступени вполнѣ самобытной цивилизаціи, достигла этой ступени еще тогда, когда вся Европа была покрыта дѣвственными лѣсами и населена первобытными дикарями. И достигши извѣстной ступени развитія, *восточная* индусская цивилизація, подобно китайской, застыла на одной и той-же точкѣ и оставалась въ этомъ застывшемъ, но несокрушимомъ состояніи втеченіе тысячелѣтій, пока она не пришла въ столкновеніе съ цивилизаціей Англіи, совершенно новымъ типомъ цивилизаціи, зародившимся, окрѣпшимъ и возмужавшимъ на *западѣ* въ то самое время, какъ Индія предавалась сладкимъ мечтамъ о нирванѣ, о полномъ спокойствіи и неподвижности. Столкновеніе это

было роковымъ для индусской цивилизаціи. И можно съ увѣренностью сказать, что столь-же роковымъ будетъ для стараго Китая его столкновеніе съ Европой. Въ борьбѣ народовъ, какъ и въ природѣ, побѣда всегда остается на сторонѣ той силы, которая въ каждый данный моментъ можетъ развить наибольшую сумму дѣятельной энергіи. Такъ маленькое ядро, благодаря огромной быстротѣ своего движенія, разрушаетъ величественное неподвижное зданіе. Числа въ этой борьбѣ народовъ являются лишь однимъ, и не всегда главнымъ, факторомъ, рѣшающимъ побѣду. Для покоренія горсти буровъ, прекрасно вооруженныхъ и отличающихся, благодаря условіямъ ихъ жизни, необычайной энергіей и удивительнымъ мужествомъ—гигантской Британской имперіи приходится вотъ уже болѣе года напрягать всѣ свои силы. Съ другой стороны, нѣсколько тысячъ англійскихъ солдатъ и купцовъ подчинили и держатъ въ полной покорности огромную Индію. И за всѣ почти полтораста лѣтъ англійскаго владычества въ Индіи (Индія была объявлена британской территоріей послѣ битвы при Плесси въ 1757 году) эта страна подняла только одинъ разъ серьезное возстаніе, такъ называемое *возстаніе сипаевъ* въ 1857—58 гг. Но и въ этомъ возстаніи принимали участіе лишь одни военные индусы („сипаи"), — войска изъ туземцевъ, выдрессированныхъ и вооруженныхъ самими англичанами. „Гражданское населеніе Индіи,—говоритъ очевидецъ этого возстанія англійскій генералъ Чесни [1]) — въ общемъ не принимало никакого участія въ бунтѣ. Тамъ, гдѣ британское господство было временно уничтожено, индусы не оказывали намъ никакой помощи, но они также не оказывали никакой дѣятельной поддержки нашимъ противникамъ — сипаямъ. Когда-же господство наше было возстановлено, индусы спокойно подчинились ему, какъ будто ничего не случилось. Не-военные классы Индіи поступали точно также съ временъ незапамятныхъ. Они постоянно держались въ сторонѣ, мирно занимаясь своимъ хлѣбопашествомъ въ то самое время, какъ вражескія арміи—туземныя или иноземныя—рѣшали между собою оружіемъ вопросъ о власти. И они всегда покорно и мирно подчинялись господству побѣдившей стороны, довольные, если только подати не были слишкомъ высоки"... „При началѣ возстанія,—говоритъ онъ дальше,—въ областяхъ, гдѣ на время исчезъ всякій слѣдъ правительства и начальства, и гдѣ вообще раньше населеніе никогда не видало не только англійскаго солдата, но даже и вообще бѣлаго человѣка, исключая податного чиновника, индусы, какъ уже было сказано, не становились ни на чью сторону. Они не относились къ намъ враждебно, но и не помогали намъ. Они проявляли наиболѣе открыто лишь одно чувство, — чувство радости по поводу исчезновенія всякаго рода власти. Обширныя области на время были преданы анархіи, безначалію, но

[1]) См. *India – the political outlook*, by General G. Chesney, въ *Nineteenth Century* за 1894 г., іюнь, стр. 891 и 893.

анархія эта не сопровождалась сколько-нибудь серьезными безпорядками. Только противъ міроѣдовъ они приняли рѣшительныя мѣры: они разбивали лавки и жгли долговыя книги этихъ мѣстныхъ Шейлоковъ; также давнія междудеревенскія распри рѣшались теперь открытымъ кулачнымъ боемъ. Но помимо этихъ отдѣльныхъ актовъ безначалія чувства населенія выражались лишь во всенародномъ ликованіи по случаю внезапнаго освобожденія отъ начальства. Послѣ короткаго періода своевольства они спокойно принялись за свои земледѣльческія работы, и наши войска, пришедшія возстановить порядокъ и вернуть на мѣсто начальство, застали населеніе дѣятельно занятымъ уборкой хлѣба".

Таково отношеніе подавляющаго большинства жителей восточныхъ странъ къ вопросу о томъ, кто будетъ распоряжаться судьбами ихъ родины. О восточномъ народѣ можно сказать, пародируя извѣстныя слова Некрасова:

„Что ему палка послѣдняя скажетъ,
То ему на сердцѣ ляжетъ!.."

И эта рабская покорность палкѣ, это безразличное отношеніе ко всему, что происходитъ за предѣлами своей деревни, не суть явленія случайныя: они тѣсно связаны со всѣмъ характеромъ восточной цивилизаціи, всецѣло проникнутой началами консерватизма, самодовлѣнія, замкнутости и промышленнаго застоя. Эта крайняя ограниченность развиваемой энергіи предопредѣляетъ судьбу восточной цивилизаціи. Благодаря этой ограниченности, не только восточныя страны дѣлаются легкой добычей своихъ быстро прогрессирующихъ западныхъ сосѣдей, но и восточная цивилизація разлагается отъ простого соприкосновенія съ западной цивилизаціей.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на вопросѣ о томъ, поступала ли Англія согласно правиламъ морали, подчиняя своей власти фактически беззащитную индусскую націю. Въ международныхъ сношеніяхъ всѣ страны, къ несчастію, до сихъ поръ руководствуются знаменитымъ наставленіемъ Гете:

„Du musst steigen oder sinken:
Du musst herrschen und gewinnen.
Oder dienen und verlieren;
Leiden oder triumphiren:
Ambos oder Hammer sein!" [1]).

Въ международныхъ сношеніяхъ мораль является до сихъ поръ лишь наборомъ красивыхъ фразъ, которыми дипломатія прикрываетъ свою полнѣйшую нравственную наготу и хищническія стремленія. Территоріальное хищничество народовъ является естественнымъ результатомъ промышленной и торговой конкурренціи народовъ, и пока существуетъ послѣдняя, бороться противъ первой равносильно борьбѣ съ вѣтряными

---

[1]) „Ты долженъ расти въ своемъ могуществѣ или пасть; ты долженъ быть господиномъ и побѣдителемъ или-же ты будешь слугой и подчиненнымъ. Ты долженъ страдать или торжествовать, быть молотомъ или ты будешь наковальней!"

мельницами. Если бы Англія постѣснилась подчинить себѣ Индію. Франція бы сдѣлала это и закрыла бы индусскіе рынки для англійскихъ товаровъ, какъ она это сдѣлала на Мадагаскарѣ. Благодаря неограниченной промышленной конкурренціи народовъ, захватъ „плохо лежащихъ" территорій совершается теперь наиболѣе передовыми странами подъ вліяніемъ инстинкта самосохраненія, причемъ на вопросъ, справедливъ или нѣтъ подобный захватъ, не обращается никакого вниманія. Если бы, наконецъ, правительства всѣхъ демократическихъ странъ, повинуясь голосу общественнаго мнѣнія, пришли бы между собою къ соглашенію оставить въ покоѣ индусскій народъ и предать Индію ея собственной судьбѣ, то какая-либо изъ болѣе отсталыхъ странъ, усвоившихъ себѣ современные способы военной борьбы, но еще не создавшихъ орудій общественнаго воздѣйствія на правительство, непремѣнно, раньше или позже, покорила бы своей власти Индію. И тогда „желтая опасность",—*le peril jaune*, какъ ее называютъ французы,—превратилась бы изъ пустого миража въ серьезную угрозу Европѣ и цивилизаціи. Подъ властью „просвѣщеннаго деспота" Индія легко могла бы быть превращена въ чудовищно-сильную военную державу. Мы видѣли, что даже далеко не просвѣщенная манчжурская династія занялась послѣ неудачной войны съ Японіей усиленнымъ ввозомъ въ Китай крупповскихъ пушекъ, обученіемъ китайскихъ солдатъ европейской военной наукѣ и сооруженіемъ многочисленныхъ и прекрасныхъ оружейныхъ заводовъ. И если бы не случилось теперь возстанія боксеровъ, Китай превратился бы через 5—10 лѣтъ въ непобѣдимую милитаристическую имперію. Такая имперія повисла бы *мельничнымъ жерновомъ на шеѣ Европы и прогресса*. „Человѣчество" не есть пустое понятіе, вымышленное философами для удобствъ словопренія. Международныя вліянія—прогрессивныя и реакціонныя—занимаютъ все болѣе и болѣе выдающееся мѣсто въ ряду факторовъ, опредѣляющихъ исторію каждой отдѣльной націи, каждаго члена человѣчества.

Капитализмъ по самой природѣ своей универсаленъ. Его стремленіе подчинить себѣ всѣ страны міра вытекаетъ изъ законовъ его внутренняго развитія. Пока существуютъ страны съ натуральнымъ хозяйствомъ, развитіе капиталистическаго строя нельзя считать законченнымъ, нельзя считать возможнымъ и необходимымъ преобразованіе этого строя. Войну двухъ капиталистическихъ странъ между собой,—подъ капиталистическими странами мы разумѣемъ всякую страну, вышедшую изъ періода натуральнаго хозяйства,—должно разсматривать теперь какъ политическое безуміе и преступленіе; она можетъ быть лишь результатомъ хищническихъ разсчетовъ небольшого меньшинства и всегда направлена противъ интересовъ огромнаго большинства обѣихъ странъ. Такой является война Англіи съ бурскими республиками. Но расширеніе товарнаго хозяйства въ сторону линіи наименьшаго

сопротивленія, т. е. на страны менѣе энергичной культуры, страны натуральнаго хозяйства,—есть процессъ, составляющій необходимую стадію всего капиталистическаго строя, процессъ, въ общемъ отвѣчающій интересамъ большинства населенія культурныхъ странъ, а не лишь отдѣльныхъ группъ его, взявшихъ случайно верхъ во всеобщей классовой свалкѣ. Человѣкъ съ высокоразвитымъ чувствомъ справедливости, стремящійся при помощи слова убѣжденія остановить этотъ стихійный потокъ, въ сущности уподобляется крыловскому повару. Какъ бы ни убѣдительны были его рѣчи, какъ бы ни глубоко-искренне было его негодованіе, онъ не остановитъ своими рѣчами буржуйнаго „кота васьки", не уменьшитъ его аппетитовъ.

И тѣмъ не менѣе людямъ, видящимъ въ современномъ шествіи всечеловѣческой культуры не одну только борьбу аппетитовъ, но и неодолимое, хотя, быть можетъ, и безсознательное стремленіе къ высшей стадіи цивилизаціи, къ высшему идеалу человѣческаго общежитія—такимъ людямъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія скрестить руки и молча наблюдать безжалостное топтаніе въ грязь „святая святыхъ" безпомощныхъ восточныхъ націй ихъ болѣе сильными западными сосѣдями. Бороться съ вѣтряными мельницами безцѣльно и смѣшно. Но это не значитъ, что мы должны покинуть ихъ на произволъ судьбы. Мы можемъ и должны *направлять* силу стихіи такъ, чтобы она приносила пользу, а не причиняла вредъ или пропадала безцѣльно. Мы не можемъ остановить потокъ рѣки, но мы можемъ направить его по тому или иному руслу, согласно съ нашими желаніями и интересами. Попытаемся выяснить желательное направленіе русла на примѣрѣ Индіи.

Если вы спросите свѣдующаго англичанина, думаетъ ли онъ, что для Англіи благодѣтельно ея господство надъ Индіей, онъ на васъ посмотритъ съ недоумѣніемъ.

—Да развѣ въ этомъ можетъ быть какое-либо сомнѣніе? Вотъ, посмотрите на эти цифры,—скажетъ онъ и разложитъ передъ вами рядъ такъ называемыхъ Синихъ книгъ, дающихъ отчеты о государственныхъ доходахъ и расходахъ Англіи и Индіи и объ ихъ взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ.—Индія тратитъ на своихъ чиновниковъ и на ихъ канцеляріи и пенсіи около 215 милліоновъ рупій [1]) въ годъ. Большинство этихъ чиновниковъ, въ особенности высшіе по рангу,—англичане. Они присылаются изъ Англіи, получаютъ въ Индіи громадные оклады, черезъ нѣсколько лѣтъ, обыкновенно черезъ семь, выслуживаютъ себѣ полную пенсію, равную годовому ихъ окладу, и возвращаются затѣмъ въ Англію, гдѣ и живутъ на свои княжескія пенсіи. На армію Индія тратитъ около 270 милліоновъ въ годъ, и значительная часть этой суммы опять-таки уходитъ въ Англію. На уплату процентовъ по государствен-

[1]) Рупія приблизительно равна русскому кредитному рублю. Приводимыя здѣсь цифры относятся къ 1898 г.

ному долгу и на желѣзнодорожныя гарантіи она расходуетъ около 260 мил. въ годъ, и эта сумма уже почти цѣликомъ достается Англіи, такъ какъ государственные займы Индіи заключены у англійскихъ капиталистовъ и желѣзныя дороги построены ими-же. Сверхъ того, Индія представляетъ превосходный рынокъ для англійскихъ товаровъ. Великобританія продаетъ Индіи на 600 мил. рупій, т. е. около $^{4}/_{5}$ всѣхъ ввозимыхъ туда товаровъ. Словомъ, въ общемъ, по приблизительнымъ разсчетамъ, Англія выигрываетъ отъ своего господства надъ Индіей около полу-милліарда рупій въ годъ чистой прибыли. Какія-же здѣсь могутъ быть сомнѣнія?..

—Да, но сколько тратитъ сама Англія на то, чтобы удержать въ своихъ рукахъ Индію?

—Ничего, ровно ничего! Вся армія, охраняющая внѣшнюю и внутреннюю безопасность Индіи, оплачивается изъ ея-же казны. Болѣе того, при помощи индійской арміи Англія вела множество войнъ за предѣлами самой Индіи, раздвинула ея предѣлы, присоединила Бирму и другія страны, и расходы на эти войны опять-таки покрываются изъ индійской казны, такъ какъ территоріальныя пріобрѣтенія расширяютъ торговлю Индіи. На эти войны Индія затратила цѣлые милліарды...

Не думайте, однако, что нашъ англичанинъ считаетъ себя обязаннымъ Индіи. Нѣтъ! То, что Англія извлекаетъ изъ Индіи, есть лишь весьма слабое вознагражденіе за тѣ благодѣянія, какія она оказывала и оказываетъ Индіи и за которыя,—онъ глубоко убѣжденъ,—индусы чувствуютъ безмѣрную благодарность и преданность англичанамъ. До англійскаго владычества Индія была раздираема на части туземными князьками; войны, свирѣпствовавшія между послѣдними, разоряли ее; взятка была единственнымъ устоемъ правленія. Пришли англичане, объединили разрозненныя части въ одну могучую и централизованную имперію, водворили правый судъ и порядокъ, обезопасили жизнь и собственность гражданъ и пріобщили индусовъ къ западно-европейской культурѣ.

И, нѣтъ сомнѣнія, это утвержденіе англичанина заключаетъ въ себѣ значительную долю истины [1]). Уже въ послѣдней четверти прошлаго вѣка генералъ-губернаторы Индіи Уорренъ Хэйстингсъ и лордъ Корнваллисъ занялись серьезно организаціей правосудія и общаго управленія этой огромной страны. Вотчинный судъ помѣщиковъ-земиндаровъ былъ уничтоженъ, вся территорія Бенгаля, Мадраса и Бомбея была раздѣлена въ судебномъ и административномъ отношеніи на округа, въ каждомъ округѣ былъ учрежденъ особый судъ съ англичаниномъ-судьей во главѣ и лордъ Корнваллисъ даже освободилъ этого судью отъ всякихъ административныхъ обязанностей, назначивъ для исполненія послѣднихъ особыхъ чиновниковъ—

[1]) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ состояніемъ Индіи въ XIX в. отсылаемъ читателей къ статьямъ: *Индія и ея горе.* „Жизнь", 1900 г., іюньская и іюльская книги.

„коллекторомъ“. Въ каждой провинціи, сверхъ того, были учреждены апелляціонные суды, и во главѣ всей судебной организаціи былъ поставленъ верховный судъ въ Калькуттѣ.

Но,—замѣчаетъ ученый индусъ Ромешъ Даттъ,—оба эти губернатора сдѣлали одну роковую ошибку: они не выказали никакого довѣрія самому народу,—они не предоставили послѣднему никакого серьезнаго участія въ отправленіи правосудія,—вся дѣйствительная судебная власть была ввѣрена европейскимъ чиновникамъ, и потому ихъ реформа не могла быть успѣшна, и она не была успѣшна. Число преступленій увеличилось въ Бенгалѣ, грабежи происходили повсюду, жизнь и собственность не пользовались безопасностью. Двумъ европейцамъ-начальникамъ полиціи была дана широкая власть арестовывать всякаго по одному лишь подозрѣнію, и это лишь усугубило зло. Въ одномъ изъ округовъ Бенгаля втеченіе одного года было арестовано по подозрѣнію 2071 человѣкъ, и ихъ до суда держали два года подъ арестомъ. Многіе изъ нихъ умерли въ тюрьмѣ [1]).

Лучшіе изъ британскихъ администраторовъ Индіи—Мынро, Эльфинстонъ и затѣмъ Бентикъ—старались исправить ошибку своихъ предшественниковъ. „Прогрессъ страны,—заявилъ сэръ Томасъ Мынро,—будетъ по необходимости очень медленъ, но онъ будетъ подвигаться впередъ въ той мѣрѣ, въ какой мы будемъ оказывать довѣріе народу и въ какой мы будемъ предоставлять ему участіе въ завѣдываніи общественными дѣлами. Все, что мы можемъ предоставить ему, не подвергая опасности нашего владычества, мы должны предоставить. Въ нашихъ рукахъ мы должны удержать лишь военныя должности, всѣ же гражданскія должности должны быть открыты для туземцевъ“. Въ этомъ направленіи и совершалась дальнѣйшая эволюція судебныхъ и административныхъ учрежденій, хотя все-таки до сихъ поръ почти всѣ высоко оплачиваемыя должности англичане удержали въ своихъ рукахъ, но почти всѣ мѣста судей по гражданскимъ дѣламъ перешли въ руки индусовъ. На гражданскую службу стали приниматься безразлично какъ индусы, такъ и европейцы, разъ они прошли черезъ конкурсный экзаменъ. Во многихъ мѣстахъ Индіи для уголовныхъ дѣлъ были организованы суды съ присяжными засѣдателями, имѣвшіе благодѣтельное вліяніе на развитіе правосознанія народа. „Заявлять, что индусы не подвинулись ни на іоту впередъ подъ управленіемъ ихъ теперешнихъ властителей, было бы клеветой“,—пишетъ индусъ Сорабъ Вадіа [2]),—и онъ присоединяется къ словамъ англичанина Беверли, судьи Бенгаля: „Судъ присяжныхъ способствуетъ распространенію свѣдѣній по уголовному праву въ широкихъ массахъ и этимъ

---

[1]) См. *Administration of Justice in India*. By Romesh Dutt въ книгѣ: *India Ceylon* et cet. London. 1899. P. 307. Книга эта составляетъ томъ I изданія *British Empire Series*.

[2]) См. его изслѣдованіе: *The Jury System in India* въ книгѣ *Indian Politics*. Madras. 1898. P. 145.

путемъ обусловливаетъ пониженіе преступности". Тамъ, гдѣ судъ присяжныхъ еще не установленъ, англичанинъ-судья вѣдаетъ уголовныя дѣла при помощи ассесоровъ-индусовъ, которые, хотя имѣютъ только совѣщательный голосъ, все-таки способствуютъ, благодаря знанію мѣстныхъ обычаевъ и условій мѣстной жизни, выясненію обстоятельствъ дѣла. Въ общемъ, правосудіе въ Индіи было организовано втеченіе XIX-го столѣтія приблизительно на тѣхъ-же началахъ, на какихъ оно функціонируетъ въ Европѣ. Въ одномъ только отношеніи былъ сдѣланъ крупный шагъ назадъ: административная и судебная власти, раздѣленныя лордомъ Корнваллисомъ въ концѣ прошлаго вѣка, были, *въ видахъ экономіи,* снова соединены въ лицѣ „магистрата". Во главѣ каждаго округа—крупной административной единицы Индіи—находится *магистратъ,* на котораго возложены слѣдующія обязанности: онъ собираетъ налоги и подати, наблюдаетъ за дорогами и мостами, контролируетъ первоначальныя школы и больницы; онъ-же наблюдаетъ за дѣятельностью муниципалитетовъ, исполняетъ обязанности судебнаго слѣдователя въ важныхъ дѣлахъ, возбуждаетъ преслѣдованія по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ; наконецъ, онъ-же—глава мѣстной полиціи, ему-же подчинены всѣ судьи округа, и на его усмотрѣніе подвергаются всѣ апелляціонныя дѣла. И хотя интеллигентные индусы и отдаютъ справедливость трудолюбію и добросовѣстности этихъ англичанъ-магистратовъ, они все-таки указываютъ, что подобное совмѣщеніе должностей и смѣшеніе административныхъ обязанностей съ судебными не могутъ не подрывать въ населеніи довѣрія къ правосудію вообще и къ своимъ британскимъ правителямъ въ особенности [1]).

Этой недодѣланности въ основѣ судебнаго и административнаго зданія соотвѣтствуетъ аналогичная недодѣланность въ его высшемъ правительственномъ центрѣ. Вся гигантская Индія, состоящая изъ многихъ географически-самостоятельныхъ областей, теперь централизована подъ властью *секретаря Индіи,* живущаго въ Лондонѣ и состоящаго членомъ британскаго кабинета министровъ. Этотъ секретарь—неограниченный властелинъ Индіи. Между нимъ и индусскимъ народомъ стоятъ въ самой Индіи *вице-король* и *губернаторы* провинцій (Бомбея, Мадраса, Бенгаля и т. д.). Представителей народа, которые бы контролировали правительство и участвовали бы въ составленіи законовъ страны, владыки Индіи не допускаютъ. При вице-королѣ и губернаторахъ провинцій имѣются законодательные совѣты, среди членовъ которыхъ насчитывается нѣсколько индусовъ. Но члены законодательныхъ совѣтовъ имѣютъ лишь совѣщательный голосъ и потому лишены дѣйствительнаго значенія. Однако, въ общемъ, нельзя не признать, что судебная, административная и законодательная власти организованы теперь въ Индіи несравненно лучше, чѣмъ

[1]) См. *Administration of Justice, ibid.,* p. 313.

это было до установленія господства англичанъ. И всякій разъ, какъ Англіей правило либеральное министерство, въ Индіи вводилась та или иная либеральная реформа.

Англичане пріобщили также Индію къ европейскому просвѣщенію. Въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ сдѣлалъ для Индіи Маколей, назначенный юристъ-консультомъ при совѣтѣ генералъ-губернатора Индіи (въ 1831). Маколей настоялъ на томъ, чтобы въ университетахъ Индіи преподаваніе велось на англійскомъ языкѣ. Народы Индіи говорятъ на нѣсколькихъ стахъ различныхъ языковъ и нарѣчій, вслѣдствіе чего жители одного округа являются чужестранцами для жителей сосѣдняго округа. Благодаря-же преподаванію на англійскомъ языкѣ въ Индіи былъ созданъ особый классъ интеллигенціи, говорящей на одномъ и томъ-же языкѣ, и которой доступны сокровищницы западной науки. Эти интеллигенты являются естественными вождями индусскаго народа. Англичане предоставили Индіи довольно широкую свободу слова и собраній, и, благодаря этому, интеллигенція сумѣла создать обширную періодическую печать и организоваться въ *національный конгрессъ,* представляющій прототипъ свободнаго парламента. Иниціатива организаціи этихъ ежегодныхъ собраній индусовъ, заинтересованныхъ въ дѣлахъ своей родины, принадлежитъ опять-таки англичанамъ—А. О. Юму и либеральному вице-королю Индіи маркизу Дюфферену. По мысли этихъ двухъ просвѣщенныхъ дѣятелей, наиболѣе образованные и вліятельные индусы собрались въ 1885 году на конгрессъ для обсужденія политическихъ и экономическихъ задачъ своей родины. По предложенію того-же маркиза Дюфферена, было постановлено, чтобы, для большей свободы дебатовъ, оффиціальные представители власти не могли быть предсѣдателями конгрессовъ.

„Значеніе *конгрессистскаго* движенія,—пишетъ англичанинъ Эрдли Нортонъ [1]).—можетъ быть оцѣнено по одному неоспоримому факту. По всей Индіи разбросаны общества способныхъ людей, соотвѣтствующія союзамъ адвокатовъ и судей нашихъ провинціальныхъ городовъ Англіи. Въ столичныхъ городахъ Индіи эти котеріи необычайно сильны какъ по численности, такъ и по образованности ихъ членовъ. Повсюду эти общества растутъ численно и улучшаются качественно. Почти всѣ члены этихъ обществъ являются продуктами нашихъ университетовъ. Всѣ до одного—они приверженцы конгресса; лишь чрезвычайно рѣдко попадается карьеристъ, считающій необходимымъ выставлять себя политическимъ индифферентистомъ, чтобы вѣрнѣе успѣвать по службѣ. Но и такой карьеристъ тайно шлетъ свой взносъ въ кассу конгресса и въ закрытомъ помѣщеніи бесѣдуетъ съ товарищами о дѣлахъ конгресса. Врядъ ли найдется хоть одинъ чиновникъ-индусъ, который бы всей душой не сочувствовалъ конгрессистскому движенію. Я лично знаю многихъ индійскихъ чиновниковъ,

[1]) *Indian Politics,* l. c., p. 25, 26.

поддерживающихъ это движеніе своими взносами. Когда правительство должно назначить на должность судьи индуса, оно противъ воли вынуждено выбирать изъ рядовъ конгрессистовъ. И то-же самое имѣетъ мѣсто какъ въ Бенгаліи, такъ и въ Мадрасѣ, Бомбеѣ, сѣверо-западныхъ провинціяхъ. Фактъ тотъ, что нѣтъ ни одного сколько-нибудь выдающагося индуса, который бы не признавалъ, что конгрессисты борятся за интересы его дѣтей и его внуковъ... Внѣшнія обстоятельства могутъ заставлять его держать въ тайнѣ свои взгляды, но вожди конгресса знаютъ о нихъ, и жизненность самого движенія объясняется именно той молчаливой, но единодушной поддержкой всѣхъ, которые составляютъ образованное общество. Если бы я былъ государственнымъ дѣятелемъ и имѣлъ бы власть, я бы гордился этимъ удивительнымъ проявленіемъ результатовъ англійскаго образованія... Эти люди (конгрессисты)—не наемные демагоги и не политическіе бунтари, лишенные всякой собственности,—ихъ матеріальное благосостояніе связано съ существованіемъ британскаго правленія. Они въ духовномъ отношеніи представляютъ сливки всѣхъ общественныхъ слоевъ, всѣхъ занятій и профессій; многіе изъ нихъ крупные землевладѣльцы, почти всѣ они люди съ значительными средствами".

Эти ежегодные конгрессы, на которыхъ собираются иногда до 2.000 человѣкъ, имѣютъ большое воспитательное значеніе. На нихъ обсуждаются всѣ стороны экономической, политической и соціальной жизни Индіи; люди разныхъ областей съѣзжаются вмѣстѣ, знакомятся другъ съ другомъ, пріучаются къ дебатамъ, къ серьезному обсужденію вопросовъ, свыкаются съ порядками парламентской выработки законопроектовъ, или. вѣрнѣе, резолюцій. Въ этомъ свободномъ обмѣнѣ мыслей и желаній они не встрѣчаютъ никакихъ препятствій со стороны англійскихъ властей. Но средніе и богатые классы индусовъ, представителями которыхъ являются конгрессисты, не удовлетворяются и не могутъ удовлетвориться однимъ лишь платоническимъ правомъ свободнаго обмѣна мыслей и желаній. Они представляютъ крупную экономическую и общественную силу въ странѣ, и потому они полагаютъ, что должны также пользоваться соотвѣтствующей политической властью. Британскій секретарь Индіи, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся законодательная и исполнительная власть этой страны, не можетъ, по ихъ мнѣнію, издавать удачные законы для націи, чуждой ему какъ по образу жизни, такъ и по традиціямъ и воспитанію. Всѣ высшія и административныя, и судебныя должности также находятся въ рукахъ англичанъ, получающихъ огромные оклады; индусы полагаютъ, что они могли бы занимать эти должности, довольствуясь гораздо меньшими окладами, и исполнять свои обязанности съ большей цѣлесообразностью, такъ какъ они лучше англичанъ знаютъ народъ и потребности страны. Словомъ, они полагаютъ, что страна не можетъ благоденствовать, разъ народъ, черезъ своихъ представителей, не имѣетъ широкихъ законодательныхъ пол-

номочій. Одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ индусовъ, Ремешъ Даттъ, состоящій профессоромъ въ лондонскомъ университетѣ, замѣчаетъ:

„Тотъ фактъ, что администрація не имѣетъ прямого соприкосновенія съ народомъ, деморализуетъ ее. Великій земледѣльческій народъ долженъ имѣть организованное представительство и признанныхъ вождей, а не сноситься со своими правителями и администраторами черезъ ненавистное и страшное посредничество полиціи... Въ исполнительныхъ совѣтахъ вице-короля и губернаторовъ провинцій, равно какъ въ союзахъ деревень должны засѣдать довѣренные отъ народа, которые отстаивали бы ихъ интересы и служили бы посредниками между правительствомъ и населеніемъ. Правительство Индіи должно быть необычайно сильно, чтобы успѣшно управлять обширнымъ и разношерстнымъ населеніемъ страны; оно увеличитъ свою силу, если сдѣлаетъ образъ правленія нѣсколько менѣе автократичнымъ и установитъ болѣе близкую связь съ народомъ“ [1]).

Но англичане, въ силу причинъ, которыя мы постараемся выяснить ниже, отказываются удовлетворить этому требованію индусовъ. Они готовы предоставить Индіи всѣ гражданскія права, кромѣ одного, самаго необходимаго, а именно,—права вырабатывать для себя законы и контролировать національные финансы.

IV.

Владычество англичанъ въ Индіи, какъ мы видѣли, выражалось въ проведеніи извѣстной культурной миссіи. Но эта культурная работа отличается недодѣланностью, незаконченностью. Англичане энергично водворяли въ Индіи „судъ скорый, правый и милостивый“, но они не провели строгаго разграниченія между административной властью и судебной. Они внушили наиболѣе образованнымъ индусамъ мысль объ организаціи конгрессовъ для обсужденія политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, но они отказываются дать индусской націи представительныя учрежденія, безъ которыхъ невозможны энергичное развитіе національной жизни и подчиненіе административной власти установленнымъ законамъ. Они вызвали появленіе періодической печати, свободной отъ цензуры, но въ то-же время издали ограничительные законы, по которымъ редакторъ газеты, помѣстившій антиправительственную статью, привлекается къ суду и заключается въ тюрьму [2]). Англичане основали въ Индіи школы и университеты, породившіе обширные слои образованныхъ индусовъ, способныхъ не хуже англичанъ управлять судьбами своей родины, но въ то-же

[1]) *India, Ceylon* et cet., l. c., p. 318.
[2]) Замѣтимъ, однако, что законъ этотъ примѣняется весьма рѣдко.

время они устранили этихъ индусовъ отъ всѣхъ высшихъ должностей и самые университеты они подвергли опекѣ.

Они впали въ эти противорѣчія потому, что „культурная миссія“ не была и не могла быть господствующей задачей англійскаго правленія въ Индіи. Экономическія условія существованія современныхъ народовъ еще до сихъ поръ повсюду порождаютъ господство имущихъ классовъ, — классовъ, для которыхъ этическія задачи всегда подчинены интересамъ грубо-матеріальнаго характера. И пока существуетъ это господство классовъ, „культурныя миссіи“ правительствъ будутъ или фиговымъ листкомъ, прикрывающимъ совсѣмъ не культурныя вожделѣнія, или же пылью, бросаемой въ глаза идеалистамъ. Такой именно характеръ носила „культурная миссія“ англичанъ въ Индіи.

Трудящіеся классы Англіи весьма мало интересуются Индіей и еще менѣе знаютъ о ней. Англійскій работникъ знаетъ и любитъ Австралію, Новую Зеландію, Канаду и даже Сѣверо-Американскіе Штаты, потому что его отцы, братья и сыновья колонизовали и колонизуютъ эти страны. Но Индія ему чужда. На рабочемъ рынкѣ Индіи трудъ цѣнится безконечно ниже, чѣмъ въ Англіи, и англійскій рабочій никогда не ѣдетъ въ Индію искать работы, и потому онъ этой страной мало интересуется. Другое дѣло — имущіе классы Англіи: для нихъ Индія является курицей, несущей золотыя яйца. И такъ какъ англичане слишкомъ умны, чтобы зарѣзать такую курицу, то они и кормятъ ее „культурой“ ровно въ такой мѣрѣ, какая необходима для того, чтобы она жила и продолжала носить свои золотыя яйца. Для управленія гигантской Индіей необходимы сотни тысячъ чиновниковъ, то есть людей, получившихъ извѣстное образованіе. Англія не въ силахъ поставить такого числа чиновниковъ, да и если бы и могла, то Индія не въ силахъ была бы оплачивать ихъ, такъ какъ англійскіе чиновники получаютъ очень большіе оклады даже дома, въ самой Англіи. Поэтому Англія заинтересована въ томъ, чтобы извѣстное число индусовъ получало высшее образованіе, и чтобы значительная часть населенія Индіи обучалась письму и чтенію. Число дѣтей индусовъ, посѣщающихъ школы, достигаетъ теперь 4 милліоновъ, — цифра болѣе чѣмъ скромная, если вспомнить, что въ Индіи имѣется около 300.000,000 населенія. На сто индусовъ всего лишь 5—6 человѣкъ знаютъ грамоту. Не менѣе скромна цифра студентовъ, — ихъ всего около 19.000, и при этомъ въ университеты принимаются лишь тѣ изъ окончившихъ среднюю школу, которые учились по учебникамъ, одобреннымъ правительствомъ. Къ высшимъ должностямъ, какъ уже сказано, эти образованные индусы не допускаются. Среди 30 высшихъ сановниковъ, получающихъ каждый отъ 50.000—100.000 рупій жалованья въ годъ, нѣтъ ни одного индуса, — всѣ — англичане. Должности, оплачиваемыя отъ 10.000—50.000 рупій, также почти всѣ заняты англичанами, — индусы встрѣчаются лишь въ видѣ ис-

ключеній. Чаще встрѣчаются индусы среди чиновниковъ, получающихъ отъ 2.500—10.000 рупій, хотя все-таки еще на одного индуса имѣется и здѣсь пара англичанъ. Наконецъ, индусы преобладаютъ среди чиновниковъ съ окладомъ въ 1.000—2.500 р. Всѣ же должности, оплачиваемыя менѣе чѣмъ 1.000 р. въ годъ, предоставлены исключительно индусамъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи, англичанинъ возвращается домой съ пожизненной пенсіей, равной тому окладу, который онъ получалъ на должности. Такихъ пенсій Индія выплачиваетъ англичанамъ 33 милліона въ годъ. Всего же она тратитъ на англійскихъ чиновниковъ болѣе 150 милліоновъ въ годъ [1]).

Таково первое „золотое яйцо", которое Индія ежегодно преподноситъ имущимъ классамъ Англіи. Сюда должно прибавить выгоды иного рода. Англія держитъ въ Индіи армію въ 219 тыс. человѣкъ: 73 тысячи англичанъ и 146 тыс. индусовъ. Англичане опять-таки получаютъ и въ арміи княжескіе оклады, и содержаніе всѣхъ этихъ военныхъ силъ оплачивается Индіей. Но замѣчательно то, что эти военныя силы значительно превышаютъ ту норму, какая необходима для защиты самой Индіи отъ „внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ". Излишнія силы оплачиваются бѣдной Индіей, но содержатся исключительно въ интересахъ богатой Англіи. Королевская комиссія, назначенная для разсмотрѣнія этого вопроса, выяснила его до очевидности.

— Индійская армія, — заявилъ комиссіи лордъ Лэндсдоунъ, бывшій вице-королемъ Индіи и состоящій теперь министромъ иностранныхъ дѣлъ Англіи [2]), — организована съ такимъ разсчетомъ, чтобы ею можно было пользоваться для такихъ военныхъ операцій, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ внутренней обороной страны, ни съ репрессіей набѣговъ пограничныхъ племенъ.

— Численность индійской арміи значительно выше той, какая необходима для сохраненія внутренняго порядка, — подтвердилъ сэръ Генри Брэкенбэри [3]). — Силы англійской арміи разсчитаны такимъ образомъ, чтобы, помимо гарнизоновъ, необходимыхъ для поддержанія спокойствія внутри страны, всегда имѣлось свободнымъ могущественное войско, готовое отправиться къ сѣверу, къ границѣ или за границу Индіи. Необходимость имѣть всегда наготовѣ эту армію обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что одна изъ великихъ военныхъ державъ заняла позиціи, позволяющія ей угрожать непосредственно Афганистану, съ которымъ мы связаны договорными узами, и косвенно безопасности самой Индіи...

---

[1]) Подробныя таблицы окладовъ должностей въ Индіи можно найти въ книгѣ — *Famines and Land Assessments in India.* By Romesh C. Dutt. Стр. 286—294.

[2]) *Famines and Land Assessments in India*, стр. 252.

[3]) *Ibid.*, стр. 254.

Рѣчь, очевидно, идетъ о Россіи. Однако, другіе знатоки Индіи, — напр., профессоръ Мыррисонъ, — считаютъ нашествіе русскихъ войскъ на Индію предпріятіемъ немыслимымъ. Всѣ горные проходы, ведущіе съ сѣвера въ Индію, защищены теперь могущественными крѣпостями, и между этими крѣпостями и ближайшими операціонными базисами русскихъ лежатъ безграничныя горныя и пустынныя пространства, по которымъ нѣтъ фактической возможности двигаться огромной арміи съ ея массой пушекъ, провизіи и аммуниціи. И дѣйствительно, исторія Индіи за послѣдніе четверть вѣка показываетъ намъ, что Англія нѣсколько разъ посылала эти ненужныя Индіи войска за тридевять земель — въ Суданъ, въ Южную Африку и т. д., нисколько не опасаясь, что Россія двинется на Индію во время отсутствія этихъ войскъ.

Такимъ образомъ, англійскіе имперьялисты находятъ въ безправной Индіи,—въ ея казнѣ и ея арміи,—готовое орудіе для проведенія своей авантюристской политики. Мало того, всѣ экстренные расходы по такого рода предпріятіямъ возлагались на индійскій народъ, хотя Индія была заинтересована въ этихъ войнахъ не болѣе, чѣмъ всякая другая изъ британскихъ колоній, и несравненно менѣе, чѣмъ была заинтересована сама Англія. Такъ, голодающую Индію заставили покрыть всѣ расходы по первой Афганистанской войнѣ (1838—42 гг.), по первой Китайской войнѣ (1839—40 гг.), по Персидской войнѣ (1856 г.), Абиссинской войнѣ (1867—68 гг.), Перакской экспедиціи (1875 г.), Суданской войнѣ (1885—86 гг.) и по безчисленному множеству войнъ пограничныхъ. Только для второй Афганистанской войны (1878—80 гг.) и для Египетской войны (1882 г.) Англія, по настоянію Гладстона, ассигновала съ своей стороны 55 милл. р.; но и въ этихъ случаяхъ большинство расходовъ было покрыто изъ индійской казны [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ правительство поступало вполнѣ противозаконно. Въ законодательномъ актѣ 1858 г., которымъ Индія была присоединена къ Англіи, сказано: „Средства индійской казны не должны быть употребляемы безъ разрѣшенія британскаго парламента на покрытіе издержекъ по военнымъ операціямъ, производимымъ внѣ предѣловъ самой Индіи“. Но законъ и право всегда превращаются въ мертвую букву тамъ, гдѣ нѣтъ силы, готовой стать на ихъ защиту.

Къ вышеприведеннымъ фактамъ прибавимъ еще одинъ, объясняющій намъ, почему Англія заставляетъ Индію содержать гораздо большую армію, чѣмъ какая необходима для защиты страны.

— Индія,—заявилъ извѣстный всѣмъ лордъ Робертсъ [2]),— обладаетъ вѣроятно болѣе благопріятными условіями для дрессировки войскъ, чѣмъ какая-либо иная страна. Во всѣхъ

---

[1]) См. *Famines and Land Assessments in India*, стр. 294 и др.
[2]) *Ibid.*, pp. 254, 255.

крупныхъ военныхъ центрахъ тамъ легко найти обширныя ровныя пространства, на которыхъ можно съ удобствомъ обучать солдатъ стрѣльбѣ изъ современныхъ дальнобойныхъ пушекъ и ружей... Тамъ же имѣются обширныя равнины, на которыхъ можно маневрировать цѣлыми арміями, и такъ какъ тамъ приходится постоянно возить за войскомъ огромные транспорты, то маневры эти имѣютъ всю обстановку дѣйствительныхъ военныхъ операцій. Затѣмъ, въ Индіи мы установили правило, что всѣ войска должны быть всегда готовы къ немедленной мобилизаціи. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ Индія является лучшей школой для дрессировки британскихъ войскъ.

V.

Изъ 300 милліоновъ населенія Индіи около 200 милліоновъ (въ приблизительныхъ цифрахъ) живутъ исключительно сельскимъ хозяйствомъ. Остальные сто милліоновъ живутъ при помощи случайныхъ или постоянныхъ заработковъ или доходовъ въ обрабатывающей промышленности, торговлѣ, транспортномъ дѣлѣ, въ качествѣ домашней прислуги, чиновниковъ, солдатъ, бродячихъ ремесленниковъ и т. п. Что-же эти сто милліоновъ потребляютъ? — задается вопросомъ индусъ Боунагри [1]). Обойдите жилища всѣхъ классовъ населенія,— отвѣчаетъ онъ,—и вы убѣдитесь, что, за исключеніемъ продуктовъ земледѣлія, всѣ предметы, какіе вы встрѣтите, произведены внѣ предѣловъ Индіи, — главнымъ образомъ въ Англіи.

Загляните сначала въ наиболѣе скромную хижину работника-индуса. Тамъ вы найдете нѣсколько желѣзныхъ или мѣдныхъ горшковъ и кастрюль для приготовленія пищи, керосинъ или другое минеральное масло и спички для освѣщенія, пуговицы, булавки, крючки, иголки и нитки для шитья, временами молотокъ, щипцы, гвозди, веревки и т. п. Всѣ эти вещи — иностраннаго производства, безъ малѣйшаго исключенія.

Поднимитесь одной или двумя ступенями выше по соціальной лѣстницѣ, и вы найдете всѣ тѣ предметы, которые обыкновенно встрѣчаются въ жилищѣ европейскаго рабочаго: кухонныя принадлежности, лампы, свѣчи, мыло, бумагу, чернила, карандашъ и т. п. Ни одинъ изъ этихъ предметовъ не производится въ самой Индіи. Дома этихъ лучше живущихъ индусовъ выкрашены краской иностраннаго происхожденія, мебель вылакирована иностраннымъ лакомъ, ихъ одежда сдѣлана изъ матерьяла, привезеннаго изъ Европы.

---

[1]) См. его статью *Industries in India* въ цитированной выше книгѣ *India, Ceylon* etc., стр. 318—343.

Еще одной ступенью выше, — въ жилищахъ солдатъ, народныхъ учителей, приказчиковъ вы опять-таки встрѣтите почти исключительно продукты, произведенные не въ самой Индіи. Въ домахъ такъ называемыхъ среднихъ классовъ, зажиточныхъ купцовъ, чиновниковъ, землевладѣльцевъ и, въ еще большей степени, во дворцахъ милліонеровъ и набобовъ, преобладающее число предметовъ, которые вы увидите, опять-таки привезены изъ-за-границы. Даже мебель этихъ богатыхъ домовъ и дворцовъ является продуктомъ мѣстнаго издѣлія лишь въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Пружины мягкой мебели, отдѣлка, кисти, набивка, скобы, винты, гвозди, самые инструменты, которыми мебель сдѣлана,—все это не индійскаго происхожденія.

Только въ самые послѣдніе годы появились въ Индіи зачатки обрабатывающей промышленности, и въ настоящее время на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, пивоваренныхъ и кожевенныхъ заводахъ тамъ работаетъ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. Но, въ сравненіи съ общимъ числомъ индусовъ, эта цифра ничтожна, и зачатки эти пока еще не играютъ замѣтной роли въ экономіи страны. Притомъ большинство предпріятій опять-таки находится въ рукахъ англійскихъ капиталистовъ.

Между тѣмъ, вплоть до начала XIX вѣка Индія въ промышленномъ отношеніи не только не стояла позади европейскихъ странъ, но являлась прямымъ поставщикомъ для Европы. Но Англія при помощи искусной таможенной политики убила обрабатывающую промышленность Индіи и заполонила ея рынки своими товарами. Такимъ образомъ, подъ давленіемъ англійскаго правленія, съ одной стороны національное производство Индіи все болѣе и болѣе сокращалось и ограничивалось однимъ лишь сельскимъ хозяйствомъ, съ другой—изъ этого сокращеннаго производства все большая часть продуктовъ отбиралась у народа подъ видомъ налоговъ и употреблялась на непроизводительныя для Индіи цѣли. Результатомъ такого вѣкового высасыванія соковъ національнаго производства явился голодъ со своими спутниками — холерой, чумой, цынгой, голоднымъ тифомъ. Съ каждымъ разомъ голодъ охватывалъ все большіе и большіе районы, поражалъ все большее и большее число милліоновъ народа. За послѣднія пять лѣтъ голодъ почти не покидалъ Индіи, и въ прошломъ году страдало отъ недостатка пищи до 100 милліоновъ индусовъ. За послѣднія 40 лѣтъ, по самымъ скромнымъ вычисленіямъ [1]), въ Индіи погибло голодной смертью болѣе 15.000.000 человѣкъ, и въ настоящее время экономическое положеніе Индіи сдѣлалось безвыходнымъ.

---

[1]) *Famines and Land Assessments*, p. 16. Еще не успѣла Индія очнуться отъ голодовъ 1899—1900 гг., какъ новый голодъ уже стучится у ея дверей. Значительная часть Бомбея и нѣкоторыя другія области, какъ сообщаютъ позднѣйшія извѣстія, снова поражены засухой и неурожаемъ. Точный размѣръ новаго урожая еще не опредѣленъ.

Таковы результаты меркантильной политики Англіи. Правой рукой бросала она слабыя сѣмена культуры на индійскую почву, лѣвой она неустанно опустошала народные карманы. И когда брошенныя сѣмена культуры пускали ростки и требовали простора для свободнаго развитія, она топтала ихъ, потому что свобода несовмѣстима съ произволомъ и безконтрольной эксплуатаціей. И вотъ теперь обезсиленная Индія истекаетъ кровью у ногъ своихъ культурныхъ властелиновъ, и сама Англія растерялась и не знаетъ, что ей дѣлать съ этой голодной многомилліоной націей, не способной теперь не только покупать англійскихъ товаровъ, но и прокормить себя какъ-нибудь.

Такова политика жаднаго хищничества властелиновъ, теряющихъ образъ человѣческій и душу человѣческую, лишь только они почуютъ добычу. Такова политика не одной только Англіи по отношенію къ Индіи, но и великихъ державъ по отношенію къ Китаю и вообще ко всякой странѣ и ко всякому народу, которые не умѣютъ или не рѣшаются защищать себя отъ когтей хищниковъ. Эта политика не имѣетъ ничего общаго съ культурными задачами, хотя она и прикрывается ими, какъ развратная женщина прикрываетъ свое продажное тѣло шелками и бархатомъ. Такая политика вначалѣ обогащаетъ жадныхъ властелиновъ, но въ концѣ концовъ разоряетъ беззащитную жертву и гибельно отзывается на самомъ хищникѣ. Возможность вести войны при помощи индійской казны обусловила въ немалой степени въ самой Англіи развитіе имперіализма, который теперь истощаетъ жизненныя силы англійской націи.

Бѣдствія Индіи обусловлены не тѣмъ, что она составляетъ колонію Англіи,—Австралія, Новая Зеландія, Канада также считаются англійскими колоніями, и тѣмъ не менѣе онѣ отличаются высокой степенью благосостоянія. Бѣдствія Индіи проистекаютъ исключительно изъ того, что она подчинена *безконтрольной* власти господствующихъ классовъ Англіи. Эти властители насаждали западно-европейскую культуру въ Индіи, но они насаждали ее лишь постолько, посколько это имъ облегчало эксплуатацію экономическихъ силъ страны, и *посколько это не угрожило ихъ безконтрольному господству* надъ Индіей. И, въ результатѣ, культурный прогрессъ Индіи перевѣшивается ея экономическимъ разореніемъ.

Между тѣмъ, даже въ интересахъ чисто корыстныхъ, устраняя всякіе этическіе мотивы, должно было бы слѣдовать иной политикѣ, прямо противоположной той политикѣ хищничества, которую мы описали выше. Если бы Англія не распоряжалась безконтрольно финансами и законами Индіи, если бы она привлекла индусовъ къ управленію своей родиной и дала бы имъ такія-же широкія политическія права, какія она предоставила Австраліи или Канадѣ, индусская нація нашла бы средства поднять свое національное производство на уровень западно-европейскихъ странъ. Если бы Англія не уби-

вала искусственными и насильственными мѣрами индійской обрабатывающей промышленности, а, наоборотъ, способствовала ея свободному развитію, Индія была бы теперь богатой страной, и торговый обмѣнъ между Англіей и Индіей былъ бы въ десять разъ значительнѣе, чѣмъ теперь. Вѣдь самостоятельное развитіе промышленности во Франціи, Германіи или въ Америкѣ и Австраліи нисколько не мѣшало, а, наоборотъ, скорѣе содѣйствовало и содѣйствуетъ росту торговли Англіи съ этими странами, и теперь эта торговля достигла гигантскихъ размѣровъ.

На Китаѣ мы видимъ теперь повтореніе того, что случилось съ Индіей. Не прогрессивные элементы Европы несутъ знамя высшей цивилизаціи и культуры въ Китай, а ея хищническіе элементы идутъ на него съ огнемъ и мечомъ въ рукахъ, чтобы вселить ужасъ въ сердца безпомощныхъ китайцевъ и сдѣлать ихъ своими безмолвными рабами. Старыя войны Англіи и Франціи съ Китаемъ и теперешняя война всей Европы противъ него,—всѣ эти войны велись и ведутся не за водруженіе знамени западно-европейскаго прогресса и даже не за водвореніе капиталистическаго производства въ Китаѣ, а исключительно за ограбленіе его естественныхъ богатствъ и за возможно быстрое извлеченіе всѣхъ жизненныхъ соковъ изъ китайскаго народа.

„Если бы политика великихъ державъ въ Китаѣ,—говоритъ Генрихъ Куновъ [1]),—не руководилась ничтожными разсчетами на скоропреходящіе интересы торговли, она должна была бы направиться на поддержку всѣхъ движеній имѣющихъ цѣлью экономическое развитіе страны, введеніе необходимыхъ реформъ и ограниченіе вліянія чиновничества. Сломить власть мандариновъ—необходимое предварительное условіе для проведенія какой бы то ни было основной реформы. Хотя отдѣльныя лица изъ мандариновъ и могутъ быть истинно просвѣщенными, разумными людьми, но существующее бюрократическое правленіе, какъ цѣлое, есть главнѣйшее препятствіе на пути прогресса. На самомъ-же дѣлѣ восточно-азіатская политика европейскихъ державъ даетъ непрерывный рядъ примѣровъ противоположной тактики; о событіяхъ въ этой странѣ судятъ не потому, насколько они могутъ содѣйствовать ея культурному развитію и поднять ея потребленіе, но, къ сожалѣнію, по ихъ временной пользѣ для собственной торговли и укрѣпленія власти отдѣльныхъ державъ по отношенію другъ къ другу. Какъ Англія во время войны 1840—42 гг. принудила китайцевъ къ потребленію опіума, хотя ни у кого нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ вредномъ дѣйствіи его на китайскую народную жизнь, такъ она-же въ

---

[1]) См. „Жизнь", дек. 1900 г., стр. 191. Исторія возстанія тайпинговъ и войнъ Англіи и Франціи съ Китаемъ, см. въ *China*, by professor Robert K. Douglas. London. 1900 г., см. также *Narrative of Events in China* by Henry Loch. London. 1900 г. и *China in Decay: the Story of a disappearing Empire*, by Alexis Krausse. Третье изданіе. Лондонъ. 1900 г.

1860 г. въ союзѣ съ Франціей вступила за манчжуровъ противъ партіи тайпинговъ, хотя революція послѣднихъ была направлена спеціально противъ мандариновъ и манчжурской династіи и стремилась къ демократической реформѣ государственнаго управленія широкимъ общиннымъ самоуправленіемъ. Но когда возстаніе поднялось также въ Кіангъ-су и Че-кіангѣ, когда повстанцы завоевали Сучу и Нингъ-по и напали на Шанхай, важнѣйшій опорный пунктъ тогдашней англійской торговли, на первый планъ выступили англійскіе торговые интересы. Помимо того, движеніе тайпинговъ подобно большинству демократически-соціалистическихъ возстаній среднихъ вѣковъ, имѣло аскетическую тенденцію: тайпинги прежде всего отказались отъ употребленія опіума и спиртныхъ напитковъ, а торговля опіумомъ представляла лучшій источникъ доходовъ англійскихъ импортеровъ. Такимъ образомъ, оба союзника, которые сперва сами вели войну съ Китаемъ, теперь вступились за манчжурскую династію и помогли подавить демократическое движеніе".

Тѣ-же мотивы дикаго, слѣпого хищничества мы видимъ и въ настоящемъ походѣ Европы противъ Китая. Я уже не говорю о самихъ „военныхъ операціяхъ" европейцевъ, объ избіеніи тысячъ китайцевъ, не оказавшихъ европейскимъ войскамъ ни малѣйшаго сопротивленія, о разграбленіи и сожженіи китайскихъ деревень и городовъ, о варварскомъ расхищеніи и уничтоженіи безцѣнныхъ произведеній искусства императорскихъ дворцовъ; я прохожу мимо неслыханныхъ жестокостей, совершенныхъ въ Китаѣ европейскими войсками, пришедшими со знаменемъ „европейской цивилизаціи", но я спрашиваю: что дѣлали европейскіе дипломаты въ Китаѣ за тѣ шесть мѣсяцевъ военной оккупаціи, которые прошли со времени взятія Пекина? Они торговались и торгуются по вопросу *о количествѣ головъ, которыя должно отрубить китайцамъ за убійство германскаго посла Кеттлера*.— того самаго барона фонъ-Кеттлера, который „приказалъ нѣмецкимъ морякамъ стрѣлять въ семерыхъ китайцевъ, танцовавшихъ мирно на улицѣ" [1]). Вопросы о реформахъ, о низложеніи узурпаторши-императрицы, о выработкѣ какой-нибудь опредѣленной политики по отношенію къ Китаю,—обо всемъ этомъ до сихъ поръ и рѣчи не было.

Въ то время, какъ тутъ-же рядомъ, въ областяхъ Шенси и Шанси, милліоны обезумѣвшихъ отъ голода китайцевъ мрутъ, пожирая другъ друга,—въ это самое время аккредитованные представители самыхъ культурныхъ странъ міра вотъ уже шесть мѣсяцевъ препираются съ китайскимъ правительствомъ о томъ, позволить ли намѣченнымъ жертвамъ покончить жизнь самоубійствомъ или же настаивать на отру-

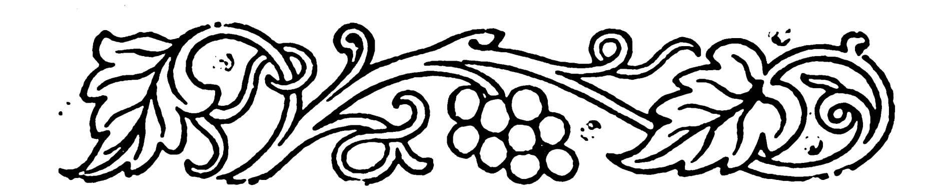
[1]) См. телеграмму агентства Лаффана за 17 февр. 1901 г. въ *Manchester Guardian*, 18 Feb. 1901. Всѣ семеро китайцевъ были убиты. Нападеніе на дома посольства началось послѣ этого безчеловѣчнаго акта.

бленіи имъ головъ; и въ это самое время христіанскіе миссіонеры въ Китаѣ думаютъ не о помощи голодающимъ китайцамъ, а о томъ, какъ бы содрать съ нихъ побольше. То же агентство Лаффана телеграфируетъ: „Миссіонеры требуютъ не только уплаты за уничтоженное боксерами имущество и жалованье за время войны, но и процентовъ на эту сумму. Миссіонеры, завѣдывающіе дѣлами одной фирмы мѣховой торговли, требуютъ вознагражденія, съ процентами, за всѣ уничтоженные мѣха, считая по нынѣшнимъ цѣнамъ, страшно поднявшимся за полгода по случаю войны, и такъ какъ посланники поддерживаютъ ихъ требованія, то всѣ иностранцы въ Китаѣ пришли къ убѣжденію, что теперь они имѣютъ удобный случай обогатиться. Итальянскій посланникъ предлагаетъ требовать вознагражденіе за убитыхъ въ войнѣ солдатъ, подъ предлогомъ, что они были *гостями* китайскаго правительства...“ И такъ какъ китайское правительство не въ силахъ удовлетворить расходившіеся аппетиты всѣхъ этихъ культурныхъ дикарей, то графъ Вальдерзее, главноуправляющій войсками великихъ державъ, предпринимаетъ теперь новый походъ противъ области Шенси. И, такимъ образомъ, ни въ чемъ неповинные мирные жители Шенси, страдающіе благодаря войнѣ отъ ужаснаго голода, будутъ теперь подвергнуты военной экзекуціи!..

Такова политика оффиціальной Европы въ Китаѣ. Мы видѣли, что „культурная миссія“ Англіи въ Индіи сильно перевѣшивалась политикой хищничества, но Англія все-таки выполнила въ Индіи хоть кое-какія культурныя задачи. Въ Китаѣ-же мы видимъ одно лишь разнузданное хищничество, едва лишь прикрытое некраснѣющимъ лицемѣріемъ. Примѣръ Индіи наглядно показываетъ намъ, чего можно ожидать отъ подобной политики въ Китаѣ. Ея результатомъ будетъ, съ одной стороны, превращеніе Китая въ царство вѣчнаго голода, и съ другой,—усиленіе милитаризма и всѣхъ реакціонныхъ элементовъ въ Европѣ. И по отношенію къ Китаю справедливъ тотъ выводъ, который мы сдѣлали выше по отношенію къ Индіи. Вопросъ, подпадетъ ли Китай подъ власть какой-либо европейской державы, или-же сохранитъ свою формальную независимость,—вопросъ этотъ не представляетъ особой важности. Вѣдь и теперь Китай находится подъ властью чужеземцевъ-манчжуровъ, и тепеь весь Китай раздѣленъ на 18 провинцій, управляемыхъ безконтрольными сатрапами—вице-королями. И останутся ли эти сатрапы номинальными владыками Китая, или-же ихъ замѣнятъ европейскіе чиновники, китайская цивилизація во всякомъ случаѣ осуждена на погибель въ силу самого своего безсилія. Но огромной важности представляется вопросъ, будетъ ли въ Китаѣ паденіе восточной цивилизаціи сопровождаться, подъ вліяніемъ Европы, ростомъ западно-европейскихъ учрежденій и культуры, или же тамъ будетъ имѣть мѣсто одна лишь работа разрушенія и хищничества?

Д. Сатуринъ.

Маленькіе разсказы.

I.

ВАНЮША.

КОГДА порѣшили на семейномъ совѣтѣ отправить Ванюшу въ Питеръ на заработки, онъ словно ошалѣлъ. Круглая, пухлая, розовая рожица мальчика осунулась въ одну недѣлю. Онъ ходилъ по избѣ какъ потерянный, принимался безъ нужды качать колыбель мирно спавшей маленькой Груни или съ ревомъ тыкался въ колѣни своей не старой годами, но старой лицомъ отъ работы и нужды, матери.

Мать гладила рѣденькіе, почти бѣлые волосики мальчика и заливалась слезами. Желая утѣшить сынка, она безъ разбора совала ему черныя ржаныя лепешки, соленые грузди или кислое молоко, прибѣгая къ этому утѣшительному средству такъ часто, что къ Ванинымъ нравственнымъ страданіямъ скоро присоединились и физическія, выражавшіяся болью и рѣзью живота.

Старая бабка причитала надъ мальчикомъ, какъ надъ покойникомъ и зловѣще предрекала всякія бѣдствія.

— Испортятъ тамъ тебя Ванюша, потеряешь себя и Бога забудешь, пьяницей и воромъ сдѣлаешься, громко выкрикивала старуха послѣдній слогъ.

Пока отца Ванюши, суроваго по виду мужика Семена, не было въ избѣ, причитанія не прекращались, но какъ только онъ входилъ въ избу — все смолкало. Бабка только стонала, укрывшись съ головой зипуномъ, а всегда безмолвная при мужѣ Лизавета старалась незамѣтно сморгнуть застилавшія ей глаза слезы и тыкая

нитку въ иглу и непопадая въ ушко, дѣлала видъ, что шьетъ Ванюшину рубашку.

Семенъ какъ-бы не замѣчалъ слезъ и стоновъ и весело, бодро наставлялъ Ванюшу.

— Чего куксишься, малецъ? Лѣтомъ на побывку пріѣдешь, навезешь намъ гостинцевъ изъ Питера, а поживешь подольше, такъ и денегъ присылать будешь матери. Какой еще ты тутъ работникъ, все равно годика три безъ дѣла бы мотался, а тамъ дѣлу научишься и заработокъ получать будешь.

Недѣля до отъѣзда Ванюши въ Питеръ промелькнула какъ мгновеніе. Сколько дѣла было въ домѣ, со всѣмъ то надо было проститься: Телка „Красотка" съ большими, кроткими глазами терлась о Ванино плечо мягкой мордой, точно чувствуя, что онъ уѣзжаетъ. Шарикъ все время не отходилъ и смотрѣлъ заискивающими глазами, на которыхъ Ванюша иногда замѣчалъ даже слезы; конечно, можетъ быть слезы были вызваны мольбою о подачкѣ, но мальчикъ приписывалъ ихъ всецѣло сочувствію Шарика къ его печальному положенію. Да что Шарикъ, Красотка—и пѣтухъ „Разбойникъ", ехидно и жестоко отнимавшій кормъ у собственныхъ своихъ, еще слабыхъ, дѣтенышей, даже неодушевленные предметы—толстое бревно у воротъ, гдѣ Ваня провелъ столько счастливыхъ часовъ въ пыли, у ногъ матери, и чахлыя березки у оконъ, всего было жаль, — все было дорого. Просто сердце кровью обливалось при мысли, что со всѣмъ надо разстаться.

Время неумолимо и не знаетъ состраданія. Хотя мальчикъ всей душой, горячѣе, чѣмъ ветхозавѣтный Іисусъ Навинъ, просилъ солнце дольше оставаться на небѣ и не закатываться, въ нашъ вѣкъ чудеса перевелись и солнце, взойдя и закатившись, какъ нарочно во всемъ своемъ чудномъ блескѣ шесть дней, наконецъ освѣтило столь же ярко и радостно печальный день, въ который Ванюша долженъ былъ проститься съ Грачовкой, своими пріятелями, матерью, Груней и всѣмъ дорогимъ и милымъ его сердцу.

Сентябрьскіе дни коротки; чтобы пройти пѣшкомъ 14 верстъ до станціи, Семенъ и Ванюша собрались въ дорогу рано. Въ избѣ стонъ стоялъ отъ причитаній, Лизавета уже не плакала, а только завывала и крестила безъ конца своего мальчика. Онъ такъ крѣпко вцѣпился въ ея юбку, точно рѣшилъ хотя эту коротенькую, старую юбченку унести съ собой въ страшный, невѣдомый Питеръ.

Бабка до послѣдней минуты все твердила:

— Не забывай Бога, Ванюша, не забывай Его, батюшка, и Онъ тебя не забудетъ.

Странно, что Груня, четырехмѣсячная крошка такъ плакала, кричала и ворочалась въ своей зыбкѣ все утро, что остроконечный шлычекъ изъ лоскутьевъ на ея головкѣ съѣхалъ и совершенно закрылъ ея худенькую рожицу, что нисколько не способствовало къ успокоенію дѣвочки.

Бѣлка, старая, но чудесная въ глазахъ Вани, лошадь зашибла ногу и везти не могла, поэтому Семенъ, взваливъ на плечо мѣшокъ съ имуществомъ Вани и силой оторвавъ мальчика отъ матери, повелъ его за руку изъ деревни.

Ванюша рыдалъ громко, неудержимо. Вотъ и послѣднія избы, и колодецъ, и рѣчка, сверкающая подъ яркими солнечными лучами. Одно еще было утѣшеніемъ— Шарикъ бѣжалъ рядомъ и, видимо довольный экстраординарностью событій, былъ необычайно веселъ, забѣгалъ впередъ, валялся въ грязи и, сдѣлавшись изъ желтаго грязно-сѣрымъ, не стѣснялся въ такомъ видѣ подбѣгать къ Ванюшѣ и прыгать ему на грудь, непрерывно порывисто и радостно лая.

Встрѣчные крестьяне изъ своей деревни и по дорогѣ, и въ селѣ, гдѣ Семенъ останавливался отдохнуть у свояка, привѣтливо ободряли мальчика.

— Не реви, мальченка, бариномъ заживешь и матери съ отцомъ помогать будешь.

Отдаляясь отъ дома, Ванюша и самъ, охваченный новизной впечатлѣній, начиналъ разсѣиваться, пересталъ плакать и удѣлялъ вниманіе окружающему. Своякова Дуня, однолѣтка Ванюши, по Грачовскимъ праздникамъ посѣщавшая съ отцомъ и матерью Ваню, теперь съ небывалымъ интересомъ и даже почтеніемъ посматривала на питерскаго Ваню, а онъ совсѣмъ ободрился и даже пыли ей въ глаза напустилъ.

— Что вы, дѣвчонки, смыслите, васъ отъ избы не оторвешь, а мы, мужики, того увидимъ, того увидимъ...

Въ эту минуту въ его головѣ проносились такія туманно фантастическія картины, чего то большого, блестящаго, что самому хотя жутко, но весело дѣлалось.

Изъ Грачовки вышли рано, но кабы не подвезъ знакомый мужикъ, не поспѣли бы на машину. Втиснутый въ вагонъ, откуда пахнуло спертымъ, тяжелымъ воздухомъ, Ванюша сѣлъ на полу на свой мѣшокъ и такъ какъ дѣло было къ вечеру, а за день онъ очень усталъ, скоро началъ дремать увѣрившись, что батька тутъ возлѣ.

Онъ сталъ припоминать, какъ вылъ Шарикъ, запертый у свояка, какъ заплакала Дуня при прощаньѣ, и вскорѣ заснулъ крѣпко, какъ дома послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на ногахъ въ поискахъ за грибами или ягодами.

II.

Ванюша поступилъ въ мелочную лавочку купца Гулкина въ мальчики. Гулкинъ, здоровенный мужикъ съ краснымъ, толстымъ лицомъ и дерзкими суровыми глазами, односельчанинъ Семена, принялъ Ванюшу послѣ долгихъ отговорокъ. Мальчикъ былъ взятъ безъ жалованья, на выучку по прикащичьей части, срокомъ на четыре года. Если въ эти четыре года онъ не будетъ баловать и привыкнетъ къ хозяйскому дѣлу, то и жалованье хорошее получитъ и въ лавкѣ останется.

Хозяинъ жилъ въ высокомъ пятиэтажномъ домѣ, въ самомъ верху, въ которомъ помѣщалась и лавочка, съ женой, забитой до полусмерти, больной женщиной, и тремя ребятишками. Старшему изъ нихъ было семь лѣтъ, а младшей дѣвочкѣ два года. Квартира Гулкиныхъ была маленькая, тѣсная. Въ ней всегда пахло очень рѣзко самыми разнообразными запахами, такъ какъ часть товара сохранялась здѣсь. Кухня, черезъ которую былъ ходъ въ коридоръ и комнату хозяевъ и въ которой на полу, на тоненькомъ тюфячкѣ, грязномъ и прорванномъ спалъ Ванюша, была главнымъ складомъ. Ящики свѣчей, мыла, макаронъ изъ складовъ приносились сюда, а уже потомъ частями препровождались въ лавочку. Лавченка была маленькая, товаръ самый дешевый,—Гулкинъ еще только разживался, а потому скалыжничалъ и урѣзывалъ на всемъ.

Ванюшѣ жить было трудно. Ѣлъ онъ всегда отдѣльно отъ хозяевъ, кое какъ, чаще всего какую-то бурду въ родѣ щей и сухой хлѣбъ, оставшійся непроданнымъ въ лавочкѣ. Таскалъ тяжести по крутой лѣстницѣ, скользя по грязнымъ, обледенѣлымъ ступенямъ. Платьишко на немъ всегда было грязное, изорванное. Хотя по условію съ Семеномъ Гулкинъ обязанъ былъ одѣвать Ванюшу, но прошелъ почти годъ съ поступленія мальчика на мѣсто, а еще ничего, кромѣ одной пары сапогъ, не было ему сдѣлано. Въ лавкѣ было очень холодно и сыро, въ квартирѣ невыносимо жарко отъ варки разной снѣди, печенки, ветчины, какой то вонючей рыбы и проч. для торговли. Всѣ эти подозрительные продукты казались вѣчно голодному мальчику обольстительными.

Обязанностей у Ванюши было очень много: разносить

корзины, очень тяжелыя для его 11 лѣтъ, по квартирамъ покупателей, бѣгать по порученіямъ хозяина въ квартиру и обратно въ лавочку, нянчить дочку хозяина Катюшу, утромъ и вечеромъ подметать кухню и хозяйскія комнаты, вытирать шваброй по нѣсколько разъ въ день полъ лавочки, посыпать его опилками, да всѣхъ его дѣлъ и не сосчитать. И все бы не бѣда, если бы не жестокіе побои хозяина, побои за всякую оплошность или промедленіе, побои почти безъ всякой вины, изъ сладострастія къ виду чужихъ страданій, слезъ и отчаянія. Черезъ 10 мѣсяцевъ такой жизни Ваня ходилъ съ синяками по всему тѣлу, съ головой покрытой болячками въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ были вырваны волосы.

Сосѣди, часто слыша отчаянные вопли Ванюши, собирались жаловаться на Гулкина, но это все были бѣдняки, должавшіе въ лавочку, они боялись прогнѣвить Гулкина и иногда только отваживались говорить ему:

— Грѣхъ, Василій Васильевичъ, дитя истязать, отвѣтишь за это, смотри въ немъ еле душа держится.

На что получали грозный отвѣтъ:

— А ты сперва деньги отдай, а тамъ и учи: сваво работника бьемъ, тебѣ что за дѣло?

Случались иногда у Ванюши минуты радости: иная добрая женщина изъ прислуги, когда худенькій мальчикъ притаскивалъ въ кухню корзину съ покупками, гладила его по головѣ и кормила чѣмъ могла, разспрашивая о его отцѣ и матери, а иногда, если Ванюша попадался на глаза барынѣ, то получалъ и пятакъ. Въ такомъ случаѣ онъ немедленно покупалъ себѣ что нибудь упоительно вкусное, въ родѣ мороженнаго яблока или апельсина съ сгнившей половинкой, и наслаждался. Но такъ какъ острыя наслажденія всегда тяжело оплачиваются, то и Ванюшѣ приходилось по возвращеніи получать колотушки, пропорціонально времени, потраченному на самоуслажденіе.

Грамотѣ Ванюша учился въ деревенской школѣ, но писалъ плохо, такъ плохо, что не могъ излить въ письмахъ къ домашнимъ страданія своего наболѣвшаго сердечка. Онъ, выводя каракульки, твердилъ все одно: „домой возьмите, скучно больно“, вотъ и все. Письма отсылалъ самъ хозяинъ, отсылалъ очень рѣдко, а изъ деревни совсѣмъ писать было некому.

За прожитые мѣсяцы Ванюша приглядѣлся къ пріемамъ торгашескаго надувательства. Онъ видѣлъ какъ обвѣшивалъ хозяинъ покупателей, умышленно оттягивая чашку вѣсовъ, на которыхъ лежалъ товаръ. Видѣлъ, какъ свѣжія припасы перемѣшивались съ порчеными, видѣлъ

какъ отпускались бѣднымъ должникамъ залежалые, негодные продукты. Смутно жившее въ мальчикѣ сознаніе, что слѣдуетъ поступать правильно, постепенно затуманилось...

Въ началѣ пребыванія въ Петербургѣ онъ, памятуя наставленія милой бабки, избитый и голодный ночью часто становился на колѣни на своемъ тюфячкѣ и сквозь слезы молился: „Господи, отошли меня домой, Господи, возьми меня въ деревню,,...“ Но дни шли, ему жилось все труднѣе, а помощи не было. Молиться его никто не заставлялъ, и онъ пересталъ молиться. Онъ видѣлъ, какъ по большимъ праздникамъ, хозяинъ пріодѣвшись ходилъ въ церковь и бралъ иногда съ собою семилѣтняго Васютку, строго наказывая безсловесной женѣ, чтобъ къ его приходу былъ готовъ пирогъ и самоваръ. По возвращеніи хозяина отъ обѣдни начинались опять брань, побои и мелкая суетливая дѣятельность.

Когда, послѣ суровой въ этотъ годъ зимы и долгой холодной весны безъ солнца и зелени, наконецъ наступило тепло и Ванюша увидѣлъ почки на деревцахъ въ садикѣ у сосѣдней церкви, сердце его забилось надеждой и радостью. Отецъ при отъѣздѣ, желая утѣшить отчаянно рыдавшаго мальчика, обѣщалъ взять его лѣтомъ въ деревню, и всѣ надежды Ванюши, мечты и планы вращались на этомъ обѣщаніи. Чѣмъ ближе время шло къ лѣту, тѣмъ ревностнѣе исполнялъ мальчикъ свои обязанности: скребъ и вытиралъ безъ устали, таскалъ на своихъ слабыхъ рукахъ Катюшу, больную дѣвочку съ несоразмѣрно большой головой и животомъ. Блестящіе, радостные глаза его все сильнѣе загорались по мѣрѣ того, какъ солнце веселѣе и жарче грѣло свѣжіе, нѣжно зеленые листочки въ садикѣ. Вотъ вспухли почки черемухи, вотъ совсѣмъ растрескались листочки вербы, вотъ зазеленѣла березка, зацьѣла черемуха и ясно обозначились темныя вѣточки будущихъ цвѣтовъ сирени.

Прошелъ іюнь, зелень въ садикѣ отъ пыли и духоты стала терять свою кратковременную, городскую красоту, а письма изъ деревни все нѣтъ, какъ нѣтъ...

Ванюша, которому не къ кому было привязаться, некому было излить своей тоски, отдалъ свою любовь больной Катюшѣ, напоминавшей ему маленькую сестренку. Катюша стала его утѣхой, его мучительницей и отрадой. Все лѣто дѣвочка болѣла и кричала по часамъ и, только прижавшись тяжелой головой къ слабенькой груди Ванюши, успокоивалась, смотрѣла на него большими, круглыми глазами, прижимаясь

корзины, очень тяжелыя для его 11 лѣтъ, по квартирамъ покупателей, бѣгать по порученіямъ хозяина въ квартиру и обратно въ лавочку, нянчить дочку хозяина Катюшу, утромъ и вечеромъ подметать кухню и хозяйскія комнаты, вытирать шваброй по нѣсколько разъ въ день полъ лавочки, посыпать его опилками, да всѣхъ его дѣлъ и не сосчитать. И все бы не бѣда, если бы не жестокіе побои хозяина, побои за всякую оплошность или промедленіе, побои почти безъ всякой вины, изъ сладострастія къ виду чужихъ страданій, слезъ и отчаянія. Черезъ 10 мѣсяцевъ такой жизни Ваня ходилъ съ синяками по всему тѣлу, съ головой покрытой болячками въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ были вырваны волосы.

Сосѣди, часто слыша отчаянные вопли Ванюши, собирались жаловаться на Гудкина, но это все были бѣдняки, должавшіе въ лавочку, они боялись прогнѣвить Гудкина и иногда только отваживались говорить ему:

— Грѣхъ, Василій Васильевичъ, дитя истязать, отвѣтишь за это, смотри въ немъ еле душа держится.

На что получали грозный отвѣтъ:

— А ты сперва деньги отдай, а тамъ и учи. Своего работника бьемъ, тебѣ что за дѣло?

Случались иногда у Ванюши минуты радости: иная добрая женщина изъ прислуги, когда худенькій мальчикъ притаскивалъ въ кухню корзину съ покупками, гладила его по головѣ и кормила чѣмъ могла, разспрашивая о его отцѣ и матери, а иногда, если Ванюша попадался на глаза барынѣ, то получалъ и пятакъ. Въ такомъ случаѣ онъ немедленно покупалъ себѣ что нибудь упоительно вкусное, въ родѣ мороженнаго яблока или апельсина съ сгнившей половинкой, и наслаждался. Но такъ какъ острыя наслажденія всегда тяжело оплачиваются, то и Ванюшѣ приходилось по возвращеніи получать колотушки, пропорціонально времени, потраченному на самоуслажденіе.

Грамотѣ Ванюша учился въ деревенской школѣ, но писалъ плохо, такъ плохо, что не могъ излить въ письмахъ къ домашнимъ страданія своего наболѣвшаго сердечка. Онъ, выводя каракульки, твердилъ все одно: „домой возьмите, скучно больно“, вотъ и все. Письма отсылалъ самъ хозяинъ, отсылалъ очень рѣдко, а изъ деревни совсѣмъ писать было некому.

За прожитые мѣсяцы Ванюша приглядѣлся къ пріемамъ торгашескаго надувательства. Онъ видѣлъ какъ обвѣшивалъ хозяинъ покупателей, умышленно оттягивая чашку вѣсовъ, на которыхъ лежалъ товаръ. Видѣлъ, какъ свѣжія припасы перемѣшивались съ порчеными, видѣлъ

какъ отпускались б...нымъ должникамъ залежалые, негодные продукты ...ично тлѣвшее въ мальчикѣ сознаніе, что слѣдуетъ ...жить правильно, постепенно затуманилось...

Въ нач... пребыванія въ Петербургѣ онъ, памятуя наставл... старой бабки, избитый и голодный ночью часто ...вился на колѣни на своемъ тюфячкѣ и сквозь сле... молился: „Господи, отошли меня домой, Господи, ... меня въ деревню„...“ Но дни шли, ему жилось ...е труднѣе, а помощи не было. Молиться его никто не ...ставлялъ, и онъ пересталъ молиться. Онъ видѣлъ, какъ по большимъ праздникамъ, хозяинъ пріодѣвшись ходилъ въ церковь и бралъ иногда съ собою семилѣтняго Васютку, строго наказывая безсловесной женѣ, чтобъ къ его приходу былъ готовъ пирогъ и самоваръ. По возвращеніи хозяина отъ обѣдни начинались опять брань, побои и мелкая суетливая дѣятельность.

Когда, послѣ суровой въ этотъ годъ зимы и долгой холодной весны безъ солнца и зелени, наконецъ наступило тепло и Ванюша увидѣлъ почки на деревцахъ въ садикѣ у сосѣдней церкви, сердце его забилось надеждой и радостью. Отецъ при отъѣздѣ, желая утѣшить отчаянно рыдавшаго мальчика, обѣщалъ взять его лѣтомъ въ деревню, и всѣ надежды Ванюши, мечты и планы вращались на этомъ обѣщаніи. Чѣмъ ближе время шло къ лѣту, тѣмъ ревностнѣе исполнялъ мальчикъ свои обязанности, скребъ и вытиралъ безъ устали, ...скалъ на своихъ слабыхъ рукахъ Катюшу, больную дѣ...очку съ несоразмѣрно большой головой и животомъ. Бле...ящіе, радостные глаза его все сильнѣе загорались по м...ѣ того, какъ солнце веселѣе и жарче грѣло свѣжіе, нѣ...но зеленые листочки въ садикѣ. Вотъ вспухли почки че...мухи, вотъ совсѣмъ растрескались листочки вербы, во... зазеленѣла березка, зацвѣла черемуха и ясно обознач...лись темныя вѣточки будущихъ цвѣтовъ сирени.

Прошелъ іюн... зелень въ садикѣ отъ пыли и духоты стала терять свою ...раткровременную, городскую красоту, а письма изъ деревн... все нѣтъ, какъ нѣтъ...

Ванюша, котором... не къ кому было привязаться, некому было излить с...оей тоски, отдалъ свою любовь больной Катюшѣ, ...поминавшей ему маленькую сестренку. Катюша стала ...го утѣхой, его мучительни...ей и отрадой. Все лѣто д...вочка болѣла и кричала по ...асамъ и, только прижав...ись тяжелой головой къ сла...енькой груди Ванюши, ус...коивалась, смотрѣла на него большими, круглыми гла...ми, прижималась

къ нему и засыпала, а онъ, гладя ея головку, вспоминалъ Груню, которая теперь уже вѣрно такая же большая выросла. Какъ бы ни кричала Катюша, завидя мальчика она протягивала къ нему ручонки, называла его по имени и затихала. Маленькіе Костя и Васютка по цѣлымъ днямъ лѣтомъ пропадали, а когда лавочка запиралась и Ванюша приходилъ, домой обыкновенно уже спали. Хозяйка Ванюши стала ласковѣе къ мальчику, видя его заботы о Катюши, но она могла только сунуть ему лишній кусокъ или заштопать рубашку, а защитить его отъ побоевъ уберечь его душу отъ дурныхъ примѣровъ была не въ силахъ. Она такъ боялась своего хозяина и мужа, что не могла отстоять отъ него даже и собственныхъ дѣтей, которымъ тоже приходилось зачастую получать колотушки.

— Пять голодныхъ ртовъ одному накормить надо, одинъ какъ есть, помощника въ дѣлѣ брать не на что, а помощниковъ ѣсть да пить—дѣвать некуда.

— Что ты, Василій Васильевичъ, дѣтей хлѣбомъ коришь, ну я хоть тѣмъ виновата, что хилая да больная, а дѣтская душа чѣмъ виновна? боязливо возражала ему жена.

— Поговори, еще кляча дохлая.

И бѣдная кляча молчала, продолжая свою непосильную, поистинѣ лошадиную работу.

Дѣла у бѣдной женщины было много: дѣтей обшить обмыть; состряпать на семью и что нужно въ лавочку, бѣгать на рынокъ, ночи не спать съ больной Катюшей... Хозяинъ словомъ добрымъ съ женою не обмолвился за все время какъ жилъ у нихъ Ванюша. Сосѣди говорили, что онъ забилъ ее и до хвори довелъ побоями. Гулкинъ любилъ одного Васютку, видя въ немъ своего наслѣдника и помощника въ будущемъ. Онъ рѣдко билъ его, бралъ съ собою въ церковь, а когда мальчикъ забѣгалъ въ лавочку, совалъ ему гостинца и гладилъ по черной, кудрявой головкѣ. Васютка пользовался своимъ положеніемъ и дома съ матерью и дѣтьми копировалъ отца.

— Ну давай скорѣй ѣсть, что ли, чаво копаешься, покрикивалъ мальчикъ на мать: — дохлая и есть, жду, дождаться не могу.

Мать корила сына, но тронуть его не смѣла.

Васютка не любилъ и Ванюшу, потому что видѣлъ, какъ строгъ и жестокъ съ нимъ отецъ. Если Ванюша, проходя мимо церковнаго садика, останавливался посмотрѣть на играющихъ въ садикѣ дѣтей, Васютка бѣжалъ къ отцу и доносилъ, что Ванькагуляетъ, и Ванюшѣ жестоко доставалось за минуты отдыха и забвенія.

Костя, здоровый, краснощекій бутузъ жилъ особой беззаботной жизнью: ѣлъ, спалъ и цѣлыми днями распѣвалъ на дворѣ необыкновенно громкимъ и звонкимъ для своихъ лѣтъ голосомъ, подражая заходившимъ разнощикамъ и нищимъ музыкантамъ.

Какой то чиновникъ, жившій въ квартирѣ выходившей, окнами на дворъ, называлъ Костю протодіакономъ.

— Ну, протодіаконъ опять залился, на пряникъ и убирайся подальше, мѣшаешь оранiемъ своимъ дѣломъ заниматься.

Дѣломъ чиновникъ называлъ заучиваніе глупѣйшихъ монологовъ для любительскихъ спектаклей. Но протодіаконъ этого не зналъ и, получивъ подачку, бѣжалъ на улицу. Унаслѣдовавъ практичность своего папаши, Костя черезъ нѣкоторое время опять появлялся на дворѣ и выводилъ еще громче свои пѣсни. Репертуаръ его былъ очень обширенъ. Когда во дворъ входили съ старенькой шарманкой молодой человѣкъ съ истасканнымъ, испитымъ лицомъ и дѣвочка, худая, растрепанная, съ большими, не русскими глазами, которыми она жадно обводила окна, и сиплыми голосами начинали пѣть:

Зачѣмъ ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся тобой...

Костя разиня ротъ останавливался передъ пѣвцами и молча прослушавъ мотивы, начиналъ вторить самъ, перевирая слова, но вѣрно передавая мелодію. Ему не препятствовали: чѣмъ громче, тѣмъ лучше — больше подадутъ.

Къ концу іюля Ванюша потерялъ всякую надежду на отъѣздъ домой, онъ становился все печальнѣе и сумрачнѣе, дѣло валилось у него изъ рукъ, и перспектива еще такого же года, а можетъ быть и нѣсколькихъ, тѣхъ же страданій, голода и побоевъ казалась ему невозможной. Въ его усталой, туманной головѣ началъ созрѣвать отчаянный планъ.

Ванюша задумалъ бѣжать изъ ужаснаго Питера къ себѣ въ деревню. Надо было добраться до Московской машины, доѣхать до своей станціи, названіе которой онъ прекрасно зналъ, а тамъ пробѣжать 14 верстъ до любимой Грачовки — до милыхъ лицъ, ласки, свободы и зеленыхъ, любимыхъ полей. Дни за днями работала голова мальчика надъ этимъ смѣлымъ планомъ. Главное препятствіе заключалось въ неимѣніи денегъ на машину, а мальчикъ уже прекрасно понималъ, что безъ денегъ ничего не подѣлаешь. Долго думалъ Ванюша, какъ бы

раздобыть бумажку,—онъ отлично помнилъ, что отецъ отдалъ за билеты бумажку—и наконецъ придумалъ...

Теплое августовское утро вошло надъ Петербургомъ. Солнце грѣло жарко и ярко, синее небо, прозрачное и глубокое, казалось такимъ близкимъ изъ окна кухни, въ которой Ванюша снаряжался въ далекій путь.

Хозяинъ съ ранняго утра, до открытія лавочки, пошелъ по торговымъ дѣламъ, хозяйка на рынокъ, а дѣти, кромѣ Катюши, убѣжали на дворъ. Дѣвочка спала. Ванюша вытащилъ на средину кухни изъ угла ящикъ изъ-подъ макаронъ, въ которомъ хранилось его имущество и задумался надъ тѣмъ, что выбрать для себя на дорогу. Казалось бы, выборъ былъ не особенно затруднителенъ. но мальчику всего стало жаль и все хотѣлось забрать съ собою, даже коробочки изъ-подъ мармелада съ картинками на крышкахъ, которыя такъ много радости доставили бы маленькой Грунѣ, а для нея ихъ и берегъ Ванюша. Пораздумавъ, онъ большимъ кухоннымъ ножемъ вырѣзалъ картинки и всунулъ ихъ въ карманъ панталонъ. Вмѣстѣ съ ними положилъ маленькій образокъ Божьей Матери, съ которымъ заказывала ему никогда не разставаться бабушка, и нѣсколько большихъ орѣховъ, тоже еще съ Рождества припрятанныхъ для Груни. Потомъ Ваня надѣлъ на себя двѣ рубашки, болѣе уцѣлѣвшія, а поверхъ, несмотря на жаркое утро, старенькій тулупчикъ и праздничные сапоги, единственную вещь, заслуженную имъ за время жизни у Гулкина. Отъ Ваниной возни проснулась Катюша, положенная матерью въ кухнѣ на плитѣ, на большой подушкѣ.

— Вана, Вана, и дѣвочка по привычкѣ протянула мальчику свои ручонки.

— Что, Катюша, что, милушка, на вотъ тебѣ играй. Онъ вытащилъ изъ кармана одну изъ драгоцѣнныхъ картинокъ, изображавшую откровенно декольтированную красавицу съ ярко рыжими волосами, и подалъ дѣвочкѣ.

Подарокъ мало удовлетворилъ Катюшу, она все продолжала тянуться къ мальчику.

Въ головѣ Ванюши мелькнула мысль объ орѣхахъ, но онъ перемѣнилъ первоначальное намѣреніе — накормить ими Катюшу и далъ ей булки съ молокомъ, оставленныя матерью на столѣ для дѣвочки. Пока Катюша кушала, мальчикъ отрѣзалъ себѣ большой кусокъ чернаго хлѣба и за неимѣніемъ мѣста въ карманѣ, засунулъ его за пазуху. Теперь онъ былъ совершенно готовъ для далекаго путешествія, ни холодъ, ни голодъ его не страшили, дѣло было за одними деньгами. Онъ рѣшилъ

больше уже не возвращаться сюда, а потому оставшіяся минуты посвятилъ Катюшѣ. Онъ цѣловалъ дѣвочку, называлъ ее своей маленькой сестренкой, звалъ съ собою въ деревню, прельщая всѣмъ, что для него самого было тамъ такъ обольстительно и дорого.

— Шарикъ тебя полюбитъ, не бойся и Бѣлка и Груня, всѣ тебя полюбятъ,—у него даже блеснула остроумная мысль, не взять ли и въ самомъ дѣлѣ съ собою Катюшу, но, вспомнивъ о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ, онъ отказался отъ блестящей мысли.

Катюша, радостная отъ расточаемыхъ ласкъ и поцѣлуевъ, хлопала въ ладошки и прижималась къ мальчику. Прилетѣвшій на карнизъ открытагò окна голубь, часто посѣщавшій въ эти утренніе часы дѣтей, занялъ ихъ, особенно дѣвочку.

— Гуй, гуй, лепетала Катюша, голубю давали крошки, онъ развязно подбиралъ ихъ привыкшій къ дѣтямъ, кокетливо повертывая свою шейку, отливавшую въ яркихъ солнечныхъ лучахъ всѣми цвѣтами.

Шумъ отворявшейся двери испугалъ кроткаго гостя и онъ полетѣлъ черезъ дворъ на карнизъ другого окна, гдѣ жили можетъ быть не такія несчастныя, забитыя дѣти.

Хозяйка тяжело вошла, поставила на столъ большую корзину съ провизіей.

— Иди, Ванюша, въ лавочку, хозяинъ позвать велѣлъ, обратилась она къ мальчику,—да что это ты въ такую теплынь какъ укутался?

— Зазябъ больно, тетенька, зчобитъ что то... я побѣгу.

Ванюша еще разъ прижалъ къ себѣ дѣвочку и выбѣжалъ на лѣстницу.

Встрѣтившійся на дворѣ Костя упражнялъ свои легкія, выкрикивая на весь дворъ, подражая только что ушедшему со двора мужику.

— Костей, тряпокъ, костей, тряпокъ продавать, картавя на букву р, но вѣрно передавая интонацію.

Онъ былъ въ одной рубашенкѣ, босикомъ, грязный, но розовый, сіяющій и какъ всегда всѣмъ и всѣми довольный.

Ванюша не видалъ зла отъ Кости за все свое пребываніе въ Петербургѣ; онъ подошелъ къ нему и поцѣловалъ его грязныя губки, похожія на выпачканный въ грязи бутонъ розы. Костя въ удивленіи отъ необычной ласки остановился на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ, но не успѣлъ Ванюша скрыться въ лавочкѣ, какъ услышалъ за собою звонкій голосъ Кости, съ увлеченіемъ продолжавшаго прерванноезанятіе.

— Чего пострѣлъ шутомъ обрядился, привѣтствовалъ Гулкинъ мальчика, при входѣ его въ лавочку, да еще новые сапоги напялилъ, сымай сейчасъ чертенокъ:—ишь баринъ какой выискался!

Вошедшая въ лавочку за покупками полная, пожилая женщина прервала потокъ его ругательствъ.

Ванюша снялъ полушубокъ и сапоги, положилъ ихъ въ уголочкѣ подлѣ жестянокъ съ керосиномъ и деревяннымъ масломъ, разсчитывая захватить все, когда придетъ время бѣжать.

— Больно дорожитесь, Василій Васильевичъ, теперь не зимнее время, новые корешки поспѣваютъ...

— Поспѣваютъ, да еще не поспѣли, почтеннѣйшая, сами дорого платимъ.

Женщина выбрала что нужно и спросила сдачи съ трехрублевки.

Хозяинъ отперъ выручку, въ которой лихорадочно слѣдившіе за его руками глаза мальчика увидѣли мѣдяки съ одной стороны и стопочки серебра и нѣсколько бумажекъ съ другой. Хозяинъ отсчиталъ сдачи и положилъ трехрублевку поверхъ другихъ бумажекъ.

— Вотъ такую какъ есть бумажку тятька на машинѣ отдавалъ, мелькнуло въ головѣ мальчика.

Каждый разъ когда приходили новые покупатели и хозяинъ отпиралъ выручку, мальчикъ чѣмъ бы ни былъ занятъ въ это время, з аглядывалъ въ ящикъ съ деньгами. Зелененькая бумажка оставалась на мѣстѣ. Сердце Ванюши громко стучало въ груди и временами кровь волной приливала къ нему, его бросало то въжаръ, то въ холодъ, глаза лихорадочно горѣли щеки то блѣднѣли еще больше, то окрашивались румянцемъ.

Нѣсколько разъ прибѣгалъ Васютка и, получивъ отъ отца какую нибудь подачку, убѣгалъ на улицу.

Такъ прошло время часовъ до двухъ. Пообѣдавъ не выходя изъ лавочки, Ванюша все больше и больше волновался, чувствуя, что время уходитъ, а его дѣло не подвигается.

Въ эту пору дня всегда бывало меньше всего покупателей, и Васютка, по опыту зная, что отецъ теперь свободнѣе и добрѣе, снова появился и сталъ просить пятачекъ на мороженое. Гулкинъ сначала отказалъ наотрѣзъ, но черные блестящіе глаза мальчика съ такой мольбой смотрѣли на него, что онъ не выдержалъ и полѣзъ въ выручку за пятакомъ.

Зажавъ полученный пятакъ въ рукѣ, Васютка, какъ бомба, вылетѣлъ на улицу, оставивъ дверь непритворенной. Почти одновременно съ его исчезновеніемъ,

только что Гулкинъ хотѣлъ запереть выручку, послышался съ улицы отчаянный, дѣтскій крикъ...

Ванюша видѣлъ, какъ хозяинъ испуганно бросился къ дверямъ, оставивъ ключъ въ ящикѣ. Лавочка была пуста. Теперь наступило время взять завѣтную бумажку.

Мальчикъ дрожа всѣмъ тѣломъ бросился къ выручкѣ. Нѣсколько секундъ пробовалъ повернуть ключъ въ замкѣ, — ключъ не двигался. Попробовавъ открыть крышку, онъ съ радостью почувствовалъ, что ящикъ не запертъ и крышка открылась свободно. Въ глазахъ Ванюши расплывались какіе то зеленые круги, онъ шарилъ въ ящикѣ, отыскивая намѣченную бумажку, но волненіе его было такъ сильно, что онъ ничего не могъ разглядѣть, пальцы его натыкались на мѣдяки, шарили по пустому дну ящика и наконецъ ущупали какую то бумажку. Ванюша зажалъ ее въ правой рукѣ, ходуномъ ходящей отъ дрожи. Забывъ всякую осторожность, онъ громко, со звономъ захлопнулъ лѣвой рукой крышку выручки.

Когда мальчикъ настолько справился съ собой, что могъ сознательно взглянуть вокругъ, — первое что онъ увидѣлъ было, какъ разъ передъ нимъ, лицо подходившаго хозяина, лицо потемнѣвшее отъ бѣшенства, съ свирѣпыми глазами, съ дрожащими губами, не могущими ничего выговорить отъ переполнявшей все существо злобы.

Ванюша на минуту окаменѣлъ, а затѣмъ, не издавъ ни звука, бросился заднимъ ходомъ изъ лавочки понимая, что отступленіе на улицу отрѣзано, въ испугѣ забывъ о воротахъ, быстро, какъ стрѣла, пролетѣлъ дворъ и однимъ махомъ взбѣжалъ на темную крутую лѣстницу, ведущую въ хозяйскую квартиру. Въ головѣ его была одна мысль: укрыться куда нибудь подальше, укрыться съ головой, чтобы никакъ нельзя было его разыскать, чтобы избѣжать или отдалить расправу съ нимъ этого страшнаго, безжалостнаго человѣка.

Въ кухнѣ никого не было. Мальчикъ зналъ, что имѣетъ нѣсколько свободныхъ минутъ въ своемъ распоряженіи, — хозяинъ не оставитъ лавочку безъ сторожа. Онъ осматривался кругомъ, какъ заяцъ, со всѣхъ сторонъ, окруженный собаками. Изъ комнаты слышался плачъ Катюши и голосъ хозяйки успокаивавшей дѣвочку. Значитъ и тамъ нельзя было спрятаться. Онъ взглянулъ въ открытое настежъ окно на дворъ и въ синее глубокое небо. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ сѣлъ на подоконникъ и мысли вихремъ кружились въ его голо-

нѣ. Какъ убѣжать, куда спрятаться, какъ пробраться незамѣченнымъ на дворъ, шмыгнуть на улицу, а тамъ бѣжать, бѣжать безъ оглядки. Раскрытые широко глаза мальчика были страшны выраженіемъ смертельнаго ужаса столь несвойственнаго дѣтскому лицу.

Вдругъ онъ услышалъ тяжелые, поднимавшіеся вверхъ шаги и мгновенно понялъ, что вотъ она, эта страшная опасность, близится, сейчасъ настигнетъ его и раздавитъ. Вотъ она все ближе, все неизбѣжнѣе.

Мальчикъ вскочилъ на ноги, еще разъ безнадежно оглянулся вокругъ, потомъ опять, точно не по своей волѣ, сѣлъ на подоконникъ; онъ чувствовалъ, что отъ страха не можетъ двинуться, точно потерявъ мгновенно всѣ свои силы. Дверь отворилась, онъ увидѣлъ огромную фигуру хозяина съ стиснутыми кулаками, подходившую къ нему...

Мальчикъ, поблѣднѣвъ, какъ мертвый, заломилъ руки вверхъ, перекинулся корпусомъ назадъ и, соскользнувъ съ подоконника на карнизъ окна, какъ большая птица съ распростертыми крыльями полетѣлъ внизъ.

Черезъ минуту маленькое тѣло, съ широко открытыми глазами, въ которыхъ навсегда застыло выраженіе ужаса, грохнулось о камни двора. Оно лежало неподвижное, жалкое, безмолвное. Глаза смотрѣли въ глубокое, синее небо, точно ища въ немъ отвѣта за что была загублена эта невинная, дѣтская жизнь.

Е. Лебедева.

II.

ВЪ ЗАНОСАХЪ.

Петръ Ивановичъ Севастьяновъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, губернаторъ Н—ской губерніи перевернулся съ бока на бокъ, глубоко вздохнулъ, пробормоталъ „все стоимъ", натянулъ одѣяло до самыхъ ушей и продолжалъ храпѣть. Слабый утренній свѣтъ еле-еле пробивался черезъ темную занавѣску окна вагона; въ купэ I класса, гдѣ помѣщался только одинъ губернаторъ, царилъ полумракъ.

Долго ли, коротко ли почивалъ его превосходительство, однако, въ концѣ-концовъ онъ опять перевернулся съ бока на бокъ и снова пробормоталъ: „Все стоимъ.—Не катастрофа ли со встрѣчнымъ поѣздомъ? паровозъ сломался! несчастіе

какое-нибудь?" подумалъ онъ и протеръ глаза. Минутъ десять онъ пролежалъ еще соображая, потомъ зѣвнулъ, потянулся и сѣлъ на диванѣ. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, располагаясь въ вагонѣ на ночь, какъ дома.

— Удивительно, произнесъ онъ вслухъ, все стоимъ, положительно необходимо освѣдомиться и объяснить.

Онъ сталъ медленно одѣваться.

Это былъ маленькій кругленькій человѣкъ, очень подвижный, съ слегка лоснящимся лицомъ и чуть-чуть заплывшими маленькими живыми глазами. Находясь въ дорогѣ по своимъ дѣламъ, онъ всегда носилъ статское, считая такую манеру одѣваться гораздо болѣе приличной и изящной чѣмъ форменное платье. Когда маленькій и кругленькій, въ пальто съ каракулевымъ воротникомъ и въ такой же шапкѣ, онъ вышелъ въ коридоръ вагона, то его можно было принять за кого угодно, но никакъ ни за его превосходительство П—скаго губернатора, такъ что даже служитель меланхолически мечтавшій о чемъ-то у окна и копавшій усердно у себя въ носу, не прекратилъ своего занятія, не вытянулся во фронтъ и не пожелалъ добраго утра.

— А что, любезный, по какой причинѣ мы стоимъ? мягко обратился къ служителю губернаторъ.

— Въ заносахъ стоимъ, снѣга навалило, ну и стоимъ, небрежно отозвался тотъ.

— Давно-то стоимъ? настаивалъ губернаторъ, съ негодованіемъ взглядывая на собесѣдника.

— Давно, часа четыре уже сверхъ штата прохлаждаемся, также небрежно отвѣчалъ служитель.—Не сумлѣвайтесь, ваше благородіе, еще значится, можетъ много простоимъ. Снѣгу-то валитъ ишь — ты, одно слово.

— Гм, протянулъ пассажиръ,—пренепріятная исторія эти заносы, къ вечеру все-таки надо думать пріѣдемъ.

— Къ вечеру? съ улыбкой возразилъ служитель, — хе... хе... къ вечеру... съ такимъ-то снѣгомъ, дай Богъ, значится, если черезъ три или четыре дня доѣдемъ. Оно не иначе.

Пассажиръ поморщился и направился къ выходу изъ вагона.

На платформѣ были навалены сугробы, вѣтеръ вылъ и шумѣлъ, закидывая и вагоны и станціонное зданіе цѣлыми тучами мелкаго и сухого снѣга. Остовы деревьевъ, фонарные столбы, стѣны зданій — все стушевалось въ одну массу въ этой непроглядной сѣрой полумглѣ зимняго утра.

Минуты двѣ губернаторъ постоялъ въ нерѣшительности

на верхней ступенькѣ лѣстнички вагона, затѣмъ поднялъ воротникъ и сошелъ на платформу.

Онъ оглянулся кругомъ—полное безлюдіе, никого. „Однако, все-таки слѣдуетъ выпить кофе", подумалъ онъ и направился къ буфету.

Станція была большая и буфетъ очень помѣстительный; но тѣмъ не менѣе онъ былъ переполненъ народомъ, было душно и накурено, пахло кушаньями и кухней. Чувствовалось возбужденіе, говорили громко, раздавались ругательства.

Едва губернаторъ успѣлъ переступить порогъ, какъ къ нему обратился очень высокій тощій господинъ, довольно прилично одѣтый.

— Это возмутительно, это возможно только въ Россіи, варварская страна, что за безпорядки: знаютъ что возможны заносы и никакихъ приспособленій.

Петръ Ивановичъ на него глаза и выслушалъ все до послѣдняго слова; только что онъ открылъ ротъ, чтобы возразить, какъ подошелъ какой-то толстый полковникъ, уже слегка на веселѣ и добродушно ударивъ его по плечу пробасилъ:

Товарищъ по несчастью, вы пассажиръ, я пассажиръ, вы человѣкъ приличный—вижу,—и еще разъ онъ хлопнулъ Петра Ивановича по плечу,—пойдемъ выпьемъ—все компанія.

Петръ Ивановичъ открылъ ротъ и снова желалъ что-то возразить, но полковникъ продолжалъ:

— Чортъ знаетъ что такое, единственный снѣгоочиститель, послали его, испортился механизмъ, застрялъ въ снѣгу... мерррзавецъ...

Петръ Ивановичъ опять попытался что-то возразить, но подошелъ кто-то очень большой и внушительный и рѣзко произнесъ:

— Господа, мы всѣ пассажиры, мы не позволимъ обращаться съ собой, какъ съ собаками. Это чортъ знаетъ чтотакое—мы коллективно напишемъ жалобу и подпишемся всѣ.

— Подпишемся! раздалось нѣсколько возгласовъ одновременно.

— Мы не позволимъ, какъ съ собаками, басилъ полковникъ, мерррзавцы, мы покажемъ. Тысяча подписей, двѣ тысячи подписей, три тысячи, уже оралъ полковникъ.—Эй, жандармъ, книгу, пишу жалобу.

— Конечно жалобу, визжалъ тощій господинъ,—вы подпишитесь, вдругъ обратился онъ къ Петру Ивановичу.

Губернаторъ медленно оглядѣлъ незнакомца и рѣшительно выговорилъ:

— Я не имѣю привычки что-либо подписывать, не выяснивъ себѣ обстоятельствъ дѣла—это мое правило.

— Чудакъ, формалистъ! провизжалъ тощій господинъ и отошелъ въ сторону.

— Желѣзнодорожникъ—рѣшительно выругался полковникъ и даже плюнулъ.—А еще выпить вмѣстѣ хотѣлъ—хорошъ.

— Объяснять? Правило? Благодарю покорно, нечего сказать, пробормоталъ большой господинъ, окидывая Петра Ивановича самымъ недружелюбнымъ взглядомъ.

Губернаторъ остался вдругъ одинъ, безъ собесѣдниковъ. Онъ улыбнулся, какъ человѣкъ, сознающій свое превосходство и правоту и направился къ буфетной стойкѣ, гдѣ съ трудомъ раздобылъ себѣ стаканъ кофе, который и выкушалъ съ большимъ удовольствіемъ.

Слегка удовлетворивъ свой аппетитъ, онъ оглянулся кругомъ, дабы найти подходящее лицо, могущее дать ему объясненіе; промелькнула красная фуражка начальника станціи, Петръ Ивановичъ устремился было къ нему, но начальникъ, предчувствуя всевозможные разспросы и не желая никакихъ объясненій, также быстро скрылся, какъ и появился. Въ погонѣ за красной фуражкой, Петръ Ивановичъ совершенно случайно налетѣлъ на господина въ форменной фуражкѣ инженера; это былъ плотный, высокій человѣкъ, съ нѣсколько желтымъ лицомъ, обрамленнымъ черной шелковистой бородкой.

Петръ Ивановичъ остановился, оглядѣлъ незнакомца и ласково обратился къ нему:

— Имѣю удовольствіе говорить съ кѣмъ-нибудь изъ желѣзнодорожныхъ?

— Да, а что? сухо отвѣтилъ тотъ, окидывая его взглядомъ сверху внизъ.

— Скажите, заносы могутъ долго продолжиться?

— Это меня не касается.

— Гм... однако... Мы, т. е. вотъ всѣ пассажиры долго будутъ принуждены находиться на этой станціи?

— Это мнѣ неизвѣстно.

— Но вы же служите на дорогѣ, рѣшительно произнесъ Петръ Ивановичъ.

— Да, я начальникъ дистанціи, отвѣтилъ сухо инженеръ.

— Въ такомъ случаѣ попрошу объясненій, уже совсѣмъ рѣшительно произнесъ Петръ Ивановичъ.

— Объясненій, какихъ тамъ къ чорту объясненій, закричалъ инженеръ:—я здѣсь не для объясненій, а для распоряженій.

— Попрошу успокоиться, мягко возразилъ Петръ Ивановичъ,—позвольте представиться: П—скій губернаторъ Севастьяновъ.

— Очень пріятно, ваше превосходительство, ужъ вы извините, такая масса вопросовъ, ваше превосходительство, я въ отчаяніи, такъ вышло, повѣрьте, какъ-то опускаясь и присѣдая скороговоркой забормоталъ инженеръ. Онъ даже снялъ фуражку и кланялся.

Тощій господинъ, который обратился къ Петру Ивановичу при входѣ въ буфетъ, снялъ шапку и подошелъ къ нему.

— Честь имѣю представиться, товарищъ по несчастью... надворный совѣтникъ Свистулькинъ, сладенькимъ голоскомъ, произнесъ онъ,—имѣлъ удовольствіе выслушать весьма правильную резолюцію вашего превосходительства насчетъ жалобы, и когда Петръ Ивановичъ протянулъ ему руку и пробормоталъ: „очень пріятно, господинъ Свистулькинъ“, послѣдній заключилъ ее въ обѣ свои и низко кланяясь, произнесъ:

— Осчастливленъ, ваше превосходительство.

— Ваше превосходительство, господинъ губернаторъ, оказія, басилъ толстый полковникъ, протискиваясь къ Петру Ивановичу,—очень пріятно, честь имѣю представиться, полковникъ Звѣздовъ, прикладывая руку къ козырьку продолжалъ онъ.—Не узналъ-съ, всяко бываетъ, извините ваше превосходительство, человѣкъ, шампанскаго.

Большой господинъ тоже усиленно пожималъ руку Петру Ивановичу и говорилъ:

— Недоразумѣніе, ваше превосходительство, къ чему-съ жалобу; неумѣстно-съ, правильно разсудили.

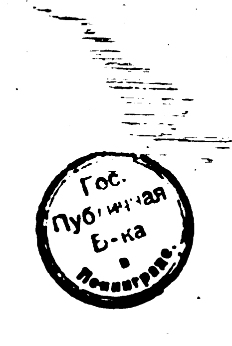
Со всѣхъ сторонъ къ Петру Ивановичу протягивались руки и всѣ желали ему представиться, раздавались слова сочувствія и соболѣзнованія по поводу общаго несчастія.

Начальникъ дистанціи послѣ многократныхъ извиненій, давалъ самыя обстоятельныя и полныя объясненія, выгораживалъ дорогу и служащихъ и всю вину валилъ на ужасную погоду, на безобразныя степи, въ которыхъ нѣтъ ни лѣсовъ, ни горъ и потому вѣтеръ и снѣжныя бури разыгрываются съ особенной силой.

Губернаторъ такимъ образомъ получилъ всевозможныя объясненія и былъ удовлетворенъ, кромѣ того онъ былъ окруженъ толпою собесѣдниковъ и время проводилъ довольно весело въ бесѣдѣ до того самаго момента, когда около трехъ часовъ пополудни не появился вновь начальникъ дистанціи и подойдя къ нему просилъ его пожаловать на обѣдъ, говоря:

Тассо читаетъ свои стихи Элеонорѣ — Морелли.

— Ужъ, ваше превосходительство, не осудите наше угощеніе, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Когда въ первомъ часу ночи, въ сопровожденіи начальника дистанціи и еще кое-кого изъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, Петръ Ивановичъ подходилъ къ своему вагону, служитель стоялъ на вытяжку у дверей и на небрежный кивокъ губернатора отвѣчалъ громогласнымъ:

— Здравія желаю, ваше высокопревосходительство.

Простившись со всѣми провожавшими его, Петръ Ивановичъ вошелъ къ себѣ въ купэ и позвалъ служителя снять башмаки. Безъ фуражки вошелъ въ купэ служитель и, снявъ башмаки, остановился у двери.

— Чего тебѣ? пробормоталъ губернаторъ.

— Простите ужо утрешнее, ваше высокопревосходительство, помилуйте, взмолился служитель,—много народу-то всякаго, значится, здѣсь шатается, оно и неизвѣстно, что за персона такая, ей-Богу неизвѣстно; на васъ глядючи, не полагалъ-съ, что господиномъ губернаторомъ будете, помилуйте, ваше высокопревосходительство.

— Ступай вонъ, дуракъ, перебилъ губернаторъ.

— Слушаю-съ, и служитель вышелъ, старательно прикрывъ за собою дверь.

В. Даринъ.

82

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ КУЛЬТУРЫ.

К. Каутскаго.

Пер. Г. Ѳ. Львовича.

Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ вѣкъ реформаціи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возникновеніе свободнаго городского ремесленнаго сословія.

I. Крѣпостная зависимость.

Когда германцы вторглись въ предѣлы Римской имперіи, земледѣліе ихъ было еще на очень низкой ступени развитія. Скотоводство и охота были еще на первомъ планѣ ихъ хозяйственной жизни, земледѣльцы были еще наполовину номадами. Теперь они завладѣли частью латифундій въ романскихъ странахъ; здѣсь снова образовалось свободное крестьянство. Это крестьянство познакомилось съ высшимъ, римскимъ способомъ производства; скотоводство и охота все больше и больше стушевывались передъ земледѣліемъ; германцы стали осѣдлыми.

И вотъ, казалось, будто снова должно повториться то развитіе, которое совершилось въ древнемъ Римѣ [1]). Кре-

---

[1]) См. „Вѣстн. Вс. Ист.“, 1901 г., кн. XI и XII. а также „Очерки и этюды“ К. Каутскаго. Изданіе второе. С.-Петербургъ. 1901 г. стр. 68—79.

стьянское производство не мирилось съ военной службой, которую тогда обязанъ былъ нести каждый свободный человѣкъ; вѣчныя войны того времени разоряли крестьянъ, крестьянскія хозяйства погибали.

По крестьянскому хозяйству предстояла не замѣна хозяйствомъ рабскимъ, какъ въ древнемъ Римѣ. Едва германцы были обращены въ христіанство, т. е. нѣсколько освоились съ римскимъ способомъ производства, стали осѣдлыми, какъ на нихъ устремились со всѣхъ сторонъ орды бродячихъ, подвижныхъ народовъ, наѣздниковъ и мореплавателей: авары и мадьяры съ востока, норманы съ сѣвера, сарацины съ юга и востока. Съ VIII до XI вѣка западный христіанскій міръ терзали и часто угрожали самому существованію его безпрестанные хищническіе набѣги этихъ пришельцевъ. Далеко было ему до того, чтобы захватывать рабовъ; напротивъ, самъ онъ сталъ удобнымъ объектомъ для захвата рабовъ и торговли ими. Христіанскихъ рабовъ было множество у „язычниковъ", языческіе-же рабы у христіанъ становились все рѣже и дороже [1]). Стало невозможнымъ основать производство на рабствѣ: производство руками рабовъ въ то время почти совершенно прекратилось на христіанскомъ западѣ [2]).

---

[1]) Но совершенно они не исчезли съ рынковъ христіанскаго міра. Извѣстны примѣры торговли рабами въ Италіи еще въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Амедей VI савойскій купилъ въ 1307 г. въ Константинополѣ двухъ рабынь. Въ Генуѣ въ 1384 г. одна татарская рабыня, „свободная отъ всѣхъ тайныхъ болѣзней (magagnis)", стоила 1049 лиръ; другая въ 1389 г. стоила 1312 лиръ. Торговцы рабами получали свой товаръ большею частью изъ Каффы. Въ городскихъ законникахъ того времени есть еще много постановленій относительно рабовъ. (Jul. Krone, frá Dolano und die Pataraner. Historische Episode aus den piemontesischen Religionskriegen. Leipzig 1844, стр. 16).

[2]) Что рабству положили конецъ не какія-либо требованія совѣсти, вызванныя христіанствомъ, это видно изъ того, что когда христіанскій міръ окрѣпъ настолько, что могъ снова перейти къ наступательной войнѣ противъ „невѣрныхъ",—именно передовые борцы христіанства первыми бросились захватывать и продавать рабовъ. Крестоносцы такъ-же, какъ впослѣдствіи испанцы и португальцы въ Африкѣ, захватывали рабовъ и торговали ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Булла папы Николая V отъ 8 января 1454 г. отчетливо объявляетъ позволительнымъ „всѣхъ сарациновъ, язычниковъ и другихъ враговъ Христа обращать въ вѣчное рабство", а Климентъ V (1523—1534) распространилъ это „право" также и на всѣхъ еретиковъ (Ludw. Keller. Die Reformation und die älteren Reformparteien. Leipzig 1885, стр. 480). Но развитіе способа производства

Крупное производство руками рабовъ стало столь-же невозможнымъ въ христіанско-германскихъ государствахъ, какъ еще раньше оно стало невозможнымъ въ Римской имперіи; и какъ тамъ мѣсто его занялъ *колонатъ*, такъ и теперь возникло подобное-же установленіе, иногда даже въ непосредственной связи съ римскимъ образцомъ.

Изгнаніе обѣднѣвшихъ крестьянъ съ земли было бы тогда большимъ безуміемъ. Не въ землѣ тогда былъ недостатокъ, а въ людяхъ. Богачи и знать въ христіанско-германскихъ государствахъ, епископы и аббаты, короли и герцоги со своими приближенными и фаворитами стремились не къ тому, чтобы замѣнить крестьянскія хозяйства рабскими; напротивъ,—они старались эксплоатировать нужду крестьянъ такимъ образомъ, что дѣлали ихъ зависимыми отъ себя, обязанными платить имъ оброкъ и отбывать натуральныя повинности. Но за это они должны были также снять съ крестьянина тѣ тяготы, подъ которыми онъ изнемогалъ, которыя дѣлали правильное крестьянское хозяйство невозможнымъ, должны были прежде всего взять на себя военную службу.

Крестьяне одинъ за другимъ отдавались подъ защиту какого-нибудь сильнаго владѣтеля и обязывались давать ему изъ года въ годъ опредѣленное количество продуктовъ своего хозяйства и работать опредѣленное число дней. За это они освобождались отъ военной службы, которую несъ вмѣсто нихъ ихъ покровитель и землевладѣлецъ со своими свитами и слугами.

Другой способъ пріобрѣтать оброчниковъ былъ таковъ. Изъ римскихъ временъ въ христіанско-германскихъ государствахъ сохранилось не мало латифундій, именно, владѣнія церкви, которая всегда умѣла прекрасно отстаивать свои интересы. Новое крупное землевладѣніе создавалось путемъ по-

---

приняло тогда такое направленіе, которое сдѣлало трудъ рабовъ въ Европѣ излишнимъ. Рабъ оставался предметомъ роскоши; въ этомъ отношеніи произошла перемѣна лишь тогда, когда европейскія государства завоевали или основали колоніи въ заморскихъ странахъ; тамъ они не нашли предварительныхъ условій, необходимыхъ для европейскаго способа производства; тамъ можно было съ выгодой употреблять трудъ рабовъ. Съ тѣхъ поръ охота на рабовъ, торговля рабами и эксплоатація ихъ снова играли важную роль въ жизни европейскаго христіанскаго міра, и ни римская, ни важнѣйшія протестантскія церкви не смущались этимъ.

жалованій со стороны королей. Благодаря безпрестаннымъ войнамъ было много безхозяйной земли; развитіе сельскаго хозяйства также освобождало не мало земель. Опредѣленное населеніе нуждается для своего пропитанія въ меньшемъ количествѣ земли, если оно занимается земледѣліемъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда оно занимается скотоводствомъ, а тѣмъ болѣе—охотой. Огромные лѣса, служившіе раньше для пропитанія народа, были общей собственностью опредѣленныхъ марокъ, общинъ. Они потеряли теперь въ глазахъ марокъ свою цѣну; короли взяли ихъ въ свое владѣніе, также какъ и другія ненаселенныя земли, и дарили или отдавали въ ленъ своимъ любимцамъ и знати, особенно-же епископамъ и монастырямъ. Новый землевладѣлецъ старался извлечь пользу изъ своего владѣнія, привлечь крестьянъ-поселенцевъ, которымъ онъ за опредѣленные поборы и повинности давалъ участки,—понятно, съ общимъ лугомъ и лѣсомъ, безъ чего крестьянское хозяйство было бы невозможнымъ.

Но если каждый землевладѣлецъ старался заманить къ себѣ возможно больше новыхъ крестьянъ, то еще больше заботился онъ о томъ, чтобы его крестьянъ не сманили у него другіе. Онъ употреблялъ всѣ средства, бывшія въ его распоряженіи,—нравственныя и безнравственныя, законныя и противозаконныя,—лишь бы прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Крестьяне, бывшіе до тѣхъ поръ свободными, стали не только оброчными, но и крѣпостными.

Но, какъ ни принижены были крестьяне, они всегда были гораздо выше рабовъ. Рабъ—чужеземецъ въ странѣ, чужой среди другихъ рабовъ, онъ безправенъ; онъ—вещь; у него нѣтъ подъ ногами никакой почвы, на которой онъ могъ бы утвердиться, чтобы вести упорную борьбу за эманципацію своего класса. Правда, намъ извѣстны возстанія рабовъ, но эти скоропреходящіе взрывы могли въ самомъ лучшемъ случаѣ доставить свободу лишь участникамъ возстаній, на само-же установленіе рабства они не имѣли никакого вліянія. Это были попытки не уничтожить рабство, а спастись отъ него. Уничтоженіе рабства нигдѣ не было результатомъ упорной классовой борьбы самихъ рабовъ.

Иначе было съ крѣпостными среднихъ вѣковъ. Они не были безправны; ихъ повинности и взносы были точно опредѣ-

лены и ихъ нельзя было увеличивать по произволу, а всякія увеличенія надо было навязывать силою или хитростью. И зависимый крестьянинъ въ своихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу былъ не одинокъ. Каждый крестьянинъ, свободный или зависимый, принадлежалъ къ какой-либо маркѣ, которая была солидарна съ нимъ, также какъ и онъ съ нею. Въ этой организаціи онъ постоянно находилъ надежную опору. Опираясь на марку, крестьянинъ могъ оказывать землевладѣльцу очень внушительное противодѣйствіе и часто оказывалъ его. Всѣ средніе вѣка полны классовой борьбы между землевладѣльцами и ихъ крестьянами, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ борьба эта часто снова приводила къ освобожденію крестьянъ не только отъ зависимости, но и отъ обязанности платить оброкъ, къ уничтоженію господскихъ правъ на землю.

Еще лучше, чѣмъ у крестьянъ, шло дѣло *у ремесленниковъ*. Они въ концѣ-концовъ повсюду свергли съ себя зависимость и господство землевладѣльцевъ.

II. Возникновеніе ремеселъ.

Какъ велась первоначально промышленность въ средніе вѣка? Каждое хозяйство само производило все, въ чемъ оно нуждалось. Каждое крестьянское хозяйство, — которое надо представлять себѣ не въ видѣ карликоваго хозяйства, а въ видѣ домашней общины, большой семьи, гдѣ отецъ живетъ вмѣстѣ со своими сыновьями, ихъ женами и дѣтьми, а часто и внуками, — каждое такое хозяйство не только производило сырые сельско-хозяйственные продукты, но и перерабатывало ихъ: въ муку и хлѣбъ, пряжу и ткани, утварь и снаряды и т. п. Крестьянинъ самъ былъ и зодчимъ, и плотникомъ, и столяромъ, и кузнецомъ.

Потребности землевладѣльцевъ были обыкновенно гораздо шире крестьянскихъ; но и помѣщикъ долженъ былъ производить все, въ чемъ онъ нуждался, у себя на господскомъ дворѣ или поручать независимымъ отъ него крестьянскимъ хозяйствамъ. Въ распоряженіи его было больше рабочихъ силъ, чѣмъ у крестьянина; на продукты, доставляемые ему крестьянами, онъ могъ содержать многочисленную дворню,—большею частью

изъ людей несвободныхъ; сверхъ того, онъ могъ располагать извѣстнымъ числомъ рабочихъ дней въ году каждаго изъ своихъ крестьянъ. Поэтому онъ могъ ввести нѣкоторое раздѣленіе труда: однихъ занимать исключительно или преимущественно строительной и плотницкой работой, другихъ выдѣлкой кожъ, третьихъ кованьемъ оружія и т. п

Такимъ образомъ, на господскихъ дворахъ въ средніе вѣка образовались зачатки ремеселъ.

Гдѣ еще удержались изъ римскихъ временъ города—именно, въ Италіи и южной Франціи,—тамъ сохранились также слѣды городскихъ свободныхъ ремеселъ.

Но если рабочій пріобрѣталъ особенное искусство въ какомъ-либо ремеслѣ, то неразумно было занимать его другими работами. Если господскій дворъ не поглощалъ въ данномъ ремеслѣ всей его рабочей силы, онъ начиналъ работать для другихъ, для сосѣднихъ крестьянскихъ хозяйствъ или иныхъ господскихъ дворовъ, которые были слишкомъ малы, чтобы содержать или обучить такого мастера. Понятно, онъ не могъ этого дѣлать безъ позволенія своего землевладѣльца и долженъ былъ платить ему извѣстный оброкъ.

Такъ развивается работа *на заказчиковъ.*

Но рядомъ съ ней скоро возникаетъ и работа съ другимъ назначеніемъ, работа *на рынокъ.*

Нѣкоторые изъ господскихъ дворовъ образуютъ особенно-притягательные пункты для окрестнаго населенія болѣе или менѣе значительныхъ раіоновъ. Это происходитъ именно въ императорскихъ или королевскихъ резиденціяхъ (пфальцы) и въ мѣстахъ епископскихъ каѳедръ. Тамъ собираются солдаты, свиты, чиновники, и по временамъ стекается туда также много иного народа — на празднества и увеселенія, въ дни судебныхъ засѣданій и для манифестацій всякаго рода. Въ этихъ мѣстахъ скопляется все богатство, какое могла производить страна въ то время. Понятно, что они становятся первыми притягательными пунктами для *купцовъ*, которыми въ Германіи вначалѣ были большею частью иноземцы, италіанцы и евреи. Тамъ легче всего находили они сбытъ для своихъ товаровъ, и ремесленники тоже тамъ скорѣе всего могли разсчитывать на обмѣнъ своихъ продуктовъ.

Мѣстности съ такими господскими дворами станови-

лись *рынками*. Ихъ населеніе и богатство возрастали, благодаря чему онѣ раньше всѣхъ получили возможность укрѣпиться и раньше всѣхъ были вынуждены къ этому, такъ какъ онѣ служили наибольшей приманкой для хищниковъ. Укрѣпленіе стѣнами превращало такую мѣстность въ *городъ*.

Если увеличеніе населенія и богатства побуждали укрѣпить такую мѣстность, то укрѣпленіе и безопасность, какую оно представляетъ, въ тѣ смутныя времена служили новой причиной увеличенія населенія и богатства.

Такимъ образомъ, Германія съ VIII вѣка, а раньше или позже и всякая иная страна христіанскаго запада, покрылась сѣтью городовъ.

Лишь немногіе изъ этихъ городовъ были съ самаго-же начала вольными. Большинство ихъ развилось изъ господскихъ селъ; обыватели ихъ были подданными одного или нѣсколькихъ господъ. Но чѣмъ больше возрастало населеніе и богатство городовъ, тѣмъ больше ненужнымъ оказывалось для нихъ покровительство землевладѣльца, тѣмъ больше повинности и сборы въ пользу господскаго двора становились для обывателей излишнимъ бременемъ, и тѣмъ больше силы имѣли они, чтобы избавиться отъ него. Горожане оказывали все болѣе и болѣе рѣшительное противодѣйствіе землевладѣльцамъ, пока имъ, наконецъ, не удалось всюду добиться свободы.

Понятно, ремесленники не остались незатронутыми этимъ развитіемъ. Рядомъ съ господскими ремесленниками въ городѣ скоро стали селиться и другіе бѣглые крѣпостные или зависимые другихъ господъ, уже раньше занимавшіеся ремеслами или теперь обратившіеся къ нимъ. Тогда еще не было излишка ремесленниковъ, напротивъ, городъ былъ радъ, если населеніе его увеличивалось, отъ чего возрастали его благосостояніе и сила. Онъ защищалъ бѣглыхъ крѣпостныхъ и зависимыхъ людей. Если они годъ невозбранно прожили въ городѣ, они были свободны. Сами ремесленники во вновь прибывающихъ товарищахъ видѣли не конкуррентовъ, а союзниковъ, и были рады имъ. Рядомъ съ ремесленниками и крѣпостными возрастало и число свободныхъ. Они сплотились, вліяніе и сила городскихъ ремесленниковъ увеличивались и несвободные среди нихъ становились все болѣе и болѣе самостоятельными. Повинности и сборы натурою въ пользу двора

замѣнились денежными взносами. Ремесленники получили свободу рынка, право свободной и безпрепятственной купли и продажи. Наконецъ, повсюду получилъ господство тотъ принципъ, что всякій, имѣющій постоянное жительство въ городѣ, eo ipso свободенъ.

Ремесла одно за другимъ исчезали съ господскихъ дворовъ, одно за другимъ становились исключительно городскими. Землевладѣльцы должны были теперь покупать, какъ товары, въ городахъ все, что раньше производилось въ ихъ собственныхъ дворахъ.

И ремесла совершенно перестали быть занятіемъ несвободныхъ людей. Въ концѣ этого развитія мы находимъ среди ремесленниковъ лишь свободныхъ людей, сами-же ремесла достигаютъ цвѣтущаго состоянія и пользуются большимъ почетомъ.

Время этого развитія для каждаго ремесла въ отдѣльности и для каждой отдѣльной мѣстности различно. Въ общемъ-же оно начинается съ XI вѣкомъ и кончается съ XIV [1]).

III. Цехъ.

Борьба съ городскими землевладѣльцами была не единственной борьбой, которую долженъ былъ вести развивающійся слой ремесленниковъ. Столь-же важное значеніе имѣла и борьба его съ городскими патриціанскими родами.

Мы видѣли, что города первоначально были лишь укрѣпленными селами. Села имѣли общинное устройство, такимъже осталось и устройство городовъ. Какъ земля, принадлежавшая селу, сельская марка, такъ и земля, принадлежавшая городу, городская марка, распадалась на двѣ части: раздѣленную и нераздѣленную марку (луга, лѣса, вода). Всѣ

---

[1]) Крѣпостные (hofhörigen) золотыхъ дѣлъ мастера уже въ концѣ XI вѣка начали, рядомъ съ работой для господскаго двора, работать также и на рынокъ. И эта отрасль труда уже тогда настолько утратила свой рабскій характеръ, что ею стали заниматься и свободные. (Hans Meyer, Die Strassburger Goldschmiedezunft von ihrem Entstehen 1681. Leipzig 1881 стр. 154). Съ другой стороны, въ Боннѣ еще въ XIV вѣкѣ занятіе ткацкимъ ремесломъ было службой и зависѣло отъ господскаго двора (Maurer, Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland. Erlangen 1870, II, стр. 323).

жители села, ведшіе самостоятельное хозяйство, имѣли часть въ общей маркѣ; они составляли общину, которая сама управляла своими дѣлами, жила по своимъ уставамъ. Если въ маркахъ образовалось крупное землевладѣніе, то землевладѣльцы получали различныя привиллегіи; они были постоянными старшинами марки, постановленія общиннаго собранія нуждались въ ихъ согласіи. Это было, такъ сказать, конституціонное правленіе.

Первоначально каждаго новоприбывшаго обыкновенно охотно принимали въ члены марки. Земля была въ изобиліи, но мало было людей для ея обработки. Это измѣнилось прежде всего въ городахъ, населеніе которыхъ быстро возрастало. Здѣсь излишекъ земли скоро исчезъ и старинныя городскія семейства стали, наконецъ, опасаться, какъ бы не повредить своимъ интересамъ, если они будутъ и впредь допускать новоприбывшихъ къ участію въ пользованіи общинными землями. Теперь марка превратилась въ замкнутую корпорацію, не принимавшую уже новыхъ членовъ или принимавшую ихъ развѣ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, если это доставляло ей какую-либо особенную выгоду.

Теперь рядомъ со старыми родами въ городской общинѣ образовался второй слой обывателей, позднѣйшихъ пришельцевъ, которые не имѣли части въ общей городской маркѣ или получали въ ней лишь ничтожную часть и, какъ не принадлежавшіе къ организаціи марки, не могли принимать участія въ ея управленіи. Но управленіе марки было городскимъ управленіемъ. Такимъ образомъ, новые граждане были въ городѣ политически безправны. Старинные граждане образовали аристократію.

Въ началѣ этихъ новыхъ гражданъ только терпѣли въ городѣ, какъ находившихся подъ его защитою. Но съ теченіемъ времени численность и богатства ихъ возрастали. Очень многіе купцы и большинство ремесленниковъ принадлежали къ нимъ. Они начали сознавать свою силу и требовать, чтобы ихъ допустили къ участію въ городскомъ управленіи. Раньше или позже—въ нѣкоторыхъ городахъ въ XIII столѣтіи, въ другихъ же въ XIV—они повсюду вступили въ борьбу съ правленіемъ знатныхъ родовъ, патриціевъ и имъ въ концѣ

концовъ почти вездѣ удалось въ XIV и XV вѣкахъ свергнуть господство патриціевъ и добиться участія въ управленіи.

Общинныя земли не были отняты у патриціевъ. Гдѣ онѣ еще сохранились и не были раздѣлены, тамъ и организація марки осталась въ качествѣ замкнутой корпораціи въ предѣлахъ городской общины. Но сама городская община перестала быть маркой. Политическую основу городовъ составлялъ уже не общинный строй марки, а, по крайней мѣрѣ, въ Германіи—*строй цеховой.*

Большія массы людей не могутъ вести продолжительную борьбу безъ организаціи. Ремесленники тоже должны были выработать себѣ организацію: образецъ ея они нашли въ организаціяхъ марки. Еще на богатыхъ господскихъ дворахъ, гдѣ работало много рабочихъ, рабочіе одного ремесла были организованы въ товарищества, приказы, подъ начальствомъ одного мастера,—правда, не съ цѣлью борьбы, а ради производство и управленія. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда возникала борьба зависимыхъ рабочихъ съ землевладѣльцами, товарищества тоже должны были служить и этой цѣли; они сохранялись и въ то время, когда ремесленники добились свободы. Эти приказы зависимыхъ ремесленниковъ, товарищества, превратились въ прочныя организаціи (Innungen).

Рядомъ съ этими товариществами, свободные ремесленники въ городахъ часто сами вводили организаціи для своей защиты, которыя съ самаго-же начала были свободными и сами вели свои дѣла. Эти свободныя товарищества оказывали вліяніе на зависимыя и поддерживали ихъ въ ихъ борьбѣ. Наконецъ, эти два рода организаціи стали тожественными и послѣ уничтоженія крѣпостной зависимости мы находимъ въ городахъ уже лишь свободныя товарищества, или *цехи.*

Въ большинствѣ городовъ свободные цехи образовались еще въ XII или въ XIII столѣтіи, въ другихъ-же лишь впослѣдствіи. И не всѣ промыслы одновременно пришли къ организаціи. Самые богатые изъ нихъ и тѣ, въ которыхъ было занято больше всего людей, пришли къ организаціи раньше другихъ. Старѣйшими цехами, кромѣ купеческаго, были цехи суконщиковъ и закройщиковъ. Послѣ нихъ организовались въ цехи сапожники, хлѣбники, мясники и т. д. Случалось также, что въ отдѣльныхъ ремеслахъ было слишкомъ мало людей для

того, чтобы они могли организовать самостоятельные цехи; въ такомъ случаѣ они должны были примкнуть къ цеху другого ремесла, если хотѣли пользоваться защитой, представляемой организаціей. Такъ, баньщики, напр., принадлежали въ Рейтлингенѣ къ цеху мясниковъ, а въ Эсслингенѣ къ цеху скорняковъ.

Изъ городского населенія всякій, кто могъ, примыкалъ къ какому-либо цеху [1]). Но не всѣ были такъ счастливы, чтобы имѣть возможность сдѣлать это. Всегда оставалось много занятій, которыя или кормили своихъ адептовъ слишкомъ плохо, или пользовались слишкомъ большимъ презрѣніемъ для того, чтобы соотвѣтствующіе рабочіе имѣли возможность организоваться или добиться пріема въ существовавшіе уже цехи. На эту misere contribuens plebs цеховые ремесленники смотрѣли столь-же свысока, какъ на нихъ самихъ смотрѣли патриціи, и имъ даже въ голову не приходило стать въ защиту также этихъ самыхъ низшихъ слоевъ населенія.

Рядомъ со старинными гражданами въ городѣ возникъ второй слой привиллегированныхъ въ лицѣ цеховыхъ ремесленниковъ.

Но чѣмъ больше цехъ превращался въ привиллегію, тѣмъ больше въ средѣ самихъ ремесленниковъ развивалось новое классовое противорѣчіе: антагонизмъ между *мастеромъ* и *подмастерьемъ*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ремесленные подмастерья.

I. Возникновеніе слоя подмастерьевъ.

Массу наемныхъ рабочихъ въ городахъ составляли ремесленные подмастерья. Въ добрѣ и довольствѣ жили они „безъ той самомнительной зависти, которая злобно смотритъ на жизнь болѣе высокопоставленныхъ“, гордые своимъ положе-

[1]) Даже продажныя женщины образовали цехи, — напр., во Франкфуртѣ, въ Женевѣ, Парижѣ, гдѣ онѣ считали покровительницей своего „горизонтальнаго ремесла“ св. Марію Магдалину. Maurer, l. c., II, стр. 471.

ніемъ, среди „цвѣтущаго благосостоянія", пользуясь „справедливой частью въ доходахъ труда". Чего-же еще могли они желать? Какъ и мастера, они находились подъ „защитою цеха", который рѣшалъ споры между ними и мастерами и охранялъ „всѣ ихъ права"; они принадлежали къ семьѣ мастера, ѣли за его столомъ; мастеръ относился къ нимъ, какъ къ своимъ дѣтямъ, воспитывалъ ихъ въ добрыхъ нравахъ, чтобы они берегли добрую славу мастерства, считавшагося „должностью, данной имъ Богомъ", къ которой подмастерье готовился съ такимъ-же благоговѣніемъ, какъ клирикъ къ рукоположенію во священники или дворянинъ къ посвященію въ рыцари. Тогда вѣдь еще „ремесленники жили въ братской любви и единеніи въ цехѣ", еще „работали не ради выгоды, а во исполненіе заповѣди Божьей", еще господствовали въ цехѣ начала „равенства и братства".

Такъ изображаютъ намъ сторонники цехового строя и любители средневѣковщины положеніе подмастерьевъ въ періодъ расцвѣта цеховыхъ ремеселъ, и изъ подобныхъ изображеній въ извѣстныхъ сферахъ дѣлаютъ такой выводъ, будто достаточно лишь возстановить цехи, чтобы устранить классовую борьбу между рабочими и предпринимателями и водворить соціальную гармонію. Цехи, молъ, самыя подходящія учрежденія для защиты интересовъ не только мастеровъ, но и подмастерьевъ.

Послѣдній изъ выдающихся нѣмецкихъ историковъ, такъ идиллически изображающій положеніе ремесленныхъ подмастерьевъ конца среднихъ вѣковъ,—Іоганъ Янсенъ, собственными словами котораго мы пользовались въ вышеприведенной характеристикѣ [1]). Однако, должно вызывать на размышленіе уже то обстоятельство, что этотъ историкъ въ доказательство благосостоянія подмастерьевъ приводитъ, между прочимъ, жалобы властей, мастеровъ и буржуазныхъ писателей на *роскошь* и *своеволіе* подмастерьевъ, ставшія, будто бы, невыносимыми. Если бы подобныя жалобы были убѣдительны, то легко было бы доказать, что наемнымъ рабочимъ во всѣ времена жилось прекрасно.

Но если присмотрѣться къ фактамъ, то окажется нѣчто,

---

[1]) Johannes Jausen, Geschichte des deutschen Volkes seit Ausgang des Mittelalters, I, стр. 315—342.

совсѣмъ не похожее на ту идиллію, которую изобразилъ Янсенъ [1]).

[1]) Лишь немногіе изъ новѣйшихъ историческихъ трудовъ произвели такое впечатлѣніе, какъ трудъ Янсена, и до извѣстной степени вполнѣ заслуженно. Янсенъ нанесъ сильный ударъ либеральной протестантской легендѣ относительно реформаціи и доказалъ, что за религіозными фразами реформаціи скрывались матеріальные интересы. Правда, на это было указано еще до Янсена (Марксъ, Энгельсъ и ихъ послѣдователи) и выяснено было, что матеріальные интересы дѣйствовали не только на протестантской, но и на католической сторонѣ, однако для большой публики это было ново; также неожиданно было для нея и то, что люди, столь высоко чтимые какъ Лютеръ и его товарищи, были революціонерами, стремившимися къ революціоннымъ цѣлямъ революціонными средствами. Человѣкъ, знакомый уже съ періодомъ реформаціи, найдетъ въ трудѣ Янсена не одно указаніе, не одну новую мысль. Но мы боялись бы рекомендовать этотъ трудъ большой публикѣ, какъ вѣрное изображеніе эпохи. Мы не знаемъ ни одного современнаго историческаго труда, который по своей *невѣрности* могъ бы соперничать съ трудомъ Янсена. Янсенъ даетъ два изображенія общественныхъ отношеній въ началѣ реформаціи. Сперва онъ показываетъ дѣйствительныя или мнимыя *хорошія стороны* этихъ отношеній: такъ счастлива, говоритъ онъ, — была Германія подъ господствомъ католицизма. Затѣмъ онъ оттѣняетъ *дурныя стороны* общественныхъ порядковъ въ началѣ XVI вѣка: смотрите, восклицаетъ онъ, — до чего невѣріе позднѣйшихъ гуманистовъ довело римское право, а протестантизмъ Германію! Къ этому прибавляется еще отвратительный способъ „излагать событія по первоисточникамъ".

Янсенъ беретъ изъ источниковъ не факты, а главнымъ образомъ *отзывы* и *желанія*, которые затѣмъ безъ всякихъ околичностей превращаетъ въ факты. Какой-нибудь католическій цеховой уставъ рекомендуетъ членамъ цеха жить „въ братской любви и единеніи"; какое-нибудь католическое сочиненьице говоритъ, что ремесленникъ работаетъ не ради выгоды, а во исполненіе заповѣди Божьей: развѣ это не „доказательство по источникамъ" добродѣтельности католиковъ? Какой-нибудь католическій попъ пишетъ, что преобразованіе церкви необходимо: развѣ это не ясное доказательство, что церковь могла быть преобразована безъ насильственнаго переворота, безъ разрыва съ папствомъ, преобразована такъ, чтобы Германія осталась единной и счастливой? Протестантскіе попы, по своему обыкновенію, плачутся въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ на то, что свѣтъ со дня на день становится все безбожнѣе: развѣ изъ этого не видно, какъ испортила людей реформація? Это вѣдь говорятъ самые достовѣрные протестантскіе источники!

Пусть даже всѣ цитаты Янсена вѣрны, но способъ сопоставленія и употребленія ихъ дѣлаетъ изложеніе, построенное на нихъ, *фальсификаціей*. Оно не улучшается и манерой, по почину Момзена вошедшей въ моду у нѣмецкихъ историковъ, окрещивать общественныя отношенія прежнихъ временъ современными именами и этимъ побуждать читателя упускать изъ виду историческія особенности соотвѣтствующаго времени и мѣрить ихъ нашей мѣрою. Какъ Момзенъ относительно древнихъ римлянъ употребляетъ слова и понятія современнаго, капиталистическаго способа

Первыя извѣстія о ремесленныхъ подмастерьяхъ, или „работникахъ“ („Knechte“), какъ ихъ называли раньше, мы находимъ въ Германіи въ XIII столѣтіи. До этого-же времени держаніе работниковъ ремесленниками встрѣчалось, надо думать, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ что не было повода упоминать о нихъ [1]).

До XIV столѣтія условія для образованія особаго сословія работниковъ или подмастерьевъ были въ высшей степени неблагопріятны. Ремесленники, какъ мы уже видѣли, были частью еще зависимыми и работали на господскихъ дворахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, частью-же свободными, но не полноправными гражданами. Лишь землевладѣльцы, члены марки, обладали политическими правами, организаціи-же ремесленниковъ едва имѣли право на существованіе: онѣ были прежде всего организаціями *для борьбы*. Каждый новоприбывшій или пришедшій въ возрастъ мѣстный ремесленникъ былъ желаннымъ товарищемъ для этой борьбы, для усиленія цеха. Не только не было причинъ не допускать его въ цехъ, но, даже, напротивъ, необходимо было всѣми средствами завлечь его туда. Таково было значеніе цехового принужденія, которое вовсе не имѣло въ виду образовать какую-либо монополію [2]).

Ремесленная техника была еще крайне примитивной и не требовала кооперацiи, сотрудничества нѣсколькихъ лицъ.

производства, такъ и Янсенъ обращается съ средними вѣками и съ періодомъ реформаціи. „Церковное право“, заявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ (I, стр. 412). „говорило, что одинъ лишь трудъ создаетъ стоимости“; однако, эта мысль доказывается лишь тѣмъ, что Янсенъ совершенно не понимаетъ ея значенія. Также любитъ онъ говорить и о „правѣ на трудъ“, которое будто бы гарантировали цехи:—кому и какъ гарантировали, это мы увидимъ впослѣдствіи.

Словомъ, труда Янсена невозможно рекомендовать тому, кто ищетъ безпристрастнаго разъясненія.

[1]) У страсбургскихъ суконщиковъ еще въ XIII столѣтіи нѣтъ и рѣчи о постановленіяхъ относительно подмастерьевъ; въ XIV столѣтіи также оказывается мало различія между мастерами и подмастерьями (G. Schmoller, Die Strassburger Tücher- und Weberzunft. Strassburg 1879, стр. 389; ср. стр. 451).

[2]) Ср. G. L. v. Maurer, l. c., II, II, стр. 399. Еще въ 1400 г. страсбургскіе ткачи установили принимать въ цехъ, не требуя предварительнаго пребыванія въ ученикахъ, всякаго, кто, по заявленію пяти членовъ цеха, былъ „честнаго“ происхожденія (Schmoller. l. c., стр. 402).

Каждый ремесленникъ легко могъ добыть инструменты и другія средства производства. Во многихъ промыслахъ сырые матеріалы тогда еще доставлялъ заказчикъ, а ремесленникъ работалъ за плату и большею частью въ домѣ заказчика. Большинство ремесленниковъ были слишкомъ бѣдны, чтобы держать слугъ; ни одинъ изъ ремесленниковъ не былъ вынужденъ наниматься въ слуги, такъ какъ ни техническія, ни экономическія обстоятельства, ни законодательныя постановленія не препятствовали ему работать самостоятельно. При такихъ условіяхъ,—откуда-же могли взяться ремесленные подмастерья?

Иначе пошло дѣло, начиная съ XIV вѣка. Развивается особое сословіе подмастерьевъ со своимъ особымъ правомъ, ученичество отливается въ опредѣленныя формы. Мауреръ принимаетъ (l. c., II, стр. 367), что эта новая организація ремеселъ установилась по образцу рыцарскихъ орденовъ; какъ тамъ различались пажи, оруженосцы и рыцари, такъ и въ цеховыхъ ремеслахъ различали учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ. Но, конечно, на это имѣли рѣшающее вліяніе и другія обстоятельства.

Въ XIV столѣтіи ремесла были важнѣйшей отраслью пріобрѣтенія въ городахъ; по своему значенію они все больше и больше становились выше сельскаго хозяйства, а часто даже и торговли. Ремесленники становились все зажиточнѣе и зажиточнѣе; сила и значеніе ихъ все возрастали; вліяніе ихъ на городское управленіе становилось все болѣе и болѣе значительнымъ.

Отдѣльные ремесленники достигли такой зажиточности, что могли держать слугъ. Цехи пріобрѣли вліяніе на законодательство, а вслѣдствіе этого и возможность пользоваться общественной охраной своихъ частныхъ интересовъ. Но условія, приведшія къ этому развитію, создали также и элементы, изъ которыхъ ремесленные мастера могли набирать своихъ работниковъ.

Развитіе ремеселъ и торговли революціонировали также и сельскія отношенія. Объ этомъ мы скажемъ подробнѣе, когда будемъ говорить о причинахъ крестьянскихъ войнъ. Здѣсь-же достаточно лишь замѣтить, что этотъ переворотъ, въ концѣ концовъ, не только привелъ къ крестьянскимъ войнамъ, но и

вызвалъ безостановочный приливъ пролетаризированныхъ поселянъ въ цвѣтущіе города, обѣщавшіе защиту, свободу и благосостояніе.

Какъ силенъ былъ приливъ въ (сравнительно) большіе города извнѣ, т. е. изъ селъ, мѣстечекъ и мелкихъ городишекъ, это ясно показываютъ изслѣдованія Бюхера въ его прекрасномъ трудѣ о населеніи Франкфурта-на-Майнѣ въ XIV и XV вѣкахъ [1]).

Такъ, во Франкфуртѣ прирость новыхъ гражданъ мужского пола, христіанской религіи, т. е. не считая сыновей старыхъ гражданъ—равнялся:

Въ періодъ съ:		Средн. число въ годъ:
1311 по 1350 г.	—1293 чел.	32 чел.
1351 „ 1400 „	—1535 „	31 „
1401 „ 1450 „	—2506 „	50 „
1451 „ 1500 „	—2537 „	51 „

Такимъ образомъ, приливъ все усиливается, по мѣрѣ приближенія къ XVI столѣтію.

Но и раіонъ, изъ котораго набираются новоприбывающіе граждане, тоже все больше и больше расширяется. На каждыхъ 100 гражданъ Франкфурта было происходившихъ изъ окрестностей, удаленныхъ отъ города:

Въ періодъ съ:	До 2 миль:	Отъ 2 до 10 миль:	Отъ 10 до 20 миль:	Болѣе 20 миль:
1311 по 1350 г.	54,8	30,5	6,5	3,2
1351 „ 1400 „	39,4	42,9	11,1	6,6
1401 „ 1450 „	22,9	54,4	12,6	10,1
1451 „ 1500 „	23,2	51,2	11,3	14,3

Не весь приливъ извнѣ принимался въ число гражданъ; чѣмъ больше пролетазированныхъ элементовъ устремлялось въ города, тѣмъ больше должно было увеличиваться тамъ количество необезпеченнаго населенія. Но у насъ нѣтъ надлежащихъ извѣстій, чтобы установить это статистическими данными. Мы должны удовлетвориться лишь указаніемъ на то, что число *бѣдныхъ* въ нѣмецкихъ городахъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. возрасло до невѣроятной степени. Въ Гамбургѣ въ 1451 — 1538 гг. бѣдные, говорятъ, составляли 16—24% населенія; въ Аугсбургѣ въ

[1]) Ср. также рецензію объ этой книгѣ Карла Лампрехта въ „Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik“, Tübingen, 1888, I, стр. 485 и слѣд.

1520 г. было, будто бы, 2000 неимущихъ. Откуда происходили эти элементы, мы можемъ лишь догадываться; но всѣ обстоятельства указываютъ на то, что приливъ пролетаизированныхъ элементовъ изъ селъ игралъ большую роль въ этомъ поразительномъ возрастаніи городского пролетаріата лохмотниковъ.

Новоприбывающіе, конечно, старались пристроиться къ ремесламъ или, по крайней мѣрѣ, обучить имъ своихъ дѣтей. Теперь къ услугамъ ремесленныхъ мастеровъ было много работниковъ и учениковъ, а скоро даже больше, чѣмъ имъ было бы пріятно. Ибо, понятно, работники старались при первой возможности устроиться самостоятельно, стать мастерами; число ремесленниковъ возрастало быстрѣе, чѣмъ спросъ на ихъ продукты. Если раньше цехъ принималъ съ распростертыми объятіями каждаго новоприбывающаго, какъ желаннаго союзника въ борьбѣ, то теперь онъ въ каждомъ новомъ пришельцѣ видѣлъ непріятнаго конкуррента для членовъ цеха, и безъ того уже слишкомъ многочисленныхъ. Сила цеховъ основывалась теперь уже не на кулакахъ, а на кошелькахъ ихъ членовъ, кошельки-же эти были тѣмъ полнѣе, чѣмъ меньше была конкурренція въ данномъ ремеслѣ. Поэтому цехи становились все замкнутѣе, они все больше и больше пользовались своимъ политическимъ и экономическимъ вліяніемъ для того, чтобы затруднить постороннимъ, именно сельскимъ элементамъ, доступъ къ ремесламъ, внутри-же самихъ ремеселъ превратить званіе мастера во все менѣе и менѣе доступную привиллегію. Установленія, служившія этой цѣли, возникли не въ періодъ „окостенѣнія“ цехового строя: образованіе ихъ началось въ XIV вѣкѣ, а въ XVI оно уже въ существенныхъ частяхъ закончилось. Слѣдующія столѣтія не прибавили къ нимъ ничего значительнаго; такимъ образомъ, они являются продуктомъ цехового строя въ періодъ его расцвѣта, въ тотъ періодъ, который представляется, какъ идеалъ, столь многимъ идеализаторамъ цеховъ.

II. Ученикъ, подмастерье, мастеръ.

Уже при пріемѣ учениковъ обнаруживалась исключительность цеховъ. Началомъ послужило недопущеніе къ ремесламъ *женщинъ*: въ ученики допускались только лица мужского пола.

Первоначально ремесла вовсе не составляли привилегіи мужчинъ. Относительно Германіи по этому предмету не сохранилось отчетливыхъ указаній въ документахъ. Во Франціи же это стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. „Изъ ста ремеселъ, уставы которыхъ приведены въ трудѣ Буало [1]), лишь два прямо не допускали женскаго труда, въ третьемъ же женщинамъ запрещались лишь нѣкоторыя операціи. Во всѣхъ этихъ трехъ ремеслахъ, какъ можно видѣть изъ уставовъ и постановленій, въ предшествовавшій періодъ допускался женскій трудъ и веденіе ремеселъ женщинами. Въ восьми-же дальнѣйшихъ ремеслахъ женщины прямо признаются правоспособными и права ихъ одинаковы съ правами мужчинъ. Затѣмъ, шесть слѣдующихъ ремеселъ велись исключительно или преимущественно женщинами и, какъ и остальные, имѣли подраздѣленія на учениць, подмастерицъ и мастерицъ, со всѣми отличительными особенностями цеховыхъ ремеселъ, и находились подъ управленіемъ и надзоромъ старшинъ частью изъ женщинъ, частью-же изъ женщинъ и мужчинъ. Въ остальныхъ-же ремеслахъ, хотя и не было прямо признано, что, кромѣ женъ и дочерей мастеровъ, къ работѣ допускаются также и посторонні женщины, но и запрещенія этого нельзя вывести непосредственно изъ ихъ уставовъ" [2]).

Тѣмъ не менѣе и въ Германіи изъ XIV вѣка сохранились примѣры, когда женщины или составляли свои особые цехи, какъ прядильщицы въ Кельнѣ, или принадлежали къ общему цеху съ мужчинами и самостоятельно занимались своимъ ремесломъ.

Уставъ портныхъ во Франкфуртѣ на Майнѣ отъ 1377 г. говоритъ: „Если захочетъ заниматься ремесломъ женщина, не имѣющая мужа, то она должна предварительно стать гражданкой и уладить это съ совѣтомъ; исполнивъ это, она должна внести въ пользу цеха (Handwerk) 30 шиллинговъ и поставить четверть вина членамъ цеха (die von Handwerk). по исполненіи этого она со своими дѣтьми имѣетъ право заниматься ремесломъ". Тѣ-же самыя условія ставились и мужчинамъ [3]).

[1]) Boileau, Réglements sur les arts et métiere de Paris.
[2]) Fr. W. Stahl, Das deutsche Handwerk. Giessen 1874, стр. 68.
[3]) Stahl, l. c., стр. 80.

И къ другимъ ремесламъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доступъ женщинамъ былъ открытъ еще въ XIV столѣтіи: такъ, напр., въ Кельнѣ мясники, мастера, дѣлавшіе кошельки, расшивавшіе гербы, изготовлявшіе пояса, на равныхъ правахъ принимали въ свои цехи и женщинъ. Но въ общемъ *постороннія* женщины уже въ XIV вѣкѣ были лишены права заниматься ремеслами. Въ большинствѣ ремеселъ это право сохранилось до XVI вѣка лишь за женами и дочерями мастеровъ. Затѣмъ и оно исчезло. Съ тѣхъ поръ удаленіе женскаго пола отъ ремесленнаго труда стало принципіальнымъ и полнымъ.

Но и среди учениковъ мужского пола начали дѣлать выборъ и одинъ слой населенія за другимъ лишался права направлять своихъ дѣтей въ ремесленники. Въ концѣ концовъ, дѣло дошло въ различныхъ ремеслахъ до того, что отъ учениковъ требовали *родословной*. Мастеръ могъ принимать въ ученики лишь тѣхъ мальчиковъ, которые могли указать опредѣленный рядъ предковъ *законнаго*, *свободнаго* и *„честнаго“* [1]) происхожденія. Требованіе доказательства законнаго происхожденія втеченіе нѣсколькихъ поколѣній сразу исключило значительную часть пролетаріевъ. Требованіе-же доказательства *свободнаго* происхожденія закрыло доступъ къ цеховымъ ремесламъ тѣмъ, которые происходили отъ зависимыхъ крестьянъ. Наконецъ, „безчестными“ считались преимущественно тѣ промыслы, въ которыхъ стекающіеся въ города крестьяне скорѣе всего могли найти занятія, нѣкоторыя ремесла, существовавшія по селамъ безъ цеховой организаціи, а также тѣ занятія, къ которымъ обращались преимущественно деклассированные изъ среды городского населенія. Мауреръ [2]) перечисляетъ, въ качествѣ такихъ „безчестныхъ“ промысловъ, занятія овчаровъ, мельниковъ, ткачей, изготовлявшихъ холстъ [3]), затѣмъ судебныхъ и городскихъ служителей, полевыхъ сторожей, могильщиковъ, ночныхъ сторожей, подсмотрщиковъ за нищими,

---

[1]) Мало того, въ нѣкоторыхъ городахъ требовалось даже доказательство законнаго *зачатія*. Ясно, что это требованіе могло служить поводомъ къ самымъ сильнымъ прижимкамъ непріятныхъ лицъ.

[2]) L. c., II, стр. 447.

[3]) Приготовленіе холста было большею частью сельскимъ кустарнымъ промысломъ. Въ XV столѣтіи эти ткачи массами переселялись въ города. Напр., въ 1488 г. изъ Швабіи переселилось въ Ульмъ 400 сельскихъ ткачей. Неудивительно, что старались защищаться отъ такого наплыва.

чистильщиковъ улицъ и ручьевъ, каналовъ, и палачей, потомъ сборщиковъ пошлинъ, свирѣльщиковъ и трубачей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также — цирульниковъ и баньщиковъ.

Самымъ старымъ актомъ, предписывавшимъ не допускать эти элементы къ занятію ремеслами, можно считать свитокъ бременскаго сапожничьяго управленія отъ 1300 г. (Правда, онъ сохранился лишь въ копіяхъ XVII вѣка, въ которыхъ, можетъ быть, онъ былъ приспособленъ къ потребностямъ времени). Въ этомъ документѣ запрещалось обучать ремесламъ сыновей *ткачей*, изготовлявшихъ холстъ, и *носильщиковъ* [1]).

Срокъ пребыванія въ ученикахъ возможно больше увеличивали.

Первоначально не было никакихъ постановленій по этому предмету и вообще никакой принудительности ученія. Первые дошедшіе до насъ уставы, предписывающіе обязательное ученіе, относятся къ 1304 г., когда оно было введено для мельниковъ, шапочниковъ, кожевниковъ. Лишь въ XV столѣтіи оно становится всеобщимъ.

Само время ученія было различно. Мы находимъ его срокомъ въ одинъ годъ (въ мастерствѣ стрижки сукна въ Кельнѣ, въ XIV столѣтіи) и въ восемь лѣтъ (у золотыхъ дѣлъ мастеровъ тамъ-же и въ то-же время). Въ Англіи время ученія очень растягивалось,—до двѣнадцати лѣтъ (наконецъ, принято было за правило восемь лѣтъ); зато тамъ ученикъ, по окончаніи срока ученія, не встрѣчалъ уже законныхъ препятствій къ тому, чтобы стать мастеромъ [2]).

Въ Германіи время ученія было не такъ велико. Зато между нимъ и полученіемъ званія мастера былъ вдвинутъ срокъ обязательнаго пребыванія въ подмастерьяхъ и онъ возможно больше увеличивался, особенно вслѣдствіе введенія „годовъ странствованія“ [3]).

[1]) V. Böhmert, Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens, Leipzig 1862, стр. 16, 68.

[2]) Конечно, это одна изъ причинъ того, что въ Англіи невозможно открыть организацій подмастерьевъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали въ Германіи.

[3]) „Годы странствованія“ — Wanderjahre — это время, которое подмастерье, сперва по обычаю, а затѣмъ, вслѣдствіе цеховыхъ требованій, долженъ былъ пробыть („странствовать“—wandern) въ другихъ краяхъ, чтобы усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ.

Въ качествѣ *обычая*, странствованія подмастерьевъ упоминаются уже въ XIV столѣтіи, однако, нигдѣ не было *принудительности* ихъ, а бывали *запрещенія*. Первое упоминаніе обязательнаго странствованія мы встрѣчаемъ въ 1477 г. у ткачей шерстяныхъ матерій въ Любекѣ, которые требуютъ, чтобы *сынъ мастера* раньше, чѣмъ стать мастеромъ, пробылъ въ странствованіи годъ и одинъ день. *О подмастерьяхъ* здѣсь нѣтъ еще и рѣчи. Въ XVI столѣтіи обязательность странствованія начинаетъ встрѣчаться чаще [1]).

Обязательный срокъ странствованія простирался отъ одного года до шести лѣтъ; большею-же частью онъ былъ отъ одного года до четырехъ лѣтъ.

Дальнѣйшее средство предупредить чрезмѣрное увеличеніе ремесленниковъ состояло въ ограниченіи числа учениковъ и подмастерьевъ, которыхъ могъ держать мастеръ. Богатымъ мастерамъ мѣшали стать чистыми капиталистами и дѣлать слишкомъ большую конкурренцію мелкимъ мастерамъ.

Такія ограниченія числа учениковъ и подмастерьевъ встрѣчаются уже въ XIV столѣтіи.

Такъ, напр., въ 1836 г. бюргермейстеръ (городской голова) и цеховые мастера города *Констанца* издали распоряженіе, въ которомъ они жалуются, „что нѣкоторые мастера держатъ много работниковъ, что вредно и опасно для другихъ. Поэтому каждому мастеру *запрещается держать болье пяти работниковъ и двухъ учениковъ*“ [2]).

Въ XV столѣтіи эти ограниченія становятся всеобщими [3])

Не каждому подмастерью уже можно было стать самостоятельнымъ. Работа зависимаго ремесленника въ господскомъ дворѣ исчезла и работа свободнаго ремесленника въ домѣ заказчика тоже или совершенно исчезла, или исчезала. Ремесленники обрабатывали теперь свои собственные продукты въ своихъ собственныхъ мастерскихъ; они должны были имѣть дома и средства для пріобрѣтенія матеріаловъ. Хорошее ре-

---

[1]) Въ Англіи ея никогда не было.

[2]) G. Schanz, Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände, Leipzig 1877. стр. 9.

[3]) Schmoller, l. c., стр. 153. Karl Bücher. Die Bevölkerung von Frankfurt a. M. im 14 und 15 Jahrhundert. I. стр. 607. Karl Werner, Die urkundliche Geschichte der Iglauer Tuchmacherzunft, Leipzig 1861, стр. 17, 29. F. Ruby, Das Iglauer Handwerk urkundlich dargestellt, Brünn 1887, стр. 114.

мѣсленное заведеніе требовало въ нѣкоторыхъ промыслахъ уже извѣстнаго состоянія. Зажиточность все больше и больше становилась не только результатомъ, но и необходимымъ условіемъ самостоятельнаго занятія ремесломъ. Неудивительно, что возрастало число работниковъ, которые никогда не достигали самостоятельности, которые осуждены были всю свою жизнь оставаться слугами.

Но тѣмъ не менѣе число подмастерьевъ, становившихся мастерами, все еще возрастало быстрѣе, чѣмъ это было бы пріятно лицамъ, уже ставшимъ самостоятельными. Поэтому означенную тенденцію экономическаго развитія старались усилить законодательными мѣрами и достиженія званія мастера, которое въ XIII столѣтіи еще не было сопряжено съ какими-либо обременительными условіями, все болѣе и болѣе затруднялось. Большая часть этихъ условій возникла въ XV столѣтіи.

Раньше, чѣмъ стать мастеромъ, подмастерье долженъ былъ пріобрѣсть право гражданства въ городѣ; если это ему удавалось, то онъ долженъ былъ часто цѣлые годы ждать полученія правъ мастера.

Такъ, напр., въ уставѣ ульмскихъ ткачей отъ 1403 г. говорится: „Граждане, *пять лѣтъ* живущіе въ Ульмѣ своими домами, могутъ обучать своихъ дѣтей ткацкому ремеслу и, по окончаніи срока ученія, покупать имъ цеховое право. Но если посторонній ткачъ, прибывшій изъ села или изъ другого города, пріобрѣтетъ право гражданства, то онъ все-таки втеченіе пяти лѣтъ не можетъ заниматься ткацкимъ ремесломъ и до окончанія этого срока ему не можетъ быть дано цеховое право. *Работникамъ*-же (Knappen oder Knechten) нисколько не поможетъ то, что они пробыли здѣсь пять лѣтъ: цеховое право можетъ быть дано имъ не раньше, какъ *спустя пять лѣтъ послѣ пріобрѣтенія ими права гражданства*" [1]).

Дальнѣйшимъ условіемъ было представленіе образцовой работы. Оцѣнивали работу, понятно, цеховые мастера, т. е. будущіе конкурренты. Родословная изучалась еще тщательнѣе, чѣмъ при пріемѣ въ ученики; кандидатъ въ мастера долженъ былъ внести за пріемъ большую плату и устроить дорогой пиръ для цеховыхъ мастеровъ.

[1]) G. Schanz, l. c., стр. 8.

Не легко было подмастерью удовлетворить всѣмъ этимъ условіямъ. Романтическіе идеализаторы хотятъ убѣдить насъ, будто этимъ имѣлось въ виду лишь обезпечить интересы потребителя, гарантировать ему прочную и хорошую работу. Однако, какъ мало это было дѣйствительной причиной вышеупомянутыхъ ограниченій, видно не только изъ различныхъ заявленій самихъ заинтересованныхъ [1]), но въ особенности изъ того, что они для сыновей мастеровъ, а часто и для людей, женившихся на дочеряхъ и вдовахъ мастеровъ, или совершенно уничтожались, или значительно уменьшались и были простой формальностью. Здѣсь изумительнымъ образомъ прекращалась тщательная забота объ „охранѣ сословной чести". И это началось не въ періодъ „вырожденія" цехового строя, какъ насъ стараются увѣрить. Уже въ XIV столѣтіи ремесло мясниковъ во Франкфуртѣ, сапожниковъ въ Бременѣ предоставлялось сыновьямъ и дочерямъ мастеровъ. Мало того, въ XV столѣтіи мы встрѣчаемъ уже попытки превратить цехи въ *замкнутыя* организаціи, заранѣе установить число мастеровъ. Въ Гамбургѣ мясники въ 1468 г. просятъ совѣтъ уменьшить число ихъ съ 50 до 40; въ томъ-же городѣ число золотыхъ дѣлъ мастеровъ было ограничено 12 членами, въ Вормсѣ число содержателей винныхъ погребовъ—44. И *наслѣдственность* званія мастера мы тоже встрѣчаемъ уже въ это время.

Эти ограниченія прежде всего имѣли два важныхъ послѣдствія: съ одной стороны, они обостряли дѣйствіе увеличивавшейся пролетаризаціи сельскаго населенія и много способствовали возникновенію *городского пролетаріата*, стоявшаго внѣ всякой цеховой организаціи, а, съ другой, вносили въ само цеховое ремесло антагонизмъ между *мастерами* и *подмастерьями*. Все меньше становилось число мастеровъ сравнительно съ числомъ подмастерьевъ, все строже преслѣдовали всѣхъ тѣхъ,

[1]) Такъ, цехъ суконщиковъ въ Иглау въ одномъ заявленіи совѣту этого города (1510) прямо говоритъ, что онъ требуетъ увеличенія времени ученія до пяти лѣтъ для того, „чтобы не такъ легко можно было стать мастеромъ" (Karl Werner, l. c., стр. 30). Архіепископъ Майнцскій рекомендовалъ въ 1597 г. кожевникамъ и сѣдельщикамъ различныхъ городовъ долгій срокъ ученія и странствованія,—„чтобы пріемъ въ кожевники и сѣдельщики былъ для нихъ благопріятенъ и чтобы не отбивали у нихъ хлѣба неискусные рабочіе" (Stahl, l. c., 40, 41).

которые пытались добиться самостоятельности помимо цеха; вскорѣ запрещено было также заниматься ремеслами внѣ города [1]), въ предмѣстьяхъ и даже въ селахъ, удаленныхъ отъ города иногда на нѣсколько миль, большею-же частью на одну милю (такъ называемая Bannmeile), что подало поводъ къ ожесточеннѣйшей борьбѣ между цеховыми городскими мастерами и непринадлежавшими къ цехамъ ремесленниками въ селахъ и предмѣстьяхъ,—борьбѣ, отразившейся и въ крестьянской войнѣ. Между тѣмъ, какъ сельское населеніе массами устремлялось въ города и все больше возрастало число тѣхъ, которые искали работы въ качествѣ работниковъ и подмастерьевъ, подмастерьямъ становилось все труднѣе попасть въ мастера. Такимъ образомъ, возрастало число людей, обреченныхъ всю жизнь оставаться подмастерьями; званіе подмастерья начало изъ простой переходной ступени отъ ученичества къ мастерству превращаться въ постоянное положеніе для многочисленныхъ ремесленныхъ рабочихъ. Вскорѣ подмастерье сталъ чувствовать себя уже не будущимъ мастеромъ, а человѣкомъ, эксплоатируемымъ мастеромъ; интересы его приходили все въ большее и большее противорѣчіе съ интересами мастера.

III. Борьба между мастерами и подмастерьями.

Антагонизмъ между мастерами и подмастерьями въ концѣ среднихъ вѣковъ все обострился. Когда еще мастеръ былъ главнымъ работникомъ, развѣ лишь изрѣдка бравшимъ помощника, у него не было основанія чрезмѣрно растягивать рабочее время, отъ чего онъ самъ больше всего пострадалъ бы. Работникъ ѣлъ съ нимъ изъ одной миски,— не стоило труда для него одного готовить отдѣльно; если хорошо шли дѣла мастера, то и работнику было хорошо, интересы ихъ были тожественны. Денежная плата играла при-

[1]) Такъ, напр., въ 1500 г. въ Цвиккау было постановлено, что въ окрестныхъ селахъ (Bannmeile) не могутъ селиться ткачи, изготовляющіе холстъ, кромѣ одного ткача въ каждомъ болѣе значительномъ селѣ. Подобныя-же ограниченія относительно другихъ сельскихъ ремесленниковъ издавались тамъ уже въ 1421 и 1492 гг., хотя и не безъ противодѣйствія. E. Herzog, Chronik der Kreisstadt Zwickau. Zwickau 1845, II. стр. 154. 162.

этомъ въ началѣ товарнаго производства лишь ничтожную роль,— нерѣдко мастеръ и работникъ просто дѣлили между собою выручку.

У страсбургскихъ ткачей господствовалъ такой обычай, что работникъ работалъ вмѣстѣ съ мастеромъ за третью часть или за половину общей выручки [1]). То-же самое находимъ мы у золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Ульмѣ, по уставу 1364 г. [2]).

Поводы для раздоровъ не чисто личнаго характера, а вытекающіе изъ противоположности классовыхъ интересовъ, едва ли и встрѣчались при такихъ обстоятельствахъ.

Все это измѣнялось, лишь только число подмастерьевъ въ заведеніи становилось болѣе значительнымъ. Надзирать за четырмя или пятью подмастерьями было не такъ просто, какъ за однимъ. Мастеръ изъ старшаго рабочаго превращался въ понудителя, старавшагося выжать изъ подмастерьевъ возможно больше работы. По мѣрѣ того, какъ ихъ трудъ возрасталъ, облегчался трудъ мастера. Если работало очень много работниковъ, то одного ихъ труда было достаточно не только для ихъ содержанія, но и для того, чтобы доставить мастеру изрядный доходъ. Иногда мастеръ тяготился даже понужденіемъ; въ такомъ случаѣ онъ избавлялся отъ него введеніемъ *издѣльной* платы, которая развивается съ XIV вѣка. Особенно въ ткацкомъ ремеслѣ можно прослѣдить ея постепенное развитіе [3]). И уже въ XV столѣтіи иногда находили нужнымъ запрещать мастерамъ не работать лично.

Чѣмъ меньше мастеръ работалъ лично, тѣмъ больше приходилось ему заставлять работниковъ вырабатывать для него прибавочную стоимость, тѣмъ сильнѣе стремился онъ къ увеличенію ихъ рабочаго времени. Правда, продолжительности рабочаго *дня*, повидимому, не касались, но уже сказывалось стремленіе къ устраненію „понедѣльничанья“ и къ введенію работы во многіе *праздничные* и даже воскресные дни.

Въ *Саксоніи* герцогъ Генрихъ издалъ въ 1522 г., непосредственно передъ началомъ крестьянской войны, строгое предписаніе, которымъ онъ запрещалъ работать въ празднич-

---

[1]) Schmoller, l. c., стр. 416.
[2]) Stahl, l. c., стр. 332.
[3]) Schanz, Gesellenverbände. стр. 109.

ные дни, но вмѣстѣ съ тѣмъ также объявлялъ, что и подмастерьямъ не позволяется праздновать „вольный“ или „добрый понедѣльникъ“ [1]). Когда, портные - подмастерья въ Вэзэлѣ устроили въ 1503 г. стачку, бюргермейстеръ констатировалъ въ цеховомъ собраніи, что эти подмастерья народъ очень неспокойный, „но и мастера много виноваты, такъ какъ они не хотятъ давать подмастерьямъ три раза въ день порядочную пищу, чего тѣ, конечно, могутъ требовать, и слишкомъ обременяютъ ихъ работою“. Онъ грозилъ мастерамъ наказаніемъ, если они впредь „будутъ заставлять работать утромъ до обѣдни въ праздничные и воскресные дни“ и „таскать за волосы, а тѣмъ болѣе бить“ учениковъ. Эта бюргермейстерская рѣчь отмѣчена у Янсена [2]):— къ его цеховой идилліи она подходитъ мало.

Рядомъ со стремленіемъ увеличить рабочее время, шло стремленіе ухудшить содержаніе и уменьшить плату работниковъ. Когда нужно было кормить до пяти подмастерьевъ и двухъ или болѣе учениковъ, то стоило уже готовить для нихъ отдѣльно. Это давало возможность „сберечь“ кое-что на ихъ содержаніи, не уменьшая довольства семьи мастера. Принадлежность подмастерья къ семьѣ мастера, такъ прельщающая Янсена и его товарищей, стала рычагомъ эксплоатаціи подмастерьевъ.

Но еще больше, чѣмъ на содержаніи, „бережливые“ мастера, понятно, старались выгадать на платѣ. При равенствѣ остальныхъ условій, стремленіе къ уменьшенію платы тѣмъ больше, чѣмъ больше занято рабочихъ. Если работаетъ одинъ наемный рабочій, то одинъ—два пфеннига въ день, которые можно было бы выгадать на немъ, не имѣютъ значенія; но если эксплоатируется сотня рабочихъ, то нѣсколько пфенниговъ въ день съ каждаго дадутъ столько-же марокъ, а въ годъ разница будетъ уже на тысячи марокъ. Въ малыхъ размѣрахъ это обстоятельство сказалось уже въ концѣ среднихъ вѣковъ. Конечно, далеко было еще до того, чтобы одинъ предприниматель занималъ въ промышленности сто наемныхъ рабочихъ. Если кто держалъ шесть-семь подмастерьевъ, то это обыкно-

[1]) C. W. Hering. Geschichte des sächsischen Hochlandes. Leipzig 1828, II. 31.

[2]) L. c., I, стр. 337.

венно значительно превышало нормальное и дозволенное число. Но все-же и этого уже было достаточно, чтобы стремленіе къ уменьшенію заработной платы сказалось сильнѣе, чѣмъ въ то время, когда ремесло еще не „процвѣтало“, и лишь немногіе ремесленники получали возможность держать хоть одного подмастерья.

Съ другой стороны, возрастало стремленіе работниковъ возвысить заработную плату—особенно въ Германіи по причинѣ переворота въ цѣнахъ, бывшаго слѣдствіемъ быстраго возрастанія доходности серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ въ XV столѣтіи и предшествовавшаго еще болѣе рѣшительному перевороту, вызванному въ XVI столѣтіи открытіемъ сокровищъ Америки и грозившему охватить всю цивилизованную Европу. Рядомъ съ переворотомъ въ производствѣ благородныхъ металловъ, возвышенію цѣнъ способствовали также монополіи торговыхъ обществъ. Но одновременно съ этимъ возрастала также роскошь, возрастали потребности у *всѣхъ* сословій, въ томъ числѣ и у ремесленныхъ мастеровъ. Неудивительно, что работники, которые жили съ мастерами и еще недавно были почти равны имъ, тоже наровили принять участіе въ этомъ общемъ подъемѣ условій жизни.

Поэтому именно по вопросу относительно *заработной платы* антагонизмъ между мастерами и подмастерьями въ XV и началѣ XVI вѣка все болѣе и болѣе обострялся.

Это, вмѣстѣ съ антагонизмомъ въ другихъ отношеніяхъ, на которыя мы уже указывали, было причиною того, что столкновенія между мастерами и подмастерьями, начавшіяся еще въ XIV вѣкѣ, становились все многочисленнѣе и ожесточеннѣе, по мѣрѣ приближенія къ XVI вѣку.

Идеализаторы цеховъ и романтики любятъ противопоставлять капиталистической промышленности цеховыя ремесла, какъ способъ производства, бывшій настоящимъ эльдорадо для рабочихъ и совершенно не знавшій классовой ненависти. Лишь капитализмъ—или, какъ любятъ выражаться въ полу-Азіи: „жидовство“—изгнало, молъ, этику изъ экономической жизни и посѣяло ядовитое сѣмя классовой ненависти. Но еще цеховые мастера и землевладѣльцы XIV и XV вѣковъ оказываются очень далекими отъ этой пресловутой райской невинности до-капиталистическихъ временъ,—не говоря уже о позд-

нѣйшихъ столѣтіяхъ, когда капиталистическое грѣхопаденіе произвело, дескать, свое дѣйствіе. Уже „расцвѣтъ“ цеховыхъ ремеселъ основывался на эксплоатаціи наемныхъ рабочихъ и вызвалъ ожесточеннѣйшую классовую борьбу.

Совершенно вѣрно говоритъ Шанцъ въ своей прекрасной книгѣ, нанесшей по вопросу о положеніи подмастерьевъ тяжелый ударъ „этическимъ“ разглагольствованіямъ „исторической“ школы: „надо подумать и объ этомъ фактѣ (обирательствѣ рабочихъ), если говорить, какъ Шёнбергъ (Zunftwesen, 76), о большомъ подъемѣ промышленнаго труда и всеобщемъ благосостояніи ремесленниковъ въ XIV и XV вѣкахъ; вѣдь едва ли можно сомнѣваться, что это благосостояніе мастеровъ въ значительной степени обязано было своимъ возникновеніемъ лишь недостаточно оплаченному труду подмастерьевъ, съ тоскою взиравшихъ на свое будущее“ [1]).

Но какъ ни сильны были цехи, какъ ни гордились они своей автономіей, своей самостоятельностью, они не пренебрегали пользоваться и „государственной помощью“ для угнетенія подмастерьевъ. Въ XV (въ Англіи даже въ XIV) столѣтіи уже издавались многочисленныя *таксы заработной платы* властями,—городскимъ совѣтомъ или государемъ, если въ странѣ былъ государь. Въ это время мы находимъ уже и таксы для всей страны,—какъ для ремесленниковъ, такъ и для сельскихъ рабочихъ. Мы приведемъ здѣсь лишь одну такую таксу, вступленіе къ которой очень знаменательно. Она составляетъ часть земскаго устава („Landesordnung“), изданнаго для Саксоніи герцогами Эрнстомъ и Альбертомъ въ 1482 г. Здѣсь говорится: „Со стороны прелатовъ, господъ, рыцарства и городовъ поступило много жалобъ, что подданные находятся въ большомъ упадкѣ и обѣднѣли, что происходитъ отъ высокаго достоинства монеты, *непомѣрной платы работникамъ и ремесленникамъ* и отъ овладѣвшаго всѣми сословіями излишества въ расходахъ на пищу, питье и одежду, въ городахъ же, главнымъ образомъ, оттого, что промыслы, какъ приготовленіе солода, пивовареніе и торговлю пивомъ, доставлявшіе средства къ существованію большинству горожанъ, захватывали у нихъ нѣкоторые прелаты и дворянство, взявшіеся за

[1]) Gesellenverbände, стр. 21.

это дѣло [1]), а также *ремесленники въ селахъ*, чего не должно быть, на что они не имѣютъ права и что съ давнихъ временъ было не въ обычаѣ. Такимъ образомъ, по всестороннемъ размышленіи оказывается, что прежде всего нужно изготовить и выпустить *монету низшаго достоинства* для платежа работникамъ и ремесленникамъ [2]). Затѣмъ, нужно, чтобы впредь никто не одѣвалъ своихъ работниковъ иначе, какъ въ мѣстное платье; пусть каждый покупаетъ и даетъ какую угодно матерію, кромѣ суконъ высшаго сорта (Hosen-Kogeln-Koller und Brustlatztuch). Но если господинъ или дворянинъ даетъ своему работнику не обувь или одежду, а деньги, то пусть онъ платитъ обученному работнику 5 копъ [3]), конюху 4 копы новыхъ грошей". Затѣмъ, слѣдуетъ такса платы для наемныхъ рабочихъ и дальше говорится: „Простому рабочему—съ содержаніемъ 9 новыхъ грошей, безъ содержанія 16 грошей. Мастеровымъ къ обѣду и ужину надо давать только четыре блюда: въ скоромные дни—супъ, *два мясныхъ блюда* и овощи; въ пятницу и другіе дни, когда мяса не ѣдятъ,—супъ, одно блюдо изъ свѣжей или вяленой рыбы и два блюда изъ овощей; когда-же нужно поститься—*пять блюдъ*: супъ, два блюда изъ рыбы и два изъ овощей и сверхъ того 18 грошей, а простому мастеровому 14 грошей платы въ недѣлю; если-же эти мастеровые работаютъ на своемъ содержаніи, то надо давать полировщику не болѣе 27 грошей, простому каменьщику и т. п. —не болѣе 23 грошей въ недѣлю" [4]).

У кого изъ рабочихъ вѣка пара и электричества не потекутъ слюнки при мысли о такомъ принудительно - декретируемомъ „постѣ" конца „мрачныхъ" среднихъ вѣковъ! Правительственныя ограниченія заработной платы и содержанія тоже вѣдь принадлежатъ къ тѣмъ фактамъ, изъ которыхъ Янсенъ и consortes

---

[1]) Такимъ образомъ, саксонское дворянство уже въ то время начало увеличивать свои доходы сельской промышленностью. Такъ какъ картофельная сивуха была тогда еще неизвѣстна, то оно набросилось на пивовареніе.

[2]) Этотъ простой способъ надувательства рабочихъ при платежѣ можетъ вызвать зависть и удивленіе не у одного изъ современныхъ биметаллистовъ.

[3]) Копа (Schok) шестьдесятъ штукъ чего-либо: въ данномъ случаѣ — 60 грошей.

[4]) Hunger, Geschichte der Abgaben, стр. 22. Ср. таксу заработной платы для ремесленниковъ, изданную совѣтомъ города Фрейбурга въ 1475 (Hering. Geschichte des sächsischen Hochlandes, II, стр. 17).

съ торжествомъ выводятъ, какъ счастливы были, въ какомъ довольствѣ жили рабочіе въ докапиталистическое время.

Эти постановленія, дѣйствительно, имѣютъ уничтожающее значеніе для либеральной легенды о благахъ, которыми современная цивилизація, будто бы, осыпала пролетаріевъ. Однако они отнюдь не доказываютъ, что наемные рабочіе въ то время *чувствовали себя* особенно счастливыми. Чтобы понять положеніе какого-либо класса, еще недостаточно знать его само по себѣ: необходимо сравнить его съ положеніемъ *другихъ* классовъ, съ *общими потребностями* времени. Теперь въ общемъ одѣваются менѣе роскошно, въ особенности мужчины; теперь въ общемъ и меньше ѣдятъ. Такіе обѣды и ужины, какіе предписаны саксонскимъ земскимъ уставомъ 1482 г., намъ кажутся очень обильными. Но въ сравненіи съ колоссальной массой пищи, какую тогда привыкли потреблять, они оказываются нѣсколько скудными [1]).

Но и одна эта сравнительная оцѣнка тоже еще недостаточна. Характеръ общества опредѣляется меньше состояніемъ его *въ данный моментъ*, чѣмъ *направленіемъ его развитія*. Недовольство вызываютъ не столько бѣдствія сами по себѣ, какъ тѣ

---

[1]) Втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ очень любили хорошо и обильно поѣсть и попить. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ мы приведемъ лишь нѣсколько случайно попавшихся намъ. Для пиршества, состоявшагося въ 1246 г. на берегу Дуная близъ Вѣны, по случаю бракосочетанія племянницы Оттокара Пршемысла II, Кунигунды съ венгерскимъ принцемъ Белою, „доставлены были изъ Австріи, Штиріи и Моравіи всевозможные припасы въ неимовѣрномъ количествѣ: мелкій и крупный откормленный скотъ покрывалъ весь островъ Дуная и сосѣдній лугъ; дичи и птицы было, собственно говоря, безчисленое множество; на хлѣбъ заготовлено было до 1000 мѣръ (Muth) пшеницы, а вина столько, что его хватило бы для двухъ странъ на нѣсколько дней“. (F. Palacky. Geschichte von Böhmen, Prag 1866, II, стр. 1, 188). Это напоминаетъ описанія Рабле.— Въ 1561 г. на свадьбѣ Вильгельма Оранскаго ушло: 4000 шеффелей пшеницы, 8000 шеффелей ржи, 13000 шеффелей овса, 3600 ведеръ вина, 1600 бочекъ пива. На большомъ пиршествѣ по случаю смерти Альбрехта Баварскаго въ 1509 г. было не менѣе 236 блюдъ.—На свадебномъ пирѣ, считавшемся особенно скромнымъ, одного аббата (близъ Хельмштэдта), перешедшаго въ 1569 г. въ протестантство, 110 человѣкъ съѣли: 2 быковъ, 3 свиней, 10 телятъ, 10 ягнятъ, 60 куръ, 120 карповъ, 10 щукъ, чанъ мелкой рыбы, 600 яицъ и два круга сладкаго сыра. (A. Schlossar. Speise und Trank vergangener Zeiten in Deutschland. Wien 1877, стр. 33, 35).

бѣдствія, въ которыя *ввергають* людей или въ которыхъ они вынуждены *оставаться*, между тѣмъ какъ рядомъ-же другіе *достигають* благосостоянія. И чѣмъ быстрѣе идеть развитіе, тѣмъ рѣзче сказываются его тенденціи, тѣмъ энергичнѣе реагирують противъ нихъ нарушаемые ими интересы, тѣмъ напряженнѣе общественная борьба. Передъ французской революціей бѣдствія въ Германіи были значительнѣе, чѣмъ во Франціи, а все-таки переворотъ нашелъ свою исходную точку во Франціи, потому что экономическое развитіе тамъ шло быстрѣе. Съ 1870 г. Германія является въ Европѣ тѣмъ государствомъ, въ которомъ экономическое развитіе идетъ быстрѣе всего: она, а не Англія, стала центромъ соціалъ-демократическаго движенія; конечно, въ Англіи соціальныя противорѣчія гораздо больше, но за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій они увеличиваются сравнительно медленно. Страной, въ которой въ настоящее время экономическое развитіе быстрѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ, являются Соединенные Штаты; нѣтъ ничего невозможнаго, что черезъ одно-два десятилѣтія центръ тяжести этого движенія перейдетъ туда, хотя въ Америкѣ положеніе рабочихъ въ среднемъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо.

Но о *развитіи* мы узнаемъ очень мало у нашихъ историковъ культуры. Наши либеральные историки обстоятельно выясняютъ рабочимъ, какъ много причинъ есть у нихъ считать себя счастливыми: они, молъ, благодаря машинамъ, могутъ позволить себѣ роскошь употребленія чулокъ и носовыхъ платковъ, которые прежде были недоступны даже самымъ могущественнымъ изъ монарховъ. Консервативные-же историки указываютъ намъ нѣсколько перечней блюдъ, таксъ заработной платы и распоряженій относительно платья изъ XV или XVI столѣтія и говорятъ: вотъ, какъ счастливы были крестьяне и рабочіе въ доброе старое время, когда процвѣтали цехи и церковь господствовала надъ общественной жизнью. Иной оказалась бы картина, если бы какъ тѣ, такъ и другіе захотѣли показать намъ, въ какомъ *направленіи* развитіе идетъ въ настоящее время и шло 400 лѣтъ тому назадъ. Они должны были бы сказать, что какъ тогда, такъ и теперь стремленіе эксплуатирующихъ классовъ направлено къ тому, чтобы все глубже и глубже ввергнуть трудящіеся классы въ

нищету. Правда, какъ тогда, такъ и теперь, инымъ частямъ трудящихся классовъ, находящимся въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, удавалось не только помѣшать приниженію, но неоднократно даже добиться улучшенія условій своей жизни и труда; но если ихъ положеніе и улучшалось, то все-же не въ такой степени, какъ положеніе эксплоатирующихъ классовъ: духовенства, высшаго дворянства, купцовъ и мастеровъ. Ихъ часть въ продуктахъ ихъ труда и пріобрѣтеніяхъ культуры становилась все меньше и меньше.

Несмотря на всѣ мясныя яства и бархатные кафтаны ремесленныхъ подмастерьевъ, въ ихъ рядахъ мы вовсе не находимъ той „цвѣтущей зажиточности“ и „обезпеченности“, того отсутствія „зависти и вражды къ болѣе высокопоставленнымъ“, того довольства, которыя намъ расписываетъ Янсенъ,— а нѣчто совершенно противоположное.

Порывы.

(Разсказъ).

Лѣтомъ, въ праздничный день, въ ожиданіи обѣда, штейгеръ Амосовъ лежалъ на постели, грызъ ногти и перелистывалъ новую книжку журнала.

Вошла Агаѳья со скатертью и приборомъ и стала накрывать на столъ.

Молчаливая и сонная Агаѳья почему-то улыбалась.

— А тама... начала она и сдѣлала продолжительную паузу, задвигавъ тарелками, какъ бы раздумывая, стоитъ говорить дальше или нѣтъ; — тама... тово...

— Что „тово“? спросилъ Амосовъ.

— Музыкантъ какой-сь-то проявился... Ловко играетъ!

— Музыкантъ?

— Пря-а-мо — заслушаться... Ловко играетъ!..

Амосовъ всталъ съ постели и взглянулъ въ окно.

Въ самомъ дѣлѣ, откуда-то совсѣмъ близко доносились звуки скрипки, нѣжные и чистые. „Кто бы это?— подумалъ Амосовъ,—раньше не было...“ Для „капитальнаго“ рудника Рыкалова и К° это могло считаться событіемъ. Амосовъ надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу.

За угломъ, возлѣ сосѣдняго дома, гдѣ тоже помѣщались квартиры служащихъ, собралась кучка шахтеровъ, бабъ и дѣтей. Всѣ молча смотрѣли въ раскрытое окно верхняго этажа, откуда только слышались звуки скрипки, но въ окнѣ не видно было никого. Амосовъ тоже остановился. Кто-то выразительно и сильно игралъ знакомую ему старую „пѣсню бродяги“:

„Я старъ, я дряхлъ, я утомился.
„Вотъ ровъ: — сойду въ немъ умереть“...

казалось, говорили звуки и звенѣли, дрожали въ воздухѣ,

— Кто тамъ играетъ? — спросилъ Амосовъ, кивнувъ на окно.

Шахтеры обернулись къ нему и поздоровались, снявъ шапки.

— А это должно насмотрщикъ новый, што на пятый номеръ поступилъ, отвѣчалъ кто-то.

— Когда поступилъ?

— Да намедни... Тоже изъ штегерей быдто... молодой совсѣмъ, бѣлявый...

— Какъ фамилія?

— Хвамилія? — Лицо шахтера сразу омрачилось. — Упомнилъ... Вотъ Макаръ долженъ знать...

Но Макаръ тупо посмотрѣлъ на Амосова, на небо, потомъ себѣ на ноги и, наконецъ, почесавъ затылокъ, проговорилъ:

— Какъ его... э—эхъ!.. Бу... Бу... Буковъ!..

— Вуковъ,—можетъ быть? живо спросилъ Амосовъ.

— А можетъ и Вуковъ.

Но Амосовъ уже быстрыми шагами пошелъ къ дому и исчезъ въ дверяхъ.

Взбѣжавъ по узкой и грязной лѣстницѣ вверхъ, онъ, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, попалъ, наконецъ, къ той двери, откуда слышались звуки. Она была заперта. Онъ постучалъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ оттуда мужской, точно раздраженный голосъ. Дверь отворилась; Амосовъ вошелъ. Передъ нимъ стоялъ бѣлокурый, но смуглый и съ черными глазами молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ со скрипкой и смычкомъ въ рукахъ.

Въ маленькой узкой комнатѣ все было въ безпорядкѣ. На простомъ крашеномъ столѣ валялись книги, бумаги; подъ постелью—грязное бѣлье и черное шахтное платье. Самъ жилецъ этой убогой квартиры былъ одѣтъ также небрежно. На немъ была темная парусиновая блуза, подпоясанная ремнемъ, и ботфорты. Смуглое лицо его еще пылало румянцемъ отъ недавней игры и глаза лихорадочно блестѣли. Увидѣвъ Амосова, онъ замѣтно удивился, съ минуту вглядывался въ него и, видимо, обрадовавшись, быстро положилъ скрипку и смычекъ на столъ.

— Вотъ, не ожидалъ!.. Здравствуйте! сказалъ онъ, крѣпко пожавъ ему руку.

— Садитесь-ка... сюда.—Вуковъ указалъ на постель. Во всей комнатѣ не было ни одного свободнаго стула.

Оба присѣли и разговорились.

— Какъ вы сюда попали? спросилъ Амосовъ.

— Да просто застрялъ... Скитаюсь по рудникамъ, ну, вотъ, и наткнулся.

— И все еще надсмотрщикомъ?.. За два года!..

— Что-жъ?.. Никакъ не могу „дѣловымъ“ стать, т. е., собственно, не хочу.

— Почему?

Вуковъ вздохнулъ, потянулся и отвѣчалъ небрежно, почти нехотя:

– Пресмыкаться надо... усердствовать. Молъ: смотрите, милые начальники, какъ я стараюсь... А мнѣ противно.

— Надо бороться...

Смуглое лицо Вукова вдругъ вспыхнуло и глаза сверкнули.

— Не называйте это борьбой! почти закричалъ онъ.— Это пресмыкательство! Борьба собаченокъ льстивыхъ и рабски послушныхъ изъ-за куска мяса... Я понимаю борьбу только идейную, благородную. А здѣсь—эгоизмъ, жадность, трусость!..

— Что-же дѣлать? возразилъ Амосовъ. — Мы всѣ привыкаемъ...

— То-то и горько, замѣтилъ Вуковъ уже съ грустью и безъ гнѣва. — А вотъ я, — поднялъ онъ голову, — не могу привыкнуть... И... — слава Богу!

Амосовъ взглянулъ на него и тутъ только замѣтилъ, какой измученный, исхудалый видъ имѣло его лицо, хранившее на себѣ темные отъ угля, уже почти несмывавшіеся слѣды шахты.

Вуковъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ, нервно ероша себѣ волосы. Съ минуту оба помолчали.

— Э-эхъ! громко вздохнулъ онъ и потянулся къ концу стола за какою-то книгою. — Не читали ли вы, Амосовъ, Мицкевича?

— Немного читалъ... давно.

— Вотъ послушайте-ка... стихотвореніе... чудное!.. Оно меня преслѣдуетъ, томитъ!..

И, перевернувъ нѣсколько страницъ, онъ радостно стукнулъ пальцами по найденному мѣсту, посмотрѣлъ на Амосова и началъ тихо, съ частыми паузами, но горячо и весь углубившись въ чтеніе:

„Грозно склонясь надъ водами [1]),
„Скалы воздвиглись рядами:
„Въ зеркалѣ влаги прозрачной
„Очеркъ ихъ видится мрачный.
. . . .

[1]) Переводъ Бенедиктова.

„Смутно вдали надъ водами
„Тучи несутся съ дождями:
„Въ зеркалѣ влаги хрустальной
„Виденъ ихъ образъ печальный.

. . . .

„Рѣзко надъ тѣми-жъ водами
„Молніи вьются змѣями
„И, отражаясь въ знакомомъ
„Зеркалѣ, — падаютъ съ громомъ:
„Воды лишь блескъ ихъ отбили,
„Стали вновь тѣ-же, какъ были...“

Лицо Вукова все больше и больше блѣднѣло. Онъ на мгновеніе остановился, перевелъ дыханіе и продолжалъ:

„Жизнь моя — воды въ движеньи;
„Молніи въ ихъ отраженьи,
„Скалы и тучи — все зримо,
„Все отразится и — мимо!..

. . . .

„Скалы... Данъ видъ имъ грозящій...
„Тучи... имъ дождь всекропящій...
„Молніямъ — съ громомъ паденье:
„Мнѣ-же — теченье! теченье!“

Вуковъ совершенно побѣлѣлъ и бросилъ книгу на столъ.

— Вотъ, прошепталъ онъ, тяжело дыша, и указывая на книгу: — вотъ...

„Мнѣ-же — *теченье*! теченье!“

повторилъ онъ съ грустью въ голосѣ и горящими глазами.

— Понимаете ли вы, что это теченіе, эта обыденная безцвѣтная, безстрастная жизнь—пытка, мука для меня!.. Добро бы еще свыкнуться съ нимъ... Но когда тяжело?! Когда душа рвется въ борьбу съ этимъ глупымъ, безцѣльнымъ теченіемъ и чувствуетъ себя глубоко униженною, подчиняясь ему?!.. Что дѣлать?.. Идти *противъ*? Да это счастье, отрада, удовольствіе! Но желать бороться и не умѣть... лучше разомъ погибнуть!..

Вуковъ все болѣе увлекался по мѣрѣ того, какъ говорилъ. Онъ даже не смотрѣлъ на Амосова, точно разсуждалъ самъ съ собою.

— Скажите, почему у васъ такія мысли? спросилъ Амосовъ.—Чѣмъ вы, собственно, недовольны?

— Чѣмъ недоволенъ? — Вуковъ болѣзненно усмѣхнулся. — Ужъ не думаете ли вы, что меня безпокоитъ моя нищета, лишенія, потеря здоровья и вообще недостатокъ земныхъ буржуазныхъ благъ? Ничуть. Я тер-

цѣлико, я радостно перенесъ бы все, если бы это нужно было для *разумной* цѣли. Но, Боже мой! Посмотрите, изъ-за чего мы хлопочемъ? Изъ-за утробы! Изъ-за утробнаго блага, ради котораго забываемъ все... Да, право-же, жизнь—это самая дикая забава природы. И особенно потѣшается она надъ человѣкомъ. Все прочее живое она хоть не одарила разумомъ. Но создать разумное существо и сдѣлать его ничтожнымъ; о, это насмѣшка! злая насмѣшка...

Вуковъ задумался, скрестивъ руки на груди и безцѣльно устремивъ взоръ въ раскрытое окно.

— Такой-же, какъ и былъ, подумалъ о немъ Амосовъ, припоминая свои разговоры съ нимъ еще въ горномъ училищѣ, когда они жили подъ одной кровлей. Нѣкоторые эпизоды приэтомъ невольно воскресали въ его памяти. И среди товарищей Вуковъ выдѣлялся своимъ крайне нервнымъ и впечатлительнымъ характеромъ и замкнутостью. Онъ слылъ за добряка и честнаго малаго, но держался одиноко, рѣдко бывая веселъ, и хорошее настроеніе выражалъ лишь свойственною ему болѣзненною улыбкою. Всегда молчаливый и сосредоточенный, онъ, однако, дѣлался необыкновенно разговорчивымъ, если кто затрагивалъ его „слабую струнку", какой-нибудь близкій его сердцу вопросъ. Тогда глаза его загорались огнемъ, смуглыя щеки покрывались едва замѣтнымъ румянцемъ, и онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такою страстностью, что всѣ поражались и слушали его съ возраставшимъ вниманіемъ. Способности у него были недюжинныя. Онъ мало занимался училищными науками, но и на репетиціяхъ, и на экзаменахъ отвѣчалъ не хуже другихъ. Цѣлыми днями и часто далеко за полночь онъ лежалъ на своей постели и запоемъ читалъ книги, журналы, газеты, или игралъ на скрипкѣ.

Особенно памятенъ былъ Амосову одинъ вечеръ. Возлѣ зданія училища проходила линія желѣзной дороги, и часто товарищи, собираясь группами, встрѣчали пассажирскіе поѣзда. Однажды, позднимъ вечеромъ, Вуковъ стоялъ среди другихъ товарищей у самаго полотна дороги и слѣдилъ, какъ ползло въ темнотѣ трехглазое чудовище поѣзда, съ грохотомъ и шумомъ приближавшееся къ ихъ мѣсту. Амосовъ стоялъ рядомъ и замѣтилъ, что Вуковъ почему-то дрожитъ, но не придалъ этому никакого значенія. А поѣздъ приближался, и не успѣлъ локомотивъ поровняться съ ними, какъ Вуковъ быстро бросился впередъ на рельсы и... только замелькали окна вагоновъ передъ глазами пораженныхъ товарищей. Едва

поѣздъ прошелъ, всѣ бросились къ рельсамъ, вынесли изъ училища фонари, шахтныя лампочки, поднялись крики, суматоха, но нигдѣ ни на рельсахъ, ни возлѣ нихъ не нашли ни Вукова, ни даже капли крови или клочка его одежды. Вѣроятно, онъ не попалъ подъ колеса, иначе паровозъ получилъ бы толчекъ и машинистъ остановилъ бы поѣздъ. Стали искать по ту сторону линіи, въ посадкѣ, и, наконецъ, нашли его шагахъ въ десяти отъ полотна, въ травѣ, безчувственнаго, съ окровавленнымъ лицомъ.

Осторожно внесли его въ училище, послали за рудничнымъ фельдшеромъ и привели въ чувство. На разспросы онъ рѣзко отказался отвѣчать. Потомъ у него открылась горячка, а по руднику и среди товарищей пошли всевозможныя предположенія о причинахъ, побудившихъ его къ „самоубійству".

Вуковъ лежалъ въ отдѣльной комнатѣ училища. За нимъ ухаживалъ особый служитель и нѣкоторые товарищи, въ томъ числѣ Амосовъ. Этотъ случай помогъ ему ближе сойтись съ Вуковымъ.

Когда тотъ сталъ поправляться, Амосову удалось втянуть его въ интимный разговоръ и узнать истинную причину загадочнаго случая.

По признанію Вукова, онъ еще съ дѣтства чувствовалъ въ себѣ какое-то особенное невольное влеченіе къ опасностямъ. Стоялъ ли онъ на краю пропасти, смотрѣлъ ли изъ окна верхняго этажа внизъ, мчался ли во всю прыть отчаяннымъ галопомъ на конѣ—сердце его всегда замирало отъ страннаго восторга и какая-то непонятная могучая сила такъ и влекла, такъ и толкала впередъ. При видѣ быстро мчавшихся лошадей или поѣзда, Вуковъ чувствовалъ странную наклонность перейти имъ дорогу, перебѣжать черезъ рельсы. И чѣмъ ближе подходилъ поѣздъ, чѣмъ больше увеличивалась опасность, тѣмъ это желаніе у него становилось непреодолимѣе.

— Всякая грубая сила, говорилъ Вуковъ,—оскорбляетъ, раздражаетъ меня. Я не терплю никакихъ границъ и рамокъ. И если наглая, самоувѣренная сила говоритъ мнѣ: „не посмѣешь", то для меня одно и высшее счастье:— *посмѣть*...

По словамъ Вукова, въ тотъ вечеръ онъ, почти не помня себя, бросился подъ поѣздъ. Стремленіе перебѣжать рельсы въ послѣднюю минуту омрачило ему разсудокъ и заглушило инстинктъ самосохраненія. Онъ помнилъ лишь толчекъ отъ паровоза, полученный имъ въ плечо и отбросившій его далеко отъ рельсъ...

Странный поступокъ Вукова особенно встревожилъ училищное начальство. Къ нему стали относиться подозрительно, а его это раздражало.

Вскорѣ у него произошло крупное столкновеніе съ инспекторомъ. Ему предложили извиниться, онъ отказался и вышелъ изъ училища...

Все это быстро промелькнуло въ памяти Амосова, и онъ, невольно, въ душѣ, со своей точки зрѣнія, пожалѣлъ о судьбѣ товарища—„чудака“.

— Разскажите все-таки, началъ опять Амосовъ,— гдѣ вы были послѣ училища, что дѣлали. Вѣдь это, согласитесь, интересно.

— Нисколько, отвѣтилъ Вуковъ, махнувъ рукой.— Оставилъ училище съ третьяго курса. Долго шлялся безъ мѣста. Потомъ попалъ въ хищническую нору, гдѣ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ работалъ вмѣстѣ съ шахтерами и велъ собачью жизнь. А тамъ ушелъ въ другую нору, еще похуже, потомъ въ третью. Теперь попалъ сюда на рудникъ вашего Рыкалова въ качествѣ надсмотрщика. Вотъ и все. Взгляните на мою рожу и фигуру— и прочтете остальное...

— Да, это печально, вздохнулъ Амосовъ,—но... теперь не унывайте: здѣсь вамъ будетъ лучше.

— Мнѣ не можетъ быть лучше...

— Почему?..

— Претитъ мнѣ.

— Что?

— Трудъ этотъ, безцѣльная жизнь, работа и самоистязаніе для одной утробы.

— Какого-же труда вы хотѣли бы?

— Не знаю.. А только думаю, что ни я, ни милліоны подобныхъ мнѣ людей не должны бы всю свою жизнь погибать въ грязномъ, черномъ трудѣ, копаться въ лужахъ, отыскивая себѣ пищу. Человѣкъ долженъ быть богомъ на землѣ. Намъ дали жизнь... *Зачѣмъ нѣтъ жизни!?*. Земля должна быть раемъ. Развѣ не могли бы мы жить въ этомъ раю, не пожирая другъ друга? Развѣ мало было бы для насъ плодовъ, мало наслажденій? А рай нашъ не расширили бы мы созданіями нашего ума, нашей души!.. Но злая земная сила все перепутала, а небесная точно обрадовалась этому и перенесла резиденцію ада изъ-подъ земли на землю вмѣстѣ со всею адскою іерархіею... Повѣрьте, мы всѣ могли бы трудиться не съ отвращеніемъ, не со страданіемъ, а съ любовью, потому что работали бы не для желудка, а для блага, нравственнаго блага человѣчества. Не золо-

томъ оплачивался бы трудъ, а отраднымъ сознаніемъ исполненнаго долга. Не слугами, не рабами были бы труженики, а сподвижниками, помощниками, братьями. Горько подумать, что жизнь, можетъ быть, всего лишь *одинъ* разъ дается намъ, а мы ее проводимъ безсмысленно, игралищемъ слѣпой судьбы.

— Но послушайте, Вуковъ, прервалъ Амосовъ,— вѣдь лучшіе умы и работаютъ для усовершенствованія жизни. Когда-нибудь это будетъ достигнуто.

— Вздоръ! запальчиво вскричалъ Вуковъ.—Вавилонское столпотвореніе!.. Забава природы!.. Земля кружится на одномъ мѣстѣ,—такъ и все на землѣ... Впередъ, назадъ,—назадъ, впередъ... Ничего изъ этого не выйдетъ...А если и выйдетъ,—намъ-то что?.. Намъ *одинъ только* разъ дана жизнь. Почему-же у насъ отнято счастье?..

— А гдѣ счастье? возразилъ Амосовъ.—Найдите навсегда счастливыхъ и довольныхъ людей. Или найдите такого горемыку, у котораго не было-бы хоть минуты счастья...

— Вотъ, вотъ... Это-то и забава природы! Это и насмѣшка! Счастье!.. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ нему, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что это призракъ. Можно ли обнять свою собственную тѣнь и подружиться съ нею, какъ съ живымъ человѣкомъ?!.

— Право, Вуковъ, съ такими взглядами нельзя жить. А вы живете, слѣдовательно, не совсѣмъ исповѣдуете то, что говорите.

— Живу? печально улыбнулся Вуковъ.—Такъ... Но *буду ли* жить?..

— Самоубійство—трусость.

— Нѣтъ,—геройство. Презрѣніе къ пошлой жизни и жалкимъ людямъ.

— Не думаю, чтобы вы это сдѣлали. Лучше ужъ посвятите вашу жизнь какому-нибудь хорошему дѣлу, гдѣ нужно самопожертвованіе.

— Ложь—всѣ эти ваши маленькія „хорошія“ дѣла! Самообманъ и малодушіе! Трусость передъ великимъ дѣломъ!.. Жить такъ жить!.. А нѣтъ,—погибнуть!..

— Такъ могутъ и всѣ лѣнтяи отговариваться.

— И будутъ правы... Лѣнтяи—это, если хотите, лучшіе люди. Условія *этой* жизни дѣлаютъ ихъ лѣнтяями. Лѣнь не удовольствіе, она тягостна, мучительна. Но въ большой, просторной комнатѣ хорошо ходить и работать, а въ узкой и тѣсной лучше сидѣть и лежать. При свободномъ выборѣ труда лѣнтяевъ, не нашли бы, а

теперь, если встрѣчаете гдѣ лѣнтяя, то такъ и знайте, что жизнь тащитъ его не по тому пути, куда влечетъ душа.

— Но человѣкъ съ сильной волей можетъ всегда превозмочь лѣнь.

— А зачѣмъ?.. Если жизнь не стоитъ. Если все гадко, а иногда даже злоба одолѣваетъ такая, что, кажется, взялъ бы въ руки ножъ или топоръ и пошелъ рубить всю эту пошлость земную, всѣхъ этихъ людишекъ-животныхъ... Но... знаете... и тутъ нѣтъ силъ... Раздавить даже клопа гадко, ну, а какъ-же убить человѣка, когда онъ такой *огромный* клопъ?!. Сколько крови будетъ... много... слишкомъ много!.. противно.

— Неужели онъ психопатъ? подумалъ Амосовъ, пристально глядя на своего собесѣдника.

Тотъ не смотрѣлъ на него и, по обыкновенію, казался углубленнымъ въ свою думу.

— Вы клевещете на себя, Вуковъ, сказалъ Амосовъ.—Вамъ противна не кровь человѣческая, а мысль объ убійствѣ. Ваша природа не позволитъ вамъ...

— Я проклинаю свою природу и свое воспитаніе! вскричалъ Вуковъ.

Амосовъ укоризненно покачалъ головой.

— Неужели въ васъ столько злобы?.. Мнѣ не вѣрится.

Но Вуковъ уже снова притихъ, вздохнулъ и, опустивъ голову, задумчиво продолжалъ:

— Не знаю... порою я готовъ раскрыть объятія всему міру и даже слезы являются на глазахъ отъ избытка любви къ людямъ, а порою вотъ такая ненависть...

— Знаете что? прервалъ его Амосовъ. — Оставимъ эти мрачныя мысли. Сыграйте-ка лучше что-нибудь.

— Сыграть? задумчиво повторилъ Вуковъ.—Хорошо. И онъ лѣниво взялъ скрипку, лѣниво настроилъ ее и, прислонясь къ столу, заигралъ какую-то грустную мелодію, но такъ мягко и нѣжно, что у Амосова пробѣгалъ холодъ по спинѣ и корнямъ волосъ, и замирало сердце отъ тихаго восторга.

По мѣрѣ игры и самъ Вуковъ сталъ оживляться. Глаза его заблистали и на смуглыхъ щекахъ выступилъ легкій румянецъ.

II.

Къ концу лѣта Амосовъ получилъ шахту № 5. У него теперь было около ста рабочихъ и нѣсколько надсмотрщиковъ.

Между тѣмъ, о Вуковѣ ему приходилось слышать только дурные отзывы. Вуковымъ было рудничное начальство недовольно, „Маньякъ“, „лѣнтяй“, „неспособный“ — то и дѣло говорили о немъ. Амосовъ не разъ заглядывалъ на пятый номеръ и всегда находилъ у Вукова все въ исправности. Тогда онъ понялъ, что все дѣло въ „гордости“ Вукова, въ его честной прямотѣ и нежеланіи казаться заискивающимъ и любезнымъ хотя бы и предъ начальствомъ. Такого поведенія не могли ему простить всѣ эти люди, которые сами дѣлали карьеру скорѣе путемъ угодничества и лести, чѣмъ путемъ честнаго труда.

Амосовъ рѣшилъ перевести Вукова къ себѣ, поставивъ на его мѣсто одного изъ своихъ надсмотрщиковъ. Когда онъ сообщилъ о своемъ проектѣ главному штейгеру, тотъ махнулъ рукой, но далъ свое согласіе.

Въ ночную смѣну Амосовъ пробрался изъ своей шахты на пятый номеръ, пролѣзъ по уступамъ и тутъ, въ небольшой продольной, нашелъ Вукова.

Вуковъ лежалъ грудью на почвѣ, въ грязномъ шахтномъ платьѣ, съ испачканнымъ лицомъ, и, облокотясь на обѣ руки, что-то читалъ при тускломъ свѣтѣ и копоти валявшейся подлѣ него шахтной лампочки. Онъ былъ углубленъ въ чтеніе и не поднялъ головы, пока Амосовъ громко не поздоровался съ нимъ.

Изъ отверстія уступовъ слышались глухіе, точно изъ другого міра, голоса бутчиковъ и однообразный шумъ породы, забрасываемой ими въ пустое пространство.

— Зачѣмъ вы портите зрѣніе? спросилъ Амосовъ, кивнувъ на коптящую лампочку и на книги.

— Хочется почитать и въ шахтѣ, отвѣчалъ все еще лежавшій на почвѣ Вуковъ.

— Что это?

— Лермонтовъ! торжественно произнесъ Вуковъ, потрясая надъ головой книгой; — и вотъ... Некрасовъ, Полежаевъ, мои любимые!.. Углубляясь въ этотъ міръ, я забываю глупость сваего существованія; я отдыхаю душой... Но, — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья, — скоро и къ этому охладѣю. Я предчувствую.

Амосовъ поспѣшилъ сообщить ему свой планъ.

Вуковъ выслушалъ его, подумалъ немного и, къ удивленію Амосова, грустно покачалъ головой.

— Нѣтъ, не нужно, промолвилъ онъ тихо. — Моя пѣсня спѣта... Я усталъ...

— У меня вамъ будетъ лучше.

— Никогда... Мнѣ мила только свобода... И я буду

свободенъ! добавилъ онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ;— скоро... Такъ или иначе.

— Я постараюсь васъ выдвинуть. Ваша жизнь улучшится.

— Жизнь! насмѣшливо повторилъ Вуковъ.—*Жизни нѣтъ!* Добывать себѣ пищу — не значитъ жить. И сытость не дастъ счастья.

Амосовъ стоялъ въ недоумѣніи. Съ минуту помолчавъ, онъ могъ только спросить:

— И чего вы, Вуковъ, все грустите?..

— Хотите знать? слегка улыбнулся Вуковъ. Улыбка эта на его черномъ испачканномъ углемъ лицѣ показалась Амосову странною и рѣзкою. — Мнѣ грустно потому, что не о чемъ грустить... перефразировалъ Вуковъ извѣстный стихъ Лермонтова.

— Жизнь, право, не стоитъ того, чтобы къ ней серьезно относиться, — продолжалъ онъ, усаживаясь на грудѣ камней породы и поджавъ ноги. — Было время, когда я стремился къ чисто житейскимъ наслажденіямъ, но, даже не добившись ихъ, понялъ, что они не могутъ дать счастья, и охладѣлъ. Потомъ я сталъ поклоняться новому богу: женщинѣ, любви, но скоро убѣдился, что мнѣ никогда не встрѣтить ту женщину, образъ которой я ношу въ своей душѣ. Все это будутъ блѣдные намеки, жалкія подобія. Я покончилъ и съ этою надеждою. Дальше, что-же? Слава? Да, я мечталъ и о ней, но и она скоро потеряла для меня все свое обаяніе. Я много думалъ и рѣшилъ, что слава — несчастье. Тяжело чувствовать себя *выше* всѣхъ для человѣка съ чуткой совѣстью. Когда на все смотришь свысока, когда нечѣмъ восхищаться, нечего боготворить, прекрасное и чудесное дѣлается обыкновеннымъ, недостижимое — достигнутымъ;—о, тогда, кажется, нѣтъ хуже тоски. Горе тому, у кого глаза открыты!.. Итакъ, не къ чему стремиться, не о чемъ грустить, закончилъ свою длинную рѣчь Вуковъ и тогда только взглянулъ на Амосова. Все время глаза его были устремлены куда-то въ сторону и говорилъ онъ тихо съ глубокою грустью въ голосѣ.

Амосовъ тоже присѣлъ на почвѣ и внимательно слушалъ его.

— А любовь къ ближнимъ? спросилъ онъ. — Развѣ она не можетъ дать счастья?

— Да, если она искренна и сильна до самозабвенія. Такой я желалъ бы... Но надо вѣрить, что людей можно спасти одной любовью. А я не вѣрю...

Вуковъ опять задумался. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Да скажите мнѣ, воскликнулъ онъ вдругъ:—скажите мнѣ только одно: есть ли справедливость въ природѣ, или нѣтъ?.. Что лежитъ въ основѣ всего міра? Что управляетъ имъ: добро или зло...

Амосовъ поднялъ голову и вдругъ ему показались странными и эта подземная камера съ низкимъ, неровнымъ потолкомъ, и блескъ и копоть лампочекъ, и голоса рабочихъ въ уступахъ, и этотъ человѣкъ, лежавшій здѣсь подъ землею въ грязи, въ угольной пыли съ книгами и задающійся вопросомъ о цѣляхъ природы, о справедливости...

„Я—царь! Я—рабъ! Я—червь! Я—богъ!"

— Почему-то вспомнилось ему и сердце его болѣзненно сжалось.

— Кто можетъ знать это, отвѣчалъ онъ Вукову.

— Никто. Согласенъ... А все-же мнѣ эта неизвѣстность не даетъ покоя... Я думаю, что самый главный законъ природы—*равновѣсіе* и ничего болѣе. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ у нея все устроено. Земля и небо, суша и вода, ночь и день, лѣто и зима, жизнь и смерть, здоровье и болѣзни:—все контрасты; одно противоположно другому, одно другое уравновѣшиваетъ—и этимъ, кажется, лишь міръ и существуетъ. Даже въ жизни человѣка горе уравновѣшивается радостью именно въ такой мѣрѣ, чтобы держать его въ дуракахъ вплоть до самой смерти.

— Оставьте, Вуковъ, эти мысли. Вы плохо кончите...

— Плохой конецъ лучше сквернаго продолженія...

Амосову такъ и не удалось уговорить Вукова перейти къ нему. Онъ заключилъ, что Вуковъ опять хочетъ оставить мѣсто. Поздно ночью Амосовъ вернулся изъ шахты домой и долго еще думалъ о „странномъ" геройствѣ товарища.

III.

— Вотъ это такъ! горячился грубоватый главный штейгеръ Лученко, внезапно появившись въ продольной на пятомъ номерѣ передъ лежавшимъ, по обыкновенію, на почвѣ Вуковымъ. Лѣвой рукой онъ размахивалъ въ воздухѣ, тогда какъ правая безжизненно держала дымившуюся лампочку.—Вотъ это та-акъ! Вы тутъ будете за книжками лежать, а на уступахъ у васъ—безобразіе! Полюбуйтесь-ка, подите, какъ тамъ крѣпь поставлена?!.

Я вѣдь говорилъ, что этихъ музыкантовъ, артистовъ разныхъ въ шею надо потчивать, а не мѣста имъ давать!..

Голосъ его, громкій и рѣзкій, привлекъ вниманіе нѣсколькихъ шахтеровъ и мальчишекъ - отгребщиковъ. Черныя ихъ рожи то и дѣло высовывались изъ отверстія нижнихъ уступовъ. Штейгеръ, завѣдующій шахтой № 5, стоялъ безмолвно позади своего начальника съ огорченнымъ видомъ.

Вуковъ спокойно поднялся и, чувствуя приступъ гнѣва отъ этого грубаго тона и обидныхъ словъ, едва сдерживая себя, отвѣтилъ:

— Не кричите, прошу васъ. Сейчасъ пойду... Я всегда помню, что вы *главный* штейгеръ, а я только надсмотрщикъ.

— Ну, вотъ, и помните... А хотите, чтобъ на васъ не кричали, такъ будьте исправны. На рубль-то у васъ амбиціи, а на грошъ аммуниціи. То-то по рудникамъ шляетесь!..

— Философъ! добавилъ начальникъ насмѣшливо.

— А вы кто? вдругъ обернулся къ нему Вуковъ, и глаза его сверкнули презрѣніемъ..

— Я тотъ, который можетъ васъ турнуть съ мѣста, и вы околѣете съ голоду. Поняли?..

Но Вуковъ уже весь дрожалъ и глаза его метали молніи.

— А-а! протянулъ онъ, вдругъ выпрямляясь и измѣряя взглядомъ обоихъ штейгеровъ.—Такъ вы *увѣрены* въ своей силѣ! Вы, трусливо виляющіе передъ окружнымъ или какимъ - нибудь аферистомъ Рыкаловымъ, хотите наругаться надо мною, Николаемъ Вуковымъ, честнымъ человѣкомъ!.. Такъ знайте-же, что я презираю васъ! Вы—холопы!.. Кто не уважаетъ человѣческаго достоинства въ *каждомъ* человѣкѣ, тотъ самъ его не имѣетъ!,. Что? ошиблись?!. Я—не вы!.. Я не позволю себя попирать ногами изъ-за корки вашего презрѣннаго хлѣба!.. Можете меня уволить! заключилъ онъ уже спокойнѣе, отвернувшись отъ изумленныхъ штейгеровъ и собирая свои книги на почвѣ.

Лученко удивленно смотрѣлъ на него и невольно растерялся. На лицѣ его только появилась неестественная улыбка.

Вуковъ собралъ книги, взялъ лампочку и полѣзъ въ черное отверстіе уступовъ.

— Куда-же вы? спросилъ Лученко, притворяясь спокойнымъ.—Умный человѣкъ!..

— Къ чорту! отвѣчалъ Вуковъ, уже наполовину спустившись въ углубленіе.

— Смотрите: съ повинной не являться!.. Прогоню!.. крикнулъ Лученко.

— Дожидайтесь!—былъ отвѣтъ Вукова изъ глубины уступовъ.

— И лучше, пробормоталъ Лученко, но тутъ-же добавилъ по адресу Вукова: „нѣжнаго воспитанія—чортъ возьми, и покричать нельзя!“

И, подумавъ о чемъ-то, полѣзъ на верхніе уступы, ворча и бранясь.

Вуковъ медленно скользилъ по наклонной плоскости уступовъ. Онъ не замѣтилъ, какъ очутился въ штрекѣ на нижнемъ горизонтѣ. На видъ онъ былъ спокоенъ, но голова его воспаленно работала, а въ душѣ было что-то новое, чего онъ не испытывалъ въ такой степени раньше: то какое-то неудержимое болѣзненное стремленіе къ предчувствуемой уже близко, хотя все еще туманной и неопредѣленной, свободѣ; то мрачное, безнадежное отчаянье человѣка, брошеннаго въ сырую, грязную и глухую темницу; то просто чувство безграничнаго отвращенія ко всему въ мірѣ и даже къ самому себѣ. Всѣ эти настроенія поминутно чередовались. Сердце его то сжималось холодомъ, то замирало отъ приступа странной и дикой отваги. Но всего яснѣе преобладало въ немъ желаніе забытья, отдыха, желаніе куда-нибудь исчезнуть, уничтожиться. Весь міръ точно задернулся передъ нимъ чернымъ сукномъ. Сознаніе жизни вѣяло на него теперь могильнымъ холодомъ.

Безучастно проплелся онъ по мрачнымъ ходамъ подземелья съ ихъ стойками, рельсами, частыми лужами воды на почвѣ,—вышелъ въ квершлагъ и протолкался, среди гремѣвшихъ вагончиками и кричавшихъ возчиковъ, къ шахтѣ. У „ствола“ онъ разсѣянно отвѣтилъ на какой-то вопросъ стволового, потомъ сѣлъ въ клѣть, поднялся вверхъ и вышелъ изъ „зданія“.

Было два часа ночи. Стояла сырая, осенняя погода. Вуковъ также безотчетно приплелся къ своей квартирѣ, ощупью въ темнотѣ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ комнату. Онъ зажегъ лампу, накинулъ дверь на крючокъ и, не раздѣваясь, какъ былъ въ шахтномъ платьѣ, бросился на постель. Еще тяжелѣе стало ему наединѣ, въ своей комнатѣ.

Вся обстановка комнаты, всякій звукъ извнѣ, все казалось ему теперь чѣмъ-то чужимъ, враждебнымъ и грозившимъ ему какою-то грубою, оскорбительною для

него силою. Въ памяти его стала рисоваться вся прошлая жизнь, но ничто не вызывало въ немъ ни радости, ни сожалѣнія. Голова его горѣла, а въ душѣ, напротивъ, былъ ледяной холодъ.

Понемногу вся обстановка комнаты стала передъ нимъ заволакиваться туманомъ. Предметы теряли свои очертанія и сливались въ одну общую неопредѣленную массу... Вдругъ его поразилъ яркій свѣтъ въ комнатѣ. Онъ взглянулъ. Вся обстановка, всѣ его вещи исчезли; были однѣ голыя стѣны, и вдоль ихъ горѣло множество свѣчей. Свѣтъ былъ необыкновенный, но Вуковъ могъ свободно смотрѣть: глазамъ не было больно. Ему показалось это освѣщеніе знакомымъ. Гдѣ онъ его видѣлъ? Не то въ иконостасѣ училищной церкви, не то еще гдѣ то. Но теперь, передъ нимъ не было ни одной иконы, только горѣли свѣчи, длинныя, большія, уставленныя по одной сплошной доскѣ, идущей вдоль стѣнъ. „Гдѣ я? Что это?“ — подумалось ему. Онъ хорошо сознавалъ, что не спитъ, что онъ въ полномъ сознаніи... Вдругъ возлѣ него что то зашелестѣло, и душу его охватило холоднымъ ужасомъ. Въ комнату вошла неслышными шагами высокая, стройная женщина вся въ черномъ и въ густой, черной вуали, закрывавшей все ея лицо. Вуковъ взглянулъ на дверь; она была попрежнему накинута на крючекъ. „Какъ она вошла? Кто она?..“ — изумился онъ. Ему стало еще страшнѣе. Онъ задрожалъ. Черная женщина остановилась посреди комнаты и медленно повернулась закрытымъ вуалью лицомъ къ его постели. Сквозь черный газъ вуали онъ чувствовалъ на себѣ невидимый, но подавляющій взглядъ ея глазъ. Вуковъ затрепеталъ отъ этого взгляда. Чѣмъ то строгимъ, ужаснымъ вѣяло отъ всей фигуры этой женщины. Она стояла передъ нимъ неподвижно. Ему казалось, что вотъ, вотъ она подойдетъ къ нему и отдернетъ вуаль. Этого онъ почему то боялся больше всего. Онъ былъ увѣренъ, что подъ этой вуалью скрывается страшное, грозное лицо. Но черная женщина тихо отвернулась отъ него, тихо подошла къ стѣнѣ и стала беззвучно гасить свѣчи одну за другою, медленно переходя все дальше и дальше. Вуковъ хотѣлъ бѣжать, но напрасно силился даже пошевелиться; хотѣлъ кричать, но звуки замирали у него въ горлѣ. А черная женщина все гасила свѣчи. Вотъ и послѣдняя погасла. Вукова охватилъ мракъ. Онъ слышалъ шелестъ ея платья. Несмотря на темноту, онъ ясно видѣлъ ея черную фигуру. Она приближалась къ его постели... останови-

лась... стала недвижно... Вотъ еще подошла какъ разъ къ нему... наклонилась надъ нимъ... вдругъ... тихо отвела вуаль...

Вуковъ затрепеталъ. Ему блеснуло бѣлое, мраморное лицо и взоръ большихъ синихъ, стеклянныхъ глазъ. Но въ тотъ-же мигъ страхъ его пропалъ. Тихая, блаженная радость подступила къ его груди; слезы навернулись на глазахъ. Онъ узналъ ее. Да, онъ узналъ ее. Это была его добрая, кроткая мать, умершая давно, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Руки его готовы были протянуться къ ней для объятій. Онъ опять взглянулъ на нее и задрожалъ. Онъ ошибся. Это лицо было вовсе не похоже на прежнее. Оно выражало строгость, суровость, отъ него вѣяло загробнымъ холодомъ. Взоръ проницательно-рѣзкій производилъ на него дѣйствіе взгляда Медузы.

Вдругъ... черная женщина сверкнула глазами, показала два ряда бѣлыхъ, прекрасныхъ, но тоже почему то страшныхъ для Вукова зубовъ и съ воплемъ дикимъ и страннымъ ринулась въ дверь и исчезла, а въ комнатѣ опять мигомъ зажглись всѣ свѣчи. Свѣчи росли все выше, выше, стали падать съ доски на полъ, скрещиваясь между собою въ воздухѣ и громко стуча.

Кругомъ Вукова мелькали, прыгали, летали огни. Въ углахъ опять нѣсколько разъ мелькнула фигура черной женщины въ вуали. Вуковъ вскочилъ съ постели: полъ подъ нимъ проваливался, и онъ погружался въ какую то пропасть. Онъ схватился руками за кровать, но она оглушительно загремѣла и въ ту-же минуту подъ одѣяломъ на ней что то огромное зашевелилось, юркнуло и черезъ голову ему перескочила, задѣвъ по лицу, гигантская жаба, съ бѣлымъ брюхомъ, зеленая, скользкая. Вуковъ упалъ навзничъ, полетѣлъ съ замиравшимъ сердцемъ въ какую то страшную пропасть и... очнулся.

Та-же убогая комната, та-же лампа на столѣ и самъ онъ лежалъ на постели передъ дверью, запертой на крючекъ. Онъ съ отвращеніемъ передернулъ плечами. Сердце его сильно стучало; на лбу выступилъ холодный потъ. Онъ провелъ рукою по бѣлокурымъ, засыпаннымъ угольной пылью волосамъ и быстро вскочилъ съ постели. Нѣсколько минутъ онъ простоялъ неподвижно. Прежнее мрачное настроеніе овладѣло имъ снова, еще сильнѣе. Взглянувъ на дверь, онъ вытащилъ на средину комнаты небольшой сундукъ, досталъ со дна шестиствольный карманный револьверъ, осмотрѣлъ его, положилъ на столъ. Потомъ сложилъ въ кучу письма, бу-

маги, фотографическія карточки и поджегъ снизу спичкой. Пламя вспыхнуло и расползлось языками по всей массѣ. Вуковъ присѣлъ на корточки передъ своимъ костромъ и все подворачивалъ и разгребалъ кучу, чтобъ ничто не уцѣлѣло отъ огня. Комната наполнилась дымомъ и гарью. Лицо Вукова, невымытое послѣ шахты и освѣщенное этимъ пламенемъ, казалось ужаснымъ. Онъ подбѣжалъ къ окну и отворилъ форточку, чтобы отвлечь дымъ.

Изъ пылавшей кучи бумагъ Вуковъ наудачу выдернулъ какой то листокъ. Это оказался одинъ изъ его давнишнихъ стихотворныхъ опытовъ:

„Природа — вѣчное дитя.
„А жизнь — ея забава...“

прочелъ онъ послѣднія строки.

— Такъ, такъ, пробормоталъ онъ и положилъ листокъ въ карманъ.

Въ окно уже глядѣло блѣдное, туманное утро. Вуковъ погасилъ лампу, сѣлъ возлѣ стола и началъ разсматривать револьверъ. Всѣ шесть зарядовъ сурово выглядывали изъ барабана... Теченіе мыслей Вукова приняло новое направленіе.

— Этотъ бездушный предметъ рѣшитъ мою судьбу, разсуждалъ онъ, поворачивая въ рукѣ револьверъ. — Гмм!.. Даже не вѣрится... А почему не вѣрится?!.. Зачѣмъ дожидаться глупаго конца?! И, можетъ быть, долго!.. Нѣтъ, я — трусъ! Зачѣмъ я торчу среди этого хаоса, куда меня втолкнули въ безпамятствѣ, какъ бы въ насмѣшку?!.. Давно пора... Мнѣ не мѣсто среди этихъ тварей, именующихъ себя людьми и владыками міра... Черви вы презрѣнные, вѣчно копошащіеся возлѣ своего „куска хлѣба“!.. Вы, вы цари природы?! Хороша природа! Есть чѣмъ восторгаться!.. Да это такъ... Это навѣрное такъ... Вы восхищаетесь вашимъ міромъ, находите его совершеннымъ. А почему? Вы совершеннѣе его ничего не видѣли и не можете представить, потому что заключены въ скорлупу *этого* міра. Черви въ яблокѣ!.. вотъ кто вы!.. Міръ — „красота“, міръ — „совершенство“. А, можетъ быть, это тотъ-же хаосъ?!.. Вы открыли законы, по которымъ все происходитъ и является въ мірѣ? А всѣ ли вы ихъ открыли?! А откроете ли вы ихъ всѣ?!.. И развѣ въ такомъ огромномъ до невообразимости хаосѣ всѣ эти законы не могутъ быть простою случайностью? Есть ли хоть одно ваше ученіе, противъ котораго нельзя возразить?.. А живи вы въ „первобыт-

номъ“ хаосѣ, не имѣя понятія о настоящемъ мірѣ, — развѣ не восторгались бы вы тѣмъ хаосомъ, какъ теперь восторгаетесь этимъ? И не казался бы онъ вамъ тоже совершеннымъ, какимъ теперь кажется наше мірозданіе? Нѣтъ, — это несомнѣнно. Міръ нашъ — хаосъ, безпредѣльный и безконечный, и существуетъ однимъ лишь случайнымъ, глупымъ закономъ равновѣсія. Какъ нѣтъ ничего единичнаго въ мірѣ, такъ не можетъ быть и одного только міра. Міровъ безчисленное множество и, можетъ быть, все это множество міровъ заключено въ одномъ мірѣ. Мое сознаніе, моя душа не есть созданіе *этого* міра. Она тоскуетъ о томъ, чего здѣсь нѣтъ и не будетъ. Надо освободить душу отъ тѣла. Тѣло заставляетъ быть животнымъ... Это будетъ преступленіемъ? Нѣтъ, сбросить съ себя тяжелое платье и броситься въ холодную воду не преступленіе... Бабушка Акимовна сказала бы, что это грѣхъ... Людямъ я ненуженъ и никогда имъ не буду полезенъ. Своею смертью я никого не заставлю страдать. Ни одна слеза не упадетъ на мой гробъ. Ни одинъ вздохъ не раздастся надъ моей могилой... Значитъ грѣхъ передъ Богомъ? Молъ: Онъ меня создалъ, такъ я долженъ ждать, пока Онъ Самъ меня и уничтожитъ. Но если я убью себя, — развѣ не Онъ меня уничтожитъ? Вѣдь все творится по волѣ Его... Пусть Онъ далъ мнѣ свободу воли. Но развѣ Онъ не знаетъ *заранѣе*, какъ я воспользуюсь этой свободой: согрѣшу, или нѣтъ? Вѣдь Онъ Богъ, и ему ясно будущее... Нѣтъ, прочь разсужденія! Сегодня долженъ быть конецъ. Иначе я опять останусь жить. Подумаю и позорно останусь... Но я не буду думать! Лучше сразу... Да, я — сейчасъ...

Вуковъ подлетѣлъ къ столу и схватилъ револьверъ, но, вдругъ, сталъ съ нимъ какъ вкопанный, пораженный новой мыслью.

— Какъ, прошепталъ онъ,—здѣсь!.. Чтобы увидѣли мой трупъ, сожалѣли обо мнѣ, говорили, что я покончилъ съ собой для эффекта, для рисовки, или потому что сошелъ съ ума, былъ лишенъ ихъ жалкаго „куска хлѣба“ и проч. проч. Пріѣдетъ толстый становой и, отрыгаясь сытнымъ Рыкаловскимъ завтракомъ, будетъ высокомѣрно осматривать мой окровавленный трупъ, пожалуй, выругаетъ меня... О, нѣтъ!.. Я нашелъ средство. Я исчезну совсѣмъ, совсѣмъ, — и, можетъ быть, безъ слѣда... Вуковъ даже обрадовался какой то своей мысли. Онъ сунулъ въ карманъ револьверъ, взялъ лампочку, клубокъ толстыхъ крѣпкихъ нитокъ, осмотрѣлъ

еще разъ комнату и, выйдя въ коррндоръ, замкнулъ дверь снаружи на замокъ. Потомъ тихо, стараясь быть незамѣченнымъ, прокрался на улицу. Рудникъ уже пробудился, но по обыкновенію безмолвствовалъ. Трубы землянокъ и строеній вездѣ дымились въ сѣромъ туманномъ воздухѣ. Вуковъ медленно и задумчиво шелъ посреди дороги. Вдругъ, онъ услышалъ позади себя чьи то шаги и всхлипыванія. Онъ обернулся. Тщедушная баба, оборванная и грязная, шла за нимъ, закрывъ глаза передникомъ и вздергивая плечами.

Вуковъ остановился, далъ ей пройти мимо себя и внезапно спросилъ:

— О чемъ плачешь? Эй! женщина!.,

Баба, въ свою очередь остановилась, посмотрѣла на Вукова и вытерла передникомъ глаза.

— Померъ,—паренекъ милый,—померъ кормилецъ то мой! Десять лѣтъ прожили вмѣстѣ... душа въ душу... А вотъ, теперь, померъ, — отвѣчала она нараспѣвъ и сквозь слезы, поминутно вытирая глаза.

Вуковъ помолчалъ немного. Баба стояла.

— Отчего онъ умеръ? спросилъ онъ опять.

— Захворалъ, батюшка; долго хворалъ... А вотъ Богъ и принялъ... Сейчасъ гробъ колотитъ плотникъ Сидорычъ; отъ него иду... Друзья были...

— Онъ — мужъ твой?

— Мужъ... Какъ-же ему быть, — отвѣчала со вздохомъ баба.

— Веди меня къ нему, — сказалъ Вуковъ рѣзко.

— Пойдемъ, родимый... погляди... Помолись и ты за его душу грѣшную... Моя землянка — вотъ она...

Баба ввела его въ дверь низенькой и крошечной, точно покачнувшейся на бокъ землянки. Вуковъ вошелъ и сталъ у порога. Глазамъ его предстала тяжелая картина. На столѣ, прикрытый лохмотьями, лежалъ маленькій высохшій трупъ шахтера, со сложенными на груди руками. Голова его была слегка приподнята подушкой и Вукову сперва показалось, что покойникъ смотритъ на свои руки. Три свѣчи горѣли надъ нимъ, тускло освѣщая какъ бы окаменѣвшее, желтое, и еще хранившее на себѣ черные слѣды шахты лицо, съ клинообразной бородкой и рѣдкими усами. На деревянномъ сундукѣ сидѣла пригорюнившись какая то горбатая старуха. Въ одномъ углу, прислонившись лицомъ къ стѣнѣ и закрывъ лицо рукою, всхлипывала русая дѣвочка лѣтъ девяти. Полунагой ребенокъ сидѣлъ на грязной измятой постели, поджавъ ноги и, держа палецъ во рту, напря-

женно смотрѣлъ своими большими выпуклыми глазами то на Вукова, то на покойника. Тишина была въ землянкѣ поразительная. Чтецъ еще не пришелъ. Баба припала къ ногамъ покойника и стала голосить и причитывать. Когда она поднялась, Вуковъ таинственно кивнулъ ей пальцемъ къ себѣ и вышелъ въ дверь. Баба пошла за нимъ. Оба остановились за порогомъ землянки.

— Скажи мнѣ: чего ты плачешь? — началъ Вуковъ внушительно и почти шопотомъ.

— Больно, паренекъ... Больно ужъ мнѣ оченно... Любила я его какъ! — отвѣчала плаксиво баба...

— Любила?.. Гмм!.. Нѣтъ, ты его не любила...

Баба даже откинулась отъ неожиданности.

— Какъ не любила?!. Грѣшно, милый, говорить такъ. Нешто люди не знаютъ...

— А я тебѣ говорю, что ты его не любила и не любишь...

— Пускай хоть люди скажутъ,—оправдывалась баба.

— Что „люди"!.. Ты вотъ плачешь, что онъ умеръ. А почему ты знаешь: лучше ему теперь или нѣтъ? А ты плачешь потому, что онъ кормилъ тебя своей работой, что ты его теперь не увидишь больше, не услышишь. Ты плачешь, что своей радости лишилась; о себѣ ты плачешь. Себя ты любишь, а не его...

Баба уставилась на него безсмысленными глазами.

— Мудрено баишь, родимый, не разберу я штойсь-то — отвѣчала она, стараясь понять, что хочетъ сказать Вуковъ.

— Да я тебѣ говорю,—продолжалъ тотъ мечтательно,—что если бы ты его любила, то не плакала бы теперь, а радовалась.

— Охъ!.. И не приведи Господи! — перекрестилась почему то баба.

— Ты плачь, когда родится человѣкъ. А когда умираетъ—пляши. Слышь:—пляши!.. воскликнулъ Вуковъ.

Баба наконецъ обидѣлась. Она вдругъ недружелюбно взглянула на Вукова и, упершись рукой въ его спину, стала выпроваживать отъ своей землянки.

— И-и-и!—заговорила она съ горечью.—И-иди себѣ съ Богомъ! . Господь съ тобой!.. Не замай!.. Не добрый ты знать, человѣкъ, аль нехристь какой!.. И-и-и!.. Не замай... иди себѣ!..

И хлопнувъ дверью, она ушла обратно въ землянку.

Вуковъ постоялъ немного и пошелъ дальше. Нѣсколько разъ онъ останавливался, бормоталъ что то тихо

и опять продолжалъ путь. Но выйдя въ степь, и спустившись въ балку, онъ неожиданно встрѣтилъ плотную фигуру Рыкалова, совершавшаго по предписанію доктора свой обычный утренній моціонъ. Серебряный набалдашникъ трости блестѣлъ изъ-подъ его жирныхъ пальцевъ.

Вуковъ порывисто остановился передъ нимъ и пристально, не трогаясь съ мѣста, сталъ вглядываться въ его лицо. Рыкаловъ, по виду и костюму Вукова, принялъ его за пьянаго шахтера и не на шутку разсердился такой дерзости „хама“.

— Что глаза таращишь?.. Невѣжа!.. процѣдилъ онъ сквозь зубы, строго, и прибавилъ:—Кто такой? выгребщикъ?..

Вуковъ съ минуту безмолвствовалъ.

— А вы хотите знать, кто я? —спросилъ онъ Рыкалова страннымъ, не то злобнымъ, не то насмѣшливымъ тономъ.

— Ну, да...

— *Я единственный самостоятел* ... *вершенно свободный человѣкъ!*.. Вотъ кто я!—отче ... Вуковъ громко ...вердо. Рыкаловъ отшатнулся, с ... что передъ ... не шахтеръ, а кто то изъ ... служащихъ. ... ъ самолюбія онъ постарался ... е смущеніе.

...мм! „Свободный“... Развѣ вы ... жите?..

— Не служу... И отправляюсь туда, ... всегда есть ... нѣтъ клоповъ.

— ... клоповъ?.. Вы недовольны квартирой? У меня ... На другихъ рудникахъ небось лучше видѣли?

— Да-съ, я недоволенъ квартирой... и скоро буду на лучшей... А что я свободенъ, и что даже в... ...ецъ вами—сейчасъ вамъ докажу...

— Кхм! кхм! кхм!.. Вы, я вижу, того ... покрутилъ у себя пальцемъ надо лбомъ.

— Посмотримъ!.. Съ этимъ словомъ ... оглянулся по сторонамъ, выхватилъ изъ ка... веръ и направилъ дуло его прямо ... ному горнопромышленнику... Смѣюще... лова мигомъ вытянулось. Онъ попяти... нѣлъ, задрожалъ, а, замѣтивъ дикое вы... Вукова, почувствовалъ даже холодный потъ н... можность смерти вдругъ предстала передъ ни... жающею ясностью. Онъ залепеталъ что-то, ... трость, протянулъ руки къ Вукову съ умоляющи... домъ и хотѣлъ крикнуть.

— Ни одного звука!.. произнесъ Вуковъ, приближая

револьверъ.—Ни одного звука, или спущу курокъ!.. Что?.. Убѣждаетесь?.. Мнѣ плюнуть стоитъ, чтобъ прострѣлить вамъ брюхо! И хочется... О, какъ хочется мнѣ ухлопать васъ!.. Но... будьте покойны. Я васъ не трону... не могу... Вы... огромный, огромный клопъ! Слишкомъ много крови! Противно!.. Плодитесь и размножайтесь. Чортъ васъ побери!.. А теперь—не кричать!.. Завтра можете меня найти и.. наказать... ха-ха-ха!.. Прощайте, господинъ огромный клопъ!..

И Вуковъ быстрыми шагами пошелъ въ сторону по балкѣ, стараясь нарочно скрыть отъ Рыкалова истинное направленіе своего пути. Рыкаловъ до того оторопѣлъ отъ радости, что едва не забылъ поднять свою трость и, какъ мальчикъ, бѣгомъ пустился къ руднику въ полномъ убѣжденіи, что имѣлъ дѣло съ сумасшедшимъ.

Вуковъ между тѣмъ обошелъ кругомъ балку и, поднявшись на гору, очутился возлѣ стараго, заброшеннаго шурфа съ покривившимся и разсохшимся барабаномъ бывшаго когда-то надъ нимъ коннаго ворота. Отверстіе шурфа было закрыто досками. „Надо спѣшить?"—подумалъ Вуковъ и, оглянувъ кругомъ пустынную окрестность, началъ сбрасывать доски одну за другой внизъ. Изъ глубины шурфа то и дѣло вырывались глухіе могильные звуки.

— Прекрасно, пробормоталъ Вуковъ, когда отверстіе шурфа уже зіяло передъ нимъ всей своей черной пастью.— Подумаютъ, что доски просто украдены... Но есть ли тамъ углекислота? Ну-ка, посмотримъ...

Онъ туго привязалъ крючокъ лампочки нитью, зажегъ фитиль, легъ грудью на землю возлѣ шурфа и, свѣсивъ голову надъ отверстіемъ, началъ медленно разматывать клубокъ, спуская пылавшую лампочку все ниже и ниже въ глубину и слѣдя за ея движеніемъ. Пламя лампочки горѣло ровно и чисто, освѣщая безобразныя, мѣстами обвалившіяся, стѣны шурфа. Вуковъ все разматывалъ клубокъ и опускалъ ее ниже. Она дошла до полсвины шурфа, спустилась еще на сажень и вдругъ... погасла. Вуковъ швырнулъ ее на дно и вскочилъ весь блѣдный; сердце его стучало.

— Есть! прошепталъ онъ, стиснувъ губы и точно испугавшись своего открытія.

Онъ опять подошелъ къ шурфу и заглянулъ въ него. Нѣтъ, страшно броситься... Минуту онъ колебался. Вдругъ опять рѣшительно сталъ направо отверстія...

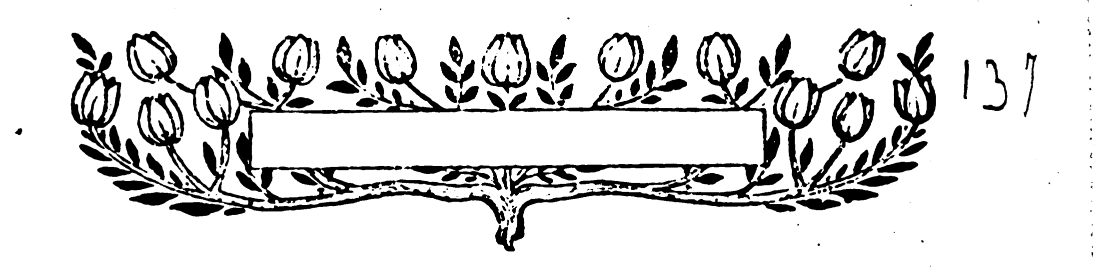
— Прочь! прочь! старался онъ отогнать какія-то мысли.—Не надо думать ни о чемъ... Онъ повернулся

спиною къ шурфу и вынулъ револьверъ. „Выпадетъ изъ рукъ!"—мелькнула у него мысль. Онъ привязалъ его и обмоталъ конецъ привязи вокругъ руки. „Готово!"—прошепталъ онъ.—Нѣтъ слѣдовъ!.. Теперь дуло къ сердцу.. . вотъ такъ. И только минуту не думать... одну секунду.. . моментъ... Только тра-а!..

Двѣ-три птички испуганно вспорхнули изъ кустовъ. Выстрѣлъ грянулъ. Вуковъ увлекся и конвульсивно подавилъ курокъ. Рука съ револьверомъ безжизненно упала. Другой рукою онъ схватился за грудь и страшно закатилъ глаза, блеснувъ бѣлками. Онъ не попалъ въ сердце. Тѣло его покачнулось впередъ, но вдругъ опрокинулось, ударилось головой о выступъ ямы и тихо свалилось въ шурфъ. Глухой, зловѣщій шумъ вырвался изъ глубины шурфа и замеръ. Потомъ все стихло, только дымъ отъ выстрѣла еще разсѣивался надъ пастью шурфа... Спустя минуту—не стало и дыма.

А. Гущинъ.

137

Подъ Евпаторіей.

Изъ воспоминаній о Крымской войнѣ.

Въ началѣ осени 1853 года слухъ о войнѣ, предстоящей Россіи съ союзными державами, дошелъ и до Евпаторіи; но жители ея были увѣрены, что въ Крыму военныхъ дѣйствій не будетъ, и безпечно поживали при открытой обширной бухтѣ, ничѣмъ незащищенной на случай появленія непріятеля. Взять тогда Евпаторію для непріятеля было дѣломъ самымъ пустымъ, и безъ всякаго боя, такъ какъ въ Евпаторіи находились всего одинъ слабосильный батальонъ пѣхоты, инвалидная команда и сотня казаковъ. Наступила весна 1854 г. Совершенно неожиданно во вторникъ страстной недѣли, часа въ три по-полудни, при тихой и ясной погодѣ появились въ бухтѣ какіе-то два неизвѣстныхъ парохода, безъ требуемыхъ національныхъ флаговъ, и стали на якорь. Корабельный смотритель таможни, Яшниковъ, съ осмотрщиками и вольными гребцами, отправился на шлюпкѣ опросить прибывшие пароходы; но какъ только шлюпка подчалила къ одному изъ пароходовъ, всѣ они были сейчасъ же взяты на пароходъ вмѣстѣ со шлюпкой. Въ то время въ бухтѣ стояло каботажное судно, принадлежавшее одному херсонскому купцу. Шкиперъ судна, догадавшись, что прибыли непріятельскіе пароходы, немедленно спустился съ своими матросами на яликъ и приплылъ въ городъ, оставивъ судно на произволъ судьбы. Непріятель послалъ къ судну шлюпку съ матросами и, взявъ судно на буксиръ, двинулся въ море. Версты за двѣ отъ бухты несчастное судно было подожжено и на нашихъ глазахъ погрузилось въ морскую бездну. Затѣмъ пароходы исчезли по направленію къ западу за карантиннымъ мысомъ. Въ это время на пристани и набережной находилась масса зрителей, въ ихъ числѣ и я, будучи тогда 16-лѣтнимъ юношей. Непріятель исчезъ, и жители начали было расходиться по домамъ, какъ вдругъ изъ-за карантинной бухты мчится во весь карьеръ казакъ и объявляетъ, что за карантинной косой непріятель высадилъ десантъ. Слухъ объ этомъ мгновенно разнесся по всему городу и всполошилъ всѣхъ. Многіе бросились по домамъ, хватали поспѣшно, что только можно было взять въ руки,

и цѣлыми семьями двинулись пѣшкомъ: кто по направленію къ ближайшимъ деревнямъ, а кто расположился бивуакомъ у городского кладбища на ночлегъ. Между тѣмъ, мѣстная военная власть, не вполнѣ довѣряя словамъ казака, который оказался пьянымъ, послала къ карантинной бухтѣ двухъ трезвыхъ и надежныхъ казаковъ, которые вскорѣ воротились и донесли, что тревога была фальшивой. Полиція поспѣшила на городское кладбище успокаивать жителей, но многіе все-таки подъ впечатлѣніемъ испытаннаго ими страха остались ночевать на кладбищѣ. Моимъ роднымъ, вмѣстѣ съ семьей настоятеля православнаго собора протоіерея Шкуропатскаго, пришлось ночевать въ кладбищенской сторожкѣ; прочіе жители заняли мѣста возлѣ сторожки и между могильными памятниками. Ночь была темная, но тихая, и во многихъ мѣстахъ были разведены костры. Рано утромъ жители возвратились въ городъ и все попрежнему успокоилось. Однако, многимъ это бѣгство обошлось недешево. Воры, воспользовавшись отсутствіемъ хозяевъ, произвели немало грабежей. Послѣ этой тревоги нѣкоторые жители стали хранить свое цѣнное имущество въ погребахъ и подземныхъ ходахъ; намъ пришлось также отдать часть своего цѣннаго имущества на храненіе одному караиму, но оно все-таки впослѣдствіи пропало вмѣстѣ съ его имуществомъ послѣ вторичнаго бѣгства жителей изъ Евпаторіи и занятія города непріятелемъ.

Черезъ недѣлю послѣ описаннаго переполоха пришло извѣстіе, что нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ посѣтили одесскую бухту въ первый день св. Пасхи, и во время бомбардировки Одессы, которая съ своей стороны давала отпоръ непріятелю, одинъ изъ пароходовъ, благодаря удачному выстрѣлу изъ батареи подпоручика Щеголева, былъ поврежденъ, попалъ на мель и былъ брошенъ непріятелемъ, удалившимся въ море; такимъ образомъ на долю Одессы этотъ пароходъ достался трофеемъ.

Получивъ это извѣстіе, жители Евпаторіи призадумались не на шутку; татарское населеніе города и окрестностей не внушало довѣрія, и многіе состоятельные помѣщики и караимы стали переселяться въ другіе города. Присутственнымъ мѣстамъ и уѣздному казначейству также былъ данъ приказъ быть наготовѣ и при появленіи непріятеля немедленно выѣзжать въ гг. Мелитополь и Перекопъ. Такое тревожное состояніе продолжалось до конца августа. Иногда показывались вдали непріятельскіе пароходы, но въ нашу бухту они не заходили. Въ то время прибрежныхъ маяковъ въ Крыму не существовало, а были разставлены на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой сторожевыя вѣхи съ осмоленной соломой, которыя въ случаѣ появленія значительнаго непріятельскаго флота должны были зажигаться, давая тѣмъ знать кому слѣдуетъ о приближающейся опасности.

Наконецъ, наступилъ день 1 сентября. Часовъ въ 6 утра было дано знать, что съ запада, по направленію къ карантинной косѣ, идетъ непріятель; затѣмъ казаки-развѣдчики прискакали съ донесеніемъ, что непріятель въ громадномъ числѣ разнаго вида судовъ держитъ курсъ на Евпаторію. Городъ всполошился; балконы, террасы, стѣны и крыши прибрежныхъ домовъ были усѣяны любопытными, а

вся набережная и пристань буквально были запружены народомъ. Туда-же поспѣшилъ и я, подобно прочимъ, не думая о грозящей бѣдѣ, лишь бы полюбоваться живописной картиной. При самой тихой и ясной солнечной погодѣ надвигалась съ моря нескончаемая масса судовъ. Дѣйствительно можно было забыть на время, какія ожидаютъ васъ послѣдствія отъ всего этого зрѣлища. Къ двумъ часамъ дня не только обширнѣйшій рейдъ, но и бухта Евпаторіи были запружены пароходами, кораблями, корветами, бригами, транспортными и разными парусными судами, на которыхъ войска кишѣли какъ муравьи. Каждое судно, войдя въ бухту, становилось въ рядъ по указанной линіи. Громаднѣйшіе пушечные корабли, числомъ около десяти, стали у бухты въ первомъ ряду противъ города, открывъ пушечные люки, готовые въ случаѣ надобности бомбардировать городъ. Часа въ три съ одного корабля спущены были три катера, подъ французскимъ, англійскимъ и турецкимъ флагами, причалившіе вскорѣ къ городской пристани. Здѣсь стояло въ полной парадной формѣ все военное и городское начальство: командиръ слабосильнаго баталіона, городничій, управляющій портовой таможней, управляющій карантиномъ, переводчикъ иностранныхъ языковъ и пр. Переводчикомъ былъ тотъ самый корабельный смотритель Яшниковъ, который, будучи взятъ непріятелемъ въ плѣнъ при посѣщеніи Евпаторіи двумя пароходами въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, былъ затѣмъ освобожденъ изъ плѣна и возвратился черезъ Вѣну въ Евпаторію за два дня до прибытія вновь къ намъ непріятеля. На трапъ взошли со свитой главнокомандующіе союзныхъ армій: Пелисье, Сентъ-Арно и Омеръ-паша. Раскланявшись и представившись городскимъ властямъ, они предложили сдать городъ немедленно, предоставивъ жителямъ полную свободу остаться въ городѣ или выѣхать. Власти наши просили парламентеровъ дать имъ на отвѣтъ 24 ч., чтобы получить разрѣшеніе изъ Симферополя отъ таврическаго военнаго губернатора; парламентеры согласились и, попрощавшись, отчалили къ своимъ судамъ. Телеграфа въ то время не существовало, и поэтому сейчасъ-же былъ посланъ верховой казакъ съ донесеніемъ военному губернатору. Въ одинъ мигъ жители, оставя пристань и набережную, бросились по домамъ. Идя по улицамъ, я замѣтилъ, какъ татары цѣлыми группами собирались и таинственно перешептывались.

Дома я засталъ всѣхъ родныхъ—отца, мать, сестру 14 лѣтъ и брата 6 лѣтъ, суетившихся и увязывавшихъ въ узлы все, что только можно было взять съ собой на-легкѣ, такъ какъ подводы нельзя было достать ни за какія деньги.

Впопыхахъ хватали и клали въ узлы то, чего не слѣдовало брать, а что нужно было взять, оставляли дома. Не такъ боялись непріятеля, какъ мѣстныхъ татаръ, которые, въ угоду своимъ единовѣрцамъ—туркамъ, Богъ знаетъ что могли замышлять, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ имѣли основаніе быть недовольными нѣкоторыми помѣщиками, полицейскими и судейскими чинами за ихъ притѣсненія и вымогательства. Пока мы собрались и двинулись пѣшкомъ въ путь, таща съ собой узлы, солнце уже зашло. Выйдя за городъ, мы увидѣли картину бѣгства жителей, направлявшихся

въ разныя стороны въ экипажахъ и пѣшкомъ, цѣлыми семействами, нагруженныхъ большими узлами, таща за собою подростковъ и грудныхъ дѣтей. Шумъ, гамъ, плачъ дѣтей, лай и вой собакъ довершали эту картину.

Пока мы направились въ ближайшее имѣніе «Мамай», принадлежащее уѣздному предводителю дворянства князю Маметъ-бею Балатукову и находящееся въ 10-ти верстахъ отъ Евпаторіи.

Князь этотъ, хотя былъ ревностный мусульманинъ, но очень любилъ русскихъ и былъ преданъ Россіи. Воспитывался онъ въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, былъ образованъ, богатъ, держалъ себя съ достоинствомъ и, какъ человѣкъ, былъ очень добрый и отзывчивый. Его нѣсколько разъ приглашали турецкіе паши переселиться въ Турцію, но онъ отвѣчалъ отказомъ. Его всѣ уважали, не говоря уже о татарахъ, которыхъ онъ сумѣлъ удержать отъ возстанія.

Въ 12 часовъ ночи мы кое-какъ дотащились до имѣнія Балатукова, гдѣ застали уже многихъ евпаторійскихъ жителей, которымъ были отведены на ночлегъ нѣсколько громадныхъ пустыхъ амбаровъ. Отецъ мой былъ хорошо знакомъ съ княземъ Балатуковымъ, и тотъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ, на мужскую половину, а мать моя, съ сестрой и маленькимъ братомъ, были приглашены въ гаремъ княгини; я-же остался ночевать въ амбарѣ и стерегъ наше добро. Несмотря на множество прибывшихъ въ Мамай бѣдныхъ жителей, князь Балатуковъ распорядился всѣхъ пріютить и накормить.

На другой день стало извѣстно, что городъ велѣно сдать непріятелю. Прожили мы въ Мамаѣ три дня, а на четвертый день выѣхали въ имѣніе нашихъ дальнихъ родственниковъ Раковыхъ «Майрикъ», оставивъ нѣкоторыя вещи у Балатукова. За день до выѣзда нашего изъ Мамая прибыла изъ Евпаторіи и старшая замужняя сестра моя, которая должна была присоединиться къ намъ, такъ какъ мужъ ея, будучи письмоводителемъ полиціи, обязанъ былъ сопровождать всѣ дѣла и бумаги въ г. Перекопъ.

Въ Евпаторіи, пока ожидалось разрѣшеніе о сдачѣ города непріятелю, полиція немедленно приступила къ уничтоженію всѣхъ хлѣбныхъ запасовъ въ казенномъ провіантскомъ магазинѣ и въ частныхъ амбарахъ и, раздѣлившись на четыре партіи, начала было ночью приводить зерно въ негодность посредствомъ морской воды и извести, но объ этомъ татары дали знать непріятелю, и вся полиція на мѣстахъ уничтоженія хлѣба была непріятелемъ захвачена, отвезена на суда и на другой день утромъ отправлена въ Константинополь: городничій Костюковъ, приставъ Р. А. Лихошерстовъ, квартальный надзиратель К. Гроссъ и переводчикъ полиціи М. Сериго, вмѣстѣ съ городовыми и другими бѣдными жителями, которые были наняты полиціей для уничтоженія хлѣба.

Командиръ слабосильнаго батальона, сдавъ городъ согласно предписанію, въ тотъ-же день выступилъ вмѣстѣ съ батальономъ, инвалидной командой и сотнею казаковъ въ Симферополь. Изъ жителей-же: русскихъ, грековъ, армянъ, караимовъ и евреевъ, нѣкоторая часть осталась въ городѣ, въ особенности старики, не пожелавшіе тронуться съ родного мѣста, и бѣдный неимущій классъ, разсчиты-

вавшій поживиться чужимъ брошеннымъ добромъ. Изъ татаръ ни одинъ не тронулся съ мѣста; напротивъ, они стали цѣлыми семьями прибывать въ городъ изъ ближайшихъ деревень Евпаторійскаго и Перекопскаго уѣздовъ, пригоняя съ собой рогатый скотъ, лошадей, верблюдовъ и овецъ, и, продавъ все это непріятелю, оставались въ городѣ.

Впослѣдствіи цѣлыми тысячами непріятель посылалъ ихъ на работы вмѣстѣ съ другими жителями для укрѣпленія города, заставляя рыть вокругъ города рвы и канавы, насыпать валы, траншеи и редуты, опасаясь прибытія подъ Евпаторію русскихъ войскъ.

Въ то время Крымъ преимущественно былъ населенъ татарами, которыхъ числилось въ пяти уѣздахъ: Симферопольскомъ, Евпаторійскомъ, Перекопскомъ, Ялтинскомъ и Ѳеодосійскомъ болѣе трехсотъ тысячъ душъ. По окончаніи-же работъ непріятель, снарядивъ суда, отправилъ этихъ татаръ въ Турцію, въ мѣстность подъ названіемъ «Балчикъ», но многіе изъ нихъ не выдержали переѣзда по морю и умирали массами на судахъ, а трупы ихъ были выбрасываемы въ море.

На другой день по занятіи города весь непріятельскій флотъ, за исключеніемъ трехъ пароходовъ, оставшихся въ бухтѣ, двинулся по направленію къ Севастополю и, какъ извѣстно, имъ былъ высаженъ на Бельбекѣ десантъ, а затѣмъ 8 сентября вблизи дер. Бурлюкъ произошло первое неудачное для насъ Алминское сраженіе.

Имѣніе Раковыхъ «Майрикъ», гдѣ мы на время поселились, была маленькая деревушка изъ четырехъ или пяти татарскихъ хатъ и находилась отъ Евпаторіи въ 40 верстахъ, почти въ центрѣ уѣзда, населеннаго преимущественно татарами; только пять или шесть помѣщиковъ, въ разныхъ мѣстахъ уѣзда, имѣли имѣнія, населенныя собственными крестьянами. Можно судить, какая предстояла намъ жизнь въ такой глуши, въ полной неизвѣстности о томъ, что дѣлается въ Евпаторіи и подъ Севастополемъ, и въ постоянномъ страхѣ, какъ бы не появился къ намъ непріятель или грабители-татары, шайки которыхъ по слухамъ уже принялись за разбои. Въ такомъ положеніи жизнь наша тянулась съ недѣлю и вдобавокъ еще при самой скудной пищѣ, которую достать было очень трудно.

Скоро дали о себѣ знать и татары. Однажды передъ сумерками являются къ намъ два верховыхъ татарина съ обмотанными вокругъ головы чалмами, вооруженные ружьями и кинжалами, и требуютъ выдать имъ нѣсколько штукъ рогатаго скота, какъ бы по порученію изъ Евпаторіи отъ турецкаго паши. Татаръ этихъ Раковы узнали, они были извѣстные головорѣзы и жили въ 15-ти верстахъ отъ Майрика. Одинъ изъ братьевъ Раковыхъ, В. С., зная хорошо по татарски, изъ разговора ихъ понялъ, что они явились требовать скотъ сами отъ себя, а не отъ турецкаго паши, и хотѣлъ уже выйти къ нимъ съ заряженнымъ ружьемъ, чтобы прогнать ихъ, какъ вдругъ татары эти вскочили на лошадей и ускакали. Быстрое исчезновеніе ихъ скоро выяснилось: къ намъ приближался отрядъ казаковъ. Отъ радости мы стали плакать. Эсаулъ, узнавъ о посѣщеніи грабителей, сейчасъ-же отрядилъ въ погоню за ними трехъ казаковъ,

которые, однако, вскорѣ возвратились, не найдя ускакавшихъ татаръ.

Казаковъ мы угостили, чѣмъ только могли. Эсаулъ разсказалъ намъ, что онъ командированъ съ своей сотней въ Евпаторійскій уѣздъ для усмиренія бунтующихъ татаръ. Мы просили его остаться у насъ дня на два, но онъ не могъ этого сдѣлать въ виду того, что ему предстояло объѣхать весь нашъ уѣздъ, однако, обѣщалъ недѣли черезъ двѣ посѣтить насъ опять. Притомъ говорилъ, что подъ Евпаторію идеть наша одна дивизія пѣхоты, артиллерія и нѣсколько сотенъ казаковъ, дабы не дать непріятелю проникнуть изъ Евпаторіи вглубь Крыма. Казаки, уѣзжая изъ Майрика, пригрозили татарамъ-поселянамъ, чтобы они жили въ деревнѣ смирно и не содѣйствовали своимъ единовѣрцамъ-бунтовщикамъ.

Когда казаки уѣхали, на насъ напалъ еще большій страхъ, и мы, переночевавъ кое-какъ одну ночь въ Майрикѣ, на другой день рѣшили переѣхать къ сосѣднему помѣщику С. М. Стулли, въ его имѣніе дер. Джабагу, населенную собственными крестьянами и находившуюся отъ Майрика въ двухъ верстахъ. Какъ только настало утро, мы забрали все свое имущество и переѣхали въ Джабагу, угнавъ съ собою весь рогатый скотъ, лошадей и овецъ. Прожили мы въ Джабагѣ спокойно недѣли три. Одно было непріятно, что въ деревнѣ этой нечего было ѣсть и достать было негдѣ. Хлѣбъ пришлось употреблять ячменный, а баранина и птица прямо опротивѣли. Симферополь находится отъ Джабаги въ 40 верстахъ, и потому разъ въ двѣ недѣли кто-нибудь изъ нашихъ ѣздилъ туда за провизіей и когда привозили житный хлѣбъ, то это было для насъ лучшимъ лакомствомъ. Татары, узнавъ, что идутъ наши войска подъ Евпаторію, стали поспѣшно бросать свои аулы не только въ Евпаторійскомъ, но и въ Перекопскомъ уѣздѣ, забирая только то, что было для нихъ наиболѣе цѣннымъ, остальное-же добро, какъ-то: хлѣбъ въ зернѣ, птица и разный домашній скарбъ, бросалось на произволъ, такъ что многіе изъ русскихъ, воспользовавшись этимъ, ѣздили по брошеннымъ ауламъ съ подводами, забирали все, что только могли, и везли на продажу въ Симферополь или на позицію къ нашимъ войскамъ. Такіе ловкіе люди, не имѣя за душой ни копѣйки, впослѣдствіи оказались состоятельными лицами.

Вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Джабагу приказчикъ помѣщика Стулли, татаринъ, въ одну прекрасную ночь исчезъ, взявъ съ собою лучшую лошадь изъ конюшни хозяина. Черезъ недѣлю онъ явился къ намъ на той-же самой лошади весь вооруженный и заявилъ г. Стулли, что, по порученію турецкаго паши, требуетъ выдачи ему части скота, лошадей и овецъ или-же уплаты взамѣнъ деньгами 150 р. и что требуетъ онъ съ нихъ сравнительно мало изъ уваженія за прежнюю его службу у нихъ. Стулли со страха нашелъ лучшимъ подчиниться требованію мошенника, и тотъ, получивъ деньги, уѣхалъ обратно въ Евпаторію.

Какъ теперь помню, день былъ тихій и ясный. Часовъ въ 12 сижу я у окна крестьянской хаты, которая намъ была отведена для жилья въ концѣ деревни, гляжу на ровную, далеко разстилавшуюся степь и вижу, что по направленію къ нашей деревнѣ ѣдутъ чело-

вѣкъ 12 верховыхъ татаръ, въ смушковыхъ шапкахъ, обмотанныхъ бѣлыми чалмами (знакъ приверженности ихъ къ туркамъ), вооруженные ружьями и косами. Я сейчасъ далъ знать своимъ, и вся деревня всполошилась въ ожиданіи врага. Хотя имѣніе Стулли было населено русскими крестьянами, но и отъ нихъ ожидать помощи было сомнительно, такъ какъ они не особенно были довольны своими господами и потому относились къ ихъ страху равнодушно, лишь бы грабители ихъ самихъ не трогали. Между тѣмъ, у другихъ помѣщиковъ крестьяне, уважая своихъ господъ, давали татарамъ такой отпоръ, что тѣ больше не появлялись къ нимъ. Съ появленіемъ въ нашей деревнѣ татаръ, хотя и всполошилось все населеніе Джабаги, но ни одинъ изъ крестьянъ, а ихъ было душъ двадцать, не вышелъ изъ хаты; они только смотрѣли, притаившись, изъ избы или сараевъ и клунь, на приказаніе-же и просьбу своихъ господъ вооружиться, выйти на барскій дворъ и прогнать татаръ отвѣтили отказомъ. Татары, въѣхавъ на барскій дворъ и будучи уже пьяны, стали прежде всего требовать водки. Имъ отвѣтили, что въ домѣ водки нѣтъ, а отъ дверей кабака ключи затеряны, но они продолжали шумѣть. Смѣлѣе всѣхъ дѣйствовалъ В. С. Раковъ, но и ему пришлось скрыться, когда они его раза два ударили плетью. Разбивъ двери кабака и напившись вдоволь водки, разбойники стали требовать нѣсколько штукъ рогатаго скота или-же денегъ двѣсти рублей. Пришлось уплатить имъ требуемыя деньги, но, выѣхавъ изъ деревни, они все-таки угнали съ собой три пары воловъ.

Къ счастью нашему, на третій день послѣ набѣга разбойниковъ пришли опять казаки. Эсаулъ далъ 15 казаковъ въ распоряженіе двухъ братьевъ Раковыхъ, чтобы они поѣхали въ тѣ деревни, гдѣ проживали извѣстные имъ грабители, взяли бы ихъ и доставили къ нему для расправы. На другой день рано утромъ Раковы съ казаками уѣхали разыскивать этихъ татаръ.

Во время стоянки казаковъ въ Джабагѣ, они на ночь ставили вокругъ деревни цѣпь. Послѣ отъѣзда Раковыхъ, въ тотъ-же день, передъ вечеромъ, тремъ молодымъ парнямъ пришла фантазія отправиться на баштанъ поѣсть и набрать арбузовъ. Изъ деревни они ползкомъ миновали казацкую цѣпь, наѣлись на баштанѣ арбузовъ и, нагрузивъ ими мѣшки, отправились въ обратный путь уже верхомъ, поймавъ въ степи чьихъ-то лошадей. Когда казаки стали ихъ окликать, они, въ перепугѣ, побросали на землю мѣшки съ арбузами и поскакали въ степь. Казаки подняли тревогу, и черезъ нѣсколько минутъ парни были пойманы. Эсаулъ расправился съ ними «по-казацки», всыпавъ каждому по десяти ударовъ нагайками.

На третій день передъ вечеромъ прибыли Раковы съ казаками въ сопровожденіи двухъ пойманныхъ и связанныхъ ими татаръ-грабителей, которыхъ привезли въ отдѣльной повозкѣ ихъ-же родственники. Они сдались только послѣ перестрѣлки съ казаками. На другой день утромъ, несмотря на просьбы и рыданія стариковъ-родителей, казаки отпороли разбойниковъ нагайками и отправили для преданія военному суду въ Симферополь. Жаль было смотрѣть, какъ убивались отъ горя ихъ матери, били себя въ грудь, рвали на головѣ волосы...

Въ тотъ-же день казаки выѣхали изъ Джабаги; нагайки ихъ нагнали страхъ и на русскихъ крестьянъ.

Между тѣмъ, война подъ Севастополемъ усиливалась, раненыхъ стало прибывать въ госпитали тысячами, число-же медиковъ было недостаточно, и поэтому правительство предложило всѣмъ вольнопрактикующимъ врачамъ поступить на службу; на этомъ основаніи и мой отецъ получилъ назначеніе ординаторомъ въ херсонскій военный госпиталь; но, прежде чѣмъ отправиться на службу въ Херсонъ, ему нужно было заѣхать въ Симферополь получить прогонныя. Начали мы собираться въ путь, а такъ какъ часть нашего имущества находилась на храненіи у князя Балатукова въ дер. Мамай, то родители послали меня за этими вещами съ надежнымъ человѣкомъ. Выѣхалъ я утромъ 3 ноября и къ вечеру прибылъ въ Мамай, гдѣ заночевалъ. Часовъ въ пять утра слышу—на дворѣ буря. Соскочилъ я скорѣй съ постели, бросился къ окну и что-же вижу: старыя и ветхія крыши избъ вѣтеръ срываетъ, скирды съ сѣномъ и соломой разноситъ по всей степи, народъ бѣжитъ отстаивать свое добро, скотина реветъ и мчится въ загоны. Противъ вѣтра стоять не было возможности, такъ что многіе падали на землю. Прибѣгаетъ ко мнѣ въ комнату мой кучеръ и говоритъ: «Паничъ, пойдемте на курганъ посмотрѣть, что дѣлается на морѣ, какъ буря выбрасываетъ непріятельскія суда». По прямому направленію Евпаторійскій рейдъ отъ кургана находится не болѣе двухъ верстъ за гнилымъ озеромъ «Сасыкъ-Сивашемъ», отдѣляющимся отъ моря длиннымъ узкимъ перешейкомъ, мѣстами шириною съ четверть версты. Взявъ съ собою бинокль, мы кое-какъ добрались до кургана, хотя нѣсколько разъ пришлось останавливаться и садиться на землю. Ползкомъ на-четверенкахъ мы взобрались на курганъ и, лежа на немъ, я смотрѣлъ въ бинокль на разсвирѣпѣвшее Черное море. Волны кидали несчастныя непріятельскія суда, какъ щепы: то подымутъ вверхъ, такъ что виденъ весь остовъ судна, то погрузятъ въ пучину и только видишь верхушки ихъ мачтъ; затѣмъ волна подхватываетъ ихъ и выбрасываетъ одинъ за другимъ на открытый песчаный берегъ или на мель и бьетъ съ такой страшной силой, что несчастныя суда разбивались на части и исчезали въ морской безднѣ. Въ то время подъ Евпаторіей стояли уже наши войска. Лихіе казаки, несмотря на бурю, все время съ отчаянной отвагой на своихъ бодрыхъ коняхъ сновали по водѣ, то къ одному, то къ другому выброшеннымъ на берегъ судамъ, спасали людей, а имущество, какое попадалось имъ подъ руку, забирали въ свою пользу. Возлѣ Евпаторіи было тогда болѣе 50-ти вѣтряныхъ мельницъ,—ни одна не уцѣлѣла отъ страшной бури.

Пробылъ я на курганѣ съ 5 часовъ утра и до 3 часовъ дня. Буря эта на меня произвела такое впечатлѣніе, что не изгладится у меня изъ памяти до самой смерти. Я прожилъ при Черномъ морѣ почти 25 лѣтъ, и мнѣ приходилось много разъ видѣть бури, но такой бури, какая была 4 ноября 1854 года, я никогда больше не видѣлъ. Въ эту бурю на Черномъ и Азовскомъ моряхъ погибло разныхъ непріятельскихъ судовъ болѣе ста пятидесяти. Одинъ непріятельскій пароходъ погибъ въ морѣ, везя съ собой около милліона рублей жалованья для войскъ. Кого эта буря застала въ дорогѣ, экипажи

и подводы опрокидывала, а лошадей сбивала съ ногъ. Насколько тогда поживились наши казаки, я могъ судить на другой день послѣ бури, когда нѣсколько казаковъ пріѣзжали въ дер. Мамай и продавали за безцѣнокъ разный добытый ими товаръ съ выброшенныхъ непріятельскихъ судовъ. Я очень жалѣлъ, что при мнѣ тогда не было денегъ, кромѣ двухъ руб., которые мнѣ дали родные съ собой на всякій случай, и то за эти деньги я купилъ у казаковъ двѣ бутылки французскаго бѣлаго ямайскаго рома, три бутылки коньяку и пять фунтовъ стеариновыхъ свѣчей. Словомъ, казаки отдавали все за безцѣнокъ, обращая товаръ въ наличныя деньги, дабы скрыть отъ начальства свою добычу. Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Мамая и прибылъ вечеромъ въ Джабагу. Джабага также подверглась разрушенію отъ бури, какъ и Мамай.

Дня черезъ три мы стали собираться къ выѣзду въ Симферополь. Между тѣмъ, послѣ бури началъ ежедневно накрапывать дождь. Никто изъ крестьянъ не хотѣлъ везти насъ, боясь распутицы. Едва нашли мы въ сосѣдней деревнѣ бѣднаго старика-татарина, который согласился повезти на своей мажарѣ, запряженной волами. Можете представить, каково удовольствіе тащиться 40 верстъ на волахъ! Подъ сильнымъ дождемъ мы добрались до одного аула, брошеннаго татарами, выѣхавшими въ Турцію. Пріютиться въ аулѣ можно было въ любой хатѣ, всѣ хаты были брошены. Весь аулъ какъ бы замеръ. Нигдѣ ни души. Двери и окна раскрыты, домашняя утварь валялась въ ужасномъ безпорядкѣ: перины, подушки, разная кухонная посуда, кадушки, табуреты, столы и прочее, все это было разбросано и опрокинуто. Многія ямы при хатахъ и чуланы были наполнены пшеницей, овсомъ, ячменемъ и просомъ; а сѣно и солома, вѣроятно послѣ бывшей бури, кучами были раскиданы повсюду. Множество домашней птицы, собакъ и кошекъ бродило по аулу.

Переночевавъ въ аулѣ, мы на другой день рано утромъ выѣхали. За всю дорогу до Симферополя намъ пришлось проѣзжать еще три такихъ же, заброшенныхъ татарами аула и вездѣ видѣть одну и ту же картину.

До крымской войны Симферополь, хотя и губернскій городъ, считался хуже многихъ уѣздныхъ городовъ, имѣя какихъ-нибудь восемнадцать тысячъ жителей, вслѣдствіе отсутствія промышленности и торговли. Теперь Симферополь былъ неузнаваемъ: всюду огромное движеніе день и ночь, по всему городу слышенъ былъ неумолкаемый гулъ и шумъ экипажей и военныхъ подводъ съ провіантомъ, аммуниціей и снарядами, а также съ плѣнными и ранеными подъ Севастополемъ. Войсками городъ былъ переполненъ. Всѣ гостинницы, трактиры, кабаки и вообще торговыя заведенія весь день и всю ночь не затворялись, торговля кипѣла бойко, всякій старался воспользоваться военнымъ временемъ и за все бралъ въ три-дорога, наживая такимъ путемъ состоянія. Деньги были нипочемъ. Попойки, кутежи, доходящіе до оргій, и картежная игра по гостинницамъ и трактирамъ были ужасные. Я зналъ впослѣдствіи нѣкоторыхъ игроковъ, которые за военное время нажили солидное состояніе отъ картъ, а другіе стали нищими.

Для поѣздки въ Херсонъ намъ пришлось нанять въ Симферополѣ

за 120 руб. крытый фургонъ съ четверкою лошадей. Цѣна баснословная по тогдашнему времени.

Выѣхали мы изъ Симферополя 15 ноября.

По дорогѣ отъ Симферополя до Перекопа, на разстояніи болѣе 130 верстъ почтовымъ трактомъ, намъ пришлось видѣть такія картины, которыя запечатлѣлись у меня въ памяти на всю жизнь. Вотъ тянется длинной вереницей обозъ съ погонщиками подъ конвоемъ солдатъ, нагруженный провіантомъ, фуражемъ или военными снарядами; лошади пристали, идти далѣе не въ силахъ, погонщикъ немилосердно бьетъ ихъ кнутомъ, а солдатъ подгоняетъ погонщика, чтобы не отсталъ отъ обоза, и кончается тѣмъ, что бѣдныя лошади падаютъ замертво... Далѣе, навстрѣчу катитъ въ легкой рессорной бричкѣ, запряженной четверкой перваго номера лошадей, съ колокольчикомъ, фельдъегеръ, весь забрызганный грязью; лихой ямщикъ только помахиваетъ кнутомъ, давая знать встрѣчающимся на пути подводамъ, чтобы сворачивали съ дороги... Тамъ, смотришь, въ сторонѣ отъ дороги лежатъ двѣ-три палыхъ лошади, которыхъ усердно грызутъ собаки, окруженныя со всѣхъ сторонъ цѣлой стаей воронъ и коршуновъ, жадно посматривающихъ на падаль и ждущихъ своей очереди. У самой дороги расположился на временный отдыхъ отставшій отрядъ солдатъ какого-то пѣхотнаго полка: кто лежитъ, а кто усердно ѣстъ размоченный въ манеркѣ съ водою сухарь. Вотъ сидитъ на камнѣ блѣдный, истощенный молодой солдатикъ, въ ногахъ его лежитъ ружье и туго набитый ранецъ. На нашихъ глазахъ онъ раза два сильно вздохнулъ и свалился на землю... Нагнавшіе насъ два военныхъ доктора взяли трупъ съ собой на перекладную...

Движеніе было большое, но у всѣхъ встрѣчныхъ на лицахъ былъ отпечатокъ грусти и унынія. Встрѣчались ротами и цѣлыми батальонами пѣхотинцы разныхъ полковъ, артиллерія, отряды ратниковъ и ополченцевъ въ разнообразныхъ костюмахъ съ крестами на шапкахъ и съ топорами за поясами. На постоялыхъ дворахъ едва можно было найти свободную комнату, несмотря на то, что въ то время въ Айбарахъ, напр., постоялыхъ дворовъ и корчемъ было 6 или 7; всѣ содержались евреями, которые одни только выдерживали всякія невзгоды, непріятности и даже побои отъ проѣзжающихъ. Какія цѣны существовали тогда на этихъ постоялыхъ дворахъ,— не забудьте, что это было 46 лѣтъ тому назадъ—можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: за самоваръ брали отъ 40 до 50 к., за десятокъ яицъ отъ 30 до 40 к., за фунтъ масла отъ 50 до 75 к., за пудъ сѣна 50 к., овса 60 к. и за ночлегъ въ грязной конурѣ 1 руб., тогда какъ до войны цѣна всѣмъ этимъ предметамъ въ Крыму была по крайней мѣрѣ вчетверо меньше.

Въ Айбарахъ насъ нагналъ транспортъ съ ранеными. Крикъ, шумъ и гамъ погонщиковъ раздавались издалека. Всѣ подводы были крыты войлокомъ. Везли больныхъ и раненыхъ въ перекопскій госпиталь. Транспортъ сопровождался солдатами подъ командою двухъ офицеровъ. Грустное зрѣлище! У кого нѣтъ руки или ноги, у другого голова обвязана повязкой, иной стонетъ и мечется во всѣ стороны. Одинъ молитъ дать ему воды, умирая отъ жажды, другой проситъ перевязать ему рану... Отецъ мой, видя, что одному доктору

съ двумя фельдшерами не управиться съ больными, предложилъ свои услуги. Было около 11-ти часовъ ночи, когда мы съ отцомъ пришли на свой ночлегъ.

На дорогѣ стояла непролазная грязь. Она залѣпляла колеса, такъ что не видно было ступицъ, ноги лошадей были тоже облѣплены грязью и бѣдныя животныя останавливались чуть не каждые десять шаговъ. Кучеру приходилось безпрестанно вставать и очищать колеса фургона и ноги лошадей. За эту дорогу сколько намъ пришлось видѣть брошенныхъ подводъ и бричекъ съ разнымъ грузомъ. Въ ту невылазную грязь каждый проѣзжающій радъ былъ, если самъ благополучно кое-какъ доберется до ближайшаго жилья или доѣдетъ верхомъ на лошади, бросивъ свой экипажъ и вещи. Можно судить, какая была грязь, если даже великіе князья Михаилъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ, проѣзжая черезъ Перекопъ къ театру военныхъ дѣйствій подъ Севастополь, не могли въ легкой каретѣ, запряженной восьмеркою хорошихъ почтовыхъ лошадей, продолжать путь и для нихъ пришлось, вмѣсто лошадей, запречь четверку верблюдовъ, которые и довезли ихъ благополучно до первой почтовой станціи. Въ деревнѣ Каракоянджи намъ пришлось остановиться въ корчмѣ и пробыть тамъ двое сутокъ, пока дорога не пообсохла благодаря вѣтру и солнцу, иначе пришлось бы все равно гдѣ-нибудь застрять въ пути. Въ Алешкахъ мы сѣли на большую шаланду и по Днѣпру добрались до Херсона.

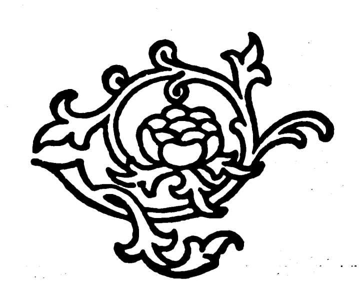
Когда мы были въ Херсонѣ, въ Крыму уже было достаточно войска, чтоб[illegible] тражать непріятеля при нападеніи. Подъ Евпаторіей, въ 10-ти ве[illegible]хъ отъ города, въ дер. Оразъ, помѣщика Августиневича, стоя[illegible]отная дивизія подъ начальствомъ генерала барона Кор[illegible] и нѣсколько сотенъ казаковъ. Непріятель, занявъ [illegible]па[illegible]ъ городъ рвами и валами, посылая на эту работу, кро[illegible]декъ, татаръ и другихъ мѣстныхъ жителей; пришлось [illegible]лую работу и нѣсколькимъ чиновникамъ и помѣщи[illegible], [illegible]рыхъ были недовольны мѣстные татары, занявшіе въ это время въ Евпаторіи почетныя должности городничаго и другихъ. Изъ уѣздныхъ т[illegible] нѣкоторые не только ограбили помѣщиковъ, но и пригнали [illegible]ихъ пѣшкомъ въ Евпаторію на работы по укрѣпленію города.

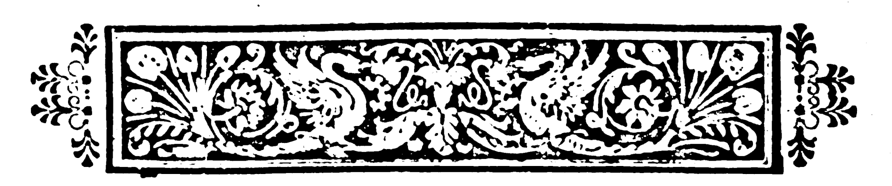
Между нашими войсками и непріятелемъ часто бывали небольшія стычки подъ Евпаторіей; въ особенности отличались казаки, дѣлая вылазки и набѣги на пасущійся вблизи города непріятельскій скотъ и овецъ. Набѣ[illegible] эти были иногда такъ удачны, что казаки отбивали по сотнѣ рогатаго скота и лошаде[illegible] а овецъ тысячами, и, пригоняя на нашу позицію, отдавали до[illegible] свою за безцѣнокъ: вола или лошадь за 1—3 р., а овцу [illegible] и даже просто за трубку табака. Впослѣдствіи передава[illegible] необыкновенной удали одного казака. Казакъ этотъ до [illegible] Евпаторіи бывалъ въ городѣ и потому [illegible]алъ хорошо р[illegible] улицъ, въ особенности главную на[illegible]ую улицу, [illegible]рая [illegible]янется черезъ всю Евпаторію. По этой[illegible], въ полдень онъ на бѣломъ конѣ вскочилъ въ городъ съ восто[illegible] и, во весь карьеръ промчавшись по улицѣ, выскочилъ в[illegible] западную сторону и приска-

кыль благополучно къ своимъ войскамъ. Выходка эта удивила и ошеломила многихъ въ городѣ, видѣвшихъ эту сцену. Турки и татары рѣшили, что это былъ не простой казакъ, а св. Георгій побѣдоносецъ на бѣломъ конѣ, и видѣли въ этомъ несчастное для себя предзнаменованіе.

Въ мартѣ 1856 г. послѣдовалъ миръ, но мы прожили въ Херсонѣ до сентября, затѣмъ отца перевели ординаторомъ въ перекопскій военный госпиталь, гдѣ онъ пробылъ до апрѣля 1858 г., потомъ подалъ въ отставку, и мы возвратились въ нашу родную Евпаторію. Городъ былъ ужасно разоренъ, въ особенности на окраинахъ и въ глухихъ татарскихъ улицахъ и переулкахъ. На главныхъ же улицахъ дома почти всѣ уцѣлѣли, такъ какъ ихъ занимали турецкій паша и офицеры турецкихъ, французскихъ и англійскихъ войскъ. Разоренные дома были большею частью брошены самими казаками во время бѣгства и выѣхавшими въ Турцію татарами. Городъ былъ окруженъ валами, рвами и редутами. Много погибшихъ непріятельскихъ судовъ, въ бурю 4 ноября 1855 г., лежали на берегу и на песчаной отмели. Черезъ два-три года городъ сталъ вновь возрождаться и населеніе прибывать, а теперь Евпаторію и узнать нельзя, такъ она обстроилась. За городомъ стоитъ изъ бѣлаго мрамора памятникъ павшимъ русскимъ воинамъ во время штурма города нашими войсками. Къ памятнику этому ежегодно совершается въ день ихъ убіенія крестный ходъ.

В. Н. Смирновъ.

Декабристъ Волконскій.

I.

Княземъ М. С. Волконскимъ выпущена въ свѣтъ объемистая книга „Записокъ" его отца, декабриста Сергія Григорьевича Волконскаго. Личность послѣдняго до настоящаго времени мало затрогивалась историческою литературою, а такъ называемой большой публикѣ Волконскій извѣстенъ почти исключительно по трогательнымъ страницамъ, посвященнымъ Некрасовымъ его женѣ, княгинѣ Маріи Николаевнѣ („Русскія женщины"). Между тѣмъ, если Волконскій не представляетъ такого удивительнаго по цѣлостности, словно изъ бронзы вылитаго образа, какъ Пестель съ его натурой Кассія, какъ фанатикъ Рылѣевъ, каждая строка котораго брыжжетъ негодованіемъ оскорбленнаго гражданина, какъ Батенковъ, двадцать лѣтъ томившійся въ одиночномъ заключеніи, упорно отказываясь отъ всякой попытки смягчить свою участь,—онъ, тѣмъ не менѣе, приковываетъ къ себѣ вниманіе безусловною искренностью и общею высотою нравственнаго облика. Волконскій—яркій примѣръ богато одареннаго интеллигента, воспринявшаго и отразившаго просвѣтительныя начала, лежавшія и въ основѣ политики перваго періода царствованія императора Александра.

Онъ не могъ поступиться ими, когда восторжествовала мрачная реакція, и желаніе блага родинѣ привело его къ участію въ заговорѣ. Что замыслы тайныхъ обществъ явились прямымъ отраженіемъ надеждъ, связанныхъ со вступленіемъ на престолъ императора Александра и его первыми мѣропріятіями, видно изъ того, что свѣдѣнія о заговорѣ и его организаціи были извѣстны государю еще за четыре года до его кончины. Тотчасъ по возвращеніи императора въ Царское Село (24-го мая 1821 г.) послѣ отсутствія изъ Россіи, продолжавшагося почти годъ, генералъ-адъютантъ Васильчиковъ представилъ переданный ему доносъ о заговорѣ, вмѣстѣ со спискомъ участниковъ. „Государь, выслушавъ эти разоблаченія,

которыя, повидимому, не были для него неожиданны, долго оставался задумчивымъ и безмолвнымъ, погрузившись въ глубокое и тихое размышленіе; потомъ онъ произнесъ по-французски слѣдующія слова, имѣющія важное историческое значеніе: „Дорогой Васильчиковъ, вы, который находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія". Дѣйствительно, Александръ долженъ былъ признать, что стремленія тайныхъ обществъ не шли въ разрѣзъ съ его прежними убѣжденіями и что, слѣдовательно, преслѣдовать членовъ этихъ обществъ значило бы преслѣдовать самого Александра 1801 и послѣдующихъ годовъ" *). Эти годы были хорошо памятны мыслящей части общества, и если послѣ Вѣнскаго конгресса восторжествовалъ режимъ мракобѣсія, съ Аракчеевымъ внутри и Меттернихомъ извнѣ, то немудрено, что оппозиціонный духъ расцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ, и отъ либеральныхъ вѣяній не ушли даже Булгаринъ съ Гречемъ. Если въ самомъ заговорѣ принимали непосредственное участіе всего лишь 150—200 человѣкъ, то идея декабризма, какъ протеста противъ существующаго порядка вещей, охватила большинство образованнаго общества, а литературную сферу—почти цѣликомъ. Не удивительно, что этому протесту отдался и Волконскій.

Близко стоя, какъ увидимъ дальше, къ самому очагу движенія, проявивъ качества недюжиннаго организатора, Волконскій, тѣмъ не менѣе, не былъ заговорщикомъ по натурѣ и является скорѣе однимъ изъ dii minores декабризма. „Записки" же его даютъ обильный матеріалъ какъ для уразумѣнія, во всякомъ случаѣ, интересной личности автора, такъ и для обрисовки эпохи. Смерть не дала Волконскому довести эти „Записки" до конца; онѣ прерываются на описаніи перваго же допроса послѣ ареста, но дополнена далѣе кн. М. С. Волконскимъ на основаніи документовъ, семейныхъ и оффиціальныхъ, въ томъ числѣ—архива бывшаго III отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи. Непосредственность, искренность и необыкновенная скромность, которыми проникнуты „Записки", съ первыхъ же страницъ внушаютъ читателю полное довѣріе къ передачѣ событій авторомъ. Этими-то свойствами авторской личности Волконскаго обусловливается, надо думать, и основной недостатокъ книги—отсутствіе обобщеній. Волконскій даетъ послѣдовательныя картины фактовъ, но не уясняетъ самой психологіи движенія **). Съ этой точки зрѣнія „Записки" являются для будущаго историка декабризма сырымъ матеріаломъ, который, только по сличеніи съ другими источниками, можетъ дать ключъ къ всесторонней характеристикѣ заговора.

Сергій Григорьевичъ Волконскій (до приговора верховнаго

*) Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. IV, стр. 204.

**) Замѣтимъ, что это, можетъ быть, слѣдствіе того, что „Записки" въ свое время (по возвращеніи Волконскаго изъ Сибири) не могли быть напечатаны, а писались исключительно для сына автора.

уголовнаго суда—князь), сынъ оренбургскаго генералъ-губернатора, кн. Гр. Сем. и кн. Ал. Ник. Волконскихъ, родился въ 1788 г. Память родителей была для Волконскаго священна, но „если мои послѣдующія дѣйствія въ гражданской жизни", говоритъ онъ, „были не на уровнѣ гражданственныхъ убѣжденій предковъ моихъ, тому причиной великія истины, озарившія современную эпоху. Я въ моихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ руководствовался этими истинами безъ всякаго эгоистическаго разсчета; судьи мои—современники, потомство; а если въ чемъ ошибся и подлежу упреку—окончательный приговоръ Всевышняго".

По тогдашнему обыкновенію, Волконскій, еще восьми лѣтъ отъ роду, былъ записанъ въ службу сержантомъ и назначенъ адъютантомъ къ Суворову. Но дѣйствительная его служба началась съ 1806 г., когда онъ, по окончаніи института, содержавшагося роялистскимъ эмигрантомъ, аббатомъ Никола, поступилъ въ кавалергардскій полкъ поручикомъ. Здѣсь товарищами его были, между прочимъ, Мих. Ѳед. Орловъ, впослѣдствіи другъ Пушкина, генералъ, ведшій переговоры о капитуляціи Парижа, „бывшій свѣтиломъ среди молодежи, но не оказавшій того, чего ожидали отъ него при грозныхъ обстоятельствахъ 1826 года", и декабристъ Мих. Серг. Лунинъ. „Это лицо", пишетъ Волконскій, „выказало во время своей ссылки въ Сибирь замѣчательную послѣдовательность въ мысляхъ и энергію въ дѣйствіяхъ. Онъ умеръ въ Сибири; память его для меня священна, тѣмъ болѣе что я пользовался его дружбой и довѣріемъ, а могила его должна быть близка къ сердцу каждому доброму русскому".

Но въ общемъ кавалергардская молодежь невысоко стояла въ нравственномъ отношеніи. „Моральности никакой не было въ насъ; весьма ложныя понятія о чести, весьма мало дѣльной образованности и почти во всѣхъ преобладаніе глупаго молодечества, которое теперь я назову чисто порочнымъ". Лучшимъ стремленіемъ молодежи было желаніе отомстить Франціи за Аустерлицъ. „Мы не понимали, что къ отечеству любовь не въ одной военной славѣ, а должна бы имѣть цѣлью поставить Россію въ гражданственности на уровень съ Европой и содѣйствовать къ перерожденію ея сходно съ великими истинами, выказанными въ началѣ французской революціи, но безъ увлеченій, повергнувшихъ Францію въ бездну безначалій. Честь и слава многимъ падшимъ жертвами за святое дѣло свободы. Но строгій приговоръ тѣмъ, которые исказили великія истины той эпохи".

Когда, въ концѣ 1806 г., опять возгорѣлась война съ Франціей, воинскій пылъ Волконскаго нашелъ себѣ исходъ. Юный кавалергардъ получилъ завидное съ точки зрѣнія служебной карьеры назначеніе состоять адъютантомъ при главнокомандующемъ, графѣ Михаилѣ Ѳедотовичѣ Каменскомъ. Человѣкъ съ несомнѣнными военными заслугами, но уже дряхлый морально и физически, Каменскій выѣхалъ изъ Петербурга, увѣ-

ренный, что армія одѣта, обута, снабжена провіантомъ и боевыми припасами. Но, увидя солдатъ—босыми, больныхъ—не только лишенными врачебной помощи, но и голодными, войско—плохо вооруженнымъ, однимъ словомъ — полную анархію, фельдмаршалъ совершенно упалъ духомъ и уѣхалъ отъ арміи въ то самое время, какъ загремѣли французскія пушки, начавшія обстрѣливаніе Пултуска, куда отступили наши отряды, бросая по дорогѣ артиллерійскія орудія. Несмотря на всѣ недостатки боевого снаряженія арміи, Бенигсенъ, замѣнившій бѣжавшаго Каменскаго, отразилъ французовъ, но, не получивъ подкрѣпленія, долженъ былъ отступить съ голодающимъ войскомъ. Насколько обострилась нужда въ продовольствіи, видно изъ того, что авторъ „Записокъ" вмѣстѣ съ товарищами нѣсколько дней подрядъ питался неосвященными просфорами, отобранными фуражировкою въ церкви. Голодовка арміи продолжалась всю войну: провіантскіе чиновники присваивали казенныя деньги, предоставляя солдатамъ отнимать съѣстные припасы у мирнаго населенія, и поплатились за это лишь тѣмъ, что были перечислены изъ офицеровъ въ чиновники, чтобъ не марать офицерскаго мундира.

Въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ Волконскій принималъ участіе въ качествѣ адъютанта при генералѣ графѣ Ал. Ив. Остерманѣ. Послѣдняго и Бенигсена онъ рисуетъ людьми съ крупнымъ военнымъ талантомъ и беззавѣтной храбростью, но постоянно указываетъ, какъ ихъ распоряженія парализовались завистью или инертностью большинства подчиненныхъ имъ генераловъ.

Изъ болѣе крупныхъ сраженій Волконскій участвовалъ въ битвѣ при Прейсишъ-Эйлау, причемъ былъ раненъ пулею въ грудь и получилъ особо установленный для отличившихся въ этомъ бою золотой знакъ отличія. Для характеристики самого Волконскаго важно, какъ впослѣдствіи смѣнился трезвымъ взглядомъ переполнявшій его кровожадный пылъ воинскихъ лавровъ. Отчаянная защита нашего арьегарда сосредоточилась на городскомъ кладбищѣ. „Это мѣсто, бывшее нѣсколько столѣтій послѣднимъ убѣжищемъ постепенно туда приводимыхъ, въ нѣсколько часовъ было покрыто грудами тѣлъ.—Первые разставались съ жизнью по опредѣленію природы,—послѣдніе—какъ выразить причину ихъ смерти? по общему мнѣнію—честь! долгъ! Но я скажу, частью и предразсудки; странно, больно для человѣчества, что человѣкъ наноситъ смерть человѣку".

Вскорѣ послѣ излѣченія Волконскій былъ причисленъ къ свитѣ Бенигсена. Не по душѣ пришлась, однако, ему жизнь при главной квартирѣ, гдѣ находился въ то время и самъ государь. Здѣсь Волконскій познакомился со знаменитымъ генераломъ двѣнадцатаго года Ник. Ник. Раевскимъ, на дочери котораго впослѣдствіи женился.

Волконскій принималъ участіе и въ двухъ послѣднихъ сраженіяхъ, рѣшившихъ участь войны,—гейльсбергскомъ и

фридландскомъ. Онъ отдаетъ должное уваженіе и Бенигсену, распоряжавшемуся боемъ, лежа на землѣ, въ мучительныхъ схваткахъ каменной болѣзни, и войску, неколебимо отражавшему французскія атаки, не теряя хладнокровія и въ отступленіи, но не можетъ безъ стыда вспомнить о двухъ генералахъ, „скороспѣлкахъ гатчинскаго павловскаго времени", и многихъ офицерахъ, оставившихъ позиціи, чтобъ спрятаться въ безопасной ратушѣ.

Послѣ фридландскаго пораженія, отступленія нашихъ войскъ къ Тильзиту, а затѣмъ извѣстнаго свиданія императоровъ, начались переговоры о мирѣ. Во время ихъ французскіе офицеры свободно переѣзжали черезъ Нѣманъ на русскій берегъ. „Намъ же, русскимъ, не дозволено было нашимъ начальствомъ посѣщать французскій берегъ иначе, какъ по билетамъ, выдаваемымъ весьма разборчиво и затруднительно съ дозволенія государя; странное обстоятельство, какъ бы означающее, что царь нами стыдится... Въ скоромъ времени мы узнали, что миръ заключенъ, и нашей арміи дано было распоряженіе о возвращеніи въ россійскіе предѣлы". Эта вѣсть „такъ не была по сердцу любящимъ славу Россіи", что Волконскій пригласилъ къ себѣ товарища, „и съ горя (по русской привычкѣ), не имѣя другихъ питій, какъ водка, мы выпили вдвоемъ три полуштофа гданской сладкой водки, и такъ мы опьянѣли, что, плюя на бивуачный огонь, удивлялись, что онъ отъ этого не гаснулъ".

Но неудовольствіе Тильзитскимъ миромъ выразилось въ обществѣ не однимъ скорбнымъ пьянствомъ штабъ и оберъ-офицеровъ. „Проигранныя сраженія, какъ Аустерлицъ и Фридландъ", говоритъ г. Шильдеръ, „не оскорбили народной чести; это были неудачи, но не пятно, а Тильзитскій миръ Россія признала постыднымъ для себя". Въ томъ же 18 7 году послѣдовалъ разрывъ съ Англіей, вызвавшій остановку въ торговлѣ, затрудненія въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ ассигнацій, и союзъ съ Франціей окончательно сдѣлался предметомъ всеобщаго моральнаго осужденія. Безплодно пролитая кровь, истощеніе государственныхъ средствъ, напряженіе платежныхъ силъ страны,—все это обусловило глухое общественное недовольство, въ послѣдующіе годы лишь окрѣпшее и неуничтоженное ни подъемомъ народнаго духа во время Отечественной войны, ни хоромъ славословій по ея окончаніи.

При указанной выше жаждѣ военной молодежи отмстить за Аустерлицъ, въ ея средѣ недовольство еще болѣе крѣпло и ширилось, увеличиваясь къ тому же увольненіемъ отъ командованія популярнаго Бенигсена. Безотрадная перспектива развертывалась и передъ солдатами. „Будущность тяжкой казарменной петербургской жизни, предстоящія опять тяжкія фронтовыя занятія, манежная ѣзда, ученье—такъ подѣйствовали на нашихъ солдатъ, что въ этомъ отборномъ войскѣ родилось отчаяніе, и на первомъ ночлегѣ оказались дезертиры". И, хотя бивуаки заботливо окружались ночною цѣпью, за четыре пе-

рехода бѣжало до ста человѣкъ. Когда Волконскій, вмѣстѣ съ кавалергардскимъ полкомъ, вернулся въ Петербургъ, то въ первую же ночь „одинъ кавалергардъ изъ нижнихъ чиновъ повѣсился—вѣроятно, изъ отчаянія отъ мысли о предстоящей ему каторжной жизни“.

Кругъ петербургскихъ офицеровъ-однополчанъ Волконскаго „дѣлился на два отдѣла, подъ названіемъ бонтонный и моvежанрскій“, но существенной разницы между ними не было. Тѣ и другіе вели жизнь скорѣе казарменную, чѣмъ столично-свѣтскую, но первые при кутежахъ соблюдали приличіе, а вторые—нѣтъ. Но когда дѣло касалось такъ называемой чести полка, оба кружка дѣйствовали съ полнымъ единодушіемъ.

Нужно замѣтить, однако, что уровень этическихъ понятій тогдашняго офицерства не соотвѣтствовалъ нынѣшнему. „Шулерничать, не было считаемо за порокъ, хотя въ правилахъ чести были мы очень щекотливы. Еще другое странное было мнѣніе—это, что любовникъ, пріобрѣтенный за деньги, за плату (amant entretenu), не подлецъ“.

Волконскій влюблялся и „шалилъ“. Одна изъ такихъ „шалостей“ характерна для обрисовки ненависти къ французамъ. У ихъ посланника, Коленкура, „въ угловой гостиной былъ поставленъ портретъ Наполеона, а подъ нимъ какъ бы тронное кресло, а другой мебели не было, что мы почли обидой народности“. И вотъ собирается компанія офицеровъ, садится зимней ночью въ пошевни и, поровнявшись съ указанной гостиной, разбиваетъ зеркальныя окна каменьями, а затѣмъ благополучно скрывается.

Но если эта демонстративная выходка имѣла въ своемъ основаніи ложно понятое національное чувство, то другія продѣлки гвардейскихъ повѣсъ уже совершенно пусты и неосмысленны.

Лѣтомъ, во время травяного продовольствія лошадей, Волконскій и Лунинъ жили на Черной рѣчкѣ. Противъ ихъ избы была палатка, гдѣ они держали двухъ цѣнныхъ медвѣдей. При этомъ у нихъ было еще девять собакъ. И медвѣди, и собаки пугали прохожихъ (одна изъ собакъ, при словѣ „Бонапартъ“, кидалась и срывала съ головъ шапки), и это очень забавляло молодыхъ кавалергардовъ. Пускали среди дня фейерверки, устраивали серенады, сидя на деревьяхъ, давали товарищамъ „кутежные обѣды“ и, конечно, безъ конца пили.

Вотъ чѣмъ развѣивали скуку жизни такіе по существу серьезные люди, какъ Лунинъ и Волконскій. Объяснять это исключительно юношескимъ легкомысліемъ нельзя; правильнѣе будетъ допустить, что казарменно-сѣрая дѣйствительность заставляла искать выходъ бродящимъ силамъ хотя-бы въ легкодоступномъ пьянствѣ и дебошѣ.

Между тѣмъ началась финляндская война. Волконскому было предложено состоять адъютантомъ при главнокомандующемъ Буксгевденѣ, но онъ отказался, считая Буксгевдена интриганомъ, построившимъ свой успѣхъ на опалѣ Бениг-

сена, и находя къ тому же самую войну несправедливою. Дѣйствительно, по словамъ г. Шильдера, „современникамъ этихъ событій казалось, что Александръ вооружился противъ слабаго сосѣда и къ тому-же близкаго родственника (королева Фредерика, супруга Густава IV, была родной сестрой императрицы Елисаветы Алексѣевны) во исполненіе не своей собственной, а чуждой воли, исходившей отъ ненавистнаго завоевателя и притѣснителя народовъ; въ новомъ пріобрѣтеніи усматривали только беззаконное насиліе“.

Вскорѣ Волконскій былъ назначенъ въ штабъ новаго главнокомандующаго молдавской арміей (въ Турціи война шла уже съ 1806 г.), графа Ник. Мих. Каменскаго, сына извѣстнаго фельдмаршала.

II.

Предшествующая служба Волконскаго при графѣ Мих. Ѳед. Каменскомъ была какъ бы вводнымъ листомъ отъ отца къ сыну. Послѣдній, не отличаясь военными талантами отца, унаслѣдовалъ лишь его суровость, нерѣдко переходившую въ жестокость и самодурство даже тогда, когда графъ руководился благими пожеланіями.

Такъ, напримѣръ, желая положить конецъ злоупотребленіямъ по управленію краемъ, онъ приказалъ наказать въ своемъ присутствіи нагайками одного исправника изъ молдаванъ. „Когда вестіаръ Валахіи (президентъ управленія края) хотѣлъ умилостивить графа, сказавъ ему, что этотъ исправникъ—изъ бояръ третьяго класса, то онъ ему отвѣчалъ: „жаль, что не перваго класса, а то бы наказанъ былъ мною тѣмъ же, но въ три раза болѣе“.

Касаясь дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, авторъ „Записокъ“ подробно останавливается на сдачѣ Силистріи. Сначала предполагалось взять ее штурмомъ, причемъ начальникъ штаба, извѣстный французскій эмигрантъ Ланжеронъ, думалъ воодушевить солдатъ лаконическимъ приказомъ: „коли, граби и блуди“, но затѣмъ комендантъ крѣпости Эликъ-Оглу согласился сдать ее на условіи свободнаго пропуска его и войска. Волконскаго послали за полученіемъ знаменъ и городскихъ ключей.

За взятіе Силистріи Каменскій получилъ Андреевскую ленту, хотя не подъѣзжалъ къ осажденной крѣпости ближе пяти верстъ, да и во все время войны держался отъ поля битвъ на почтительномъ разстояніи.

Послѣ неудачной осады Шумлы главнокомандующій двинулся къ осажденному нами Рущуку. По дорогѣ были найдены трупы трехъ солдатъ, посаженныхъ на колъ, и Каменскій распорядился подвергнуть той же участи первыхъ плѣнныхъ турокъ. „Эта смерть весьма мучительна; тяжесть самаго тѣла всаживаетъ колъ болѣе и болѣе во внутренность тѣла; приступъ смерти—весьма продолжительный, и мученія—неимо-

вѣрныя. До сихъ поръ, когда я вспомню объ этомъ зрѣлищѣ, сердце содрогается".

Подвозъ осадныхъ снарядовъ былъ медленный, и рущукскимъ „бомбардированіемъ тѣшился только Каменскій". Онъ выходилъ съ трубкою въ зубахъ и приказывалъ стрѣлять, пока не кончитъ курить. Осаждающимъ вреда это не приносило, а каждый выстрѣлъ изъ орудій большого калибра обходился казнѣ въ 250 руб. асс.

Накопецъ, Каменскій велѣлъ готовиться къ штурму. Передъ этимъ, при вылазкѣ непріятеля, былъ захваченъ какой-то турокъ, упорно отказывавшійся сообщить свѣдѣнія относительно непріятельскаго гарнизона. И вотъ что придумалъ графъ. „Это было въ самыя знойныя времена іюля мѣсяца, въ какое время милліарды насѣкомыхъ просто подвергали всякаго мученію ихъ жаломъ. Онъ велѣлъ до нага раздѣть этого плѣннаго, вымазать его медомъ и въ такомъ видѣ выставить его на мученіе дѣйствію комаровъ". Но звѣрство главнокомандующаго не привело къ желательному для него результату.

Приступъ былъ неудаченъ. Штурмующія колонны замялись. Каменскій, находясь въ безопасномъ мѣстѣ, во второй параллели осадныхъ работъ, бѣсился и рвалъ себѣ бакенбарды. „Графъ Сиверсъ, подскакавъ къ главнокомандующему, сказалъ ему: „Графъ, велите бить отбой, мы понапрасну теряемъ время, моя колонна не идетъ впередъ, несмотря на то, что охотники вошли на валъ".—Не идетъ ваша колонна, потому что начальники не даютъ примѣра.—„Графъ", сказалъ ему въ отвѣтъ Сиверсъ, „я вамъ покажу, что умѣю умирать, посмотрите на мою фуражку, она уже въ двухъ мѣстахъ прострѣлена. Прощайте, графъ, я вамъ покажу, что Сиверсу нельзя сказать два раза то, что вы мнѣ выразили". Онъ поскакалъ къ колоннѣ и палъ, прострѣленный нѣсколькими пулями. Сиверса жалѣла вся армія... Въ другой колоннѣ отъ неудачи такой возсталъ безпорядокъ, что, при понужденіи офицерами нижнихъ чиновъ идти впередъ, наши сажали на штыки своихъ офицеровъ".

Армія тяжко поплатилась за самонадѣянность и бездаланность ея главнаго вождя. „Потеря наша при штурмѣ изъ 14000 войска состояла изъ 7600 нижнихъ чиновъ и 400 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ". Немудрено, что среди арміи все росло и росло недовольство Каменскимъ.

Онъ замѣтилъ это и подъ разными предлогами сталъ удалять недовольныхъ. Въ число опальныхъ попалъ и Волконскій. Его скоро отправили въ Петербургъ экстреннымъ курьеромъ, хотя и не было военныхъ событій, требующихъ такой спѣшки. По дорогѣ онъ узналъ о назначеніи его флигель-адъютантомъ. что не избавило его отъ холоднаго пріема военнаго министра Барклая де-Толли. Недоволенъ былъ Волконскимъ и государь. Очевидно, въ привезенныхъ Волконскимъ депешахъ заключался нелестный отзывъ.

Описывая время своего флигель-адъютантства, Волконскій опять обращается къ полковому быту, какъ мѣрилу общаго

офицерамъ образа мнѣній. „Въ мнѣніяхъ и сужденіяхъ мы были независимы". Государь ежедневно то гулялъ пѣшкомъ, то катался въ саняхъ по Невскому и Дворцовой набережной. „Цвѣтъ дамъ верхняго и иностраннаго купечества, царедворцы всѣхъ категорій и слоевъ постоянно посѣщали эту мѣстность,— первыя съ мыслями обратить на выказанныя ими прелести вниманіе царя,—другіе, т. е. царедворцы или искатели мѣстъ вытантываніемъ себѣ ногъ, добивались милостиваго киванія головой, или высокой милости, или словечка, или пожатія руки. Но предметъ появленія насъ, четырехъ или шести товарищей, шедшихъ рядомъ, рука объ руку, былъ довольно странный: мы туда являлись, чтобъ посмѣяться надъ ищущими приключеній, столь дорого ими цѣнимыхъ, а частію, чтобъ имъ и царю доказывать, что внѣ службы мы независимые люди. Понялъ ли самъ это царь, или переданы ему были довольно гласныя и неосторожныя наши болтовни, но мы убѣдились, что царь, издалека завидѣвъ насъ, уже къ минованію встрѣчи съ нами оборачивалъ голову въ другую отъ насъ сторону и не отвѣчалъ учтивостью на дѣлаемый нами фронтъ и подъ виски руки къ шляпѣ, и это негодованіе разразилось непріятностію на нашемъ полковомъ командирѣ" (Депрерадовичѣ). Ему было сказано, что онъ составилъ не корпусъ офицеровъ, но корпусъ вольнодумцевъ.

Дворцовая служба не удовлетворяла становившагося все серьезнѣе, склоннаго къ анализу Волконскаго. Онъ замѣтилъ, „какъ мелкими услугами царямъ можно снискать себѣ ихъ расположеніе. Александръ Павловичъ на балахъ-маскарадахъ никогда не начиналъ, т. е. не танцовалъ въ первой парѣ, польскую. Были изъ числа военной свиты или изъ придворныхъ лицъ, которые принимали, скажу даже, съ боя брали этотъ постъ и сторожили, съ кѣмъ танцуетъ государь; если съ Марьей Антоновной Нарышкиной, то польской нѣтъ конца, при маскарадахъ обойдутъ цѣлый кругъ два раза; если съ молоденькой и красивой дамой, то польская дѣлалась продолжительна; но если государь ведетъ какую-либо старуху, взятую имъ изъ приличія, то, если можно, польская продолжается полкруга залы и никогда болѣе цѣлаго круга".

Однажды, въ день дежурства Волконскаго, Сперанскій дѣлалъ государю продолжительный докладъ. „Вышелъ оттуда, и я помню, что онъ мнѣ сказалъ: „Ну, нонче хорошъ для меня день, государь долго и благосклонно меня выслушивалъ". На другой же день узнаю я, что онъ арестованъ и вывезенъ въ ссылку въ Пермь".

Паденіе Сперанскаго Волконскій приписываетъ козням ловкаго интригана графа Армфельда, перешедшаго по завоеваніи Финляндіи со шведской службы на русскую. Этотъ Армфельдъ, сближаясь съ молодежью, ловко льстилъ ей, говоря о необходимости сплоченія аристократіи. „Какъ человѣкъ прозорливый, онъ предугадывалъ, что, подобно Сперанскому, и онъ можетъ быть подверженъ паденію... его замыслы были

устроить въ Россіи образъ правленія на аристократическихъ началахъ".

Бумаги Сперанскаго были опечатаны и спрятаны въ антресольной комнатѣ, подъ внутренними покоями государя. Въ 1814 г. всѣ эти бумаги перебралъ статсъ-секретарь кн. Гагаринъ „по листкамъ и строкамъ (его собственное выраженіе), но не найдено имъ ни одного слова, подающаго подозрѣніе на Сперанскаго". Но начальникъ тайной полиціи де-Сангленъ, къ которому, впрочемъ, Волконскій относится съ извѣстнымъ недовѣріемъ, объяснялъ это тѣмъ, что Сперанскій при арестѣ долго оставался въ своемъ кабинетѣ наединѣ съ министромъ полиціи Балашевымъ, причемъ все компромстирующее могло быть уничтожено.

Въ 1812 г., когда всѣ уже были увѣрены въ близости войны, а войска наши сосредоточены въ Польшѣ, Волконскій находился при царской квартирѣ въ Вильнѣ. При этомъ ему пришлось наблюдать эпизодъ, „довольно ничтожный, но высказывающій странную любовь царя даже изъ религіознаго обряда дѣлать, какъ бы сказать, театральное вахтпарадное представленіе". Авторъ и его товарищъ по флигель-адъютантству кн. Лопухинъ должны были заблаговременно быть во дворцѣ передъ началомъ пасхальной заутрени. Немного опоздавъ, они рѣшили пробраться къ своему мѣсту заднимъ ходомъ черезъ церковь. Но ихъ остановилъ придворный лакей. „На спросъ нашъ, почему? онъ намъ отвѣчалъ: „Нельзя, тамъ государь".—Да чтожъ онъ тамъ дѣлаетъ? вѣдь, служба не началась?—На это онъ отвѣчалъ намъ: „Дѣлаетъ репетицію церковнаго служенія".

Волконскій приводитъ разсказъ (за достовѣрность котораго не вполнѣ ручается) о томъ, какъ полковнику Толлю было поручено тайно видѣться съ княземъ Іос. Понятовскимъ, командовавшимъ однимъ изъ корпусовъ наполеоновской арміи. „Толль былъ посланъ, переодѣтый въ партикулярное платье, къ Понятовскому съ тѣмъ, чтобы завѣрить его, что государь имѣетъ намѣреніе возстановить Польшу и что, если онъ, Понятовскій, согласится оставить Наполеона и тѣмъ увлечетъ за собою и польское войско, имѣвшее полное довѣріе къ нему, Понятовскому, то Александръ провозгласитъ его королемъ Польскимъ, выставляя это не за измѣну, но за содѣйствіе его къ возстановленію отечества. Отвѣтъ Понятовскаго былъ отрицательный, и онъ сказалъ Толлю, что благодаритъ государя за намѣреніе, но что честь ему не позволяетъ принять предложеніе, а въ удостовѣреніе уваженія и признательности къ государю онъ не дастъ гласности всему этому,—и Толль возвратился"...

Волконскій былъ и на устроенномъ государю его свитою празднествѣ, на которомъ было получено извѣстіе о переправѣ Наполеона черезъ Нѣманъ. „Это извѣстіе осталось тайной нѣсколькихъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ царя, и танцы и ужинъ продолжались. Александръ продолжалъ очаровывать

всѣхъ приглашенныхъ своею изысканною любезностью, и, только возвратившись во дворецъ, провелъ большую часть ночи за работою, причемъ былъ подписанъ и составленный Шишковымъ знаменитый рескриптъ, заканчивающійся словами: „я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.

Началась Отечественная война.

III.

Хотя уже въ самомъ ея началѣ Волконскому привелось сдѣлать нѣсколько опасныхъ поѣздокъ съ депешами къ командирамъ корпусовъ и отрядовъ, съ изумительнымъ хладнокровіемъ и находчивостью избѣгая французовъ, но онъ вездѣ говоритъ о себѣ очень сдержанно и просто.

Чрезвычайно любопытны въ „Запискахъ“ страницы, относящіяся къ тому времени, когда авторъ состоялъ при Винценгероде, командовавшемъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ въ тылу французской арміи.

„На пути къ Витебску внезапно явилось къ Винценгероде нѣсколько евреевъ и привезли ими захваченнаго французскаго кабинетъ-курьера, ѣхавшаго изъ Парижа къ Наполеону. Этотъ курьеръ съ депешами, при немъ находящимися, отправленъ былъ въ Петербургъ. Но преданному еврею, по случаю нашихъ не общихъ наступательныхъ движеній, а только летучаго поиска, уже нельзя было воротиться въ свое жительство, состоящее въ чертѣ мѣстности, занятой французами. Я его взялъ и содержалъ при себѣ, и уже онъ воротился на родину при преслѣдованіи французской арміи и ея отступленіи. Я объ этой частности упоминаю, какъ о фактѣ преданности евреевъ въ то время Россіи; и точно, большая смѣлость для трусливыхъ евреевъ, несмотря на неопредѣленность еще событій, рѣшиться на опасный подвигъ—схватить курьера и представить его въ русскій отрядъ“.

Волконскій участвовалъ въ неудачномъ ночномъ нападеніи на Велижъ, занятый французами. „Завязалась съ обѣихъ сторонъ перепалка, а гдѣ были наши и гдѣ непріятельскіе—не знали. Когда стало разсвѣтать, къ крайнему моему и Бенкендорфа удивленію, мы очутились другъ противъ друга съ саблей на-голо“.

Далѣе автору „Записокъ“ пришлось нѣсколько разъ сталкиваться съ небольшими отрядами, грабившими помѣщичьи имѣнія. Въ селѣ Самойловѣ княгини Голицыной они встрѣтили сильное сопротивленіе, и раздраженные солдаты никому не давали пощады; прикалывали даже раненыхъ. „При этомъ горестномъ зрѣлищѣ были и сцены смѣха; княгиня Голицына, давно уже перешедшая въ католицизмъ, жила въ Самойловѣ лѣтомъ, окруженная французскими аббатами. Простонародіе убѣждено было, что эти аббаты навели на Самойлово французскую рать, и въ горѣ своемъ вопіяли: „Вотъ тебѣ, княгиня, и аббатъ Николъ, и аббатъ Саландръ, и аббатъ Мерсье!“

Послѣ занятія французами Москвы Волконскій былъ свидѣтелемъ прибытія къ Винценгероде дѣйствительнаго статскаго совѣтника Яковлева, которому Наполеонъ поручилъ передать императору Александру письмо и войти въ переговоры о мирѣ. Винценгероде отвѣтилъ Яковлеву, что лишь своимъ присутствіемъ избавляетъ его отъ поруганія, выразилъ ему, какъ старому знакомому, сожалѣніе о принятіи имъ на себя подобнаго порученія и выслалъ арестованнымъ въ Петербургъ. Государь отправилъ письмо Кутузову для возвращенія на французскіе аванпосты нераспечатаннымъ, а Яковлева, продержавъ въ Петропавловской крѣпости, выслали въ его деревни подъ надзоръ полиціи.

Общимъ правиломъ при отступленіи было истреблять продовольственные запасы. Въ Клину Волконскій съ нѣсколькими казаками вошелъ въ винный подвалъ, „отколотилъ всѣ втулки бочекъ, по штофамъ—сабельными ударами, и признаюсь, все это дѣлалъ съ восторгомъ, ненавидя съ давняго времени, какъ и теперь, это поползновеніе къ разврату продажею питей народу. Тутъ такъ удачно все было исполнено, что просто было вина въ подвалѣ по-колѣно, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и капли никому не попало въ ротъ“. Скоро Волконскій объ этомъ забылъ, но не забыла московская казенная палата и черезъ пять лѣтъ прислала ему запросъ, почему онъ рѣшился на поступокъ, принесшій столь значительный убытокъ казнѣ, и можетъ ли представить въ свое оправданіе письменное на то повелѣніе. Волконскій отвѣчалъ тогда, что въ военное время исполняются и словесныя приказанія, а если его отвѣтъ неудовлетворителенъ, то пусть палата снесется съ корпуснымъ командиромъ барономъ Винценгероде, который представитъ неумѣстное ея требованіе государю.

Заботы о копѣйкахъ исходили не отъ однихъ казенныхъ управленій. Фуражъ и продовольствіе добывались обыкновенно реквизиціоннымъ способомъ. „Когда вся Россія жертвовала послѣдней копѣйкой и, можно сказать, послѣднимъ взрослымъ человѣкомъ, что тутъ было беречь барскія выгоды“, особенно если имѣть въ виду, что и безъ того припасы легко могли быть забраны непріятелемъ.

Тѣмъ не менѣе управляющій имѣніями генералъ-адъютанта Балашева (министра полиціи) выгналъ фуражировавшую команду и отправилъ въ Петербургъ эстафету съ жалобой на дѣйствія военнаго управленія. Узнавъ это, Винценгероде приказалъ, если не хотятъ дать назначенное мирнымъ путемъ, взять вдвое силою. „Къ этому же Винценгероде еще сказалъ, что впослѣдствіи отъ царя зависитъ платить за забранное, но теперь, когда правительству на защиту отечества нужна каждая копѣйка, нечего заботиться о выгодахъ помѣщичьихъ, и что грустно будетъ, если приближенные къ царю не будутъ давать примѣра пожертвованіями“.

„Вопль чиновниковъ, которымъ препятствовалъ Винценгероде дѣлать закупы по фабулезнымъ цѣнамъ, и таковой же

вопль господъ помѣщиковъ, которые, какъ тогда, такъ и теперь, и всегда будутъ это дѣлать, кричать объ ихъ патріотизмѣ, но изъ того, что можетъ поступить въ ихъ кошелекъ, не дадуть ни алтына, — этотъ вопль нашелъ пріютъ въ Питерѣ, и на эти жалобы, хотя въ выраженіяхъ весьма учтивыхъ, отъ графа Аракчеева былъ присланъ Винценгероде запросъ". Винценгероде вспылилъ, не отвѣчалъ прямо графу, но приказалъ Волконскому ѣхать съ его письмомъ къ государю и объясниться по предмету принесенной жалобы.

Когда государь спросилъ, каковъ народный духъ, Волконскій отвѣчалъ: „Государь! Вы должны гордиться имъ; каждый крестьянинъ — герой, преданный отечеству и вамъ.—А дворянство?—Государь, сказалъ я ему,—стыжусь, что принадлежу къ нему: было много словъ, а на дѣлѣ ничего".

Черезъ нѣсколько дней Волконскій былъ призванъ къ государю. „Вотъ тебѣ письмо къ Винценгероде", сказалъ онъ, „онъ пойметъ меня и убѣдится, что я имѣю полное уваженіе и довѣріе къ нему, но въ ходѣ дѣлъ административныхъ надо имъ давать общій ходъ, и поэтому, какъ тѣ бумаги, которыми онъ былъ недоволенъ, такъ и тѣ, которыя впередъ могутъ быть ему не по мыслямъ и сердцу, пусть его не тревожатъ, и пусть онъ кладетъ ихъ подъ красное сукно и не даетъ исполненія. Онъ и я—мы другъ друга понимаемъ, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его отъ меня за преданность и службу; черезъ нѣсколько часовъ потребуетъ тебя для отправленія графъ Алексѣй Андреевичъ, ты не говори, что я тебя требовалъ къ себѣ, и что ты получилъ отъ меня конвертъ для врученія Винценгероде". Я указываю на эти последнія слова, какъ на странный фактъ того, что государь себя подчинялъ какой-то двуличной игрѣ съ Аракчеевымъ, и какъ на доказательство силы Аракчеева у государя".

Волконскій явился въ Москву, которую наши войска заняли во время его пребыванія въ Петербургѣ. Здѣсь временно командовалъ генералъ-маіоръ Ив. Дм. Иловайскій 4-й, человѣкъ нераспорядительный, даже трусоватый, но зато искусный кое въ чемъ другомъ. Всѣ отбитые у французовъ обозы направлялись къ нему. „Такъ какъ церковная утварь и образа въ ризахъ были главною добычею, увозимою французами, то на нихъ болѣе обращалъ вниманіе Иловайскій и дѣлилъ все это на два отдѣла: что побогаче—въ одинъ, что побѣднѣе—въ другой. Эта сортировка Бенкендорфу и мнѣ показалась странною, и Александръ Христофоровичъ (Бенкендорфъ) спросилъ его: „Зачѣмъ этотъ дѣлежъ? вѣдь, все это слѣдуетъ отдать духовному начальству, какъ вещи, ограбленныя изъ церквей московскихъ и слѣдующія обратно въ оныя". На это Иловайскій отвѣчалъ:—Нельзя, батюшка, я далъ обѣтъ, если Богъ сподобитъ меня къ занятію Москвы отъ рукъ вражьихъ, все, что побогаче, все цѣнное, доставшееся моимъ казакамъ, отправить въ храмы Божьи на Донъ, а данный обѣтъ надо свято исполнить, чтобъ не разгнѣвать Бога.—Попало ли все

это въ церкви на Донъ или въ кладовыя Иловайскаго,—мнѣ неизвѣстно, но вѣрно то, что ни убѣжденія Бенкендорфа, ни мои увѣщанія не подѣйствовали на Иловайскаго".

Вообще Волконскій, не отрицая заслугъ казаковъ, не скрываетъ и присущіе имъ недостатки. Войска Платова онъ не называетъ иначе, какъ полчищами. Подъ Смоленскомъ Платовъ, „ставъ на бивуакѣ, приказалъ подать себѣ горчишной, т. е. водки, настоенной на горчицѣ, и, выпивъ порядочную чапарочку, огрузъ и заснулъ. Отрезвившись немного, онъ велѣлъ себѣ подать другую, опять отрезвившись, велѣлъ подать третью, но уже такого размѣра, что свалился, какъ снопъ, и до утра проспалъ". Это дало французамъ возможность безпрепятственно продолжать отступленіе. „Платовъ, вступивъ въ Смоленскъ, захватилъ только отсталыхъ, а, между тѣмъ, занятіе Смоленска по реляціямъ поставлено, какъ значительный его подвигъ".

Отъ Смоленска Волконскій пустился преслѣдовать французовъ во главѣ партизанскаго отряда. Узналъ онъ, что „въ деревнѣ Неклюдовой стоялъ обозъ французскій, а именно—казна Наполеона. Захватить было бы славное дѣло, но я полагалъ, что по усталости лошадей и людей двинуться туда было бы имъ не по силамъ. Собралъ отрядъ и объявилъ, что тамъ будетъ хорошая пожива. Слово „казна" возымѣло магическое дѣйствіе на моихъ казаковъ. „Ведите насъ туда"—въ одно слово отъ всѣхъ". Обозъ, однако, успѣлъ уйти, что потомъ заставило Волконскаго порадоваться. Отдать все казакамъ—было бы беззаконно, да и плохо подѣйствовало бы на ихъ боевыя качества; сдать въ казну—рисковать, что пріемщики сдѣлаютъ начетъ.

Указанный примѣръ пропуска французовъ по безпечности Платова—не единственный. Бывали случаи, когда поводомъ къ тому же было соперничество на почвѣ мелочного самолюбія. Такъ, недоброжелательство Витгенштейна къ Чичагову или боязнь его поступить, какъ младшему, подъ команду адмирала спасли Наполеона и французскую армію отъ плѣна. Витгенштейнъ на настоятельныя просьбы Дибича разгромить французовъ до настиженія ими переправы черезъ Березину отвѣчалъ: „Пусть Чичаговъ съ ними возится, а когда уже по сю сторону останется хвостъ ихъ, тогда я дамъ себя знать. „Потомъ дивизія французская Партено была на голову разбита и плѣнена, но это былъ хвостъ только двухъ корпусовъ, которые бы сами могли испытать эту участь, если бы ихъ горячо преслѣдовали".

О типахъ тогдашняго офицерства даетъ представленіе слѣдующій фактъ. Винценгероде приказалъ, чтобъ къ нему привели офицера, притѣснявшаго въ Герлицѣ мѣстныхъ жителей. Виновный былъ изъ дивизіи кн. Ар. Ал. Суворова, гдѣ всѣ офицеры носили солдатскіе мундиры. „Винценгероде, взбѣшенный, что его приказаніе о дружелюбномъ обращеніи съ жителями не соблюдается, вышелъ навстрѣчу виновнаго и, какъ

не замѣтилъ, что онъ—офицеръ, началъ его ругать и по горячности далъ ему пощечину". Волконскій, не переносившій такого обращенія и съ нижними чинами, заплакалъ навзрыдъ. Дѣло объяснилось. Винценгероде предложилъ тогда обиженному офицеру рѣшить дѣло, несмотря на разницу положеній, поединкомъ. Но офицеръ отвѣтилъ: „Генералъ, не этого я отъ васъ прошу, но чтобъ, при случаѣ, не забыли меня представленіемъ". Тутъ уже я покраснѣлъ и не могъ не сказать себѣ, что этотъ подлецъ не заслужилъ моего сочувствія".

Не лучше зачастую были и высшіе чины. Въ Швейдницѣ произошло столкновеніе между начальникомъ артиллерійскаго штаба Сухозанетомъ [1]) и партизаномъ Фигнеромъ. Послѣдній пришелъ на разводъ, не явясь предварительно къ Сухозанету и съ отступленіемъ въ формѣ обмундированія. „Заносчивый Сухозанетъ напустился на него по окончаніи развода въ грубыхъ выраженіяхъ, но напалъ на человѣка, не выносящаго этого, и за грубость получилъ и отъ Фигнера грубость. Все это происходило, хотя не при главнокомандующемъ, который уже отошелъ въ свою квартиру, но въ хвостѣ еще много было присутствующихъ при разводѣ,—и какъ брани этой не предвидѣлось конца, и какъ особенно Сухозанетъ боялся, чтобъ Фигнеръ не ударилъ его въ щеку, то принялся довольно скоро уходить, чтобы найти убѣжище въ квартирѣ главнокомандующаго, но Фигнеръ за нимъ вслѣдъ и пинками сзади проводилъ до самаго входа".

Въ Берлинѣ Волконскій видѣлъ прибывшаго изъ Америки генерала Моро. Такъ какъ онъ былъ замѣчательнымъ лицомъ среди анти-бонапартистовъ, то императору Александру желательно было присвоить его въ пользу борьбы Европы противъ Наполеона, и въ виду этого повелѣно было россійскому посланнику въ Американскихъ Штатахъ склонить Моро къ соучастію своею личностью въ этой борьбѣ, какъ лицо, имѣющее большую партію во Франціи. Берлинцы привѣтствовали его оваціями. „Я не предвидѣлъ, что эта восторженная встрѣча въ пользу Моро вскорѣ замѣнится колоколомъ погребальнымъ, и что ядро французское вытѣснитъ изъ жизни человѣка, взявшагося за оружіе противъ своихъ соотечественниковъ".

Въ августѣ 1813 г. корпусъ Винценгероде былъ присоединенъ къ сѣверной арміи Бернадотта, кронпринца шведскаго. Послѣдній сумѣлъ пріобрѣсти любовь нашихъ солдатъ заботами объ ихъ нуждахъ. „Для васъ, русскихъ", говорилъ онъ, „нѣтъ ничего невозможнаго; если бы вашъ императоръ былъ честолюбивъ, васъ пришлось бы убивать особенно, какъ убиваютъ медвѣдей на сѣверѣ".

Подъ Лейпцигомъ Волконскій былъ очевидцемъ перехода къ намъ саксонскихъ войскъ. Массовое движеніе ихъ въ нашу

---

[1]) Впослѣдствіи—начальникъ военно-учебныхъ заведеній, извѣстный своимъ капральскимъ невѣжествомъ, писавшій, напримѣръ: „сумлеваюсь штонъ".

сторону едва не было принято за атаку, затѣмъ дѣло объяснилось, и саксонцы были отведены внѣ выстрѣла, за нашу позицію съ почетнымъ уланскимъ конвоемъ подъ командою графа Люксембурга, какъ оказалось впослѣдствіи, самозванца. „Онъ отобралъ у саксонцевъ знамена и съ ними явился къ Винценгероде, какъ бы съ отбитыми, имѣя въ виду этимъ обманомъ выслужить награду. Но за знаменами вскорѣ прибыли и начальники перешедшихъ саксонцевъ съ жалобою на эту обиду. Ихъ успокоили, знамена имъ были возвращены, а Люксембургъ подвергнутъ заслуженному взысканію".

Вслѣдъ за эпизодическимъ описаніемъ лейпцигской битвы Волконскій говоритъ о вступленіи союзниковъ въ городъ. „Въ Лейпцигѣ находился король саксонскій, вѣрный союзникъ Наполеона. Союзные государи въѣхали въ городъ и, не слѣзая съ лошадей, остановились на плацу противъ дворца. Бѣдный король саксонскій, въ преклонныхъ своихъ лѣтахъ, спустился съ лѣстницы занимаемаго имъ дома и вышелъ навстрѣчу союзнымъ государямъ, но они не удостоили его свиданіемъ, и бѣдный старикъ, при горестныхъ событіяхъ правительственныхъ, его постигшихъ, имѣлъ еще испытаніе быть явно оттолкнутымъ союзными государями".

Во Франкфуртѣ, гдѣ Волконскій состоялъ при государѣ, онъ видѣлся съ депутатами сербскаго народа, прибывшими умолять о защитѣ ихъ родины отъ турецкихъ звѣрствъ. Въ аудіенціи имъ было отказано; сербы „рѣшились на отчаянную мѣру и неожиданно при разводѣ кинулись на колѣни передъ государемъ и просили защиты для края и соотечественниковъ, въ силу бухарестскаго трактата, поставившаго Сербію подъ покровительство Россіи". Но было не до нихъ, „и слово, данное по бухарестскому трактату, осталось мертвой буквой".

Въ теченіе дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій Волконскій выказалъ выдающуюся отвагу и распорядительность при взятіи Суассона,—взятіи, честь котораго была приписана начальнику отряда генералъ-адъютанту Чернышеву, благоразумно стоявшему со своей свитой въ безопасномъ мѣстѣ. Здѣсь было взято въ плѣнъ 3—4 тыс. французовъ, которыхъ голодными вели нѣсколько дней до Реймса, такъ какъ и у самихъ побѣдителей продовольствія было, что называется, въ обрѣзъ.

Въ Реймсѣ войска наши отдыхали довольно долго. „Винныя порціи водки, по невозможности достать ее, были замѣнены на каждаго человѣка по $^1/_2$ бутылки шампанскаго, такъ что я выдавалъ ежедневно квитъ на 225000 чел. и очень помню, что солдаты говорили: „Вино это—просто квасокъ и нимало непонутру намъ въ сравненіи съ сивухой".

Далѣе послѣдовалъ вѣнскій конгрессъ. Здѣсь, по словамъ Волконскаго, оказалось странное отношеніе государя къ его свитѣ. „Полный учтивости къ каждому прапорщику, не носившему русскаго мундира, онъ крутенько съ нами обходился, такъ что мы нехотя отказывались отъ приглашеній дворцо-

выхъ и высшаго круга и болѣе жили въ средѣ соотечественниковъ".

Изъ Вѣны Волконскій отправился въ Парижъ, гдѣ скоро завелъ многочисленныя знакомства, въ томъ числѣ и съ легитимистами Сентъ-Жерменскаго предмѣстья. Тамъ онъ встрѣчалъ знаменитую мадамъ Сталь и не менѣе знаменитыхъ Бенжамена, Констана и Шатобріана. Болѣе всѣхъ привлекъ его къ себѣ Констанъ, тогда какъ Шатобріанъ прямо оттолкнулъ обветшалостью идей, имъ защищаемыхъ.

Проведя въ Парижѣ нѣсколько, по собственному выраженію, безцвѣтныхъ недѣль, Волконскій поѣхалъ въ Лондонъ. Здѣсь его поразила высокая степень гражданственности и уваженія къ закону. Когда одному изъ противниковъ корнъ-билля [1]) былъ предоставленъ для охраны отъ толпы воинскій отрядъ, онъ отвѣтилъ, что англичанинъ находится подъ охраною закона, и ему не нужно пособіе штыковъ. „Хвала тому краю, гдѣ есть убѣжденіе въ такой силѣ закона", замѣчаетъ по этому поводу Волконскій.

Когда въ Лондонъ пришла вѣсть о бѣгствѣ Наполеона и о высадкѣ его во Франціи, Волконскій захотѣлъ вернуться въ Парижъ, имѣя въ виду изучить событія, какъ для себя лично, такъ и въ интересахъ своей службы при государѣ. Нашъ лондонскій посолъ гр. Ливенъ отговаривалъ его, указывая, что императоръ врядъ ли посмотритъ на такой поступокъ благосклонно, но Волконскій сумѣлъ настоять на своемъ.

Въ Парижѣ трепещущіе отъ страха бурбоны подготовлялись къ бѣгству, продолжая играть въ благородныя чувства. На другой день пріѣзда Волконскаго король давалъ смотръ дворянской гвардіи. „Надо сказать, что составъ этой гвардіи былъ на странныхъ основаніяхъ. Каждая рота состояла изъ 1000 чел., а лошадей было на роту только 250; можетъ, я ошибаюсь въ цифрахъ, но не въ отношеніи числа человѣкъ къ числу лошадей. Причисленіе въ эти роты сопряжено было съ значительнымъ жалованьемъ, и поэтому вся голь прежней эмиграціи туда наперерывъ поступала. Служба ихъ была дворцовая, очередная, болѣе почетная. Но какъ въ настоящемъ случаѣ это странное войско назначалось для защиты, то со всѣхъ сторонъ Франціи наплывали эти престарѣлыя чучела, по виду прямые донкихоты, которыхъ народъ не иначе называлъ, какъ les voltigeurs de Louis XV, и, чтобъ показать свое рвеніе, они спѣшили возсѣсть на коней, причемъ тутъ не было соблюдаемо ни ранжира, ни пригонки стремянъ, однимъ словомъ, это было не войско, а Богъ вѣсть, что за комическій сбродъ. Но кое-какъ они выстроились, наконецъ; Людовикъ XVIII объѣхалъ ихъ, сидя въ каретѣ, и потомъ проѣхалъ мимо народа, скопившагося на Марсовомъ полѣ". Народъ глядѣлъ съ молчаливымъ равнодушіемъ, и когда Вол-

[1]) Билль этотъ требовалъ безпрепятственнаго ввоза зерноваго хлѣба.

конскій со своимъ пріятелемъ Кранцовымъ попробовали крикнуть „Vive le roi!“, то къ ихъ возгласу не присоединился никто.

Можно ли было съ такими силами, при сдержанномъ, но единодушномъ недовольствѣ народа, противостать Наполеону? Людовикъ XVIII предпочелъ бѣжать на другой же день послѣ того, какъ подалъ прокламацію, что готовъ пасть подъ развалинами Парижа, защищая его отъ узурпатора.

Волконскій былъ свидѣтелемъ народныхъ овацій Наполеону, но скоро, находя свое положеніе двусмысленнымъ, направился обратно въ Англію. Послѣ ста дней онъ снова вернулся въ Парижъ и съ негодованіемъ наблюдалъ кровавыя репрессаліи возстановленнаго иноземцами правительства.

Къ этому времени окончательно созрѣло въ немъ міровоззрѣніе, обусловившее его дальнѣйшую судьбу. Въ него вселилась мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, наряду съ вѣрноподданическими... „Я понялъ, что преданность къ отечеству должна меня вывести изъ душнаго и безцвѣтнаго быта ревнителя шагистики и угодническаго царедворничества“. Къ этому присоединилось еще сильное впечатлѣніе отъ варшавскихъ рѣчей императора Александра, выразившаго намѣреніе распространить и на Россію вводимый имъ въ Царствѣ Польскомъ конституціонный порядокъ.

Недоставало только малѣйшаго, чисто случайнаго толчка, чтобъ бросить Волконскаго въ ряды заговора, и толчокъ этотъ былъ данъ встрѣчей его въ Кіевѣ со старымъ товарищемъ-однополчаниномъ М. Ѳ. Орловымъ, однимъ изъ главарей прогрессивнаго движенія. Орловъ „дѣйствовалъ на просторѣ въ Кіевѣ, гдѣ ни предразсудки столичныхъ закоренѣлыхъ недвигателей, лицъ высшаго общества, ни неусыпный и рабски усердный надзоръ полиціи явной и секретной не клали помѣхи въ широкомъ дѣйствіи, и гдѣ съѣздъ на контракты давалъ случай сѣять сѣмена прогресса политическаго“.

Недовольный службою Волконскій взялъ передъ тѣмъ долгосрочный отпускъ, хотѣлъ ѣхать за границу, ознакомиться съ политическими установленіями Америки, но теперь рѣшилъ остаться въ Россіи и непосредственно ей послужить.

„Съ этого времени (1817 г.) началась для меня новая жизнь. Я вступилъ въ нее съ гордымъ чувствомъ убѣжденія и долга гражданина и съ твердымъ намѣреніемъ исполнить мой долгъ, во что бы то ни стало, исключительно изъ любви къ отечеству. Избранный мною путь привелъ меня въ Верховный уголовный судъ, въ Сибирь, въ каторжную работу и къ тридцатилѣтней жизни въ ссылкѣ“.

IV.

Въ Кіевѣ Волконскому, какъ массону, предложили вступить почетнымъ членомъ въ мѣстную массонскую ложу Соединенныхъ Славянъ, составленную изъ братски сплоченныхъ

общими идеями и цѣлями русскихъ и поляковъ. Изъ Кіева же онъ поѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ примкнулъ къ политическому обществу, извѣстному подъ названіемъ Союза Благоденствія или Зеленой книги.

„Я вступилъ въ тѣсную связь съ Пестелемъ и Юшневскимъ, предсѣдательствующими южной думы этого общества. Я оцѣнилъ великія дарованія, пылкое чувство къ дѣлу и стойкость характера Пестеля; хотя Юшневскій имѣлъ также два первыхъ упомянутыхъ о Пестелѣ качества, но не было въ немъ ни силы воли, ни неуклонной настойчивости Пестеля" [1]). Познакомился Волконскій и съ другими членами общества, въ томъ числѣ съ Вас. Льв. Давыдовымъ, жившимъ въ с. Каменкѣ Черниговскаго уѣзда, гдѣ и былъ сборный пунктъ для совѣщаній, бывавшихъ разъ въ годъ, 24-го ноября, въ именины старушки-матери Давыдова, почему съѣздъ гостей съ разныхъ сторонъ и не возбуждалъ опасеній.

Въ 1821 г. состоялся въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Орлова, съѣздъ делегатовъ, выбранныхъ южною и сѣверною думами. На съѣздѣ присутствовалъ и Волконскій. Дошло извѣстіе, что государю извѣстно о существованіи заговора, и съѣздъ постановилъ закрыть общество, а членамъ его дѣйствовать въ намѣченныхъ ранѣе цѣляхъ, но по одиночкѣ. Съ этою вѣстью Волконскій прибылъ въ Кіевъ и сообщилъ ее южной думѣ, но постановленіе съѣзда не прошло, и дума, кромѣ трехъ ея членовъ, Орлова, Бурцова и Комарова, рѣшила дѣйствовать по прежней программѣ. Въ Петербургѣ тоже было рѣшено не прекращать дѣйствій, но работать отдѣльно отъ южной думы.

Обѣ думы имѣли, однако, связь, и Волконскій съ Давыдовымъ ѣздили въ Петербургъ для совѣщаній съ сѣверянами. На югѣ дѣла пропаганды шли очень успѣшно; къ заговору примкнула сначала ложа Соединенныхъ Славянъ, а затѣмъ польское тайное общество.

Переговоры съ уполномоченными послѣдняго велись въ 1825 г. Пестелемъ и Волконскимъ. Поляки сначала требовали присоединенія къ Польшѣ отторгнутыхъ отъ нея губерній, но Пестель заявилъ, что вопросъ о границахъ долженъ быть отклоненъ, что онъ желаетъ добра и самостоятельности Польшѣ, но на первомъ планѣ ставитъ свое отечество, долженствующее стать федеративнымъ цѣлымъ. „Главное дѣло это—на обоюдныхъ правилахъ устроить возстаніе, не въ отвлеченныхъ мысляхъ, а на дѣлѣ; мы начнемъ, и вы начинайте". Поляки согласились.

Между тѣмъ въ 1824 г. давно уже влюбленный въ М. Н. Раевскую Волконскій женился на ней. Но и любовь не мѣшала исполненію того, что онъ считалъ своимъ гражданскимъ дол-

---

[1]) „Записки" остались неоконченными, почему Волконскій и не могъ исполнить своего намѣренія дать полную и всестороннюю характеристику Пестеля.

гомъ. Сватовство велось черезъ Орлова, которому онъ заявилъ, что „если извѣстныя ему сношенія и участіе въ тайномъ обществѣ будутъ помѣхою въ полученіи руки той, у которой я просилъ согласія на это, то, хотя скрѣпя сердце, я лучше откажусь отъ этого счастія, нежели рѣшусь измѣнить политическимъ убѣжденіямъ".

Уставъ общества назывался „Русская Правда" и былъ разработанъ Пестелемъ. Въ уставѣ временнаго правленія „административная часть и военная организація были поручены Пестелю, а судопроизводственная и финансовая части—Ник. Ив. Тургеневу.

Къ Тургеневу Волконскій относится съ негодованіемъ за его печатныя увѣренія, что онъ не былъ членомъ тайнаго общества, тогда какъ при поѣздкахъ въ Петербургъ „я не только имѣлъ съ нимъ свиданія и разговоры, но было постановлено южной думой давать ему полный отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ... онъ почитался сю, какъ усерднѣйшій дѣятель, и былъ однимъ изъ учредителей". Авторъ завѣряетъ совѣстью, что все печатно высказанное Тургеневымъ „о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи, во время его безмятежнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ".

Между тѣмъ надъ членами тайныхъ обществъ собиралась гроза, благодаря доносамъ Бошняка, Майбороды, Шервуда и графа Вита [1]).

Кончина императора Александра, какъ мы уже видѣли, знавшаго о заговорѣ, но не принимавшаго противъ него мѣръ, ускорила развязку.

Когда еще извѣстіе о смерти государя не было обнародовано, Волконскій, командовавшій тогда 19-й дивизіей, выѣхалъ по обязанностямъ службы къ прибывшему въ Умань ген.-адъютанту Чернышеву. „Вы здѣсь съ женой, князь", сказалъ тотъ, „и она, какъ мнѣ извѣстно, беременна на сносѣ. Приняли ли вы всѣ мѣры предосторожности? въ теперешнее время, при событіяхъ общихъ, надо, чтобъ она окружена была всѣми мѣрами предосторожности". Фраза, которая должна бы была открыть многое, принята была Волконскимъ за простое участіе.

На третій день послѣ этого Волконскій узналъ, что слѣдствіе уже началось, многіе арестованы, и Пестель находится подъ присмотромъ. Онъ нашелъ Пестеля въ Умани у дежурнаго генерала Байкова, въ присутствіи котораго невозможно было переговорить. Но прибылъ фельдъегерь съ депешами, Байковъ принужденъ былъ выйти въ другую комнату, и можно было обмѣняться нѣсколькими словами. „Смотри, ни въ чемъ не сознавайся", сказалъ Пестель. „Я же, хоть и жилы мнѣ будутъ тянуть пыткой, ни въ чемъ не сознаюсь. Одно только необходимо сдѣлать, это — уничтожить „Русскую Правду", одна она можетъ насъ погубить".

---

[1]) См. статью объ этихъ доносчикахъ въ „Вѣстн. Вс. Ист.".

Волконскій поѣхалъ въ Тульчинъ къ Юшневскому, но, къ несчастію ихъ, „Рус. Правду“ не уничтожили, а закопали въ огородѣ, и она, будучи найдена, послужила впослѣдствіи главною уликою.

Волконскому удалось еще до ареста съѣздить къ только что разрѣшившейся отъ бремени женѣ и истребить при этомъ компрометирующія бумаги. 7-го января 1826 г. онъ былъ взятъ и отправленъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ.

Здѣсь его доставили въ пріемное зало Зимняго дворца. Бывшій тамъ ген.-адъют. Левашевъ вышелъ доложить государю, и Волконскій могъ мелькомъ взглянуть на показаніе Басаргина и Якушкина. Оба они не отрицали своей принадлежности къ обществу, но въ его первоначальномъ видѣ, т. е. до московскаго съѣзда. Такъ же дѣйствовать рѣшилъ и Волконскій.—„Тутъ явился самъ государь императоръ Николай, въ сопровожденіи Левашева, и сказалъ мнѣ, тогда еще не гнѣвно: „Отъ искренности вашихъ показаній зависитъ ваша участь, будьте чистосердечны, и я обѣщаю вамъ помилованіе“.

Государь вышелъ, и начался допросъ. Какъ ни выспрашивалъ Левашевъ, какъ ни убѣждалъ говорить искренно, ссылаясь и на товарищескія отношенія, и на свою преданность зятю Волконскаго, обвиняемый давалъ показанія, не выходя изъ рамокъ „Зеленой книги“.

„Левашевъ взялъ мой допросный листъ и пошелъ къ государю; вскорѣ оба опять воротились ко мнѣ. Государь мнѣ сказалъ: „Я“...

Этими словами заканчиваются „Записки“ С. Г. Волконскаго. Дальнѣйшая судьба С. Г. разсказана его сыномъ, княземъ М. С. Волконскимъ.

V.

Волконскій былъ заключенъ въ тѣсномъ, полутемномъ и сыромъ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Неизвѣстность объ участи жены и ребенка, полное разобщеніе съ матерью, братьями и сестрою угнетающе дѣйствовали на его душевное состояніе. Всего же болѣе тяготили его допросы слѣдственной коммиссіи, съ очными ставками, перекрестными допросами и т. п. Генералъ-адъютантъ Чернышевъ (Волконскій звалъ его инквизиторомъ) задавалъ вопросы, задѣвающіе человѣческую совѣсть, а онъ былъ едва ли не главнымъ дѣятелемъ коммиссіи. О его пріемахъ можно судить и по фразѣ: „Стыдитесь, генералъ-маіоръ кн. Волконскій, прапорщики больше васъ показываютъ“. „Какъ видно изъ самаго приговора Верховнаго суда, показанія Волконскаго были по отношенію къ самому себѣ безусловно искренни, но страхъ привлечь къ дѣлу людей непричастныхъ или же увеличить долю виновности привлеченныхъ неотступно его преслѣдовалъ“.

Отнесенный судомъ къ первому разряду [1]), онъ былъ при-

[1]) Всѣхъ разрядовъ было одиннадцать; повѣшенные Пестель, Рылѣевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій были поставлены внѣ разрядовъ.

говоренъ къ смертной казни, замѣненной „ссылкою въ каторжную работу на 20 лѣтъ и потомъ на поселеніе, по уваженію совершеннаго раскаянія“. Обвиненъ онъ былъ въ томъ, что „участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи; имѣлъ умыселъ на заточеніе императорской фамиліи; участвовалъ въ управленіи южнымъ обществомъ и старался о соединеніи его съ сѣвернымъ; дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи и употреблялъ поддѣльную печать полевого аудиторіата“.

Мы уже видѣли фиктивность цареубійственныхъ замысловъ южной думы. Что касается другихъ пунктовъ обвиненія, Волконскій категорически отвергалъ два послѣдніе. Первый изъ нихъ опровергается отмѣченнымъ нами противодѣйствіемъ Пестеля и Волконскаго планамъ членовъ польскаго общества. Относительно второго нужно замѣтить, что Волконскій „дѣйствительно употребилъ казенную, а не поддѣльную печать и сдѣлалъ это по данному ему разрѣшенію адресата (П. Д. Киселева) для спасенія бывшаго члена общества М. Ѳ. Орлова. Это неправильное обвиненіе, задѣвающее честь человѣка, осталась для него оскорбленіемъ на всю жизнь“.

Въ ночь на 26-е іюля 1826 г. Волконскій былъ высланъ въ Сибирь, вмѣстѣ съ Трубецкимъ и братьями Борисовыми. Въ каждой повозкѣ ѣхалъ арестантъ и при немъ жандармъ; у всѣхъ арестантовъ были на ногахъ кандалы. Арестанты, по показаніямъ жандармовъ, отъ скорой ѣзды и тряски ослабѣвали и часто хворали; кандалы протирали имъ ноги, „отчего нѣсколько разъ дорогою ихъ снимали и протертыя до крови мѣста тонкими тряпками обертывали, и потомъ опять кандалы накладывали, а иного по нѣсколько станцій безъ оныхъ везли“.

26-го октября Волконскій съ товарищами были помѣщены въ Благодатскомъ рудникѣ въ 12 верстахъ отъ Нерчинска. При этомъ губернаторъ Цейдлеръ распорядился, чтобъ „сіи преступники были употребляемы, какъ слѣдуетъ, въ работу, и поступлено было съ ними во всѣхъ отношеніяхъ по установленному для каторжныхъ положенію, назначенъ для неослабнаго за ними смотрѣнія надежный чиновникъ“ и, между прочимъ, чтобы былъ избранъ для нихъ рудникъ вдали отъ большихъ дорогъ и китайской границы.

Между тѣмъ кн. М. Н. Волконская, вмѣстѣ съ кн. Е. И. Трубецкою, выѣхала въ Сибирь, чтобъ раздѣлить участь своихъ мужей. Кн. Волконская сдѣлала это, вопреки воли отца, несмотря на нежеланіе всѣхъ членовъ семьи и предупрежденіе императора относительно ожидающей ее участи.

Въ Иркутскѣ съ нея взяли подписку, что она, послѣдовавъ за мужемъ, тѣмъ самымъ теряетъ прежнее званіе и будетъ именоваться женою ссыльнокаторжнаго; что дѣти ея, прижитыя въ Сибири, поступятъ въ казенные заводскіе крестьяне; что ей запрещается держать при себѣ деньги и цѣнныя вещи; что отъѣздомъ въ Нерчинскій край уничтожается ея право на прибывшихъ съ нею крѣпостныхъ.

Но и это не могло остановить мужественную и беззавѣтно любящую женщину, какъ не остановило ее и приказаніе оставить въ Петербургѣ единственнаго малютку-сына.

Къ счастію, для присмотра за государственными преступниками былъ уже учрежденъ постъ коменданта, на который былъ назначенъ гуманный и просвѣщенный генералъ-маіоръ Лепарскій [1]).

„Тюрьма, въ которой были помѣщены арестанты, была тѣсная и до-нельзя грязная; въ общей комнатѣ были устроены маленькія отдѣленія, низкія и темныя, въ которыхъ нельзя было ни стоять, ни заниматься. Отдѣленія Волконскаго раздѣляли съ нимъ Трубецкой и Оболенскій“.

Первое свиданіе княгини съ мужемъ произошло въ тюрьмѣ, а съ роднымъ дядею В. А. Давыдовымъ въ рудничной шахтѣ. Княгини Волконская и Трубецкая сами стряпали и смотрѣли за чистотой своего помѣщенія, письма должны были передавать Лепарскому открытыми, а онъ отсылалъ ихъ въ III отдѣленіе; не только для свиданій съ мужьями, но даже и для посѣщенія церкви требовалось письменное разрѣшеніе.

Скоро работа арестантовъ была облегчена; именно ихъ посылали на одну смѣну, а не на двѣ, спуская въ кандалахъ въ шахты въ 5 ч. утра и оставляя тамъ до 11 ч. дня, съ нормой выработки руды въ 3 пуда на каждаго.

Осенью 1827 г. государственныхъ преступниковъ перевели во вновь отстроенный читинскій острогъ. Каторжныхъ работъ здѣсь собственно не было; осужденные исправляли дороги, рыли канавы, мололи на ручныхъ мельницахъ муку и т. п. Въ Читѣ соединилось 82 декабриста. Объ извѣстной по другимъ источникамъ ихъ дружной жизни и занятіяхъ кн. М. С. Волконскій не передаетъ ничего новаго.

Въ 1828 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе снять съ преступниковъ кандалы, что было большимъ для нихъ облегченіемъ.

Въ 1830 г. тѣснота читинскаго острога вынудила перевести заключенныхъ въ Петровскій заводъ. Здѣсь у Волконскихъ родился въ 1832 г. будущій государственный дѣятель—сынъ Михаилъ, а въ 1834 г. дочь Елена. Въ Петровскомъ заводѣ Волконскіе пробыли до марта 1837 г. Послѣ смерти въ 1835 г. матери Волконскаго было найдено при вскрытіи духовнаго завѣщанія собственноручное ея письмо государю съ просьбою облегчить послѣ ея кончины участь сына, дозволивъ ему жить подъ надзоромъ въ имѣніи. Государь повелѣлъ освободить Волконскаго отъ каторжной работы, поселивъ его въ Сибири. Но переписка о назначеніи ему мѣста жительства длилась почти два года. Наконецъ, Волконскаго перевели въ Уриковское селеніе Иркутской губерніи.

[1]) „Гдѣ только Лепарскій ни прикладывалъ свою руку—въ рудникахъ ли, Читѣ или Петровскомъ заводѣ—вездѣ грубый тонъ подчиненныхъ переходилъ въ вѣжливый, и допускались для осужденныхъ возможныя въ ихъ положеніи льготы, при строгомъ въ то же время соблюденіи установленныхъ законоположеній“ (Записки декабриста А. Е. Розена).

Живя тамъ, Волконскіе страдали отъ недостатка денегъ. Свекровь Волконской исходатайствовала ей въ 1823 г. высылку 10000 руб. асс., но потомъ высылка эта была низведена до 2000 р. Въ 1838 г. княгиня просила объ увеличеніи получаемой суммы до 4000 р., ссылаясь на невозможность при дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ удѣлять что-либо на воспитаніе дѣтей. Но гр. Бенкендорфъ отвѣтилъ, что „Его Величество изволилъ Высочайше отозваться, что учителей въ Сибири не имѣется, а потому воспитаніе дѣтей не требуетъ издержекъ, а одного попеченія родителей". Не имѣло успѣха и ходатайство, поданное въ слѣдующемъ году.

Въ томъ же 1839 г. братъ княгини, командовавшій черноморской линіей на Кавказѣ, ген.-лейт. Н. Н. Раевскій просилъ опредѣлить Волконскаго хоть солдатомъ въ линейный баталіонъ или поселить его на восточномъ берегу. „Та же Сибирь для него, но это сблизитъ сестру мою съ родными и дѣтямъ ея доставитъ лучшую будущность. Волконскому болѣе пятидесяти лѣтъ, недолго будетъ онъ пользоваться перемѣною мѣста. Слѣдовательно, она останется милостью болѣе для невинныхъ дѣтей и почтенной ихъ матери. Исполненіе сего да будетъ единственною моей наградою Оно придастъ усердію моему двойныя силы". Моментъ просьбы былъ выбранъ какъ нельзя болѣе удачный. Ожидалась свадьба вел. кн. Маріи Николаевны и освященіе памятника на Бородинскомъ полѣ, на батареѣ, носящей имя знаменитаго отца кн. Волконской. Просьбу поддерживалъ фельдмаршалъ кн. Воронцовъ. „Тѣмъ не менѣе, и на настоящую просьбу гр. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что подобная милость оказана быть не можетъ".

Въ 1841 г. возникъ вопросъ о воспитаніи рожденныхъ въ Сибири дѣтей декабристовъ, вступившихъ въ бракъ до лишенія дворянства. Къ этой категоріи относились только дѣти Волконскаго, Н. Муравьева, Трубецкого и Давыдова.

По иниціативѣ министра юстиціи гр. Панина, Высочайшимъ повелѣніемъ были поставлены слѣдующія условія: при желаніи родителей—отдать дѣтей въ учебныя заведенія (мальчиковъ—въ корпуса, причемъ по выпускѣ они, если заслужатъ, будутъ утверждены въ дворянствѣ), не дозволяя носить фамиліи, коей безвозвратно лишились ихъ отцы, но именуя по отечеству, т. е. Сергѣевыми, Никитиными и Васильевыми.

Требованіе о перемѣнѣ фамиліи произвело на декабристовъ и на всѣхъ лицъ, узнавшихъ о томъ въ Сибири, удручающее впечатлѣніе. Они „видѣли желаніе уничтожить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ связь съ отцами и предками. Приписывалось это жестокосердію, которое одни относили къ самому государю, а другіе обвиняли гр. Бенкендорфа", тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, этой мѣрой они были обязаны варварской изобрѣтательности гр. Панина.

Генералъ-губернаторъ Рупертъ объявилъ Высочайшую волю четыремъ декабристамъ, но принять предложеніе рѣшился только обремененный огромной семьею Давыдовъ. Рупертъ

пишетъ Бенкендорфу, что онъ „лично объявилъ имъ то безконечное снисхожденіе и высокую неизреченную милость, которую угодно было явить государю императору относительно возвращенія изъ Сибири и воспитанія дѣтей ихъ, изложивъ при томъ подробно всѣ выгоды, имѣющія сопровождать сіе безпредѣльное благодѣяніе къ нимъ отца-монарха, но, къ крайнему огорченію и прискорбію, не могъ не замѣтить, что настоящая милость и состраданіе Его Величества не нашли ни малѣйшаго отголоска въ сердцахъ этихъ холодныхъ, закоренѣлыхъ эгоистовъ... Одинъ только Давыдовъ умѣлъ понять и вполнѣ почувствовать всю благодать снисхожденія и милосердія добраго государя, и потому одинъ достоинъ воспользоваться настоящею высокою монаршею милостію.—Что же касается до Волконскаго, Трубецкого и Муравьева, то обнаруженная ими неготовность къ принятію ея, вслѣдствіе какого то неизъяснимаго упрямства и себялюбія, по мнѣнію моему, должна навсегда лишить ихъ всякаго права на какое бы то ни было снисхожденіе правительства".

Волненія, черезъ которыя прошла кн. Волконская, и боязнь, что, несмотря на отказъ родителей, дѣти все-таки будутъ отъ нея отняты,—такъ потрясли ее, что она впала въ продолжительную и опасную болѣзнь, оставившую на ея здоровьѣ тяжелый слѣдъ на всю жизнь. Въ 1844 г. даже Рупертъ поддерживалъ ея ходатайство о разрѣшеніи поселиться для леченія въ Иркутскѣ, но Высочайшаго соизволенія на то не послѣдовало. Дозволено это было лишь въ слѣдующемъ году, благодаря отчаянному письму княгини къ Дубельту и ходатайству послѣдняго.

Тогда-же Волконскому было разрѣшено пріѣзжать на время къ женѣ въ Иркутскъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора. Но мелочныя придирки сибирскихъ властей были таковы, что шефъ жандармовъ, гр. А. Ѳ. Орловъ, долженъ былъ письмомъ объяснить Руперту, что Волконская—не преступница, и просить „удостоить Волконскую покровительствомъ и приказать, дабы ближайшія власти дѣйствовали въ отношеніи къ ней, сколь возможно, снисходительнѣе и прилично ея положенію". Это было первое письмо такого характера, полученное сибирскими властями изъ Петербурга; конечно, оно сгладило рѣзкое отношеніе мѣстной администраціи къ женамъ сосланныхъ. Въ 1846 г. Волконскимъ было Высочайше разрѣшено помѣстить ихъ сына въ иркутскую гимназію, которую онъ и окончилъ въ 1849 г. съ золотой медалью и съ правомъ на чинъ XIV класса. На выдачу гимназическаго аттестата тоже потребовалось Высочайшее соизволеніе. Хлопоты о дозволеніи юношѣ поступить въ университетъ остались тщетными, и пришлось подумать о другомъ пути для него—служебномъ. Генералъ-губернаторъ Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи—графъ Муравьевъ-Амурскій) помѣстилъ Михаила Волконскаго на службу въ V-е отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири, какъ находящееся подъ ближайшимъ его надзоромъ. Сдѣлалъ онъ, какъ писалъ гр. Орлову, „съ тѣмъ большимъ удоволь-

ствіемъ, что Волконскій вполнѣ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ по поведенію и прилежанію своему, такъ и по тому похвальному нравственному направленію, которое онъ получилъ въ родительскомъ домѣ". Приводимъ эти слова, чтобъ показать, какъ различно относились къ декабристамъ Муравьевъ и его предшественникъ Руперть; одинъ генералъ-губернаторъ видитъ въ нихъ „холодныхъ, закоренѣлыхъ эгоистовъ", и хотѣлъ бы навсегда закрыть имъ двери „къ какому бы то ни было снисхожденію правительства"; другой свидѣтельствуетъ о хорошемъ нравственномъ направленіи молодого Волконскаго, полученномъ имъ *въ родительскомъ домѣ*.

Муравьевъ былъ назначенъ на мѣсто Руперта (отозваннаго послѣ сенаторской ревизіи) въ 1847 г. Онъ сразу поставилъ сосланныхъ въ иныя условія: сталъ принимать ихъ у себя, входилъ во всѣ ихъ нужды и постоянно ходатайствовалъ за нихъ. Жена его поддерживала дружескія отношенія съ ихъ женами. Этому примѣру слѣдовали и гражданскіе губернаторы Зоринъ, Венцель и прочія служащія лица.

Въ 1850 г. дочь Волконскаго, Елена Сергѣевна, вышла замужъ за состоявшаго при Муравьевѣ чиновника Молчанова и отправилась съ нимъ въ Петербургъ. Жандармское начальство доносило, что не знаетъ, „имѣютъ ли право дѣти государственныхъ преступниковъ, прижитые въ Сибири, выѣзжать отсюда безъ разрѣшенія высшаго начальства", но препятствій Молчановой не чинило, и Волконскій „имѣлъ утѣшеніе видѣть свою дочь свободнымъ человѣкомъ".

Въ 1855 г. кн. М. Н. Волконская, по милостивому заступничеству государыни, получила право пріѣхать въ Москву для совѣщанія съ врачами. Волконскій „почувствовалъ тяжесть своего одиночества. Не желая возвращенія своей жены въ холодную Сибирь на явную гибель, онъ душою стремился къ Россіи и не могъ не питать надежды увидѣть ее передъ смертью".

Между тѣмъ послѣдовала кончина императора Николая I. По вступленіи на престолъ Александръ II повелѣлъ готовящіяся къ коронаціи милости распространить и на декабристовъ. „Не подлежитъ сомнѣнію благотворное участіе Муравьева въ этомъ рѣшеніи государя". Въ день коронаціи послѣдовало помилованіе Волконскаго (но безъ возвращенія ему титула и безъ правъ на прежнее имущество), съ разрѣшеніемъ жить въ Имперіи повсемѣстно, кромѣ столицъ, но подъ надзоромъ.

По особому вниманію государя, доказывающему чуткость его сердца, манифестъ о милостяхъ декабристамъ было поручено отвезти въ Сибирь сыну Волконскаго, бывшему въ то время въ служебной командировкѣ въ Москвѣ. „Милости, заключающіяся въ манифестѣ, хранились втайнѣ; телеграфа въ Сибирь не было, но предчувствіе о нихъ стояло какъ бы въ воздухѣ; никто не могъ предвидѣть, въ чемъ онѣ будутъ заключаться, но декабристы дотого въ нихъ вѣрили, что многіе выѣхали на большой сибирскій трактъ, въ ожиданіи проѣзда курьера".

Тридцать одинъ годъ легъ между двумя событіями: арестомъ Сергѣя Григорьевича и возвращеніемъ его изъ Сибири въ Москву.

Жительство въ Москвѣ было воспрещено Волконскому и онъ считался проживающимъ въ деревнѣ Зыковой, но старый его боевой товарищъ, московскій ген.-губернаторъ гр. Закревскій не препятствовалъ пребыванію его въ своей семьѣ. „Московское общество приняло его болѣе чѣмъ дружески, нашлись въ немъ его прежніе товарищи по службѣ и общественной жизни, прежніе друзья его молодости. Кружокъ славянофиловъ, съ Хомяковымъ и Аксаковыми во главѣ, и лица, близко стоящія къ литературѣ и наукѣ, выражали ему постоянное вниманіе". Скромный по природѣ и „полный высокой внутренней простоты", по выраженію И. С. Аксакова, онъ избѣгалъ разговоровъ о своей жизни въ Сибири; перенесенныя имъ страданія называлъ заслуженными и только на замѣчанія о продолжительности понесеннаго наказанія не могъ не отвѣчать молчаніемъ.

Въ это время уже поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и о гласномъ судопроизводствѣ,—двѣ идеи, къ которымъ, особенно къ первой, постоянно стремилась его душа: въ молодости, въ ссылкѣ и въ послѣдніе годы жизни—до осуществленія ихъ. Съ жадностью собиралъ онъ мельчайшія подробности разрабатывающейся въ Петербургѣ реформы... Можно сказать, что всѣ мысли его сосредоточились съ этой поры на осуществленіи завѣтной мечты, освобожденія крестьянъ, и онъ боялся лишь одного—не дожить до дня ея осуществленія, но судьба была къ нему милостива, и государственный актъ 19-го февраля засталъ его еще въ живыхъ.

Тяжело было ему выносить недовѣріе къ себѣ правительства, выражавшееся бдительнымъ полицейскимъ надзоромъ. Несмотря на высокое положеніе Закревскаго, шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ дѣлалъ ему внушительные запросы о пребываніи Волконскаго въ Москвѣ, что заставило Закревскаго хлопотать объ узаконеніи такого пребыванія. По докладу Долгорукова послѣдовало разрѣшеніе дозволять временный пріѣздъ „до тѣхъ поръ, пока Волконскій поведеніемъ своимъ и скромностью будетъ достоинъ разрѣшенной ему милости".

Въ 1857 г. Закревскій ходатайствовалъ о разрѣшеніи Волконскому пріѣхать на нѣсколько дней въ Петербургъ, для свиданія съ его престарѣлой сестрой и поклоненія могиламъ родителей. Кн. Долгоруковъ отвѣтилъ: „Государь императоръ соизволилъ отозваться, что такъ какъ въ 1854 г. вдова ген-фельдмаршала княгиня Волконская, для свиданія съ братомъ своимъ, совершила поѣздку изъ С.-Петербургъ въ Иркутскъ, то нѣтъ сомнѣнія, что теперь она найдетъ возможность отправиться туда ,гдѣ будетъ находиться братъ ея, уже возвратившійся изъ Сибири, и что здоровье ея, вѣроятно, тому не воспрепятствуетъ, а дворянину Сергѣю Волконскому поѣздка въ С.-Петербургъ или окрестности онаго разрѣшена быть не можетъ". Въ томъ-же году кн. М. Н. Волконская уѣхала съ дочерью лѣчиться за границу. Въ августѣ 1858 г. было возбу-

жено ходатайство о разрѣшеніи поѣхать туда, для свиданія съ женою, и Волконскому, но Высочайшаго разрѣшенія по докладу о томъ кн. Долгорукова не послѣдовало. Оно было дано (на три мѣсяца) въ сентябрѣ того же года, но уже по докладу генерала Тимашева. По болѣзни Волконскаго срокъ этотъ былъ потомъ продленъ еще на три мѣсяца.

Въ 1860 г. Волконскій вновь ѣздилъ за границу и оставался до лѣта 1861 г. Онъ былъ въ Парижѣ, когда тамъ былъ полученъ манифестъ 19 февраля. „Чувствуя, что этимъ актомъ увѣнчалось завѣтное желаніе его жизни, и что съ высоты престола являлся какъбы отвѣтъ на все то, чѣмъ онъ для осуществленія своего желанія пожертвовалъ, —онъ плакалъ, руки и ноги его дрожали, и слезы счастья и благодарности къ царю-освободителю катились по лицу старика. Послѣ онъ говорилъ, что это была лучшая минута его жизни“.

Возвратившись въ Россію, онъ поселился въ черниговскомъ имѣніи дочери. „Живя въ деревнѣ, онъ въ началѣ 1863 г. рѣшился на важный для него шагъ. Постоянное вмѣшательство въ его жизнь полицейскихъ властей, необходимость увѣдомлять ихъ о каждомъ своемъ передвиженіи, а главное нравственная тягота отъ сознанія, что онъ, въ свои старые годы, находится подъ надзоромъ не довѣряющей ему правительственной власти—подвинули его на то, чтобы ходатайствовать о снятіи этого надзора“. 19 февраля 1863 г. онъ былъ освобожденъ отъ ограниченій, которымъ былъ подвергнутъ.

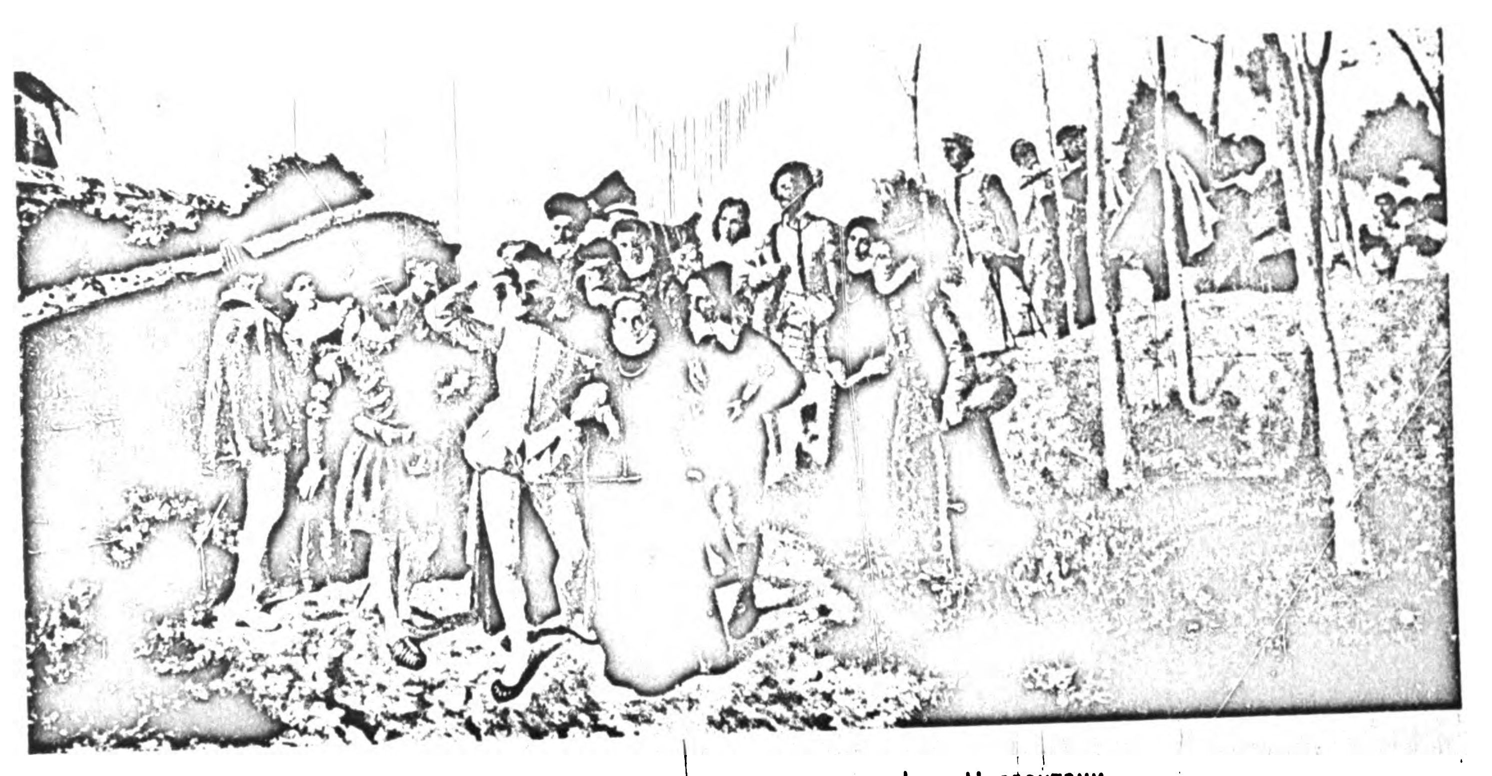
„Долгъ признательности“, говоритъ кн. М. С. Волконскій, „заставляетъ меня засвидѣтельствовать здѣсь, что государь императоръ былъ постоянно внимателенъ къ судьбѣ моего отца и всегда удовлетворялъ ходатайства его или родственниковъ о немъ. Вотъ почему трудно вѣрится, чтобы два случая отказа, приведенные выше по оффиціальнымъ документамъ, исходили отъ государя, и я охотно приписываю ихъ всеподданнѣйшимъ докладамъ, составленнымъ не въ пользу разрѣшенія. Тѣмъ менѣе я расположенъ этому вѣрить, что когда, по снятіи съ С. Г. Волконскаго всѣхъ стѣсненій, я явился благодарить государя, то онъ, выслушавъ меня, сказалъ: „Повѣрь, что и я отъ души этому радъ и всегда былъ радъ, когда могъ что-либо сдѣлать для твоего старика“. И теплымъ, и искреннимъ былъ въ эту минуту его голосъ“.

Въ 1863 г. скончалась княгиня М. Н. Волконская, и съ этого времени началось медленное угасаніе престарѣлаго декабриста. Развился прогрессивный параличъ ногъ, физическія силы упали, но это не ослабило его умственныхъ способностей. До послѣдняго дня онъ сохранилъ необыкновенную память, остроумную рѣчь, горячее отношеніе къ вопросамъ внутренней и внѣшней политики и участіе ко всѣмъ ему близкимъ Онъ много читалъ, велъ свои записки и ежедневно писалъ сыну.

28 ноября 1865 г. онъ тихо скончался.

Такова вкратцѣ жизнь этого рыцаря долга и героя самоотверженія.

В. К—въ.

Тассо сходитъ съума на прогулкѣ — Челлентани.

Петербургскія воспоминанія.

Литературно-театральная комната.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія (какъ странно звучатъ эти слова!) въ маленькой, низкой комнатѣ у буфета трактира „Малый Ярославецъ" собирались ежедневно съ четырехъ часовъ дня литераторы, артисты, музыканты, журналисты и люди, близкіе къ этому кружку.

Тутъ пили, ѣли, спорили и сочиняли статьи. Засѣданія прерывались часовъ въ восемь вечера, когда всѣ спѣшили по театрамъ, а къ 11—12 часамъ ночи комната снова наполнялась тѣми же самыми лицами. Иногда многіе, увлекаясь бесѣдой или виномъ, совсѣмъ не разъѣзжались, а оставались до поздней ночи. Удалялись на верхъ въ отдѣльные кабинеты отдохнуть и опять спускались, совсѣмъ какъ у себя дома. Въ началѣ девяностыхъ годовъ кружокъ порѣдѣлъ и, наконецъ, распался.

Въ литературно-театральной комнатѣ можно было видѣть: И. Ф. Горбунова, В. П. Далматова, И. П. Киселевскаго, С. Н. Атаву-Терпигорева, Ф. Н. Берга, Д. В. Григоровича, Л. И. Градова-Соколова, М. П. Федорова, „Короля репортеровъ"—Ю. О. Шрейера, А. А. Нильскаго, балетомана, критика и водевилиста А. Н. Похвиснева, композитора Г. А. Лишина, драматурга, журналиста и антрепренера—И. П. Зазулина, музыкальнаго критика и редактора „Биржевыхъ Вѣдомостей"—П. С. Макарова, путешественника П. И. Пашино, І. Я. Сѣтова, М. В. Лентовскаго, М. Г. Черняева, Н. Н. Бутурлина—этого друга артистовъ и литераторовъ, бывшаго оберъ-полицеймейстера въ Варшавѣ, М. И. Пыляева, поэта А. Ф. Иванова-Классика, И. Ф. Левдика и мн. др. Рѣдко удавалось постороннему посѣтителю устроиться въ литературно-театральной комнатѣ. Весь Петербургъ зналъ объ этихъ собраніяхъ и, когда въ городѣ происходило что-нибудь особенное, за новостями спѣшили въ Малый Ярославецъ. Если умиралъ кто-

нибудь изъ этого кружка, то сообщали прямо сюда и тутъ одни вспоминали о покойномъ, а другіе садились писать некрологи и разсылали по редакціямъ. Бывало, входишь въ Малый Ярославецъ и слышишь, какъ журналисты приказъ швейцару отдаютъ.

— Посыльнаго! скорѣе съ угла посыльнаго! нужно въ редакцію послать.

— И мнѣ тоже! спѣшное!

— Еще третьяго посыльнаго!

— Четырехъ! слышится новый голосъ.

И вскорѣ швейцаръ входитъ въ сопровожденіи четырехъ посыльныхъ, которые бѣгутъ по редакціямъ. То же бывало и послѣ выдающихся первыхъ представленій. Иногда компанія, посидѣвъ долго въ ресторанѣ, устраивала шутки, какъ, напримѣръ, съ „Королемъ репортеровъ" Ю. О. Шрейеромъ, который жилъ у Большого театра въ домѣ балетомана Н. М. Безобразова. Редакторъ „Новаго Времени" Михаилъ Павловичъ Федоровъ и еще кто-то звонили однажды къ нему въ два часа ночи по телефону, сообщая о страшномъ убійствѣ на Петербургской сторонѣ, причемъ указывали адресъ. Шрейеръ спалъ, не полѣнился встать и поѣхать на Петербургскую сторону, гдѣ ничего не слыхали объ убійствѣ. Тогда „Король репортеровъ", писавшій въ то время по крайней мѣрѣ въ десяти изданіяхъ, разбудилъ въ свою очередь полицейскаго пристава, требуя указать мѣсто преступленія.

— Я дѣйствительный статскій совѣтникъ Шрейеръ... Не скрывайте.

— У меня все спокойно въ участкѣ, ваше превосходительство. Можетъ быть, у сосѣда?

— Зарѣзано пятеро дѣтей.

— Ничего подобнаго даже не слышалъ.

— Вы не должны скрывать...

Шрейеръ, утомленный, измученный, ѣздилъ въ сосѣдній участокъ къ другому полицейскому приставу, который принялъ его за ненормальнаго человѣка, и затѣмъ направился въ Ярославецъ разслѣдовать, кто сообщилъ. Тамъ было подстроено и объяснили, что по телефону разговаривалъ гвардейскій офицеръ.

— Это мистификація! сказалъ, протягивая всѣмъ руку, Шрейеръ.

— А! Юлій Осиповичъ! обратился къ нему Федоровъ...— рекомендую съѣсть телячью головку... отлично подали.

— Ѣздилъ на Петербургскую... извощику три рубля!.. это просто свинство.

Всѣ расхохотались.

— Вы? крикнулъ догадавшійся Шрейеръ.—Такъ я и зналъ. Это вы, Федоровъ—гвардейскій офицеръ!

— Пошутили! сказалъ Михаилъ Павловичъ...—За это мы ужиномъ васъ угощаемъ!

— Чортъ васъ возьми съ вашимъ ужиномъ! Ну, не подлость

ли, мнѣ нездоровилось! Вѣдь двухъ полицейскихъ приставовъ съ кровати поднялъ.

Добрѣйшій Шрейеръ въ концѣ концовъ самъ хохоталъ больше всѣхъ.

Ю. О. Шрейера справедливо называли „Королемъ репортеровъ“: онъ проникалъ рѣшительно всюду, а въ крайнихъ случаяхъ надѣвалъ какой-то мундиръ съ орденами, которыхъ у него было довольно, и если его не пускали, то требовалъ пропуска.

Пріѣхавъ зимой въ квартиру въ Басковомъ переулкѣ, гдѣ убили какую-то женщину и гдѣ передъ тѣмъ были судебныя власти, не приказавшія никого пускать, онъ велѣлъ сторожу отворить дверь.

— Не могу-съ!

— Приказываю!

— Не могу-съ! Воспрещено.

— Смотри!

Юлій Осиповичъ распахнулъ шубу, а сторожъ, увидя блескъ орденскихъ знаковъ, струсилъ и произнесъ:

— Ваше превосходительство, виноватъ... не призналъ.—

— Надо, братецъ, различать людей.

Шрейеръ осмотрѣлъ трупъ, квартиру и напечаталъ на другой день цѣлое слѣдствіе, поразившее судейскихъ. Сторожъ принялъ его за самаго главнѣйшаго прокурора.

Юлій Осиповичъ былъ живой, подвижной человѣкъ, настоящій журналистъ, который иной разъ самъ тратилъ больше, чѣмъ получалъ на статью или замѣтку. У него былъ норъ журналиста, а если онъ узнаетъ, бывало, какую-нибудь новость — летитъ по редакціямъ. Нѣкоторые издатели, однако, эксплуатировали его, стараясь поменьше заплатить гонорара.

Весьма типичнымъ завсегдатаемъ клуба Малаго Ярославца былъ композиторъ и музыкальный критикъ Павелъ Семеновичъ Макаровъ. Сначала бывшій редакторомъ журнала „Музыкальный Свѣтъ“, издаваемаго Н. П. Карцевымъ, а потомъ сдѣлавшійся редакторомъ газеты С. М. Проппера „Биржевыя Вѣдомости“, Макаровъ, полный, блѣдный мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, съ длинною сѣдой бородой, отличался добродушіемъ, ровностью характера и желаніемъ казаться опытнѣе другихъ. Въ его разговорѣ иногда звучалъ какой-то менторскій тонъ. Человѣкъ это былъ честный и деликатный. Музыку понималъ хорошо! по крайней мѣрѣ такъ аттестовали его музыканты. Они, впрочемъ, часто хвалятъ тѣхъ, кто этого не заслуживаетъ, дабы порицать людей понимающихъ. Макаровъ дѣйствительно былъ добросовѣстный музыкальный критикъ. Иногда, обращаясь къ М. П. Федорову, онъ громко говорилъ, не стѣсняясь присутствовавшихъ:

— А знаете, Михаилъ Павловичъ, на насъ спросъ растетъ!

— На кого, на насъ?

— На отвѣтственныхъ редакторовъ. Испытанные люди. Вы да я, а назовите-ка еще кого-нибудь.

Федоровъ улыбался и подмигивалъ сосѣдямъ, указывая на Макарова.

— Я увѣренъ, что меня бы сейчасъ утвердили редакторомъ! замѣтилъ съ увѣренностью публицистъ Леонидъ Павловичъ Филипповичъ, писавшій политическія статьи въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Петербургской Газетѣ“, а ранѣе работавшій въ „Голосѣ“. Филипповичъ былъ немолодой, красивый мужчина, хорошо воспитанный.

— Васъ? удивленно посмотрѣлъ Макаровъ, который считалъ его либераломъ.

— Разумѣется.

— Попробуйте... А вотъ если мы захотимъ съ Михаиломъ Павловичемъ, насъ еще утвердятъ редакторами другихъ изданій. Опытность.

— Я сегодня видѣлъ вашего издателя Проппера, продолжалъ Филипповичъ—онъ недурную статью помѣстилъ... она мнѣ понравилась.

— Это онъ вамъ говорилъ, Леонидъ Павловичъ.

— Я знаю самъ.

— Прежде всего, объяснялъ необыкновенно спокойнымъ, ровнымъ тономъ Макаровъ, сознававшій и чувствовавшій могущество редактора,—Пропперъ только издатель, а редакторъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ я, и, слѣдовательно, онъ помѣстить ничего не могъ. Было это такъ: Пропперъ передалъ мнѣ статью и сказалъ; „Павелъ Семеновичъ, вотъ статья!“ Я прочелъ и дѣйствительно помѣстилъ. Если Пропперъ придетъ сюда, я охотно повторю все это ему при свидѣтеляхъ. Онъ ничего помѣстить не могъ безъ моего согласія.

Когда Филипповичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, то появлялся всегда вдвоемъ съ Макаровымъ. Они были большими пріятелями. Однажды Макарова притянулъ къ суду волостной писарь, котораго корреспондентъ обличалъ за какіе-то грѣхи, обнаруженные при пріемѣ новобранцевъ.

Филипповичъ считалъ себя хорошимъ юристомъ и предложилъ по-пріятельски безплатную защиту Макарову.

— Тутъ вѣрное оправданіе, доказывалъ Филипповичъ.

— А вдругъ?

— Да ужъ если я берусь... Ну, ступайте къ адвокатамъ, сдерутъ съ васъ.

— Ничего не сдерутъ! редактора защищать это имъ реклама! возражалъ Макаровъ.

Я сидѣлъ въ литературно-театральной комнатѣ, когда Макаровъ и его защитникъ Филипповичъ, умѣвшій отлично говорить, вошли туда усталые, утомленные.

— Я сталъ на ту точку, что... объяснялъ Филипповичъ Макарову.

— Вотъ именно вы стали не на ту точку.

— Моя точка правильная...

— Ваша точка неправильная.

— Но почему же, Павелъ Семеновичъ?

— Потому уже, что меня приговорили, благодаря вамъ, въ тюрьму на два мѣсяца.

Долго они спорили о точкѣ и другъ друга старались убѣдить.

— Если бы вы молчали, доказывалъ Филипповичъ,—васъ бы оправдали!

— Садитесь въ Петербургскую часть, тамъ отлично! смѣясь и похлопывая Макарова по плечу, произнесъ жизнерадостно М. П. Федоровъ.—Я васъ познакомлю со смотрителемъ, добрый русскій человѣкъ.

П. С. Макаровъ, однако былъ, потомъ оправданъ или покончилъ миромъ—не помню...

Михаилъ Павловичъ Федоровъ считался наиболѣе почетнымъ гостемъ въ литературно-театральной комнатѣ, потому что онъ началъ посѣщать Малый Ярославецъ ранѣе другихъ. Бывалъ здѣсь въ молодости съ Сазоновымъ, Зубровымъ, Горбуновымъ и другими актерами. Большинство пріятелей называло его просто Миша.

Михаилъ Павловичъ пріѣзжалъ въ трактиръ въ шести часамъ, прямо изъ редакціи. Онъ любилъ прихватывать съ собой молодыхъ сотрудниковъ, какъ, напримѣръ, бывшаго актера В. Г. Ильменскаго, И. П. Зазулина, а иногда кого нибудь еще. Долгое время при немъ состоялъ юный зубной врачъ и театралъ Солоненко. застрѣлившій потомъ изъ ревности купчиху и покончившій самоубійствомъ. Федоровъ занималъ у окна опредѣленный столъ и такъ какъ всегда передъ обѣдомъ ощущалъ голодъ, то горячился.

— Ну, что ты мнѣ въ ротъ смотришь? кричалъ онъ на ни въ чемъ неповиннаго человѣка.—Что ты мнѣ карточку суешь, я знать не хочу твоей карточки.

— Виноватъ, Михаилъ Павловичъ.

— Сашу, Ласточку мнѣ позови!

Ласточка былъ главный буфетчикъ, любимецъ всего клуба и душа Малаго Ярославца. Нуждающимся журналистамъ, актерамъ онъ открывалъ кредитъ.

— Что прикажете, Михаилъ Павловичъ?

— Ахъ, вотъ и Ласточка! Здравствуй, Саша! Михаилъ Павловичъ протягивалъ ему руку.—Узнай, пожалуйста, Саша, у повара, что бы мнѣ скушать можно?

— Полегче?

— Гм... среднее!

— Ушицу съ налимьими печеночками, растегайчикъ, потомъ котлетки изъ курочки, потомъ можно цыпленочка съ фаршемъ и кашку Гурьевскую. Грибки есть...

— Вотъ и грибковъ тоже добавишь къ куриной котлеткѣ... такъ отлично... А пока кусочекъ балычку и кусочка два мѣшковой икры... знаешь, любимой моей.

Ласточка, исчезъ, а Федоровъ одобрялъ его умѣніе дать идею, что пріятно скушать. Михаилъ Павловичъ, сознавав-

шій, что незаслуженно обидѣлъ человѣка, принесшаго ему карточку. подозвалъ его и наградилъ двугривеннымъ.

— Старуха Жюдикъ меня вчера поразила, обратился какъ будто ко всѣмъ присутствовавшимъ Михаилъ Павловичъ.— Наше поколѣніе! Сегодня хочу ее въ „Нинишъ“ послушать. Былъ у нея въ уборной. Вспоминали съ ней прошлое. Артистка неподражаемая, нашимъ бы поучиться у нея надо!

— А Зорина, Бѣльская, Михаилъ Павловичъ! сказалъ кто-то.

— Не говорите, не говорите! закричалъ Федоровъ.—Тутъ шикъ, остроуміе, а наши русскія оцыганились... покорно благодарю! Я раръ—Сѣтову прямо сказалъ: какъ не старайтесь, до французовъ далеко!

Въ это время въ дверяхъ показался чистенькій, выбритый, вѣчно въ бѣломъ галстухѣ и сюртукѣ, извѣстный актеръ, любимецъ публики, Л. И. Градовъ-Соколовъ.

— Вотъ не ожидали! увидя его, крикнулъ Михаилъ Павловичъ.—Единственный, кого смотрю съ удовольствіемъ въ русской опереткѣ!

— Здравствуй, Миша!

Градовъ поцѣловалъ Михаила Павловича въ щеку.

— Посмотри Жюдикъ! совѣтовалъ Федоровъ.

— Миша, вѣдь стара!

— Не возмущай, что же ваши Марусина, Кеслеръ, Зорина лучше!

— Да чего ты кричишь-то, я собираюсь Жюдикъ смотрѣть.

— Оживила, молодымъ вчера къ Борелю пріѣхалъ... Просидѣлъ тамъ до пяти утра.

— Миша, выпьемъ кахетинскаго! предложилъ Градовъ-Соколовъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, спасибо, въ тотъ разъ я едва всталъ на другой день. Керосинъ.

Однажды Михаилъ Павловичъ сидѣлъ въ Маломъ Ярославцѣ совершенно одинъ. Къ нему подошелъ какой-то бѣдно одѣтый господинъ и поклонился. Федоровъ зналъ весь Петербургъ, хотя многихъ не узнавалъ. Онъ протянулъ незнакомцу руку.

— А! очень радъ, ну, что, какъ поживаете, присядьте.

— Такъ себѣ.

Незнакомецъ присѣлъ.

— Давно васъ не видалъ...

— Не приходилось какъ-то...

— А вы что же теперь-то обѣдать?

— Нѣтъ, я больше такъ... Думалъ встрѣчу кого-нибудь.

— А! еще не собрались... вамъ кого?

— Собственно никого, я больше къ вамъ. Не можете ли одолжить мнѣ три рубля!

Незнакомецъ произнесъ это необыкновенно быстро. Федоровъ вскочилъ и разсердился.

— Ласточка, да что же это... какой-то незнакомецъ, денегъ проситъ... горячился Федоровъ.

— Михаилъ Павловичъ, извините, мы думали, что они вашъ хорошій знакомый... Они пальто даже не имѣютъ...

— Первый разъ вижу!..

Незнакомецъ быстро исчезъ, а Федоровъ для спокойствія вынулъ бумажникъ и пересчиталъ деньги. Федоровъ пользовался въ средѣ, о которой идетъ рѣчь, общей любовью и дружбой. Михаилъ Павловичъ былъ добрякъ, незлопамятный и только языкъ—его врагъ вредилъ ему порою. Товарищи звали его шутя „добродушнымъ клеветникомъ". Дѣйствительно Федоровъ, бывало, никому спуску не дастъ, разскажетъ все, что слышалъ, а когда дойдетъ дѣло до объясненій — растеряется. Сегодня онъ разбираетъ кого-нибудь съ чужихъ словъ по косточкамъ, критикуетъ, а завтра видишь ихъ вмѣстѣ.

— Михаилъ Павловичъ, вы вчера такъ неодобрительно о немъ отзывались.

— Представьте себѣ, оказывается отличный малый, это все клевета, которую про него распускали. Мнѣ наговорили!

Въ концѣ концовъ оцѣнкѣ людей М. П. Федоровымъ не придавали серьезнаго значенія, на кого бы онъ не нападалъ, кого бы до небесъ не превозносилъ. Иногда лишь ему замѣчали:

— Язычекъ у тебя, Миша!

Память Михаилу Павловичу иногда измѣняла и онъ самъ забывалъ свои приговоры. Были люди, которые пользовались Федоровымъ для своихъ гнусныхъ плановъ: скажутъ Михаилу Павловичу про кого-нибудь сплетню, а когда Федоровъ повторитъ ее съ ихъ же словъ, начинаютъ распространять.

— Это Михаилъ Павловичъ сочинилъ.

Злымъ Федоровъ никогда не былъ, а благодаря язычку многимъ доставлялъ маленькія непріятности.

Въ средѣ актерства и журналистовъ онъ считался знатокомъ театра, драматической литературы, какъ нашей, такъ и иностранной. Въ Маломъ Ярославцѣ ни одинъ театральный вопросъ не рѣшался безъ него, ни одинъ некрологъ актера или драматурга не написали безъ замѣчаній и воспоминаній Михаила Павловича. Федоровъ помнилъ все, что касалось театра, кто когда какую роль игралъ, хоть лѣтъ 25 назадъ, и въ этихъ свѣдѣніяхъ не ошибался. Въ молодости онъ проводилъ время больше въ театральныхъ залахъ, а позднѣе предпочиталъ сидѣть за кулисами, не выдерживая никакихъ длинныхъ представленій. Михаилъ Павловичъ имѣлъ большую слабость къ кафе-шантану и опереткѣ и не скрывалъ это, не лицемѣрилъ. Знаменитый увеселитель столицы Василій Егаревъ иначе не называлъ Федорова какъ знатокомъ по части французскихъ пѣвицъ.

— Знатокъ они! говорилъ Егаревъ въ носъ. — И жанры артистокъ опредѣляютъ безъ ошибки. Есть еще знатоки, а только Михаилъ Павловичъ выше! Они, можно сказать, первый.

Въ Маломъ Ярославцѣ другомъ Федорова былъ одно время, чрезвычайно похожій на него, извѣстный бытописатель Михаилъ Ивановичъ Пыляевъ. Ихъ иначе не называли незнакомые, какъ братцами. У Михаила Ивановича, котораго считали за человѣка съ нѣкоторыми средствами, молодые собратья по перу дѣлали займы... безъ опредѣленія срока. Михаилъ Ивановичъ никогда не отказывалъ, но бывалъ очень грустенъ, если ему платили аккуратно большіе долги. Одинъ извѣстный писатель-фельетонистъ заплатилъ ему въ Маломъ Ярославцѣ долгъ. Пыляеву взгрустнулось.

— Что вы печальный какой, Михаилъ Ивановичъ? поинтересовался Федоровъ.

— Да вотъ-съ, NN долгъ отдалъ! завтра навѣрно больше спроситъ и отказать невозможно. Больше то возьметъ — не отдастъ!

У Пыляева была, однако, примѣта, онъ въ Маломъ Ярославцѣ давалъ въ долгъ только одному знакомому въ день. И это его затрудняло, потому что онъ на самомъ дѣлѣ вовсе не обладалъ такими средствами, какъ разсказывали.

— Дорогой Михаилъ Ивановичъ! подскочилъ къ нему молодой репортеръ.

— А, здравствуйте... что скажете?

— Хотѣлъ рубля три у васъ перехватить.

— Опоздали, ужъ взялъ N...

— Когда же онъ успѣлъ? вы только вошли...

— На лѣстницѣ, даже шубу не далъ снять, какъ спросилъ.

Однажды Пыляевъ пришелъ въ литературно-театральную комнату обѣдать прежде Федорова. Вошедшій господинъ принялъ его за Федорова, протянулъ руку, обнялъ и поцѣловалъ.

— Вы меня вѣрно за Михаила Павловича принимаете? жалобно произнесъ Пыляевъ, освобождаясь изъ объятій.

И много разъ ихъ мѣшали.

Какъ-то Федоровъ распустилъ слухъ про Пыляева, будто тотъ давалъ въ „Самаркандѣ“ въ честь какой то дамы пиръ съ цыганами.

До Пыляева это дошло и шутка не понравилась ему. Онъ, придя въ Малый Ярославецъ, сѣлъ противъ Михаила Павловича. Тутъ обѣдали еще человѣка три.

— Нехорошо, Михаилъ Павловичъ! съ улыбочкой Мефистофеля сказалъ Пыляевъ.

— Что, что такое нехорошо? заворчалъ Федоровъ, любопытство котораго не знало границъ.

— Мы знаемъ что! отвѣчалъ Пыляевъ.

— Да нѣтъ, послушайте, Михаилъ Ивановичъ, что такое еще?.. Неужели какія нибудь сплетни опять?

— Скрываете отъ насъ ваши похожденія.

— Какія похожденія? Даю вамъ честное слово, что сижу по вечерамъ дома... Новый романъ Золя читаю.

— А въ „Самаркандѣ“ то?

— Что въ „Самаркандѣ“?

— Угощали кого то, цыгане пѣли... слышали!

— Я? Ужъ если хотите знать, про васъ это говорили.

— Про меня-съ... да что вы, Михаилъ Павловичъ... На меня хотите свалить... я тамъ года два не былъ. Нехорошо, Михаилъ Павловичъ!

— Да позвольте, начиналъ уже сердиться Федоровъ,—я не былъ тамъ...

— Не скрывайте, Михаилъ Павловичъ! Ни съ того, ни съ сего не сочинять.

Михаилъ Павловичъ негодовалъ, хотя присутствовавшіе полагали, что онъ попался. Это обстоятельство сдерживало Федорова, когда онъ болталъ впослѣдствіи о Пыляевѣ. Онъ побаивался, что тотъ отомститъ ему.

— Парацельзъ! здравствуй! сказалъ, войдя, Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, обращаясь къ Пыляеву.

Горбуновъ всѣхъ сидѣвшихъ перецѣловалъ.

— Парацельзъ, какую ты мнѣ мазь обѣщалъ?

— Принесу, Иванъ Федоровичъ, непремѣнно принесу...

— Замѣси, пожалуйста!

— Вотъ даже узелокъ завяжу на платкѣ, Иванъ Федоровичъ.

— Ласточка! подмигнулъ Горбуновъ буфетчику.

— Составу прикажете, Иванъ Федоровичъ?

— Его самаго.

Вскорѣ Ивану Федоровичу подали огромный стаканъ съ содовой, коньякомъ и еще какими-то добавленіями. Такъ какъ Пыляевъ любилъ лѣчить, то Горбуновъ нѣтъ, нѣтъ да обращался къ нему.

— Ломитъ...

— Мазью помажете, все пройдетъ.

— И изъ чего она Миша?

— Ну да ужъ что тамъ... старинное это средство.

— Михаилъ Ивановичъ, обратился съ просьбою Федоровъ, принесите вы мнѣ вашего элексирцу.. весь вышелъ.

— Съ удовольствіемъ Михаилъ Павловичъ.

— Мастеръ, поощрилъ его Федоровъ... многіе восхищаются его порошкомъ и элексиромъ.

— Братцы! обратился Горбуновъ ко всѣмъ, я на васъ золъ?

— А что, что такое?

— Вы, такъ сказать, пресса, критика... какже вы такъ пишете „Казенные театры“? такихъ нѣтъ. Есть „Придворные театры“, а не—казенные... Я сердитъ на васъ, нельзя-ли ввести новое правило—придворными называть. Кромѣ шутокъ! казенный актеръ, что это такое. Придворный артистъ— дѣло другое.

Не разъ Горбуновъ проводилъ эту мысль и большинство исполнило его просьбу, но потомъ привычка брала свое и мы опять возвращались къ старому и чаще пишемъ „казенные театры“.

Горбуновъ приводилъ даже разные документы, афиши, доказывая резонность своего заявленія.

Съ Горбуновымъ въ литературно-театральной комнатѣ произошелъ однажды курьезный случай. Онъ встрѣтилъ тамъ знакомаго молодого человѣка и они сѣли пить портеръ. Молодой человѣкъ, только что окончилъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы.

— Ну, что молодой человѣкъ, куда теперь направите путь жизни? интересовался Горбуновъ. Въ прокуроры, въ адвокаты, или по министерству?

— Литературой начинаю заниматься.

— Хорошее дѣло!

— Пишу въ *** (молодой человѣкъ назвалъ одну ежедневную газету).

— У N?

— Да.

— Что вамъ за охота, мелка очень эта литература... Бросьте вы эту газету... посерьезнее бы что-нибудь.

— Трудно мнѣ бросить-то Иванъ Федоровичъ, вѣдь это изданіе моего отца.

— Простите я и не узналъ васъ! сказалъ сконфуженно Горбуновъ. Я вѣдь отца-то вашего знаю лѣтъ тридцать и люблю... очень его люблю! Старайтесь, старайтесь молодой человѣкъ. Молодой Чеховъ вонъ тоже съ мелочей началъ, а заговорили... расцвѣтетъ, вотъ увидите. Григоровичъ во многихъ домахъ его разсказы читалъ... Открылъ, говоритъ, талантъ...

— Чехова Лейкинъ открылъ! вмѣшался кто-то въ разговоръ.

— Это ужъ потомъ самъ Чеховъ разберется чье онъ открытіе... Самъ онъ себя открылъ, я такъ думаю.

— Очень рѣдко, случайно, показывалась тутъ серебряная голова Д. В. Григоровича. Онъ заходилъ сюда послѣ какихъ нибудь собраній, чтобы подѣлиться впечатлѣніями, да и то торопился домой, пораньше лечь спать.

-- Что новаго въ театрально-литературномъ комитетѣ? спрашивали обыкновенно журналисты и актеры у Григоровича, который былъ предсѣдателемъ перваго отдѣленія этого комитета.

— Дамы, дамы начинаютъ одолѣвать. Читаемъ все дамскія пьесы. Если такъ будетъ рости число дамскихъ произведеній, то къ концу столѣтія придется открывать третье отдѣленіе комитета! *) и все драмами душатъ! Отдохнуть не на чемъ. На дняхъ какой-то сумасшедшій читалъ трагедію въ стихахъ, измучилъ насъ. Я ужъ и этакъ и такъ, читайте, говорю отрывками, сценами... по нимъ ясно составляется понятіе о всемъ произведеніи. Нѣтъ, отвѣчаетъ, — цѣльность впечатлѣнія важна. Двое моихъ коллегъ, поэтъ и старый публицистъ заснули!

За столикомъ, около котораго сидѣли М. П. Федоровъ,

*) И наканунѣ новаго столѣтія Григоровичъ жаловался на обиліе дамскихъ пьесъ. Онъ предсказалъ вѣрно этотъ урожай.

щали кого то, цыгане пѣли... слышали!
Ужъ если хотите знать, про васъ это говорили.
меня-съ... да что вы, Михаилъ Павловичъ... На
е свалить... я тамъ года два не былъ. Нехорошо,
Павловичъ!
позвольте, начиналъ уже сердиться Федоровъ,—я не
...
скрывайте, Михаилъ Павловичъ! Ни съ того, ни съ
чинятъ.
ъ Павловичъ негодовалъ, хотя присутствовавшіе
что онъ попался. Это обстоятельство сдерживало
когда онъ болталъ впослѣдствіи о Пыляевѣ. Онъ
, что тотъ отомститъ ему.
ацельзъ! здравствуй! сказалъ, войдя, Иванъ Федо-
рбуновъ, обращаясь къ Пыляеву.
овъ всѣхъ сидѣвшихъ перецѣловалъ.
ацельвъ, какую ты мнѣ мазь обѣщалъ?
несу, Иванъ Федоровичъ, непремѣнно принесу...
эси, пожалуйста!
даже узелокъ завяжу на платкѣ, Иванъ Федоровичъ.
очка! подмигнулъ Горбуновъ буфетчику.
аву прикажете, Иванъ Федоровичъ?
самаго.
Ивану Федоровичу подали огромный стаканъ съ
оньякомъ и еще какими-то добавленіями. Такъ какъ
юбилъ лѣчить, то Горбуновъ нѣтъ, нѣтъ да обра-
нему.
итъ...
ю помажете, все пройдетъ.
зъ чего она Миша?
да ужъ что тамъ... старинное это средство.
аилъ Ивановичъ, обратился съ просьбою Федоровъ,
вы мнѣ вашего элексирцу.. весь вышелъ.
удовольствіемъ Михаилъ Павловичъ.
теръ, поощрилъ его Федоровъ... многіе восхища-
орошкомъ и элексиромъ.
цы! обратился Горбуновъ ко всѣмъ, я на васъ золъ?
о, что такое?
акъ сказать, пресса, критика... какже вы такъ пи-
енные театры"? такихъ нѣтъ. Есть „Придворные
не—казенные... Я сердитъ на васъ, нельзя-ли
ое правило—придворными называть. Кромѣ шу-
ный актеръ, что это такое. Придворный артистъ—
е.
Горбуновъ проводилъ эту мысль и большинство
его просьбу, но потомъ привычка брала свое и мы
ащались къ старому и чаще пишемъ „казенные

въ приводилъ даже разные документы, афиши,
резонность своего заявленія.

Съ Горбуновымъ въ литературно-театральной комнатѣ произошелъ однажды курьезный случай. Онъ встрѣтилъ тамъ знакомаго молодого человѣка и они сѣли пить портеръ. Молодой человѣкъ, только что окончилъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы.

— Ну, что молодой человѣкъ, куда теперь направите путь жизни? интересовался Горбуновъ. Въ прокуроры, въ адвокаты, или по министерству?

— Литературой начинаю заниматься.

— Хорошее дѣло!

— Пишу въ *** (молодой человѣкъ назвалъ одну ежедневную газету).

— У N?

— Да.

— Что вамъ за охота, мелка очень эта литература... Бросьте вы эту газету... посерьезнее бы что-нибудь.

— Трудно мнѣ бросить-то Иванъ Федоровичъ, вѣдь это изданіе моего отца.

— Простите я и не узналъ васъ! сказалъ сконфуженно Горбуновъ. Я вѣдь отца-то вашего знаю лѣтъ тридцать и люблю... очень его люблю! Старайтесь, старайтесь молодой человѣкъ. Молодой Чеховъ вонъ тоже съ мелочей началъ, а заговорили... расцвѣтетъ, вотъ увидите. Григоровичъ во многихъ домахъ его разсказы читалъ... Открылъ, говоритъ, талантъ...

— Чехова Лейкинъ открылъ! вмѣшался кто-то въ разговоръ.

— Это ужъ потомъ самъ Чеховъ разберется чье онъ открытіе... Самъ онъ себя открылъ, я такъ думаю.

— Очень рѣдко, случайно, показывалась тутъ серебряная голова Д. В. Григоровича. Онъ заходилъ сюда послѣ какихъ нибудь собраній, чтобы подѣлиться впечатлѣніями, да и то торопился домой, пораньше лечь спать.

— Что новаго въ театрально-литературномъ комитетѣ? спрашивали обыкновенно журналисты и актеры у Григоровича, который былъ предсѣдателемъ перваго отдѣленія этого комитета.

— Дамы, дамы начинаютъ одолѣвать. Читаемъ все дамскія пьесы. Если такъ будетъ рости число дамскихъ произведеній, то къ концу столѣтія придется открывать третье отдѣленіе комитета! *) и все драмами душатъ! Отдохнуть не на чемъ. На дняхъ какой-то сумасшедшій читалъ трагедію въ стихахъ, измучилъ насъ. Я ужъ и этакъ и такъ, читайте, говорю отрывками, сценами... по нимъ ясно составляется понятіе о всемъ произведеніи. Нѣтъ, отвѣчаетъ, — цѣльность впечатлѣнія важна. Двое моихъ коллегъ, поэтъ и старый публицистъ заснули!

За столикомъ, около котораго сидѣли М. П. Федоровъ,

---

*) И наканунѣ новаго столѣтія Григоровичъ жаловался на обиліе дамскихъ пьесъ. Онъ предсказалъ вѣрно этотъ урожай.

И. Ф. Горбуновъ и кто-то еще, зашла рѣчь о Михайловскомъ театрѣ. Федоровъ, по привычкѣ, похвалилъ прежнее время, назвалъ нѣсколько громкихъ именъ и нападалъ на режиссера Ланжалле.

— Хоть бы вы, Дмитрій Васильевичъ,—ворчалъ Федоровъ,—сказали при случаѣ И. А. Всеволожскому, что вся публика недовольна. Низводитъ сцену этотъ господинъ Ланжалле.

— Я сегодня былъ по этому поводу у Ивана Александровича, сказалъ Григоровичъ. А. Н. Плещеевъ... вотъ его отецъ (Григоровичъ указалъ на меня), живущій временно въ Парижѣ, слышалъ, что Ланжалле удаляютъ. Онъ просилъ меня провѣрить этотъ слухъ и передать И. А Всеволожскому, не воспользуются ли услугами Дьедоне, который мечталъ возвратиться снова въ Россію.

— Были вы у директора театровъ?

— Былъ и самъ слышалъ отъ него, что слухъ о приглашеніи новаго режиссера лишенъ основанія, что дѣятельностью Ланжалле довольны. Надо надѣяться,—прибавлъ Григоровичъ,—что онъ долго проситъ въ Михайловскомъ театрѣ. Всеволожскій весьма сожалѣлъ о смерти молодой дочери Дьедоне, которую было предположеніе пригласить въ нашу французскую труппу. Я слышалъ, что она была талантливой.

Въ литературно-театральной комнатѣ почти ежедневно можно было встрѣтить путешественника, литератора Петра Ивановича Пашино, неудачно приступавшаго когда-то къ изданію „Азіятскаго Вѣстника“. Пашино былъ разбитъ параличемъ, послѣ чего у него одна нога слегка волочилась и моталась рука. Это его нисколько не удручало и онъ жилъ долго въ такомъ положеніи, не воздерживаясь по части спиртныхъ напитковъ. Про него когда-то сказалъ, если не ошибаюсь Д. Д. Минаевъ.

„Градъ идетъ какой то странный,
Не крупа и не пшено,
По Литейной ковыляетъ
Петръ Иванычъ Пашино“.

Петръ Ивановичъ однажды столько выпилъ, что было страшно за этого старика, боялись, чтобы не случилось чего-нибудь съ нимъ.

— Прощайте господа! говорилъ онъ. Прощайте голубчики.

— Куда вы, Петръ Ивановичъ?

— Спеціальнымъ корреспондентомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ Константинополь. Авансъ взялъ у Василія Григорьевича Авсѣенко.

— Когда ѣдете?

— Завтра на Одессу и оттуда поплыву.

— Покачаетъ васъ.

— Охъ! меня ужъ и сегодня немножко качаетъ. Къ туркамъ, къ туркамъ! Ха, ха, ха!

Онъ постоянно говорилъ: „ха, ха, ха". Петръ Ивановичъ къ туркамъ не попалъ, оставшись на мѣстѣ въ Петербургѣ. Я не буду приводить исторіи о томъ, какъ онъ сидя на Литейной, умудрился написать двѣ корреспонденціи съ дороги — бесѣды съ турецкимъ пашей, слѣдовавшемъ случайно изъ Одессы въ Константинополь. Исторія эта извѣстна. Не лишне только замѣтить, что Пашино владѣлъ турецкимъ языкомъ и потому многія фразы паши въ его бесѣдахъ были приведены по турецки и тутъ же переведены на русскій языкъ.

За близость перевода къ подлиннику конечно поручиться было нельзя.

Пашино послѣ второй корреспонденціи не вытерпѣлъ и явился въ Малый-Ярославецъ повидать друзей, чѣмъ и выдалъ себя.

Его потомъ звали „Пашино-паша".

В. Г. Авсѣенко, незнакомый съ такими нравами, только что принявшій на себя редактированіе газеты, былъ весьма пораженъ. Онъ замѣтилъ однако, что Пашино взялъ очень мало денегъ, что ему показалось страннымъ.

Корреспонденціи свои Пашино сочинялъ такъ ловко, что онѣ читались съ большимъ интересомъ. Выдержки изъ нихъ появились въ нѣмецкой и англійской печати.

— Какже это вы такъ! подтрунивали надъ Петромъ Ивановичемъ пріятели.

— Да вѣдь написана правда. Паша это мой другъ, мы съ нимъ лѣтъ десять назадъ разговаривали, я и привелъ его слова. Онъ мнѣ даже феску подарилъ. Я въ этой фескѣ много путешествовалъ и теперь ношу ее дома. Хорошій человѣкъ этотъ турокъ. Гаремъ мнѣ показывалъ.

Бывало, часовъ около двѣнадцати ночи, когда всѣ столики у буфета уже были заняты знакомыми, въ дверяхъ показывалась фигура въ енотовой шубѣ, напоминавшей шинель, съ необыкновенно высокимъ воротникомъ, изъ котораго выглядывалъ кончикъ носа. На головѣ этой фигуры барашковая шапка съ бархатомъ. Фигура окидывала взоромъ присутствовавшихъ и, видя, что компанія интересна, отправлялась къ швейцару снимать шубу.

Это былъ Аркадій Николаевичъ Похвисневъ, популярнѣйшій человѣкъ въ Петербургѣ въ свое время, въ царствованіе Императора Александра II, блестящій офицеръ, а въ описываемые годы дѣйствительный статскій совѣтникъ, служившій въ Главномъ Управленіи по Дѣламъ Печати. Похвисневъ написалъ и передѣлалъ множество удачныхъ водевилей, занимался театральной критикой, увлекаясь особенно балетомъ и самъ просилъ называть его въ печати не просто „балетоманомъ", а „старѣйшимъ балетоманомъ". Безъ балета Похвисневъ жить не могъ и не пропускалъ ни одного спектакля, ѣздилъ на театральные ужины, пирушки, за которыми любилъ

говоритъ рѣчи. Въ рѣчахъ его, самыхъ заурядныхъ, чувствовался какой то необыкновенный пафосъ, подъемъ и увлеченіе. Произносилъ онъ ихъ глухимъ-преглухимъ голосомъ и чуть не послѣ каждаго блюда, а иногда и во время ѣды. За какимъ то торжественнымъ ужиномъ въ честь иностранной дивы не то балерины Дель-Эры, не то парижской пѣвицы Вильомъ, Аркадій Николаевичъ говорилъ такъ долго, что антрепренеръ откровенный коммерсантъ, шепнулъ ему:

— Аркадій Николаевичъ урѣжьте слово, вы намъ всю дичь застудите, подавать надо!

А у дверей дѣйствительно ожидалъ окончанія рѣчи десятокъ лакеевъ съ блюдами, на которыхъ лежала „дичь разная", какъ называли ее въ „меню" и про которую Похвисневъ какъ то замѣтилъ сосѣду:

— Что значитъ „дичь разная". вѣдь это, mon cher, — вчерашняя, старыя объѣдки, и отчасти только сегодня изжаренная свѣжая. Не люблю неопредѣленности въ названіяхъ!

— Здравствуйте господа! обратился Похвисневъ ко всѣмъ, протянувъ кой-кому два пальца.

— Саша! обратился Похвисневъ къ буфетчику, сдѣлай мнѣ судакъ о-гратенъ.

— Слушаю ваше превосходительство.

— Побольше раковыхъ шеекъ! Сегодня Гердтъ изумилъ меня въ „Фараонѣ"—удивительно игралъ Таора.

— Какъ вамъ не надоѣстъ балетъ, Аркадій Николаевичъ! произнесъ съ какимъ то озлобленіемъ М. П. Федоровъ.

— Mon cher, вы охотникъ до прикащичьяго клуба... кто что любитъ.

— Какъ будто вы тамъ не бывали? Разрѣшите анекдотъ, Аркадій Николаевичъ, разсказать...

— Какое нибудь сочиненье!..

— Фактъ... Аркадій Николаевичъ обѣдалъ у министра и на другой день пошелъ инкогнито поиграть въ мушку въ одинъ клубъ. Сдаютъ карты, взглянулъ онъ на сдающаго, а сдающій на него и оба сконфузились. Сдавалъ камердинеръ министра, служившій наканунѣ Аркадію Николаевичу за обѣдомъ.

— Утрировка, ну да пускай разсказываетъ если это ему нравится. Варвара Никитина меня прямо таки очаровала въ прошлый спектакль. Какая легкость, какая грація! Вотъ балерина! Балетъ надо цѣнить и понимать... Ахъ какой циникъ господинъ Скальковскій... Талантливъ, но циникъ. Я спрашиваю, какъ ему понравилась танцовщица Альджизи, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: есть за что ущипнуть!

— Я помню Муравьеву,—сказалъ совершенно неожиданно Федоровъ,—и послѣ нея некого смотрѣть.

— Боже! какая критика... Если вы не ходите со временъ Марфы Николаевны въ балетъ, конечно вы никого не видали. У насъ гиганты! Кшесинскій, Стуколкинъ, Гердтъ, Вваемъ, Соколова, а Никитина, а Іогансонъ.

Аркадій Николаевичъ поднесъ салфетку къ глазамъ и сдѣлалъ видъ, что плачетъ.

— Саша! Саша! стоналъ онъ призывая буфетчика. Вѣдь это ужасно! Судакъ о-гратенъ и хоть-бы одна раковая шейка.

— Запейте Помри, ваше превосходительство.

— Дай Помри!

Аркадій Николаевичъ обожалъ шампанское въ равной степени, какъ и балетъ, хотя часто скорбѣлъ, что врачи запрещаютъ ему пить.

— Температура удивительна! произнесъ онъ съ удовольствіемъ и сладкой улыбкой. Такую температуру я встрѣчаю только у Федора Ивановича Базилевскаго. Михаилъ Павловичъ хлебните, ваше здоровье!

— Прекрасная температура! согласился Федоровъ. Саша дай еще бутылку. Буду и я кутить.

— Ого, каковъ господинъ Федоровъ! Обрадовался Похвисневъ, найдя подходящаго компаньона. Михаилъ Павловичъ, да сдѣлайте вы мнѣ удовольствіе, приходите въ балетъ.

— Не могу, сплю, право сплю.

— Напишите вы замѣтку... вѣдь тамъ теперь двѣ партіи, одна стоитъ за русскую школу, другая за итальянскую. До чего только это дойдетъ! Ужина невозможно сформировать изъ за этой партійности, одинъ не хочетъ ѣхать съ другимъ! Другъ друга чернятъ.

— Однако у Базилевскаго всѣ ужинаютъ на дачѣ, забывая и партіи и раздоръ! съ ехидствомъ сказалъ Федоровъ...

— Гостепріименъ онъ очень, его такъ всѣ любятъ, трудно отказать.

— Потому и любятъ, что пьютъ и ѣдятъ на его счетъ, а какъ платить—сейчасъ партіи!

— Вы старый скептикъ, языкъ у васъ злой... Пью за будущаго балетомана Федорова.

— Никогда имъ не буду!

— Ну хотите за пѣвицу Монбазонъ выпить?

— Съ наслажденіемъ... вотъ это артистка, это талантъ, даромъ что въ опереткѣ поетъ! А что такое ваше балетное голоножіе.

— Пошлемъ Монбазонъ телеграмму! предложилъ восторженный Похвисневъ.

— Вѣдь это рубля въ три влетитъ, а мы за эти деньги можемъ еще полбутылки Помри выпить.

— Разумѣется! Вы правы Федоровъ. Не надо телеграммы.

Похвисневъ обходилъ всѣ столы и отовсюду раздавался его голосъ: „Чекетти молодчина“, „какой неисчерпаемый запасъ фантазіи у Маріуса Петипа“, „Машенька Петипа вихрь въ мазуркѣ, чародѣйка!...“, „А Варвара Никитина—пухъ!“. Обойдя сосѣдей онъ садился на свое мѣсто, словно выполнилъ служебныя обязанности.

Забавный случай произошелъ однажды съ сотрудникомъ „Новаго Времени“ В. Г. Ильменскимъ, бывшимъ актеромъ,

способнымъ репортеромъ и милымъ человѣкомъ. Ильменскій отличался нервнымъ характеромъ, достаточно было, чтобы кто нибудь сказалъ, что не согласенъ съ его театральной замѣткой и онъ краснѣлъ, надувался и все время молчалъ.

Всѣ замѣтили, что веселый „Вася“, какъ называлъ его Федоровъ, насупился, покраснѣлъ и началъ ногти кусать. Перемѣна въ немъ произошла полная.

Въ это время къ нему подошелъ извѣстный репортеръ С. Калугинъ, завѣдывавшій придворной хроникой въ двухъ газетахъ. Калугинъ былъ мужчина огромнаго роста съ большой бородою. весьма добродушный, ласковый.

— Василій Григорьевичъ, вы чего надулись-то! обратился онъ къ Ильменскому.

— Я такъ...

— Да не такъ... я вѣдь знаю, вамъ не понравилось, что сыщикъ, котораго я знаю, такъ пристально въ васъ вглядывался.

— Да почему-же-съ?

— Курьезъ.

— Какой курьезъ! я вовсе не подаю повода быть предметомъ для курьезовъ.

— Ну да я уладилъ!

— Что такое наконецъ? что вы уладили?

— Вы похожи очень на политическаго преступника портреты котораго теперь развѣшаны на всѣхъ углахъ. Его розыскиваютъ.

— Я видѣлъ портреты, но я-то причемъ?

— Онъ обратилъ вниманіе на сходство. Я объяснилъ, кто вы и мы даже посмѣялись...

— Очень вамъ благодаренъ, но я завтра бороду обстригу, потому что повтореніе такихъ эпизодовъ очень нежелательно.

Объ этомъ узнали пріятели и приставали къ Ильменскому часто со словами: „Вася не скрывайся“. Ильменскій сердился и разъ даже уѣхалъ домой изъ Малаго Ярославца, хотя его ворочали и упрашивали остаться.

Однимъ изъ многочисленныхъ засѣдателей этого кружка былъ талантливый артистъ Иванъ Платоновичъ Киселевскій. Хорошо воспитанный, интеллигентный, интересующійся и театромъ и литературой, онъ считался справедливо пріятнѣйшимъ собесѣдникомъ. Иванъ Платоновичъ, однако, не смотря на его внѣшнее добродушіе, ласковый, бархатный баритонъ, милую улыбку, былъ человѣкомъ „съ ядкомъ“, какъ опредѣляли его пріятели. Въ разговорахъ его сквозила часто иронія и очень злая, если рѣчь шла напримѣръ о театральномъ начальствѣ, которое къ сожалѣнію не благоволило къ Киселевскому. Говорю къ сожалѣнію, потому что отсутствіе Ивана Платоновича на образцовой сценѣ чувствовалось при постановкѣ почти каждой новой пьесы. Въ старомъ репертуарѣ Иванъ Платоновичъ также располагалъ цѣлой серіей выдающихся ролей и во многихъ былъ просто незамѣнимъ. Какимъ

то чудомъ въ театръ въ Озеркахъ, нынѣ не существующій и совсѣмъ не въ тотъ, который недавно сгорѣлъ, пріѣхалъ на гастроли знаменитый представитель Московскаго Малаго театра И. В. Самаринъ. Старикъ не ѣздилъ на гастроли и только антрепренеру Озерковскаго театра удалось его соблазнить принять участіе въ нѣсколькихъ спектакляхъ. Успѣхъ былъ огромный, но дѣла антрепренера почему-то не клеились. И. П. Киселевскій разсказывалъ по поводу Самаринскихъ гастролей слѣдующее: „Прихожу я на вокзалъ въ Озеркахъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ и вижу Ивана Васильевича Самарина. Старикъ увидѣлъ меня, поздоровался и заплакалъ. Слезы блестѣли на его глазахъ.

— Иванъ Васильевичъ! что вы голубчикъ, что съ вами?

— Ахъ, Иванъ Платоновичъ, жилъ я тихо и мирно, до старости дожилъ, уговорили гастролировать... Пріѣхалъ и вотъ... дѣла антрепренера не важны, разовыхъ я не дополучилъ и не могу уѣхать въ Москву, не хватаетъ расплатиться.

— Иванъ Васильевичъ, позвольте вамъ предложить, у меня, положимъ въ видѣ исключенія, но деньги сегодня есть.

Самаринъ занялъ у меня и я проводилъ его въ тотъ-же день въ Москву. Очень ужъ мнѣ было жаль смотрѣть на этого прекраснаго старика, очутившагося въ непріятномъ положеніи. Насъ провинціальныхъ актеровъ подобное положеніе не удивило-бы. Мы привыкли.

Изъ актеровъ, болѣе часто посѣщавшихъ Малый Ярославецъ былъ трагикъ А. С. Быковъ, которому мы справили 25-ти лѣтній юбилей.

— Желаете вы юбилей праздновать? спрашивали друзья у Быкова.

— Итоги подвести хочется.!. Да я думаю каждому это пріятно, а вѣдь мнѣ Островскій сказалъ: „я васъ хорошо знаю-съ!“.. Я въ его драмѣ „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“ ролью Краснова въ Александринскомъ театрѣ дебютировалъ. Мы встрѣтились въ общемъ собраніи членовъ Общества драматическихъ писателей.

Александръ Семеновичъ принадлежалъ къ благороднѣйшимъ театральнымъ дѣятелямъ: это былъ идеалистъ, поражавшій иногда своей наивностью. Одно время имъ овладѣла страсть писать драмы. Быковъ тогда жилъ въ квартирѣ, которую я занималъ съ П. Ф. Левдикомъ, нынѣшнимъ редакторомъ „Петербургской газеты“, а въ то время сотрудникомъ „С.-Петербургскихъ вѣдомостей“ В. Г. Авсѣенко. Какъ-то Быковъ пришелъ въ Малый Ярославецъ обѣдать позже обыкновеннаго.

— Отчего вы сегодня такъ поздно? интересовались друзья.

— Только что всталъ, всю ночь не спалъ. До пяти драму писалъ, а въ пять пріѣхали Плещеевъ и Левдикъ и стали приставать, прочти имъ на ночь хоть двѣ-три сценки или моноложекъ. Они улеглись въ кровати, я увлекся чтеніемъ и читалъ до 8 утра. И вотъ что обидно, я потомъ ужъ замѣтилъ, что они крѣпко спали.

Когда „Петербургскую Газету" редактировалъ П. А. Монтеверде, Быковъ сдѣлался репортеромъ и необыкновенно картинно описывалъ всякія убійства. Онъ чертилъ планы квартиры, мѣстности, гдѣ совершено преступленіе, производилъ свое слѣдствіе, приводилъ бесѣды съ родственниками убитыхъ и убійцъ, примѣрно: „У тетки убійцы", „Разговоръ съ тестемъ убитаго", „Подозрительное полотенце", „Кровь или краска", „Сообщники" и пр. Именовалъ себя А. С. Быковъ „корреспондентомъ по особо важнымъ дѣламъ".

— Если завтра убійцу не поймаютъ, говорилъ онъ, самъ переодѣнусь и пойду въ трактиръ для извозчиковъ. Мнѣ сдается, что онъ тамъ.

Впослѣдствіи подобное описаніе убійствъ вышло изъ моды и было замѣнено сухими, краткими, отчетами. Говорили, что объ этомъ хлопотали сыщики, потому что всѣ частныя свѣдѣнія только сбивали ихъ съ толку.

Быковъ считался не важнымъ актеромъ, но самолюбіе его сокрушало и онъ жаждалъ выказать свой талантъ въ блескѣ. Игралъ онъ часто, но всѣ неудачи объяснялъ интригами. То ножа ему на сценѣ не положили, то револьверъ не зарядили, такъ что вмѣсто самоубійства приходилось падать отъ разрыва сердца и пр. Впослѣдствіи Быковъ посвятилъ себя дѣятельности въ обществѣ трезвости и до конца дней завѣдывалъ чайной, гдѣ, послѣ смерти, оставилъ по себѣ завидную память.

Ежедневно въ той-же литературно-театральной комнатѣ можно было видѣть извѣстнаго поэта, позднѣе редактора „Русскаго Вѣстника" Федора Николаевича Берга, приходившаго часто съ М. Г. Черняевымъ, И. Ф. Горбуновымъ, иногда съ Барсуковымъ, Григоровичемъ и др.

Литературно-театральная комната пріобрѣла извѣстность въ цѣломъ Петербургѣ и нерѣдко здѣсь встрѣчали такихъ людей, которые заглядывали спеціально по дѣламъ, касающимся прессы. Напримѣръ, собирается кто-нибудь юбилей праздновать, глядишь, онъ, какъ будто случайно, обѣдаетъ въ Маломъ Ярославцѣ дня три подрядъ. Тутъ, если онъ замѣтное лицо, и біографію его запишутъ и побесѣдуютъ съ нимъ и портретъ его возьмутъ для иллюстрированной газеты и стихи ему на юбилей сочинятъ. Кстати о стихахъ. Наканунѣ празднованія юбилея А. С. Быкова, я встрѣтилъ московскаго писателя и издателя сборника стиховъ русскихъ поэтовъ, для чтенія на сценѣ, В. П. Бефани, къ которому обратился съ просьбой:

— Не напишите ли вы стихотвореніе Быкову. Мы отпечатаемъ его и прочтемъ.

— Безъ имени,—извольте! согласился Бефани.

— Почему-же безъ имени?.

— Да я Быкова въ глаза не видѣлъ и понятія о немъ не имѣю.

— Завтра увидите!

— Подписаться неловко!

— Онъ хорошій человѣкъ.

— Все это прекрасно, но стихи могутъ выйти сухи. Согласитесь, какая можетъ быть душевность, если воспѣваешь, неизвѣстно кого.

— Если выйдетъ сухо, не подписывайтесь.

На другой день В. П. Бефани передалъ намъ весьма удачные стихи въ честь юбиляра. Мы уговорили его подписаться и онъ согласился на это.

Послѣ спектакля Быковъ подошелъ благодарить его и, обнявъ, сказалъ:

— Такой искренней, правдивой оцѣнки моей дѣятельности, какъ ваша, еще не встрѣчалъ. Позвольте васъ обнять и поцѣловать. Вы поняли меня!

Чрезвычайно свѣтлое, пріятное впечатлѣніе сохранилось у меня о встрѣчахъ здѣсь съ моимъ большимъ пріятелемъ и товарищемъ по многимъ изданіямъ, поэтомъ, А. Ф. Ивановымъ-Классикомъ. Рѣдко можно въ нашей литературно-газетной средѣ встрѣтить болѣе доброжелательнаго, гуманнаго, благороднаго и скромнаго человѣка. Пѣсни его, если не отличались большимъ талантомъ, звучали искренностью, говорили о любви къ ближнему, о сочувствіи несчастному. Не мало, впрочемъ, „Классикъ" написалъ и мѣткихъ юмористическихъ стиховъ, которые читали актеры. Въ то время не было такого урожая на поэтовъ, какъ теперь. Алексѣй Федоровичъ, обѣдая какъ-то въ литературно-театральной комнатѣ, увидѣлъ предъ собой молодого человѣка.

— Алексѣй Федоровичъ, извините у меня къ вамъ просьба, помогите...

— Что вы хотите?

— Да вотъ... набросалъ я стихи въ честь завтрашняго бенефиціанта господина Сазонова... очень люблю его, какъ артиста. Пробѣгите пожалуйста, можно-ли послать?

— Позвольте!

Классикъ прочелъ стихи.

— Знаете, не того, лучше сохраните у себя на память.

— Очень бы хотѣлось... не поправите-ли.

Алексѣй Федоровича взялъ карандашъ и втеченіе четверти часа написалъ молодому человѣку стихотвореніе строкъ въ двадцать.

Дальнѣйшая исторія этого стихотворенія мнѣ неизвѣстна, потому что я его не помню и не могъ поэтому справиться у Н. Ф. Сазонова. Доброта „Классика" была безграничная. Къ нему въ загородномъ ресторанѣ пристали татары написать имъ нѣсколько строкъ для поздравительной карточки къ празднику. „Классикъ" написалъ моментально четыре строки и забылъ это. На праздникахъ ему поднесли за ужиномъ карточку съ этими стихами и онъ-же заплатилъ за нихъ пять рублей. Вспомнивъ, что стихи его собственные, Алексѣй Федоровичемъ замѣтилъ:

— Я заплатилъ себѣ за стихи дороже чѣмъ Стасюлевичъ извѣстнымъ поэтамъ платитъ.

Однимъ изъ общихъ пріятелей былъ въ этомъ кружкѣ Иванъ Петровичъ Зазулинъ, знакомство съ которымъ я свелъ въ дни ранней юности въ галлереѣ Александринскаго театра. Зазулинъ писалъ разсказы, сценки, актерствовалъ, а потомъ сдѣлался антрепренеромъ и такъ много работалъ, что занемогъ, уѣхалъ за границу и въ Швейцаріи умеръ, гдѣ и похороненъ. Зазулинъ обладалъ талантомъ и какъ писатель и какъ театральный администраторъ, любившій дѣло, не похожій на нынѣшнихъ антрепренеровъ, расчитывающихъ на пошлыя афиши, да на скабрезность. Его водевили „Сама себя раба бьетъ" и др. не сходятъ и теперь съ репертуара. Зазулинъ, рѣшившійся давать драматическіе спектакли въ Панаевскомъ театрѣ, сослужилъ этимъ началомъ большую службу частному театральному дѣлу въ Петербургѣ. Онъ бился, бѣдный, какъ рыба объ ледъ, принялся за оперу и въ близкомъ будущемъ несомнѣнно достигъ бы полнаго успѣха, но здоровье не выдержало. По происхожденію Иванъ Петровичъ былъ крестьяниномъ. Ради любви къ сценѣ онъ покинулъ гимназію и первое время ему приходилось довольно тяжело. Зазулинъ напечаталъ въ „Петербургскомъ Листкѣ", который тогда редактировалъ А. А. Соколовъ, повѣсть „Черная кошка" и множество разсказовъ и рецензій. Горбуновъ прозвалъ Ивана Петровича, какъ сотрудника „Петербургскаго Листка"— „Лепесткомъ".

— Лепесточекъ! обращался къ нему часто Горбуновъ,— кого обличалъ сегодня?

Любовь къ театру въ юности приносила Зазулину много непріятностей. Онъ разсказывалъ, какъ устраивалъ въ ближайшихъ къ столицѣ провинціальныхъ городахъ спектакли и какъ не разъ спалъ на „Голосѣ", а покрывался „Новымъ Временемъ", занимая въ складчину съ нѣкоторыми актерами комнату, гдѣ была всего одна кровать. Иванъ Петровичъ долго искалъ денегъ для начала какого-нибудь серьезнаго театральнаго предпріятія.

— Попытайтесь! совѣтовалъ ему Похвисневъ.

— Что—попытайтесь?

— Обратитесь на Каменный островъ.

— Къ Базилевскому!

— Разумѣется, кто-же еще тамъ антрепренеровъ выручаетъ.

— Думалъ я,—разсказывалъ Зазулинъ,—и поѣхалъ было на Каменный, да вернулся.

— Напрасно.

— У самой дачи Базилевскаго двухъ антрепренеровъ встрѣтилъ. Оба веселые... значитъ успѣхъ. Я повернулъ назадъ... На обратномъ пути третьяго антрепренера встрѣтилъ.

Бѣдный Базилевскій!

Иванъ Петровичъ вздохнулъ. У него не хватило духу

зайти къ Базилевскому, котораго всѣ звали меценатомъ. Онъ однако былъ не столько меценатъ, сколько душевный, добрѣйшій человѣкъ.

Иногда въ литературно-театральной комнатѣ показывался Сергѣй Николаевичъ Атава-Терпигоревъ. Присѣлъ онъ, помню я, къ столу, около котораго группировалась цѣлая компанія.

— Вотъ смѣялся надъ Похвисневымъ, что онъ рѣчи на ужинахъ въ увеселительныхъ садахъ произноситъ, а и самъ удостоился, сказалъ, потягивая сигару, Сергѣй Николаевичъ.

— Чего удостоились?

— Приглашенія! Первый разъ въ жизни удостоился! подходитъ ко мнѣ вчера антрепренеръ „Аркадіи"... маленькій... какъ его... Ахъ да, Поляковъ Дмитрій Антиповичъ... „Вы, говоритъ, сосѣдъ нашъ и уважаемъ мы васъ... ужъ позвольте, говоритъ, просить завтра послѣ спектакля".—Куда? „Бенефисъ завтра мой и Александрова, ужинъ даемъ и опять съ музыкой. Все свои соберутся, критика будетъ".—А критика будетъ? „Многихъ звали, хотимъ пиръ горой задать".

— Будете? спросилъ кто-то у Атавы.

— Ну да какже... обязательно!.. подсмѣивался Атава. Фракъ заказалъ!.. Нѣтъ знаете... я бы охотно въ щелку посмотрѣлъ. какъ это его превосходительство Аркадій Николаевичъ Похвисневъ на счетъ опереточнаго краснорѣчія прохаживается. Поэтъ... все у него возвышенно! Наше новодеревенское Кунавино его великимъ ораторомъ зоветъ.

— Зашли бы, Сергѣй Николаевичъ.

— Да постараюсь... Я и другой чести удостоенъ со стороны гостепріимныхъ хозяевъ: получилъ „почетный" билетъ на весь сезонъ... Почетомъ этимъ я воспользуюсь, потому что люблю у нихъ на галлереѣ вечеромъ посидѣть... Они очень милы и внимательны ко мнѣ. А только... да нѣтъ, чортъ возьми, и разсказывать не хочу!

— Что, разскажите... Просили окружающіе.

— Ужиналъ я вчера тамъ съ генераломъ Бутурлинымъ и одинъ изъ хозяевъ мнѣ говоритъ... „если желаете мы вамъ охотно скидку съ цѣнъ, обозначенныхъ въ картѣ, сдѣлаемъ, какъ сосѣду!.."

Атава жилъ по близости, у Строганова моста.

— Отблагодарилъ, продолжалъ Атава, — за вниманіе! Убытку я имъ не принесъ бы, но разсмѣшила меня эта привиллегія сосѣда... Они хорошіе люди...

Встрѣчалъ я часто въ той-же компаніи актера Александринскаго театра Бродникова, толстаго, въ очкахъ, съ баками въ видѣ котлетокъ. Бродниковъ иногда показывался и бритымъ, хотя мало измѣнялся. Бродниковъ былъ извѣстенъ между прочимъ тѣмъ, что отлично распоряжался похоронами, не хуже нынѣшнихъ похоронныхъ бюро. Константинъ Григорьевичъ Бродниковъ хоронилъ рѣшительно всѣхъ товарищей, а самъ умеръ въ Ялтѣ въ полномъ одиночествѣ. Я

помню Бродникова, принимавшаго участіе на похоронахъ И. С. Тургенева, помню его у гроба актера И. И. Монахова и др.

Про Бродникова кто-то говорилъ тогда, что онъ покровъ умѣетъ даже выбрать такой, чтобы шелъ къ лицу покойника.

Когда приходилъ въ ресторанъ Бродниковъ, наша компанія начинала вспоминать о смертномъ часѣ и всѣ просили Константина Григорьевича похоронить ихъ.

Бродниковъ отличался всегда и своимъ костюмомъ. Онъ любилъ носить, напримѣръ, какой-нибудь пестрый, яркій жилетъ съ необыкновенными пуговицами, бархатный пиджакъ, галстухи съ блестящими булавками. На пальцахъ у него было нанизано много колецъ.

Когда не было еще никакихъ театральныхъ агентствъ, Бродниковъ помогалъ антрепренерамъ составлять труппы, добывать пьесы, игранныя въ Петербургѣ, словомъ, былъ театральнымъ комиссіонеромъ, которымъ очень дорожили антрепренеры и актеры. Бродниковъ разсказывалъ намъ, какъ Николай Антиповичъ Потѣхинъ ставилъ свою драму „Злоба дня". Бродниковъ игралъ въ ней лакея-таатарина въ ресторанѣ.

— Мой добрый другъ (это была любимая поговорка Бродникова) Николай Антиповичъ весьма пріятный драматургъ. Поручилъ онъ мнѣ роль татарина и, чтобы игра была натуральна, пригласилъ меня покушать съ нимъ въ загородномъ ресторанѣ, гдѣ служилъ татаринъ, котораго онъ изобразилъ въ „Злобѣ дня". Этого татарина звали Андрюшей, полный такой, онъ извѣстенъ всему Петербургу и теперь еще, и былъ свидѣтелемъ всякихъ происшествій. Вотъ имъ-то я гримировался. Николай Антиповичъ говорилъ татарину: „Приходи Андрей, себя самого смотрѣть въ Александринскій театръ".

Я былъ на первомъ представленіи „Злобы дня" и помню, что въ извѣстной части присутствовавшей публики Бродниковъ произвелъ сенсацію.

По крайней мѣрѣ, половина лицъ, съ которыми приходилось ежедневно встрѣчаться здѣсь, перемерли и даже забыты. Вспоминая всѣ эти встрѣчи, удивляешься только, какъ быстро пролетѣло время и какъ мы состарились! Воспоминанья, говорятъ, — признакъ старости.

Александръ Плещеевъ.

198

Письма изъ-за границы.

I.

Съ дороги.

Тихо подвигается скорый поѣздъ Варшавской желѣзной дороги. Первый часъ ночи. Въ вагонѣ международнаго общества спальныхъ вагоновъ почти всѣ заснули. На этотъ разъ, отправляясь за границу, я не взялъ Nord-Express'а, такъ какъ этотъ поѣздъ почти въ полтора раза дороже и всѣ его удобства заключаются въ томъ, что по Россіи идетъ вагонъ-ресторанъ, всѣ купэ вагоновъ освѣщены электричествомъ, а на ночь можно зажечь электрическій-же синій ночникъ. Вотъ и все, такимъ образомъ, собственно за одинъ обѣдъ и утренній чай въ вагонѣ (поѣздъ этотъ уходитъ изъ Петербурга въ 6 час. вечера и прибываетъ на границу около 11 час. утра) приходится платить значительно дороже. Я не считаю въ числѣ удобствъ безпересадочное движеніе между Парижемъ и Эйдкуненомъ, напротивъ, мнѣ кажется, что перемѣна вагоновъ, помимо пользы въ гигіеническомъ отношеніи, пріятна тѣмъ, что даетъ возможность провести часъ-другой на воздухѣ и, такъ сказать, поразмять ноги. Вагоны международнаго общества въ скоромъ поѣздѣ такъ-же хороши, какъ въ Nord-Express'ѣ, вечеромъ подаютъ свѣчи въ подсвѣчникахъ, такъ что читать очень удобно. Въ вагонѣ имѣется чайный буфетъ. По стѣнамъ развѣшаны изображенія различныхъ отелей-дворцовъ во всѣхъ частяхъ свѣта, расписаны удобства пребыванія въ нихъ, только предусмотрительно забыта маленькая подробность—указаніе на цѣны. Зачѣмъ преждевременно пугать публику? Разсужденіе довольно правильное.

Къ великому удовольствію я, какъ въ Nord-Express, не увидѣлъ двухъ вещей: во-первыхъ, на стѣнѣ, у самаго потолка оконъ съ декадентскими на нихъ рисунками. Рисунки эти хотя до нѣкоторой степени красивы, но мѣстонахожденіе ихъ очень неудобно, утромъ солнце играетъ въ вагонѣ, бла-

годаря разноцвѣтнымъ стекламъ, всѣми цвѣтами радуги, чѣмъ мѣшаетъ спать.

На утро узнали пріятную новость: поѣздъ, по обыкновенію, опоздалъ, на этотъ разъ на полтора часа.

— Почему такое опозданіе? спрашиваю у кондуктора.

— А кто его знаетъ, такъ ужъ постоянно случается.

Постоянство трудно измѣняемое свойство, а желѣзнодорожное опаздываніе это уже обычай, десятками лѣтъ освященный, и когда онъ искоренится, какому пророку извѣстно?

Благодаря опозданію часовая остановка въ Вержболовѣ была наполовину сокращена.

Въ вокзалѣ, несмотря на близость границы, — все такъ же, какъ и во всѣхъ буфетахъ-трактирахъ нашихъ дорогъ. Двѣ-три покачивающихся личности, кого-то, сидящаго за столикомъ, „уговариваютъ“, въ углу шкафъ съ книгами, среди которыхъ красуется безконечное количество романовъ Гейнце. Къ шкафу, конечно, никто не подходитъ. Наконецъ, все кончено. Паспорта вручены, раздался третій звонокъ... а поѣздъ все стоитъ.

— Чего мы ждемъ?

— Почта не готова.

— У васъ всегда такъ, говоритъ мнѣ нѣмецъ,—послѣ третьяго звонка нужно идти въ буфетъ закусывать, самое удобное время, потому что въ залѣ свободнѣе.

Наконецъ, поѣздъ тронулся и черезъ пять минутъ мы за границей.

Послѣ таможеннаго осмотра, представляющаго несложную формальность, вся публика устремилась въ буфетъ, а многіе къ стоящему тамъ-же книжному шкафу.

Выборъ книгъ совсѣмъ иной! Здѣсь господиномъ Гейнце никого уже не прельстишь...

На шкафу большая надпись: „Огромный выборъ книгъ, не дозволенныхъ русской цензурой“.

— Почемъ этотъ томъ? обращаюсь къ продавцу.

— Девять марокъ.

— Помилуйте, почему же такъ дорого, вѣдь эт. французское изданіе и написано—цѣна семь франковъ, слѣдовательно, не больше шести марокъ?

Продавецъ саркастически улыбается.

— Вы его купите въ Берлинѣ за шесть марокъ, но Берлинъ будетъ только завтра утромъ, а любопытство у всѣхъ большое, вотъ за это я и беру больше... что дѣлать, коммерческій разсчетъ. Имѣете терпѣніе—три марки останутся въ вашемъ карманѣ, хотите скорѣе прочитать—платите лишнее.

Разсчетъ оказывается вѣрнымъ. Публика бранится, однако платитъ.

Послѣ Эйдкунена поѣздъ пошелъ быстро. Вагоны, очень хорошо освѣщенные, удобны, въ поѣздѣ ресторанъ, при каждомъ вагонѣ горничная, которая постоянно вытираетъ пыль, окна. Въ купэ подаютъ ужинъ, вино, остановки очень рѣдки

и на короткій срокъ. Самая большая—пять минутъ въ Кенигсбергѣ, а у насъ на Бѣлой зачѣмъ-то скорый поѣздъ держать восемь минутъ. Объявленія въ вагонахъ на трехъ языкахъ: по-французски, по-нѣмецки и по-русски. На первыхъ двухъ текстъ написанъ правильно, на нашемъ-же—Богъ знаетъ, что выходитъ. Такъ, напримѣръ, одно объявленіе: „on est prié. de ne passe servir du cabinet pendant l'arrêt du train dans les gares“ такъ передано на русскій языкъ, что текстъ объявленія никакая цензура не позволила бы привести дословно.

Послѣ Берлина поѣздъ пошелъ еще быстрѣе. Солнце ярко свѣтило на голубомъ небѣ, поля зеленѣли, о снѣгѣ и помину нѣтъ. Пассажиры на станціяхъ и въ поѣздѣ въ лѣтнихъ пальто или въ одномъ платьѣ, несмотря на 1 декабря, а только третьяго дня въ Петербургѣ—холодъ, снѣгъ, вьюга, шубы... Вечеромъ, въ Кельнѣ, остановка два часа. Всякій разъ, пріѣзжая въ этотъ городъ, я отправляюсь любоваться соборомъ. Это одно изъ красивѣйшихъ зданій на свѣтѣ и каждый разъ я смотрю на него съ восторгомъ. Какъ-то не вяжется съ величественнымъ памятникомъ среднихъ вѣковъ окружающая его обстановка—электрическіе омнибусы и извозчичьи экипажи.

Полюбовавшись соборомъ, я взялъ электрическій экипажъ и отправился кататься по городу.

Меня поразила тенденція городскихъ порядковъ какъ разъ обратная, чѣмъ у насъ, въ особенности въ Петербургѣ. Въ Кельнѣ, какъ и во многихъ городахъ Европы, насколько я замѣчалъ, удобства создаются раньше всего въ цѣляхъ большинства, а затѣмъ уже идутъ отдѣльныя личности. Такъ, напримѣръ, по улицамъ, несмотря на ихъ крайнюю узкость, проложены рельсы конно-желѣзной дороги и экипажи должны въ мѣстахъ разъѣзда останавливаться, такъ какъ двумъ въ рядъ вагонамъ и экипажу нѣтъ мѣста, словомъ, первымъ поставлены интересы большаго числа жителей, такъ какъ на извозчикахъ, а въ особенности въ собственныхъ экипажахъ ѣздитъ меньшая часть. Совсѣмъ не то у насъ. По широкому Невскому извозчики должны съ обѣихъ сторонъ ѣхать гуськомъ, устраивая въ часы разгара движенія какую-то похоронную процессію, большая же часть улицы представлена движенію собственныхъ экипажей. Тутъ они могутъ показывать удаль рысаковъ, способность шинъ брызгаться на дальнія разстоянія и т. д., словомъ первое мѣсто экипажамъ безъ номера, второе—съ номеромъ и послѣднее—самому нужному способу передвиженія—конкѣ. По одной изъ широчайшихъ улицъ на свѣтѣ, не обладающей особо многочисленнымъ движеніемъ—нѣтъ мѣста, чтобы проложить второй рядъ рельсъ! Причина—нежеланіе стѣснить движеніе лихачей и собственныхъ экипажей. Существуетъ проектъ убрать рельсы Каменноостровскаго проспекта, дабы удобнѣе было обратить улицу въ мѣсто бѣговъ! По нѣкоторымъ улицамъ—Б. Морской, Вознесенскому проспекту и т. д. не прокладываютъ рельсъ, чтобы не стѣснить

движеніе экипажей. И такъ во многомъ. Укажу еще на нѣкоторые примѣры: въ случаѣ какой-либо процессіи, похоронной что ли, которой, собственно говоря, нѣтъ и нужды занимать собой всю ширину улицы — первымъ прекращается движеніе конки, т. е. наиболѣе нужнаго экипажа. Экипажи также рѣзко отличаются одинъ отъ другого. Помимо указаннаго мною права скорой ѣзды — нѣкоторые извозчики, называемые лихачами, имѣютъ право стоять на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ извощики для публики наиболѣе необходимы, но именно эти-то лихачи совсѣмъ не нужны массѣ. Простые „ваньки" изгоняются, а лихачи, которые меньше какъ за три рубля съ мѣста не сдвинутся, занимаютъ „свои собственныя мѣста". Возьму еще примѣръ: къ театру подъ крышу подъѣзда можно въѣхать только въ экипажѣ безъ номера, несмотря ни на какую погоду, ни вы, ни ваша дама не можетъ воспользоваться крышей, если вы ѣдете на извозчикѣ. Онъ долженъ останавливаться дальше, хотя эти другіе идутъ въ тотъ же театръ и, можетъ быть, въ такія-же самыя мѣста. То-же при выходѣ изъ театра. Дамы, не имѣющія собственныхъ экипажей должны идти по улицѣ, въ вьюгу или дождь, къ извозчику. Онъ не можетъ подъѣхать ближе. Сохранять свой туалетъ или самихъ себя отъ простуды—исключительное право владѣющихъ собственными экипажами.

Но я увлекся и изъ Кельна вернулся было въ Петербургъ.

Въ Кельнѣ подаютъ французскіе вагоны, во многомъ уступающіе нѣмецкимъ. Можно было бы составить такую пропорцію: во сколько разъ нѣмецкіе вагоны лучше русскихъ, во столько-же разъ французскіе — хуже нѣмецкихъ, хотя больше уже нѣтъ непроходныхъ вагоновъ, открывающихся снаружи, въ каждое купэ отдѣльно.

Поѣздъ биткомъ набитъ, тѣсно. Черезъ полтора часа бельгійская граница.

Появленіе кондуктора, говорящаго по-французски, привѣтствуется общими радостными восклицаніями. Наконецъ, Бельгія. Гг. бельгійскіе таможенные чиновники пришли, наконецъ, къ справедливому заключенію, что пассажировъ, ѣдущихъ прямымъ поѣздомъ во Францію, не слѣдуетъ стѣснять бельгійскими таможенными формальностями, и поэтому не являются вовсе, подобно тому, какъ то дѣлаютъ таможенные въ Монако. Я знаю, что тамъ такіе чиновники имѣются, но, сколько разъ я ни ѣздилъ въ княжество, ни разу ни одного таможеннаго не видѣлъ.

На первой-же бельгійской станціи сразу видно что-то иное, выражающееся въ мелочахъ, хотя бы, напримѣръ, форма объявленія о чемъ-либо. На станціи вывѣшено слѣдующее правило: „Loi"—далѣе написано мелко и разобрать строчку я не могъ — потомъ крупно: „Leopolde II, Roi des Belges. À tous présents et à venir — salut!" Форма обращенія къ пу-

близкѣ иная. Ближе къ востоку ничего подобнаго нѣтъ.—Черезъ два часа—французская граница. Таможенные чиновники обходятъ вагоны и ищутъ сигаръ. Раскрываютъ чемоданы только въ курительныхъ купэ. Находятъ у многихъ, да и немудрено. Каждый курящій сигары старается привезти съ собой насколько возможно больше, такъ какъ во Франціи сигары, даже дорогія, такъ плохи, что курить ихъ можно только въ видѣ строгаго наказанія. Черезъ три часа Парижъ.

Вѣчно живой, блестящій, съ бьющей ключемъ жизнью, онъ каждый разъ производитъ сильное впечатлѣніе на пріѣзжающаго, сколько бы разъ онъ тамъ ни былъ. Головокружительная суетня экипажей, электрическихъ омнибусовъ, каретъ, колясокъ, велосипедовъ, всюду огромная, элегантная толпа, огромныя окна магазиновъ, крики камло—все это живо представляется предъ бывавшими въ столицѣ міра, знающими ея жизнь, и никакое описаніе Парижа не даетъ настоящаго понятія тѣмъ, кто тамъ никогда не былъ. Парижъ надо видѣть, чтобы понять его жизнь.

Наконецъ, вдали, на небѣ, тонкій, какъ паутина, явился силуэтъ Эйфелевой башни.

Парижъ! Шумный, веселый, разнообразный, полный жизни и интереса въ ней, онъ каждый разъ на пріѣзжающаго производитъ сильное впечатлѣніе.

Сколько разъ Парижъ и его жизнь была описываема, но всѣ описанія не даютъ о немъ настоящаго понятія.

Я далекъ отъ мысли описывать Парижъ. Мнѣ хочется сказать лишь нѣсколько словъ по поводу нѣкоторыхъ учрежденій Парижа, главнымъ образомъ, нашей высшей русской школы общественныхъ наукъ, нѣкоторыхъ интересныхъ лицъ, въ немъ живущихъ, и набросать, въ дальнѣйшемъ, штрихи жизни студенчества русскаго и французскаго.

II.

Парижъ.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ.

Вся учащаяся молодежь, по моимъ наблюденіямъ раздѣляется на три, такъ сказать, категоріи. Къ первой слѣдуетъ отнести молодыхъ людей, которые поступаютъ въ высшія учебныя заведенія исключительно затѣмъ, чтобы получить дипломъ, открывающій право на поступленіе на государственную службу и болѣе или менѣе успѣшное ея прохожденіе, и, во всякомъ случаѣ, дающій обезпеченіе на службѣ. Наука такого рода молодежь сама по себѣ очень мало интересуетъ. Нуженъ одинъ только дипломъ, все равно какой именно, и больше ничего. Прохожденіе курса высшаго учебнаго заведенія являет-

ся исключительно средствомъ для полученія желанной бумаги. Эта категорія учащихся, къ сожалѣнію, наиболѣе многочисленная, это будущіе карьеристы, не останавливающіеся передъ средствами для достиженія цѣли.

Слѣдующая затѣмъ группа молодежи, ищущей науки, но считающей, что и дипломъ „очень недурная штучка", пренебрегать которой отнюдь не слѣдуетъ, словомъ, наука сама по себѣ, а дипломъ—самъ по себѣ, одно съ другимъ смѣшивать нельзя. Наконецъ, третій и, къ сожалѣнію, самый немногочисленный классъ тѣхъ, которые поступаютъ въ высшее учебное заведеніе во имя науки и ради нея самой. Это будущіе двигатели прогресса, свѣточи просвѣщенія.

14-го ноября текущаго года въ Парижѣ,—въ 8½ часовъ вечера, на улицѣ Сорбонны, въ д. № 16, открылась русская высшая школа общественныхъ наукъ, а не парижскій университетъ, какъ неправильно окрестили этотъ храмъ науки немногія русскія газеты, сообщавшія публикѣ объ этомъ выдающемся событіи. Высшая русская школа общественныхъ наукъ призываетъ въ свои стѣны именно ту молодежь, которая поступаетъ въ учебныя заведенія только ради жажды знанія, не только чуждая такъ сказать немедленнаго извлеченія меркантильныхъ интересовъ изъ факта окончанія курса, но даже сознающая, что стремленіе въ столицу міра, гдѣ читаютъ во французскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ выдающіеся профессора, которыхъ можно слушать одновременно съ слушаніемъ лекцій въ русской школѣ, можетъ быть, въ разныхъ мѣстахъ и въ настоящее время и въ будущемъ поставлено большимъ извѣстнаго рода минусомъ.

Сюда идутъ только тѣ, кто ищетъ знанія, а не диплома, такъ какъ никакого свидѣтельства объ окончаніи курса школа не даетъ. Открытіе перваго высшаго учебнаго заведенія въ Парижѣ было встрѣчено общимъ сочувствіемъ французскаго общества и русской колоніи. На открытіи были произнесены рѣчи профессорами М. М. Ковалевскимъ, Мечниковымъ и де-Роберти.

Черезъ нѣсколько дней по открытіи, школа имѣла 225 платныхъ слушателей и слушательницъ (125 женщинъ и 100 мужчинъ), не считая 34 человѣкъ русскихъ рабочихъ-ремесленниковъ, вовсе освобожденныхъ отъ взноса платы. Въ числѣ 225 человѣкъ большинство прибывшихъ изъ различныхъ мѣстъ Россіи—Москвы, Одессы, Петербурга, Харькова, Полтавы, Казани, даже есть изъ Томска и Иркутска. Большая часть слушателей окончила русскія классическія гимназіи и реальныя училища, нѣкоторые — бывшіе студенты русскихъ университетовъ по всевозможнымъ факультетамъ, есть даже медики и инженеры путей сообщенія. Почти всѣ студентки имѣютъ дипломы объ окончаніи среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, а также есть и бывшія слушательницы Бестужевскихъ, Лесгафтовсткихъ и другихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

По возрасту большая часть имѣетъ 20—28 лѣтъ, 3—17 лѣтъ, 8—19—20 лѣтъ, 20—36—40 лѣтъ, 1—53 года и одинъ 59 лѣтъ. Спеціально прибыло въ Парижъ для поступленія во вновь открытую школу высшихъ общественныхъ наукъ—160 человѣкъ, остальные слушали лекціи въ Парижѣ въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Плата въ школѣ за годъ—10 франковъ, за ½ года 5 франковъ, билетъ для публики для входа на каждую отдѣльную лекцію стоитъ 30 сантимовъ. Общей программы лекцій на весь годъ нѣтъ, а каждыя двѣ недѣли выходитъ росписаніе лекцій на это время. Въ настоящій періодъ, съ 1 по 14 декабря дѣйствуетъ слѣдующій бюллетень:

Воскресенье 1 и 8 дек., 8—10 час. веч. М. Ковалевскій—Происхожденіе американской демократіи.

Понедѣльникъ 2 и 9 дек., 10—12 ч. утра. М. Ковалевскій—Исторія сословій въ Россіи.

12—1 ч. дня. Е. Аничковъ—Литературныя теоріи XIX вѣка.

Вторникъ 3 и 10 дек., 10—12 ч. утра. М. Ковалевскій—Экономическая исторія Европы. Рабочій вопросъ въ средніе вѣка.

Среда 4 и 11 дек., 10—11 ч. утра. М. Ковалевскій—Исторія сословій въ Россіи.

11—12 ч. дня. Ѳ. Волковъ—Основы антропологіи.

Четвергъ 5 и 12 ч. дек., 11—12 утра. Ю. Гамбаровъ—Гражданское право.

8—10 ч. вечера. М. Ковалевскій—Происхожденіе американской демократіи.

Пятница 6 и 13 дек., 10—11 ч. утра. В. Анри—Объ ассоціаціи идей.

11—12 ч. утра. И. Щукинъ—Религіозныя движенія 14-го и 15-го вѣковъ.

12—1 ч. дня. Е. Аничковъ—Русское язычество.

Суббота 7 и 14 дек., 11—12 ч. утра. Léopold Lacour—
1) Exercices pratiques de langue et littérature française.
2) La question féministe.

Суббота 14 дек., 10—11 ч. утра. Д-ръ Крушколъ—Основные принципы физическихъ наукъ.

Объявленіе, приводимое дословно въ примѣчаніи, даетъ понятіе объ администраціи высшей школы общественныхъ наукъ въ Парижѣ, правилахъ, составѣ профессоровъ и предполагаемомъ курсѣ.

Я былъ почти на всѣхъ лекціяхъ, объявленныхъ въ приведенномъ мною бюллетенѣ отъ 1—14 декабря, и изъ своихъ посѣщеній вынесъ самое отрадное впечатлѣніе. Небольшая зала была совершенно полна, а по вечерамъ, къ контингенту учащихся въ школѣ присоединяются представители и представительницы здѣшней колоніи. Число интересующихся значительно и разовой сборъ съ лекцій достигаетъ иногда порядочной суммы.

Отношеніе между профессорами и слушателями именно такое,

къ которому, повидимому, стремятся теперь въ Россіи, т. е. самое простое, сердечное. Профессоръ, одѣтый въ обыкновенный сюртукъ, приходя въ аудиторію, здоровается съ встрѣчающимися на пути къ каѳедрѣ и начинаетъ чтеніе лекціи. Нѣтъ никакого общаго „вставанія" предъ появленіемъ „начальства въ вицъ-мундирѣ". По окончаніи лекціи профессоръ не бѣжитъ стремглавъ въ курилку, а сходитъ съ каѳедры и даетъ желающимъ необходимыя разъясненія, указываетъ на курсы, пособія, на французскихъ профессоровъ, лекціи которыхъ явились бы вспомогательными. При необходимости болѣе сложнаго разговора, профессоръ приглашаетъ къ себѣ на домъ и тамъ даетъ нужныя разъясненія. Отношеніе учащихъ къ учащимся, теплое, сердечное, не похожее на обращеніе „начальства съ подчиненными".

Мысль объ устройствѣ высшей русской школы за границей не нова. Она явилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ у русскихъ профессоровъ, читающихъ лекціи въ Брюссельскомъ университетѣ, гдѣ, благодаря многочисленности русскихъ слушателей, по желанію ихъ, для большаго удобства пониманія, былъ профессорами прочитанъ цѣлый рядъ лекцій на русскомъ языкѣ. Во время послѣдней всемірной выставки, въ Парижѣ открылась международная школа съ русскимъ въ ней отдѣленіемъ, во главѣ котораго находился почти весь составъ комитета нынѣ открытой русской школы. Многочисленность слушателей дала мысль объ открытіи постоянной школы. Средства ея небольшія, да пока, многаго и не нужно. За помѣщеніе, состоящее изъ одной залы-аудиторіи въ 1 этажѣ, школа платитъ 1000 франковъ въ годъ. Профессора не только не получаютъ никакого вознагражденія за свой трудъ, но и матеріально помогли возможности открытія учебнаго заведенія.

Первоначально предполагалось открыть школу въ Брюсселѣ, за этотъ городъ говорила дешевизна жизни, что составляетъ вопросъ большого значенія, такъ какъ значительная часть студенчества люди совершенно необезпеченные въ матеріальномъ положеніи, но затѣмъ предпочтеніе было оказано Парижу, гдѣ наряду съ лекціями въ русской школѣ можно слушать выдающихся профессоровъ французскихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, въ Парижѣ-же собрано все необходимое по всѣмъ отраслямъ науки въ библіотекахъ и музеяхъ, стоящихъ по своему содержимому неизмѣримо выше не только брюссельскихъ, но и многихъ другихъ.

„На первыхъ-же порахъ, говорилъ мнѣ одинъ изъ уважаемыхъ профессоровъ,—мы несемъ нареканія, правда, крайнихъ элементовъ, за нашъ способъ преподаванія. Недовольные говорятъ, что весь читаемый нами курсъ можно было бы читать и въ Россіи. Въ этомъ смыслѣ недовольство справедливо, потому что это дѣйствительно такъ, и иначе быть не можетъ. Мы собрались сюда не для политическихъ цѣлей, не съ тѣмъ, чтобы школу обратить въ мѣсто призыва съ каѳедры, нѣтъ, мы здѣсь во имя одной только науки. Политика

съ одной стороны, и выгода окончанія курса, съ другой, въ формѣ дипломовъ, свидѣтельствъ или какихъ-либо правъ, о чемъ насъ много запрашиваютъ изъ Россіи, совершенно не входитъ въ наши цѣли. Мы здѣсь служимъ, повторяю, одной только наукѣ и къ намъ идутъ люди, которые хотятъ учиться".

О жизни русскаго студенчества въ Парижѣ я поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

Примѣчаніе:

Comité de perfectionnement

MM. Aulard, prof. à la Faculté des lettres de Paris; Berthelot, de l'Académie Française, secrétaire perpétuel de l'Académie des Sciences, ancien ministre de l'instruction publique: André Berthelot, député de Paris; Léon Bourgeois, député, ancien ministre de l'instruction publique; A. Croiset, de l'Institut, doyen de la Faculté des Lettres de Paris; Dr. E. Delbet, député, directeur du Collège libre des sciences sociales; G. Deherme, directeur de la Coopération des Idées; Ch. Dejongh, ancien bâtonnier de l'ordre des avocats à Bruxelles, secrétaire-général de l'Université Nouvelle de Bruxelles; G. De Greef, Recteur de l'Université Nouvelle de Bruxelles; E. Duclaux, directeur de l'Institut Pasteur et de l'Ecole des Hautes Etudes Sociales; Espinas, prof. à la Faculté des Lettres de Paris; A. Fouillée, membre de l'Institut de France et de la Société Psychologique de Moscou; E. Fournière, député, prof. à l'Ecole des Hautes Etudes Sociales; Ch. Gide, prof. à la Faculté de Droit de Paris; P. Janson, membre de la Chambre des Représentants à Bruxelles, prof. de Droit à l'Institut des Hautes Etudes de Bruxelles; A. Leroy-Beaulieu, membre de l'Institut; Ch. Lyon Caen, de l'Institut; G. Monod, membre de l'Institut; Gaston Paris, de l'Académie Française directeur du Collège de France; Paul Adam, homme de lettres; Edmond Picard, sénateur du royaume de Belgique, prof. à l'Université Nouvelle de Bruxelles; J. Psichari, directeur d'études à l'Ecole des Hautes Etudes; Elie Reclus, prof. à l'Université Nouvelle de Bruxelles; G. Renard, prof. au Conservatoire des Arts et Métiers; Th. Ribot, membre de l'Institut, prof. au Collège de France; Ch. Richet, prof. à la Faculté de Médecine de Paris; G. Sorel, publiciste; G. Tarde, de l'Institut, prof. au Collège de France; E. Vandervelde, membre de la Chambre des Représentants à Bruxelles, docteur es-sciences sociales; Emile Zola, homme de lettres. [1])

---

[1]) Sollicité de faire partie du Comité de patronage de l'Ecole R. des H. E. S., M. Elisée Reclus a répondu en faisant à l'Ecole l'insigne honneur de s'inscrire sur la liste des étudiants.

Commission exécutive pour l'année 1901=2

Membre d'honneur du Groupe russe de l'Association Internationale Comte Léon Tolstoï.

Président du Groupe russe le prof. E. Metchnikoff.

Vice-Présidents les prof. M. Kovalevsky et E. de Roberty.

Secrétaires les prof. G. Gambaroff et Anitchkoff.

Administrateurs Paul Adam — André Berthelot — Dr. E. Delbet.

STATUTS

But de la fondation

Article premier. Conformément à l'article 2 des Statuts du Groupe Russe de l'Association Internationale pour le développement de la science, des arts et de l'éducation [1]), une Ecole des hautes Etudes sociales est fondée à Paris.

Art. 2. Les cours de l'Ecole sont donnés principalement en langue russe.

Art. 3. L'enseignement fourni par l'Ecole comporte: a) des cours systématiques dans les diverses branches des sciences sociales; b) des conférences et des leçons supplémentaires; c) des exercices pratiques, visites, excursions, etc.; d) des enquêtes sur diverses questions, suivies de débats.

Art. 4. Les chaires de l'Ecole sont libres et autonomes. Chaque professeur a la direction et la responsabilité de son cours dans la limite du respect de la loi.

Art. 5. Les étudiants de l'Ecole peuvent solliciter des certificats d'études sociales. Pour obtenir un tel certificat, il est nécessaire: a) de produire trois attestations, délivrée chacune par un professeur; b) de présenter une thèse écrite ou imprimée approuvée par le Conseil des professeurs; c) de soutenir cette thèse dans une discussion publique.

Administration

Art. 6. L'Ecole russe des hautes études sociales est dirigée par un Conseil des professeurs, qui se recrute lui même par voie élective, après avoir été formé, initialement, par les membres du Comité du Groupe russe de l'Association Internationale. La représentation légale est assurée par la nomination d'au moins trois administrateurs, délégués par le Conseil des professeurs.

Art. 7. Le Conseil des professeurs choisit, dans son sein une Commission exécutive, composée de cinq membres: un président, deux vice-présidents et deux secrétaires (dont l'un remplit les fonctions de trésorier). La Commission exécutive organise l'enseignement, désigne les professeurs, les suppléants, les conférenciers, surveille la direction des études, établit le budget et contrôle les dépenses.

[1]) „Le Groupe russe poursuit plus particulièrement deux buts; 1-e . . 2-e contribuer à l'établissement: a) d'écoles internationales de hautes études scientifiques et d'universités internationales populaires; b) de centres permanents de renseignements scientifiques internationaux et de relations personnelles entre savants, littérateurs et artistes russes et étrangers".

Conditions d'admission

Art. 8. L'enseignement de l'Ecole russe est gratuit; sont admises aux cours toutes les personnes qui en font la demande.

Art. 9. Toutefois, les personnes qui désireraient obtenir un certificat d'études, sont tenues: a) de s'inscrire au secrétariat: b) de verser un droit d'inscription de 10 francs par année (ou de 5 francs par semestre). Les auditeurs inscrits sont admis à tous les cours, conférences, exercices pratiques etc. donnés à l'Ecole. Le Conseil des professeurs est autorisé à faire aux personnes nécessiteuses la remise complète du droit d'inscription.

Comité de perfectionnement et de patronage

Art. 10. Il sera procédé à l'organisation d'un Comité de perfectionnement et de patronage composé de savants et d'écrivains étrangers et russes qui seront élus à cet effet par le Conseil des professeurs.

Aperçu des principaux cours.

I. Philosophie et méthodologie des sciences mathématiques, physico-chimiques et biologiques.

II. Philosophie et méthodologie des sciences sociales, E. de Roberty, prof. à l'Univ. Nouv. de Bruxelles.

III. Histoire générale et Sociologie descriptive, M. Kovalevsky, anc. prof. à l'Univ. de Moscou; J. Loutchitsky, prof. à l'Univ. de Kiev; N. Kareieff, anc. prof. à l'Univers. de St.-Pétersb.; M. Tamamcheff, orientaliste.

IV. Anthropologie et ethnographie, Th. Volkoff, memb. de la Soc. d'Anthr. de Paris.

V. Histoire des religions, J. Stchoukine, prof. à l'Univers. Nouv. de Bruxelles.

VI. Evolution des faits et des doctrines économiques, A. Issaieff, ancien prof. à l'Univers. de St.-Pétersb.; N. Karycheff, prof. à l'Institut agr. de Moscou; G. Iollos, publiciste.

VII. Histoire des doctrines et des institutions politiques, M. Kovalevsky, ancien prof. à l'Univ. de Moscou.

VIII. Histoire des doctrines et des institutions du droit civil (famille, propriété, héritage, etc.), G. Gambaroff, anc. prof. à l'Univ. de Moscou; M. Vinaver, avocat à la cour d'app. de St.-Pétersb.

IX. Criminologie sociale, Dr. Bajenoff, anc. ch. de cours à l'Univ. de St.-Pétersb.

X. Histoire des idées métaphysiques et morales, E. de Roberty, prof. à l'Univ. Nouv. de Bruxelles.

XI. Histoire des littératures et des beaux-arts, E. Anitchkoff, anc. ch. de cours à l'Univ. de Kiev.

Nota.—En outre des professeurs indiqués plus haut, le Comité du groupe russe de l'Association Internationale croit pouvoir compter sur le concours actif de MM. A. Tchouproff, prof.

à l'Univ. de Moscou; E. Metchnikoff, prof. à l'Institut Pasteur; Th. Erismann, anc. prof. à l'Univ. de Moscou; M. Tougan-Baranovsky, anc. ch. de cours à l'Univ. de St.-Pétersb.; P. Strouvé; S. Venguereoff, ancien ch. de cours à l'Univ. de St.-Pétersb.; P. Milioukoff, ancien prof. aux Universités de Moscou et Sofia; V. Goltzeff, anc. prof. à l'Univ. de Moscou; P. Boborykine, homme de lettres; J. Greaves, anc. chargé de cours à l'Univ. de St.-Pétersbourg; A. Kaminka, chargé de cours à l'Univ. de St.-Pétersbourg; K. Waliszewski, homme de lettres; J. Novicow, économiste; Ossip Lourié, docteur ès-lettres; Victor Henri, docteur en philosophie, etc., etc.

Les lettres et autres communications écrites doivent être adressées soit à M. Anitchkoff, 11 bis, rue Faraday, à Paris, soit au secrétaire-général du Groupe russe, M. le professeur G. Gambaroff, 226, boulevard Raspail, à Paris. Les inscriptions sont reçues au Siège de l'Ecole, 16, rue de la Sorbonne, tous les jours, excepté le dimanche, de 11 heures à midi.

ANNÉE SCOLAIRE 1901/2. — PROGRAMME DES COURS.

a) Cours réguliers.

I. Philosophie et méthodologie des sciences mathématiques, physico-chimiques et biologiques.
Nota.—Cet enseignement est en voie de s'organiser.

II. Philosophie et méthodologie des sciences sociales.
E. de Roberty, prof. à l'Univ. Nouv. de Bruxelles.— Sociologie générale. (Mars-Juin, 1 heure par semaine).

III. Histoire générale et sociologie descriptive.
1. M. Kovalevsky, anc. prof. à l'Univ. de Moscou.— Origines et évolution de la Fédération américaine. (Novembre-Décembre, 15 leçons).
2. N. Kareieff, anc. prof. à l'Univ. de St.-Pétersbourg.
   a) La sociologie en Russie. (Décembre-Janvier, 10 leçons).
   b) Le rôle de l'individu dans l'histoire. (Décembre-Janvier, 8 leçons).
3. I. Loutchitsky, prof. à l'Univ. de Kiev.—Evolution de la propriété foncière en France au XVIII siècle. (Juin-Juillet, 10 leçons).
4. J. Stchoukine, prof. à l'Univ. Nouv. de Bruxelles. —Introduction à l'étude de l'histoire. (Novembre-Janvier, 1 heurs par semaine).
5. M. Tamamscheff, membre de la Société Asiatique de Paris.—Etudes sur l'histoire de l'Asie antérieure. (Novembre-Janvier, 1 heure par semaine).

IV. Anthropologie et ethnographie.
Th. Volkoff, directeur des „Materialy do ukraïnsko

ruskoï Ethnolohyi". — Les principes généraux de l'anthropologie. (Novembre-Juin, 1 heure par semaine).

V. Histoire des Religions.
1. E. Anitchkoff, anc. chargé de cours à l'Univ. de Kiev. — Le paganisme russe ancien et moderne. (Novembre-Février, 1 heure par semaine).
2. I. Stchoukine, prof. à l'Univ. Nouv. de Bruxelles — Le mouvement religieux et social aux 14 et 15 siècles (Novembre-Juin, 1 heure par semaine).

VI. Evolution des faits et des doctrines économiques.
1. N. Karyscheff, prof. à l'Inst. agron. de Moscou. — Principes d'économie politique: les lois de la production, les lois de la distribution. (Décembre-Janvier, 20 leçons; Juin Juillet, 20 leçons).
2. A. Issaieff, anc. prof. à l'Univ. de St.-Pétersbourg. — Economie politique.
3. G. Iollos, rédacteur aux „Rousskia Vedomosti". — Législation sociale en Allemagne, en Autriche et en Suisse. (Février-Mars, 10 leçons).

VII. Histoire des théories et des institutions politiques.
1. M. Kovalevsky, anc. prof. à l'Univ. de Moscou. — Les problèmes fondamentaux du droit public. (Mars-Juin, 1 heure par semaine).
2. M. Hessen, chargé de cours à l'Univ. de St.-Pétersbourg. — Les Institutions locales en Russie. (Mai-Juillet).

VIII. Histoire des doctrines et des institutions du droit civil.
1. G. Gambaroff, anc. prof. à l'Univ. de Moscou. —
 a) Introduction historique à l'étude du droit civil. (Novembre-Mars, 1 heure par semaine).
 b) Les problèmes fondamentaux du droit civil. (Mars-Juillet, 1 heure par semaine).
2. M. Vinaver, avocat à la Cour d'appel de St.-Pétersbourg. — La législation civile de l'Europe moderne. (Mai-Juillet).

IX. Criminologie sociale.
Dr. Bajenoff, anc. chargé de cours à l'Univ. de St.-Pétersbourg. — Psychologie du criminel. (Mars-Juin).

X. Evolution des idées métaphysiques et morales.
E. de Roberty, prof. à l'Univ. Nouv. de Bruxelles. — Lois fondamentales du développement des idées et des systèmes métaphysiques. (Mars-Juin, 1 heure par semaine).

XI. Histoire des littératures et des beaux-arts.
E. Anitchkoff, anc. chargé de cours à l'Univ. de Kiev. — Les théories littéraires du 19-e siècle. (Novembre-Juin, 1 heure par semaine).

b. Cours complémentaires et conférences.

E. Metchnikoff, prof. à l'Institut Pasteur. — Sur le blanchiment des cheveux. (2 conférences).

E. de Roberty, prof. à l'Univ. Nouv. de Bruxelles. — Trente ans de self-governement local en Russie: le Zemstvo, ses luttes, ses victoires, ses défaites. (1 conférence contradictoire).

G. Iollos, rédacteur aux „Rousskia Védomosti". — Les traités de commerce. (2 conférences).

P. Apostol, Dr. ès-sc. politiques de l'Université de Munich. — Les syndicats industriels en France. (Cours complémentaire d'économie politique, Mars-Mai, 8 leçons).

Pierre Boborykine, membre de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg. — L'évolution du roman en Europe. (2 conférences).

Paul Boyer, prof. à l'Ecole des langues orientales.—Comment les Russes apprennent le français? (1 conférence).

Léopold Lacour, homme de lettres. — Les luttes du féminisme et l'état de la question en Europe et dans le monde. (3 conférences).

K. Waliszewski. — Ivan le Terrible. (En décembre, 2 conférences).

Elie Reclus, prof. à l'Univ. Nouv. de Bruxelles. — Le contenu panthéiste des religions. (En avril-mai, 6 à 10 conférences).

Alexandre Ular, explorateur.—L'économie sociale chinoise. (M. Ular donnera plusieurs conférences sur d'autres sujets touchant à l'Extrême-Orient).

Victor Henri, docteur en philosophie.—Les lois de la mémoire. (En novembre; cette conférence ouvrira une série de leçons sur des questions de psycho-physiologie).

Dr. Krouchkoll.—Les problèmes fondamentaux de la physique. (Série de conférences).

c. Exercices et travaux pratiques.

1. Groupe d'études philosophiques, sous la direction de M. E. de Roberty. (Mars-Mai).
2. Groupe d'études sociales, sous la direction de M. Kovalevsky. (Mars-Juin).
3. Groupe d'études juridiques, sous la direction de M. Gambaroff. (Janvier-Mai).
4. Etudes pratiques de litterature comparée, dirigées par M. E. Anitchkoff. (Janvier-Mai).
5. Etudes pratiques de langue et de littérature françaises, dirigées par M. Léopold Lacour. (Décembre-Mars).

d. Enquêtes et discussions.

LA RUSSIE AU DÉBUT DU XX-me SIÈCLE.

Série d'exposés suivis de discussions sur les questions suivantes: 1) La nouvelle mentalité des masses populaires. Le paysan, l'ouvrier; 2) Le Zemstvo, initiation à la vie publique libre; 3) Le progrès technique, initiation au régime de la grande in-

dustrie; 4) La presse en Russie. Les écoles et les groupement politico-littéraires.

Nota. Les noms des enquêteurs et la date de leurs exposés seront publiés en temps utile dans le bulletin périodique de l'Ecole.

Les inscriptions (art. 9 des Statuts) sont reçues au Siège de l'Ecole, 16, rue de la Sorbonne, de 11 heures à midi, tous les jours, excepté le dimanche.

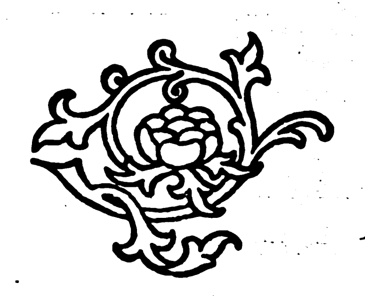
La séance solennelle d'ouverture des cours aura lieu, cette année, le 14 novembre, à 8 h. ½ du soir, dans la salle A. Les allocutions et discours seront prononcés par Elie Metchnikoff, Maxime Kovalevsky et Eugène de Roberty.

Pour tous autres renseignements, s'adresser à M. Anitchkoff, 11 bis, rue Faraday, à Paris.

Un bulletin indiquant les jours et les heures des leçons, conférences, etc. sera publié bi-mensuellement et envoyé à ceux qui en feront la demande.

С. Сухонинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Литературные страстотерпцы.

Рѣдкій изъ старинныхъ литераторовъ, „сидя на санѣхъ", т. е., попросту, приближаясь къ могилѣ, не позаботился о томъ, чтобы повѣдать потомству о достопамятностяхъ своей жизни. Наоборотъ, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ рѣже подобные литературные мемуары, уступающіе мѣсто запискамъ военныхъ и штатскихъ генераловъ. Литература давно уже перестала служить мирнымъ аматерскимъ занятіемъ, журнализмъ сдѣлалъ ее нервнымъ, боевымъ поприщемъ, и писатели падаютъ на своемъ посту, не успѣвая не только подвести итогъ своей дѣятельности, но даже и выразить свою послѣднюю волю.

Единственнымъ автобіографическимъ матерьяломъ отъ писателей новаго періода остается переписка—отрывочная и случайная лѣтопись ихъ общественной и сокровенной жизни. Пользуясь такими реликвіями своего мужа, Л. П. Шелгунова знакомитъ русское общество съ личностью талантливаго публициста—постолько, посколько она отразилась въ интимной перепискѣ мужа съ женой, освѣщая отчасти эту переписку собственными своими воспоминаніями.

Романическая исторія брака Шелгуновыхъ во многомъ схожа съ романомъ А. И. и Н. А. Герценъ. Шелгуновы также кровные родственники: Н. В. приходился своей женѣ двоюроднымъ дядей, и это обстоятельство нѣкоторое время служило препятствіемъ къ ихъ браку. Юношеская переписка Шелгуновыхъ въ свою очередь весьма напоминаетъ переписку Герцена съ своей невѣстой. Эти письма—драгоцѣнные документы, характеризующіе тотъ наивный, но трогательный идеализмъ, которымъ жила и дышала лучшая молодежь 40-хъ годовъ минувшаго вѣка. Оба—и Герценъ, и Шелгуновъ—были въ это время романтиками печоринствующими, оба были полны разочарованія и неясныхъ порывовъ и оба стремились ка-

заться разсудочными даже въ своей любви. Болѣе мятежный и уже въ ранней молодости вынужденный испытать борьбу и преслѣдованія, Герценъ не отличался постоянствомъ и увлекался даже въ Вяткѣ, хотя и каялся невѣстѣ въ своемъ „паденіи"; письма его къ ней полны юношескаго жара и любовной риторики. Между тѣмъ, молодой Шелгуновъ стремится сразу поставить свои отношенія къ будущей женѣ на философскую почву, и въ этой философіи трудно узнать будущаго поборника женской эмансипаціи и обличителя „женскаго бездѣлья". „Коммунисты, писалъ Шелгуновъ невѣстѣ,—хотятъ равенства между мужчиною и женщиной, они, вѣрно, никогда не любили, они вполовину мужчины, потому что не понимаютъ наслажденія власти. Идея равенства была чужду Творца міра. Изъ двухъ людей, любящихъ другъ друга, одинъ всегда сильнѣе другого, и въ такомъ случаѣ сильнѣйшимъ лучше всегда быть мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ. Да я думаю, что и сами женщины отказались бы отъ права власти, потому что онѣ потеряли бы право плѣнять и заставлять себя любить любовью, страстью, выигравъ взамѣнъ ея какое-то почтеніе и покорность. Что можетъ быть смѣшнѣе покорности и смиренія передъ властью, когда покорность—мужчина, а власть—женщина?" Неравенство мужчины и женщины Шелгуновъ выводитъ изъ своихъ взглядовъ на женскую природу, и здѣсь влюбленный юноша мало чѣмъ отличается отъ древняго мизогина—Даніила-Заточника.

Юный теоретикъ женскаго вопроса, конечно, не зналъ еще досконально женщинъ въ дѣйствительности, и чистый идеализмъ его сказался особенно въ воззрѣніяхъ на брачныя отношенія. „Супружескія обязанности, налагаемыя Богомъ и закономъ людей на супруговъ, меня пугаютъ, я слишкомъ уважаю невинность и дѣвственную чистоту, и полагаю, что первое сближеніе супруговъ, которое, по моему физическому и нравственному устройству, никогда не можетъ меня лишить сознанія и отуманить совершенно мою голову, испугаетъ меня; мнѣ кажется, что это сближеніе, требуемое законами божескими и человѣческими, оскорбитъ нѣкоторымъ образомъ женщину не въ ея собственныхъ понятіяхъ, а во взглядѣ на нее мужчины, который видитъ въ ней не женщину-человѣка, а женщину-ангела; матеріальное сближеніе прямо говоритъ: это женщина—плоть, а не женщина—духъ; а я ищу духа, а не плоти". Эта горячая тирада указываетъ, что не въ наши дни возникло безпокойство о физической сторонѣ брака, а что его переживали и полустолѣтіемъ ранѣе... Насколько искренни были эти

слова Шелгунова, видно изъ слѣдующаго замѣчанія автора книги относительно ихъ жизни въ Самарѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы: „Мы съ Н. В. остались прежними идеалистами: выходили изъ своихъ комнатъ вполнѣ одѣтыми и продолжали говорить другъ другу *вы*". Это *вы* въ письмахъ Шелгунова къ женѣ сохраняется вплоть до 1862 г., когда его судьба круто измѣнилась, когда онъ вышелъ въ отставку изъ корпуса лѣсничихъ, поѣхалъ въ Сибирь и тамъ былъ арестованъ.

Собственно съ этого времени и едва ли не случайно началась и литературная дѣятельность Шелгунова. Въ лѣсномъ вѣдомствѣ, гдѣ царили нѣмцы, Шелгунова не обходили только каторжной работой, а удовлетворенія умственнымъ запросамъ, разумѣется, не было никакого. И, вопреки юношескимъ представленіямъ Н. В., женѣ его пришлось самостоятельно зарабатывать хлѣбъ, причемъ нѣкоторое время она даже дѣлилась съ нимъ своей переводной работой. Лѣсная служба хотя и давала извѣстное обезпеченіе, но и тогда уже Н. В. вынужденъ былъ подвергать себя лишеніямъ, не обѣдая, напримѣръ, за границею по недѣлямъ, чтобы сдѣлать маленькое сбереженіе.

На судьбу Шелгунова сильно повліяла ссылка въ Сибирь М. Л. Михайлова, съ которымъ онъ былъ очень друженъ и который даже проживалъ въ семьѣ Шелгуновыхъ. Министръ Зеленый уговаривалъ Н. В. взять мѣсто въ Астрахани и такимъ путемъ дать время забыть о себѣ, но Шелгуновъ предпочелъ выйти въ отставку и вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ съ семьей искать счастья въ Сибирь. Здѣсь послѣдовали встрѣчи съ Михайловымъ, Петрашевскимъ, декабристомъ Завалишинымъ, и тутъ-же супруги Шелгуновы были арестованы: Л. П. была вскорѣ освобождена, а Н. В. увезенъ въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость. Находясь подъ арестомъ, Шелгуновъ не терялъ бодрости, строилъ различные литературные планы и въ каждомъ письмѣ къ женѣ съ трогательной заботливостью справляется о малюткѣ сынѣ, сочиняя для него сказочки, мечтая о его воспитаніи и пр. Въ декабрѣ 1864 г. Н. В. былъ высланъ въ г. Тотьму Вологодской губ., и здѣсь его настроеніе очень понизилось... „Опять овладѣваетъ мной,— писалъ онъ женѣ,—чувство одиночества, котораго я не испытывалъ въ крѣпости и которое охватило меня, какъ только я вышелъ на свободу. Дома нѣтъ, корни вырваны, я одинъ въ четырехъ стѣнахъ, ты за тысячу верстъ, ко мнѣ проѣхать

нельзя—все это такіе факты, изъ которыхъ ни разсудокъ, ни сердце не извлекутъ ничего утѣшительнаго. Ты знаешь, что человѣку, жившему вѣчно въ семьѣ, одиночная жизнь—пытка. У тебя дѣти, вокругъ—люди, которыхъ ты любишь, однимъ словомъ, домъ въ полномъ составѣ. У меня-же черныя деревянныя стѣны, и въ нихъ я такъ-же одинокъ, какъ въ равелинѣ". „Старъ я и слабъ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—крѣпость меня ужасно разстроила; явилось какая-то хилость..." Жена предложила мужу раздѣлить дѣтей и прислать къ нему на житье одного сына. Н. В. сначала испугался этой мысли и отказался отъ ея осуществленія, но затѣмъ, перебравшись въ Устюгъ, горячо ухватился за этотъ планъ и въ цѣломъ рядѣ писемъ торопилъ жену доставить къ нему мальчика, сообщая о своихъ приготовленіяхъ къ его пріему. Но ребенокъ не могъ совершенно измѣнить настроенія Шелгунова. Узнавъ о смерти Михайлова, онъ еще болѣе почувствовалъ себя одинокимъ. „Сорокъ лѣтъ я кипятился и накидывался на людей съ полной искренностью; я ненавидѣлъ ложь и обманъ въ другихъ, не позволялъ никогда ихъ и себѣ. Я всегда былъ искрененъ и въ этомъ считаю все свое достоинство. Но провинція дала мнѣ послѣдвій урокъ мудрости житейской, и я утвердился теперь окончательно на той мысли, возведя ее уже въ принципъ, что лучше всего жить одному въ своемъ собственномъ мірѣ и держать себя подальше отъ того, что въ провинціи считается образованными манерами". Немало пришлось подосадовать Шелгунову и на издателя „Рус. Слова" Г. Е. Благосвѣтлова, который велъ съ нимъ и остальными сотрудниками двойную игру. Журнальныя дрязги и близкій конецъ „Рус. Слова" доводятъ Н. В. въ 1866 г. до полнаго отчаянія... „Моей литературной дѣятельности,—пишетъ онъ,—конецъ, ибо и писать некуда, и мое сотрудничество не будетъ никому нужно... Съ прекращеніемъ работы придется перебиваться, т. е. продовольствоваться какими-нибудь 15 рублями въ мѣсяцъ. На эти деньги жить съ Колей (сыномъ) нельзя. Я придумалъ и еще болѣе мрачныя вещи, да ужъ о нихъ не хочу писать..."

„Литературное дѣло, — говоритъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ,—которое я сначала такъ полюбилъ, начинаетъ мнѣ теперь противѣть. Я бы съ удовольствіемъ промѣнялъ его на такое занятіе, гдѣ видишь, что дѣлаешь, и будь я въ большомъ городѣ, я постарался бы пріискать что-нибудь. Въ Никольскѣ (куда Н. В. переселился изъ Устюга) нельзя найти

никакого дѣла. Здѣсь ненужны даже лакеи. Въ минуту горькихъ размышленій и безнадежности я рѣшилъ просить казенное содержаніе, которое дается ссыльнымъ: 4 р. 50 к. на ѣду и 1 р. 50 к. на квартиру въ мѣсяцъ". Шелгуновъ проектируетъ изучать медицину, не прочь заняться статистикой и даже готовъ поступить въ акцизъ. Конечно, всѣ эти планы вызваны не разочарованіемъ въ литературѣ, а условіями личной жизни Н. В. „Если бы ты знала,—пишетъ онъ,—какъ тяжела поднадзорная лямка и особенно въ темномъ городѣ, какъ Устюгъ. Если бы ты знала, что тамъ за люди, изъ тѣхъ, кто имѣетъ голосъ и вліяніе! Можно съ отчаянія застрѣлиться, только чтобы не видать ихъ". Н. В. настаивалъ, чтобы жена всячески хлопотала въ Петербургѣ о его переводѣ въ болѣе удобную для жизни мѣстность. Но хлопоты Л. П. не привели къ значительнымъ результатамъ: Шелгунова перевели только въ Кадниковъ. Здѣсь, однако, ему пособилъ счастливый случай. Въ Кадниковѣ остановился проѣздомъ князь А. А. Суворовъ. Все начальство ему представлялось, а Н. В. пошелъ къ нему въ качествѣ частнаго лица. Супруга князя была подругой по Смольному матери Л. П. Шелгуновой и остались онѣ въ дружбѣ до самой смерти. Когда Н. В. вошелъ въ пріемную залу, Суворовъ, замѣтивъ его, расцѣловался съ нимъ и, обнявъ, увелъ съ собою въ гостиную, къ великому изумленію уѣздныхъ властей. Послѣ этого Н. В. перевели въ Вологду, гдѣ Шелгуновы снова зажили семьею. Н. В. снова работалъ въ литературѣ, попрежнему лишь огорчаясь отношеніемъ къ нему Благосвѣтлова. Но семейно жить Шелгуновымъ нельзя было долго: работа переводчицы заставляла Л. П. жить въ Петербургѣ, и съ 1870 г. Н. В., переѣхавшій въ Калугу, снова жилъ одинъ и тосковалъ, но 1871—73 г.г. супруги опять прожили вмѣстѣ. Затѣмъ Шелгунова перевели въ Новгородъ, въ Выборгъ, опять въ Новгородъ и, наконецъ, около 1880 г. онъ былъ возвращенъ въ Петербургъ. Въ 1883 г. за рѣчь, которой Н. В. не произносилъ, его опять лишили столицы; вскорѣ онъ былъ реабилитированъ, но лишился званія редактора „Дѣла". Съ 1884 г. началось медленное умираніе разбитаго физически и нравственно писателя, и въ 1891 г. онъ скончался, проведя послѣдніе четыре мѣсяца мучительной болѣзни въ родной семьѣ.

Всю жизнь Н. В. мечталъ о семейномъ гнѣздѣ и о покойной старости. Объ этомъ онъ думалъ даже, будучи 40 лѣтъ

и находясь въ заключеніи: „Часто думаю я о старости—мечтаю объ отдыхѣ и спокойной жизни среди поля, сада, лѣса; хотѣлось бы теплыхъ, ясныхъ, солнечныхъ дней, спокойной безмятежной жизни среди сельскихъ занятій“.

Эта мечта писателя оказалась неосуществимой.

Такъ-же тяжела была и доля Л. П., лишь урывками и на короткіе сроки соединявшейся съ мужемъ. О своей долѣ у ней вырываются такія строки: „Какъ часто приходилось мнѣ слышать отзывы о „прекрасномъ положеніи переводчицъ“! Можетъ ли быть прекраснымъ положеніе, которое всецѣло зависитъ отъ здоровья? Стоило только захворать, чтобы остаться на мели со всѣми дѣтьми. Теперь, когда я почти что доплыла до конечнаго берега, я съ благодарностью оглядываюсь на свою спеціальность. На свой переводъ я прожила и подняла на ноги дѣтей и никогда не бывала въ такомъ положеніи, чтобы не обѣдала, чтобы не на что было купить провизіи. Жизнь мою омрачалъ только страхъ остаться безъ работы“.

Но за что-же злой рокъ такъ преслѣдовалъ Шелгунова? По недоразумѣнію.

Генералъ-аудиторіатъ обвинилъ Н. В., какъ онъ сообщаетъ, по тремъ пунктамъ:

1) Въ сношеніи съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ,—„но я, заявляетъ Н. В., былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, т. е. яснѣе, *видѣлся* въ Петербургѣ, съ разрѣшенія князя Суворова; въ Сибири видѣлся тоже съ разрѣшенія начальства; 2) Что „велъ переписку съ разжалованнымъ рядовымъ В. Костомаровымъ“, хотя переписка съ рядовымъ еще не можетъ быть преступленіемъ и хотя на самомъ дѣлѣ Н. В. написалъ Костомарову лишь одно письмо и въ то время, когда послѣдній былъ офицеромъ; 3) Что „имѣлъ вредный образъ мыслей, доказывающійся непропущенной цензурой статьей“, но, замѣчаетъ Н. В., „если обвинять за статьи нецензурныя, то есть ли хотя одинъ литераторъ, статьи котораго не запрещались бы иногда цензурой?“

Очевидно, Н. В. былъ жертвой „тревожнаго времени“...

М. Мазаевъ.

Впечатлѣнія.

Я СКАЗАЛЪ...

Мнѣ говорятъ, что я поступилъ нехорошо, что я не долженъ былъ разсказывать того, что узналъ, что слѣдовало молчать, не разбивать чужого счастья...

Не было его, этого счастья, и никогда не могло быть.

Явился призракъ, фантазія въ образѣ возможнаго—и больше ничего.

Оно въ желаніи родилось, въ мечтѣ царило, а жизнь—не мечта, жизнь разбиваетъ мечту и все, что на ней создано, несетъ съ собой горе, одно только горе.

Я сказалъ, потому что долженъ былъ это сдѣлать. Я не воспользовался правомъ, но подчинился тяжелой обязанности...

Я зналъ, что онъ хочетъ на ней жениться только оттого, что любитъ и въ любовь вложилъ всю душу, душу изстрадавшуюся, больную, надорванную...

Труженикъ, работникъ, борющійся съ жизнью, онъ встрѣтилъ ее на своемъ тяжеломъ пути, думалъ, что увидѣлъ лучъ солнца въ безпросвѣтной мглѣ, думалъ, что она его полюбила, полюбила его міръ, его работу.

Онъ ждалъ, что она раздѣлитъ съ нимъ его горести, въ ней, только въ ней одной, онъ видѣлъ счастье, свѣтъ жизни...

Онъ шелъ честнымъ путемъ—эта дорога борьбы и терній привела его къ наружному благополучію, но благополучіе для него самого стало одной лишь мишурой, оно давило его душу. Онъ изнемогъ въ одиночествѣ...

И въ это время пришла къ нему любовь.

Онъ полюбилъ ее и думалъ, что любимъ тѣмъ-же серьезнымъ, хорошимъ, святымъ чувствомъ.

Онъ ждалъ дня, когда она придетъ къ нему его, совсѣмъ его, мечтая отдать себя ей, посвятить всю жизнь, а она принесетъ ему любовь. Ничего другого ему не было нужно.

Въ этой любви онъ видѣлъ силу жизни, въ чувство вложилъ всего себя, оно стало его цѣлью и опорой. Въ немъ былъ его міръ и безъ него пустота, безъ надежды, безъ радостнаго дня.

Я пришелъ, чтобы разбить его мечту, сказать, что она его не любитъ...

Я узналъ это отъ нея самой. Она сказала мнѣ, конечно, затѣмъ, чтобы я передалъ ему.

Она сказала потому, что у нея не хватило силы быть откровенной съ нимъ...

Она согласилась быть его женой потому, что рѣшила, что пора выходить замужъ. Ничего больше. Тотъ или другой — все равно. Чувства, о которомъ онъ мечталъ, которое стало его жизнью,—не было и не могло явиться.

Любовь приходитъ потому, что она хочетъ придти. Она отдаетъ сердце человѣка тому, кому захочетъ, и уходитъ, не спрашивая его. Разумъ и волю себѣ подчиняетъ. Царитъ потому, что пришла, прогнать ее выше силъ человѣка.

Я пришелъ и сказалъ ему все. Сказалъ, что дорога, о которой онъ мечталъ—одинъ лишь призракъ. Я сказалъ, что онъ не можетъ идти по ней, такъ какъ тамъ пропасть, а не ровный, покойный путь среди зелени, залитой солнцемъ.

Онъ слушалъ съ начала до конца, слушалъ со страшной болью во взорѣ и ничего не отвѣтилъ.

Черезъ день онъ видѣлъ ее и въ тотъ-же вечеръ его не стало...

Другого выхода не было.

Возвращаться невозможно.

Впереди двѣ пропасти. Пропасть тяжести жизни, долгой, разбитой и пропасть минутной рѣшимости и вѣчнаго покоя. Силъ не было и онъ выбралъ покой.

Мнѣ говорятъ, что я поступилъ какъ злѣйшій врагъ, что я долженъ былъ молчать.

Молчать...

Все равно онъ узналъ бы потомъ.

Мечта любви живетъ не долго.

Онъ понялъ бы ошибку, жизнь не стала бы ее скры-

вать. Конецъ одинъ и тотъ-же, немного ранѣе или позднѣе. Дѣло не во времени.

Я сказалъ потому, что я былъ его другомъ и долженъ былъ сказать.

Я не воспользовался правомъ, но подчинился тяжелой обязанности...

МЕЧТА.

Я бы хотѣлъ любить...

Любить безъ страсти, безъ объятій, поцѣлуевъ.

Лелѣять мысль, что я любимъ душой, одной душой, безъ ласкъ, упрековъ, слезъ.

Я жить хотѣлъ бы тамъ, въ моей мечтѣ далекой, гдѣ мысль и сердце вмѣстѣ бы слились.

Я бъ дѣвушку хотѣлъ любить, какъ у ребенка съ помыслами чистыми и яснымъ взоромъ глазъ, какъ воды ручейка.

Я въ тайникахъ души ея хотѣлъ бы быть желаннымъ другомъ, въ нее вселить весь міръ, всѣ радости, всѣ помыслы, желанья.

Я бы хотѣлъ, чтобъ рѣчь моя была нѣжна, какъ плескъ волны, какъ свѣтъ луны въ полночный часъ, чтобъ та любовь несла съ собой одно лишь только счастье...

И умереть хотѣлъ бы я любимымъ, и послѣ смерти быть не въ чудномъ паркѣ рая, а жить въ глазахъ ея и памятью владѣть...

С. Сухонинъ.

222

Странички прошлаго.

Религiозные пережитки хевсуровъ.

Среди многочисленныхъ горныхъ народностей Кавказа наиболѣе интересны хевсуры, отличающiеся оригинальными нравами и обычаями. Мѣстность, обитаемая хевсурами, почти совпадаетъ съ округомъ Тiонети, кромѣ западной части Хевсурiи, которая находится въ Душетской области. По происхожденiю, хевсуры принадлежатъ къ картвельской расѣ,—именно грузинамъ. Съ теченiемъ времени они смѣшались съ пришельцами другихъ племенъ: осетинами, кистинами, кабардинцами и др., бѣжавшими отъ кровавой мести, правосудiя или же по другимъ какимъ-либо причинамъ. Народъ этотъ сумѣлъ благодаря удобному географическому положенiю сохранить на долгое время свою политическую независимость.

Послѣ того, какъ въ IV вѣкѣ въ правленiе царя Вахтанга св. Нина ввела въ Грузiи христiанство, хевсуры также принуждены были сдѣлаться христiанами. Но христiанское ученiе не могло глубоко проникнуть въ среду дикаго горнаго народа и съ теченiемъ времени у нихъ образовалась совсѣмъ своеобразная религiя, съ особой iерархiей и особыми церковными обрядами. Это было смѣшенiе христiанства съ поученiями ислама, нѣкоторой долей iудейскихъ вѣрованiй и язычества. Какъ на остатокъ христiанства можно указать на вѣру въ св. Троицу, сохранившую нѣкоторую, хотя и второстепенную роль въ нхъ молитвахъ. О ясномъ пониманiи Троицы, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Творецъ мiра, Богъ Отецъ, называемый ими Мориги, есть создатель всего живущаго и обитаетъ на седьмомъ небѣ. Онъ правитъ всѣмъ при

посредствѣ небесныхъ духовъ, но самъ не входитъ въ частности человѣческой судьбы. Богъ-сынъ—богъ мертвыхъ и, повидимому, не имѣетъ большого значенія. Матери Божьей тоже поклоняются, но не болѣе, чѣмъ обыкновенной святой. Остатки христіанства замѣтны еще въ поклоненіи апостоламъ Петру и Павлу, которыхъ признаютъ за ангеловъ, обращаясь къ нимъ въ нѣкоторыхъ молитвахъ. Самая-же основа христіанства—искупленіе совсѣмъ отсутствуетъ въ ихъ религіи. Зато культъ святыхъ не только сохранился, но даже развился дальше, такъ что съ теченіемъ времени появилось множество святыхъ, къ которымъ обращаются въ молитвахъ.

Самыми главными среди святыхъ (kati) считались крылатые ангелы, подчиненные непосредственно самому Мориги. Подъ начальствомъ каждаго кати находятся эсаулы (гонцы), состоящіе изъ добрыхъ и злыхъ духовъ, отправляемыхъ на землю, смотря по тому, надо ли наградить или наказать кого-нибудь. Всѣ эсаулы вмѣстѣ составляютъ войско—laschkati, къ которому принадлежатъ также женскіе духи, такъ называемыя „кати-сестры“.

Однимъ изъ важнѣйшихъ святыхъ считается св. Георгій, вообще пользующійся среди грузинъ особымъ почетомъ; съ именемъ его связано много преданій и легендъ. Какъ примѣръ беремъ одну изъ нихъ, которая въ большомъ ходу у карталинцевъ.

Въ Карталиніи, на высокой крутой скалѣ расположено село Атоци, въ которомъ находится храмъ св. Георга. Каждыя семь лѣтъ сюда прилетаетъ драконъ (гвелашапи) и приноситъ святому въ даръ драгоцѣнный брилліантъ, послѣ чего опять улетаетъ на небо. Это дѣлается дракономъ въ знакъ его подчиненія св. Георгію, нѣкогда одолѣвшему его въ поединкѣ. Святой этотъ, главнымъ образомъ, преслѣдуетъ злыхъ духовъ и демоновъ, охраняетъ собственность и скотъ жителей отъ дьявольскихъ наважденій, защищаетъ одинокаго путника и т. д. Такъ какъ вся общественная жизнь хевсуровъ носитъ религіозный характеръ, то понятно, что каждый святой имѣетъ еще особое значеніе для своей общины. Если членъ одной общины переселяется въ мѣстность другой общины, то онъ хотя и привѣтствуетъ кати (святого) новой общины, но тѣмъ не менѣе не забываетъ о своемъ прежнемъ. Это объясняется тѣмъ, что каждый членъ общины находится подъ покровительствомъ всей общины, а вся община въ совокупности представляетъ изъ себя слугу („кма“), закрѣпощеннаго соотвѣт-

ствующимъ кати. Это отношеніе имѣетъ также и юридическое значеніе. Такъ, напр., у хевсуровъ есть церковно-общинное владѣніе, т. е. земля или недвижимое имущество, принадлежащее кати, а такъ какъ община также принадлежитъ святому, то доходы съ этого имущества идутъ на нужды общины. Правленіе, завѣдующее этимъ имуществомъ, состоитъ изъ „шулта“ и „дастуровъ“, о которыхъ говорится ниже. Поля засѣваются и обрабатываются или всѣми жителями одновременно въ извѣстный день (напр. въ деревнѣ Ликока—страстной четвергъ), или-же каждый житель получаетъ по извѣстному участку для обрабатыванія, тогда какъ доходы съ урожая всегда принадлежатъ церковной общинѣ.

Храмы кати представляютъ собою чаще всего полуразрушенныя стѣны, весьма мало напоминаютъ церковь и не имѣютъ внутри никакихъ образовъ или украшеній кромѣ нѣсколькихъ оленьихъ роговъ и другихъ подобныхъ вещей. Около храма обыкновенно находится нѣсколько священныхъ лиственныхъ деревьевъ, окруженныхъ снаружи стѣной. Непосредственно къ храму примыкаетъ darbasi, гдѣ помѣщаются церковно-служители и куда воспрещается входъ постороннимъ; а рядомъ съ darbasi находится помѣщеніе, гдѣ приготовляется пиво, употребляемое при жертвоприношеніяхъ.

Основаніе большинства этихъ храмовъ приписывается царицѣ Тамарѣ. По словамъ извѣстнаго грузинскаго археолога и лингвиста Схиланишвили, надъ дверью названнаго храма находится надпись, указывающая на царицу Тамару какъ на его основательницу.

Интересны взгляды хевсуровъ на загробную жизнь. Послѣ смерти, каждому человѣку предстоитъ пройти путь черезъ трудно проходимый волосяной мостъ, представляющій связь съ міромъ душъ; на концѣ моста душу умершаго ожидаютъ судьи, строго разбирающіе ея земныя дѣянія. Если судъ пропускаетъ души, то онѣ попадаютъ въ рай—многоэтажное, бѣлое зданіе, доходящее до небесъ и постоянно освѣщаемое солнцемъ. Достойнѣйшія души попадаютъ въ верхній этажъ и пользуются обиліемъ свѣта, тогда какъ остальныя по своимъ заслугамъ распредѣляются по другимъ этажамъ. Въ этой странѣ духовъ царитъ постоянная радость, веселье, танцы, пѣніе, и уста праведниковъ освѣжаются прозрачной ключевой водой (грѣшниковъ-же постоянно мучаетъ жажда). По воскресеньямъ Богъ присылаетъ праведнымъ пищу, отъ одного взгляда на которую они уже насыщаются. Души-же грѣш-

никовъ падаютъ съ моста въ рѣку, наполненную дегтемъ, причемъ осуждаются на вѣчное плаваніе въ ней и борьбу съ ея волнами. Нѣкоторые преступники попадаютъ въ адъ, представляющій изъ себя четыреугольное темное помѣщеніе.

Своеобразны у хевсуръ іерархическія отношенія. Различается два класса священниковъ: chuzi и dekanos. Хуци—низшій классъ; обязанности ихъ заключаются: въ чтеніи молитвъ, закланіи жертвенныхъ животныхъ, благословеніи молящихся, вѣнчаніи и т. п.; кромѣ того они-же бываютъ и прорицателями. Желающій узнать будущее передаетъ хуци свой головной уборъ и кушакъ, которые тотъ кладетъ себѣ подъ голову, чтобъ видѣть во снѣ судьбу даннаго лица. Всѣ относятся къ хуци какъ къ священной особѣ и никто не осмѣливается оскорбить его словомъ или дѣйствіемъ; онъ пользуется большимъ вліяніемъ среди народа; отъ жертвоприношеній онъ получаетъ извѣстную часть, раздѣляемую между нимъ и деканосомъ. Еще большее значеніе имѣютъ деканосы, въ число которыхъ попадаютъ только самые способные и ловкіе. Вѣдѣнію деканоса подлежатъ тѣ-же дѣла, что и хуцію: чтеніе молитвъ, благословеніе, вѣнчаніе и т. д. и кромѣ того еще назначеніе церковныхъ слугъ, такъ называемыхъ дастуровъ.

Совсѣмъ особыми служителями являются кадаги, мессултане и мкитхавы. Спеціальность кадаговъ—предсказываніе. Въ большинствѣ случаевъ это или невропаты, или-же опытные обманщики. Кадаги (бываютъ и женщины) начинаютъ дрожать, теряютъ сознаніе, кричатъ, бредятъ и дѣлаютъ странныя движенія. Такіе истерическіе припадки, конечно, бываютъ и поддѣльны, но обманщики должны быть очень осторожны въ такомъ случаѣ, такъ какъ народъ не такъ легко даетъ себя обмануть. Они возвѣщаютъ, главнымъ образомъ, о болѣзняхъ и несчастіяхъ насылаемыхъ на кого-нибудь святымъ; они-же назначаютъ деканосовъ и хуци.

Мессултане—преимущественно женщины и дѣти (не моложе 8 лѣтъ). Они стоятъ въ сношеніи съ душами умершихъ и предсказываютъ, кому надлежитъ умереть въ текущемъ году. Къ этой группѣ ясновидящихъ принадлежатъ и мкитхавы, также какъ и предыдущіе пользующіеся большимъ уваженіемъ горцевъ. Ихъ предсказанія касаются всевозможныхъ вопросовъ, на которые они отвѣчаютъ, почерпая откровеніе изъ воды. Чаще всего они—хитрые обманщики, хорошо знакомые съ селомъ, знающіе о личныхъ отношеніяхъ жителей между собой и обладающіе большой способностью комбини-

ровать эти свѣдѣнія. Нерѣдко пускаются ими въ ходъ слова, подобныя дельфійскому оракулу, такъ или иначе подходящія къ случаю.

Настоящіе служители храма—дастуры и шульта. Послѣдніе назначаются деканосомъ. Каждый 15-лѣтній хевсуръ безупречнаго поведенія, если на него палъ выборъ, долженъ безпрекословно исполнять обязанности шульта: заботиться о поляхъ и лѣсахъ, принадлежащихъ храму, сохранять хлѣбъ, выдавать ячмень для варки пива, добывать дрова и хмѣль. Дастуры, хотя принадлежать также къ низшимъ служителямъ, но пользуются большимъ почетомъ, чѣмъ шульта. Во время богослуженія они стоятъ рядомъ съ хуци и деканосами, тогда какъ шульта находятся въ народѣ. Главныя обязанности дастуръ заключаются въваркѣ пива и приготовленіи въ праздникъ пищи для деканосовъ и хуци.

Интересны нѣкоторые религіозные обряды хевсуръ, какъ, напр., вѣнчаніе, погребеніе и пр. Обручаются уже съ раннихъ лѣтъ. Отецъ жениха, желая породниться съ какой-нибудь семьей, посылаетъ къ отцу намѣченной невѣсты просить ее за своего сына. Если отецъ невѣсты согласенъ, то ему даютъ знакъ обрученія („нишани"), въ большинствѣ случаевъ кольцо или пряжку. Когда дѣти подростаютъ, отецъ жениха снова спрашиваетъ у семьи невѣсты, скоро ли свадьба. Обыкновенно слѣдуетъ утвердительный отвѣтъ, послѣ чего женихъ посылаетъ двухъ жителей своей деревни въ домъ невѣсты съ двумя баранами, изъ которыхъ одного закалываютъ въ домѣ, а другого въ церкви. Мать невѣсты печетъ два большихъ свадебныхъ пирога; дѣвушки аула сопровождаютъ невѣсту до конца деревни, гдѣ съѣдаютъ первый пирогъ; дальше идутъ только близкіе родственники, которые съѣдаютъ второй пирогъ. Въ это время въ домѣ жениха приготовляется пиво и водка, созывается вся деревня и всѣ ожидаютъ появленія невѣсты. Послѣ прихода невѣсты ее водворяютъ въ нижній этажъ съ другими женщинами, мужчины уходятъ въ верхній этажъ, а женихъ находится въ это время совсѣмъ въ другомъ домѣ. Начало свадебной церемоніи ознаменовывается закланіемъ барана въ честь святого. Послѣ этого слѣдуютъ трехдневныя празднества, на которыхъ уже участвуетъ женихъ. Затѣмъ слѣдуютъ торжественные проводы невѣсты въ домъ ея родителей, гдѣ она проводитъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ соединиться съ женихомъ. По истеченіи этого срока мать невѣсты благословляетъ молодыхъ въ

домѣ жениха слѣдующими словами: „Да хранитъ васъ крестъ, живите въ любви и согласіи". Только послѣ этого они могутъ дѣлить брачное ложе, что, однако, случается рѣдко и съ особой осторожностью, такъ какъ считается предосудительнымъ имѣть ребенка раньше трехъ лѣтъ послѣ свадьбы. Женщина во время родовъ считается нечистою и помѣщается на это время въ небольшое зданіе внѣ деревни, называемое Боссели, гдѣ послѣ родовъ должна еще просидѣть двѣ недѣли.

Подобное-же іудейское вліяніе замѣтно въ обрядахъ, касающихся умершихъ. Покойникъ также считается нечистымъ и для него существуетъ особая стража (narewebi), состоящая изъ молодыхъ неженатыхъ мужчинъ, а для умершей женщины— изъ женщинъ. Обязанности ихъ заключаются въ мытьѣ, одѣваніи покойника и перенесеніи его на кладбище. Прикосновеніе къ покойному или къ одному изъ наревеби оскверняетъ и сами narewebi втеченіе этой пятидневной церемоніи не смѣютъ возвращаться въ свои дома. Со всей деревни собираются друзья и знакомые умершаго, чтобъ выразить его роднымъ свое соболѣзнованіе и оплакать его по извѣстному старинному обряду. Главную роль приэтомъ играютъ плакальщицы, выкрикивающія жалобы по установленному порядку и получающія за это въ награду спеціально приготовленный для этого хлѣбъ—хавици. Послѣ довольно длинной молитвы, совершаемой хуци, наревеби выносятъ тѣло на кладбище. Никто не сопровождаетъ ихъ кромѣ жены покойнаго, ведущей подъ уздцы его коня, и плакальщицъ, жалобно восхваляющихъ достоинства умершаго. Въ могилу кладутся три хлѣбца и табакъ въ видѣ провіанта для его путешествія въ другой міръ.

Черезъ нѣсколько дней (отъ 3 до 7) послѣ погребенія, въ память умершаго устраивается празднество; приэтомъ въ пищу употребляютъ только хавици. Послѣ молитвы, прочитанной декансомъ или хуци, слѣдуетъ большой бѣгъ на призы, причемъ побѣдитель получаетъ ружье или кинжалъ покойнаго. По истеченіи года со дня смерти опять устраивается праздникъ (целтавеба), которымъ прекращается трауръ и мужчины сбрѣваютъ свои бороды, отпущенныя ими въ знакъ печали. З. С.

225

Изъ области археологіи.

Успѣхи русской археологіи въ 1901 году. Далекое прошлое полно поэзіи, полно чарующей тайны. Мысль стремится воскресить давно исчезнувшую съ лица земли жизнь.

Этому стремленію обязана археологія своимъ зарожденіемъ и своимъ быстрымъ успѣхомъ.

Извлекая изъ нѣдръ земли памятники древности, археологія не только возсоздаетъ факты давно минувшей жизни, она воскрешаетъ обстановку, бытъ, обычаи и вѣрованія отдаленныхъ отъ насъ эпохъ.

Эти конкретные результаты, достигаемые наукой, вербуютъ въ ея ряды широкій и разнообразный кругъ тружениковъ.

И все шире и шире дѣлается раіонъ археологическихъ изслѣдованій.

Въ глубь страны, въ тихіе мирные уголки провинціи все болѣе и болѣе проникаютъ лучи свѣта, озаряющіе тьму прошлаго, и возбуждаютъ невольное стремленіе къ изученію неотразимо влекущей къ себѣ родной старины.

И скромные труженики провинціи, отдавая свои матеріальныя средства, свои силы и время на собираніе предметовъ старины, оказываютъ немалую услугу наукѣ.

Благодаря ихъ трудамъ выростаютъ музеи, создаются грандіозныя коллекціи, наконецъ, дѣлаются изслѣдованія, поражающія своими смѣлыми остроумными выводами. Рука объ руку съ умственными центрами идутъ окраины въ дѣлѣ развитія науки, выдвигая впередъ историко-археологическіе вопросы, давая имъ новое яркое освѣщеніе.

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей провинціальныхъ дѣятелей археологіи является въ настоящее время изслѣдователь новгородской старины В. С. Передольскій.

Его богатѣйшій, умѣло собранный музей—это цѣлая поэма прошлаго, поэма многоизмѣнчивой судьбы господина великаго Новгорода.

Выступаетъ въ послѣдніе годы на арену дѣятельности въ области археологіи и женщина.

Не буду говорить объ огромныхъ научныхъ заслугахъ энергичной устроительницы русскихъ археологическихъ съѣздовъ графини П. С.

Уваровой, онѣ слишкомъ извѣстны; графиня вполнѣ достойно продолжаетъ дѣло своего покойнаго мужа—создателя русской археологической науки.

Но среди провинціальныхъ труженицъ археологіи не могу не отмѣтить г. Ю. Г. Гендуне, изслѣдовательницу городищъ Калужской губерніи, г-жу Мельникъ, работающую въ Кіевской губерніи, и г-жу Бекаревичъ, представившую на первый областной археологическій съѣздъ замѣчательныя коллекціи, собранныя ею вмѣстѣ съ мужемъ при раскопкахъ въ Костромской губерніи.

Умственные центры въ лицѣ археологическихъ учрежденій обрабатываютъ матеріалы, собираемые провинціей, и даютъ направленіе всей научной археологической дѣятельности.

На первомъ мѣстѣ стоятъ: Императорская археологическая комиссія, Императорское русское археологическое общество въ С.-Петербургѣ, Императорское Московское археологическое общество, Одесское общество исторіи и древностей и др.

Ежегодно весною Императорская археологическая коммиссія устраиваетъ въ своихъ стѣнахъ выставку предметовъ старины, собранныхъ втеченіе года. Предметы выставки затѣмъ разсылаются по мѣстнымъ музеямъ или поступаютъ въ число коллекцій Императорскаго Эрмитажа.

Богатыя коллекціи вещей на выставкѣ нынѣшняго года принадлежали Енисейской губерніи. Особеннымъ изяществомъ отличались костяные предметы. Здѣсь находились также китайскія древнія монеты, стремена, бронзовыя и мѣдныя орудія: долота, клинья, кинжалы, каменныя точильца и долота изъ кремневаго сланца; человѣческія фигуры, украшенія: пуговицы, подвѣски и застежки, серьги; боевые молоты и топоры, мѣдныя удила, скребницы, орудія рыбной ловли: крючки и наконечники для острогъ.

Хорошо исполненный рельефъ городской стѣны древняго Херсонеса Таврическаго давалъ ясное понятіе объ этомъ интересномъ памятникѣ древности. Среди древностей Херсонеса находились: блюдца, статуэтки, бусы, топорики, золотыя бляшки, стеклянные шарики, мѣдные кинжалы и мечи.

Въ Казанской губерніи найдены были преимущественно серебряныя вещицы, отдѣлка ихъ отличается восточнымъ характеромъ; выставлены были перстни, браслеты, кольца, монеты.

Въ отдѣлѣ Кубанской области находились вещи изъ золота, шлемъ и посуда.

Керамика и вещи изъ стекла доминировали среди находокъ изъ Керчи и древней Ольвіи. Здѣсь были вазы съ затѣйливыми орнаментами, ложки вродѣ современныхъ разливательныхъ, бляшки, кольца, гвозди вродѣ нынѣшнихъ кнопокъ и пр.

Симбирская губернія обязана находками г. Поливанову, дѣятельнѣйшему провинціальному археологу. Наиболѣе частыми являются въ его коллекціи орудія изъ желѣза.

Коллекціи Пермской губерніи состояли преимущественно изъ металлическихъ предметовъ. Мѣдныя украшенія изображали гусей и человѣческія фигуры. Обращалъ вниманіе своеобразно затѣйливый рисунокъ на предметахъ: такъ, напр., на одномъ изъ нихъ былъ изображенъ орелъ съ человѣческимъ лицомъ, на другомъ животное съ

9 головами; сцена, гдѣ передъ царемъ проходитъ рядъ представляющихся ему лицъ; на одной изъ пряжекъ—три головы медвѣдя. Здѣсь же фигурировали такъ часто встрѣчающіяся въ Петербургской губерніи привѣски въ видѣ гусей или уточекъ.

Кромѣ того, на выставкѣ находились вещи изъ Кіевской, Смоленской и Владимірской губерній.

Въ общемъ выставка подтверждала существованіе той неустанной дѣятельности археологіи на всемъ пространствѣ нашего отечества, на которую я уже указывалъ и которая ведетъ въ концѣ концовъ, путемъ научныхъ обобщеній, къ торжеству человѣческаго ума надъ могучею силою всеуничтожающаго времени.

Минувшее лѣто, какъ сообщаютъ газеты, ознаменовалось также многими археологическими изысканіями и изслѣдованіями. Счастливой оказалась въ этомъ отношеніи Кіевская губернія.

Въ Кіевѣ въ усадьбѣ Б. А. Орлова, найденъ цѣнный кладъ, относящійся къ великокняжеской эпохѣ.

Предметы, составлявшіе кладъ, находились въ горшкѣ, завернутые въ парчу (горшокъ и парча, къ сожалѣнію, утрачены), большая часть ихъ золотые, нѣкоторые-же изъ нихъ серебряные. Въ числѣ предметовъ найдены: серьги, полукольца, небольшія пластинки, украшенныя эмалью, привѣски, бусы и пр.

На «Княжей горѣ» при впаденіи р. Роси въ Днѣпръ найдена однимъ изъ крестьянъ серебряная печать, относящаяся къ XI столѣтію.

Въ Старомъ Кіевѣ найдены при постройкѣ церковнаго дома древній сосудъ и подсвѣчникъ, оба изъ красной мѣди.

На берегу Днѣпра близъ селенія «Селище» обнаружены кости мамонта; въ виду этого здѣсь предполагается произвести тщательныя и обширныя раскопки, съ цѣлью найти слѣды обитавшаго здѣсь человѣка.

Въ церковно-археологическій музей Кіева поступила богатая частная коллекція иконъ, собранныхъ втеченіе 27 лѣтъ у бывшихъ раскольниковъ Черниговской губерніи. Среди иконъ есть относящіяся къ XVI—XVII вѣкамъ. Туда-же поступилъ колоколъ второй половины XVIII вѣка.

Кіевскому музею древностей и искусствъ пожертвованы богатыя коллекціи графомъ А. А. Бобринскимъ, а затѣмъ нумизматическая коллекція С. В. Бодилевскаго. Послѣдній собиралъ ее втеченіе болѣе полувѣка.

Двѣ рѣдчайшія монеты Св. Владиміра онъ жертвуетъ нумизматическому кабинету университета Св. Владиміра.

Библіотекѣ университета пожертвованы весьма интересныя рукописи XII—XVII вѣка львовскимъ каноникомъ Антоніемъ Петрушевичемъ.

По порученію Императорскаго русскаго археологическаго общества производились раскопки въ губерніяхъ Тверской и Псковской: въ послѣдней въ верховьяхъ р. Ловати и озерной мѣстности, въ Тверской губ. въ верховьяхъ р. Мсты. Главнымъ образомъ изслѣдовались жальники и курганы средней величины.

Проф. Л. Ю. Шепелевичу Императорской археологической коммиссіей поручено было произвести раскопки въ Витебской и Псковской губерніяхъ.

Проф. Д. И. Багалѣй производилъ раскопки близъ с. Ницахи Ахтырскаго уѣзда. Опредѣлены два погребальныхъ типа: одинъ славянскій языческаго періода. Раскопки будутъ продолжены г-жею Мельникъ.

Генералъ-лейтенантъ Н. Е. Бранденбургъ совмѣстно съ В. В. Хвойко произвели обширныя раскопки скиѳскихъ кургановъ въ Полтавской губерніи. Раскопано до 50 кургановъ. Большинство ихъ разграблены. Несмотря на это, собрана большая коллекція древностей скиѳскаго типа. Въ одномъ изъ кургановъ обнаружено вкладное славянское погребеніе. Найдены два бронзовыхъ предмета, которые принято считать за аттрибуты власти.

Близъ Новгорода сыномъ извѣстнаго археолога, о которомъ я уже упоминалъ, В. В. Передольскимъ, открыто большое поселеніе первобытнаго человѣка неолитической эпохи (періодъ отшлифованныхъ каменныхъ орудій). Откопано нѣсколько сотъ предметовъ—кремневыхъ наконечниковъ, стрѣлъ, крючковъ для ловли рыбы, сланцевыхъ топоровъ и много остатковъ гончарства.

Въ Финляндіи въ Малаксѣ докторомъ А. Хейкелемъ открыто до 70 предметовъ, въ числѣ ихъ есть мечи, луки, щиты, серебряные браслеты, застежки. Вещи относятся къ V—VI вѣкамъ. Однимъ изъ крестьянъ Раутасальмискаго прихода найдены случайно два серебряныхъ кубка съ крышками вѣсомъ до 2 килограммовъ.

Коллекція шведскихъ монетъ XVII вѣка найдена въ рижской гавани землечерпательной машиной.

Императорское Московское археологическое общество, въ лицѣ своей энергичной предсѣдательницы графини П. С. Уваровой, горячо заботится о сохраненіи памятниковъ родной старины. Въ нынѣшнемъ году вниманіе графини обращено было на памятники древности на Кавказѣ. Въ февралѣ она посѣтила Тифлисъ и здѣсь на засѣданіи любителей археологіи рѣшено было открытіе на Кавказѣ особаго археологическаго общества въ качествѣ филіальнаго отдѣленія Императорскаго Московскаго археологическаго общества.

Графиня П. С. Уварова предполагала произвести раскопку древняго могильника близъ сел. Урусъ-Мартонъ, по пути на Кавказъ.

Въ Лисихинской стоянкѣ первобытнаго человѣка (на берегу Ангары), гдѣ до сихъ поръ были находимы лишь каменныя орудія, найдены въ настоящее время и кости доисторическаго ея обитателя.

Сообщивъ вкратцѣ о крупныхъ и повсемѣстныхъ работахъ на нивѣ родной археологіи, я позволю еще указать на дѣятельность археологическаго института. Яркимъ и нагляднымъ свидѣтельствомъ распространенія въ обществѣ интереса къ изученію своего прошлаго служатъ цифры лицъ, стремящихся къ поступленію въ С.-Петербургскій археологическій институтъ, представляющій пока единственное высшее учебное заведеніе, посвященное археологіи.

Не болѣе какъ 5 лѣтъ тому назадъ число слушателей достигало всего нѣсколькихъ десятковъ; въ нынѣшнемъ году поступило въ институтъ около 600 человѣкъ. Публичныя бесѣды, которыя велись въ 1901 году въ отдѣлѣ христіанскихъ древностей Русскаго музея императора Александра III директоромъ археологическаго института проф. Н. В. Покровскимъ, привлекали въ музей каждое воскресенье толпу публики.

Археологическій институтъ, въ лицѣ своихъ членовъ, призванъ

совершить огромный трудъ разборки и приведенія въ стройную систему матеріаловъ Московскаго отдѣленія архива главнаго штаба. Архивъ этотъ, заключающійся въ 117 комнатахъ, хранитъ въ себѣ богатую историческую сокровищницу документовъ, касающихся отечественной войны. Для исполненія грандіозной задачи военнымъ министерствомъ отпущена значительная сумма, съ тѣмъ, чтобы работы закончены были къ предстоящему столѣтію въ 1912 году знаменитой эпохи въ жизни Россіи.

Дѣятельное участіе принималъ институтъ и въ устройствѣ и работахъ перваго областного съѣзда 1901 года въ Ярославлѣ. Директоръ института проф. Н. В. Покровскій былъ избранъ предсѣдателемъ секціи церковныхъ древностей, академикъ проф. института А. И. Соболевскій—предсѣдателемъ отдѣленія живой старины. Профессора С. М. Середонинъ, Н. Н. Дебольскій, члены: А. А. Мироновъ, графъ А. Д. Гендриковъ, В. И. Успенскій и А. С. Раевскій секретарями секцій.

Въ маѣ 1901 г. совершена была членами института, въ числѣ болѣе 60 человѣкъ, подъ руководствомъ директора, археологическая экскурсія въ Новгородъ. Сдѣланъ былъ подробный осмотръ древностей города, произведены фотографическіе снимки съ неизданныхъ еще предметовъ старины, обращено особое вниманіе на величайшій художественный памятникъ XII столѣтія.—къ сожалѣнію, постепенно разрушающіеся фрески Нередицкой церкви.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Вылазка нѣмецкаго профессора противъ Дарвина и Геккеля. — Внѣ общественныхъ интересовъ.

Извѣстный геологъ Ляйель замѣтилъ, что новыя идеи переживаютъ три періода. Сначала о нихъ кричатъ, что „это вздоръ!", затѣмъ — „это возмутительно!", и, въ концѣ концовъ, спокойно говорятъ: „это всѣмъ давно извѣстно". Едва ли существуетъ другая теорія, которая бы пережила эти три періода въ той полнотѣ, въ какой ихъ пережила теорія Дарвина объ *измѣняемости видовъ*.

Въ настоящее время въ состоятельности теоріи Дарвина серьезные люди у насъ и на Западѣ болѣе не сомнѣваются; установилось совершенно безпристрастное къ ней отношеніе. Появилось множество трудовъ, въ которыхъ теорія эта излагается, популяризуется, комментируется, дополняется и, самое большее, подвергается иногда новой провѣркѣ, какъ всякая подвижная наука; при помощи этой теоріи освѣщаются не только біологическія, но и многія общественныя явленія. Въ послѣднія десять лѣтъ появились изслѣдованія, которыя на эту теорію смотрятъ, какъ на продуктъ исторической, продолжительной и постепенной эволюціи мысли; теорія разсматривается какъ неизбѣжное слѣдствіе цѣлаго ряда предшествовавшихъ научныхъ изслѣдованій. Если появленіе этой теоріи въ 1859 году произвело такое дѣйствіе, какъ ударъ оглушительнаго грома, то это можно объяснить только тѣмъ, что теорія появилась въ такое время, когда вопросъ объ эволюціонномъ развитіи на нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ пересталъ занимать умы. Дарвинъ работалъ надъ ней одиноко. Но это не значитъ, что теорія занимала только его одного: онъ только работалъ надъ ней уединенно, особнякомъ. Теорія въ то-же время занимала еще два большихъ ума. Это были Уоллесъ и Геккель. Одно время возникалъ даже вопросъ, кто у кого первоначально заимствовалъ мысль объ

„измѣненіи видовъ“: Уоллесъ у Дарвина или Дарвинъ у Уоллеса? но благополучно былъ рѣшенъ въ смыслѣ полнѣйшей ихъ независимости. Но нельзя говорить о независимости въ томъ-же смыслѣ Геккеля отъ Дарвина. Геккель до Дарвина надъ теоріей „измѣняемости видовъ“ работалъ въ такомъ направленіи, что если бы не появилось Дарвина или Уоллеса, то мы бы имѣли геккелевскую теорію объ „измѣняемости видовъ“, вѣроятно, далекую отъ дѣйствительности. Геккель до Дарвина былъ послѣдователемъ натурфилософской школы Шеллинга и Окена. Слѣдовательно, къ двумъ „романамъ природы“ этихъ метафизиковъ прибавился бы третій, сочиненный Геккелемъ, подъ заглавіемъ: „Объ измѣняемости органическихъ (а можетъ быть—и неорганическихъ) видовъ“. Но появляется Дарвинъ, и съ первыхъ-же его словъ Геккель является самымъ ревностнымъ и неутомимымъ его послѣдователемъ и продолжателемъ. Въ статьѣ, которую мы имѣемъ въ виду: „Дарвинизмъ и геккелизмъ“ г. Чулока („Міръ Божій“), авторъ говоритъ: „съ чисто пророческимъ жаромъ и самоотверженіемъ Геккель выступилъ на защиту этого новаго ученія, въ которомъ онъ нашелъ удовлетвореніе и отвѣтъ на терзавшіе его вопросы, которое открыло ему глаза на истинный смыслъ его науки. При первомъ-же своемъ выступленіи на съѣздѣ естествоиспытателей Геккель рѣшительно заявляетъ: Дарвинъ—это міросозерцаніе!“ Отъ прежнихъ натурфилософскихъ воззрѣній у Геккеля сохранились нѣкоторые недостатки: это—дедуктивный методъ и его спутники—раціонализмъ и догматизмъ. „Но именно эти недостатки и помогли Геккелю сыграть огромную и важную роль въ дѣлѣ популяризаціи идей трансформизма. Чтобы провести въ массу образованной публики, изъ которой въ концѣ концовъ, рекрутируется и контингентъ научныхъ работниковъ, основныя идеи трансформизма, нужно было наряду съ множествомъ выдающихся качествъ Геккеля обладать и всѣми его недостатками. Безъ этого нѣсколько вольнаго обращенія съ фактами Геккель не могъ бы развернуть передъ образованнымъ міромъ той увлекательной картины органическаго міра, которая привлекла столько умовъ къ вопросамъ эволюціи“. Авторъ, склоняясь передъ популяризаторскимъ талантомъ Геккеля, однако, сильно обвиняетъ его во многихъ произвольныхъ дедуктивныхъ посылкахъ. Это напрасно. Если дедуктивное изложеніе системы и грѣшитъ у Геккеля нѣкоторыми произвольными предположеніями, то лишь вначалѣ. При дальнѣйшемъ изложеніи вся система совпадаетъ вполнѣ съ теоріей Дарвина, причемъ вся историческая картина развитія органическаго міра представляется читателю въ необыкновенно ясномъ и блестящемъ освѣщеніи. У Геккеля не только каждый организмъ цѣпляется за предыдущій и послѣдующій, но и описанъ какъ самостоятельное звено въ цѣпи всего развитія. Этотъ двойственный пріемъ изложенія Геккель называетъ въ первомъ случаѣ филогеніей—эволюціоннымъ развитіемъ орга-

низма отъ какого-нибудь отдаленнаго предка, и онтогеніей— индивидуальнымъ развитіемъ. Если мы скажемъ, что Геккель нѣкоторые организмы описалъ прежде ихъ нахожденія, то серьезности чисто научнаго изслѣдованія совсѣмъ уже нельзя будетъ отнять отъ Геккеля. Найденные Дюбуа въ 1894 г. остатки пліоценоваго обезьяно-человѣка (Питекъ-антропостэректусъ) были предсказаны Геккелемъ. Этотъ „недостающій членъ" цѣпи высшихъ приматовъ былъ названъ Дюбуа тѣмъ названіемъ, которое ему еще до открытія было дано Геккелемъ. Итакъ, и у насъ и за границей теорію Дарвина не оспариваютъ, а возраженія противъ геккелевской „Естественной исторіи творенія" крайне шатки. Въ чемъ-же дѣло?

Дѣло въ томъ, что свѣтлые лучи мысли рѣжутъ глаза не только русскому человѣку, привыкшему бродить въ потемкахъ, но, какъ оказывается, и за границей возможно появленіе существъ, описанныхъ Щедринымъ, которыя готовы отрицать даже существованіе солнца: „Гдѣ оно? что-то я его никогда не видала".

У насъ Данилевскій отрицалъ теорію Дарвина только потому, что измѣняемость видовъ нельзя доказать опытнымъ путемъ. Теперь въ Германіи профессоръ благочестиваго Эрлангенскаго университета Флейшманъ неожиданно выступилъ съ книгой подъ длиннѣйшимъ заглавіемъ противъ теоріи Дарвина и Геккеля и утверждаетъ, что не только не существовало и не существуетъ „естественнаго подбора", но что и самый трансформизмъ отжилъ и долженъ быть оставленъ, какъ печальный предразсудокъ, не выдерживающій даже самой снисходительной критики. Флейшманъ для дарвинизма вновь открываетъ новый періодъ, начинающійся со словъ: „это вздоръ!"

Флейшманъ бьетъ отбой „назадъ!" рѣшительнѣе всѣхъ: не къ метафизикѣ, не къ идеологіи, не къ среднимъ вѣкамъ, а все дальше и дальше, къ тому времени, которому нѣтъ названія и когда сразу все вдругъ появилось, — недаромъ онъ состоитъ профессоромъ въ Эрлангенскомъ университетѣ.

Нѣтъ надобности излагать подробно тотъ пріемъ Флейшмана, который достаточно избитъ и которымъ онъ, можно сказать, злоупотребляетъ. Объ этомъ пріемѣ можно догадаться. Флейшманъ обращаетъ вниманіе также на то, что формы животнаго царства до такой степени различны, что въ строеніи ихъ будто бы совсѣмъ незамѣтно общаго плана. Промежуточныхъ звеньевъ тоже будто бы не существуетъ, и всѣ они выдуманы Дарвиномъ и Геккелемъ. Затѣмъ то, что называется *родствомъ*, есть не что иное, какъ простое сходство. Наконецъ, вся система, говоритъ Флейшманъ, была просто построена на основаніи такого предвзятаго понятія: если развитіе органическаго міра *мыслимо*, то, слѣдовательно, оно въ дѣйствительности *возможно*. Флейшманъ такъ и говоритъ, что творцы системы продали свою душу дьяволу раціонализма. Можно судить, насколько серьезенъ весь походъ Флейшмана

противъ дарвинизма. Говорить о раціонализмѣ Геккеля еще можно съ нѣкоторой натяжкой, но говорить тоже о Дарвинѣ, когда его изслѣдованіе носитъ сплошной эмпирическій характеръ, при крайне скромныхъ, немногочисленныхъ и осторожныхъ обобщеніяхъ, это значить разсчитывать на такихъ слушателей, которымъ внушено принимать слова на вѣру. Разумѣется, автору статьи было очень легко возразить, какъ онъ говоритъ, „противъ вылазки, не очень гибельной для трансформизма".

Книга Флейшмана сама по себѣ крайне ничтожна, но появленіе ея характерно для нашего времени.

Исканіе новыхъ жизненныхъ путей сдѣлалось лозунгомъ нашего времени. Говорятъ, что жить попрежнему стало невозможно. Это плохо, что мы задыхаемся. Но мы ищемъ выхода, — значитъ, мы еще не умираемъ, у насъ существуетъ еще *жизнепотребность*.

Мы живемъ и по нѣкоторымъ признакамъ убѣждаемся, что идемъ впередъ. Зарождаются новыя формы отношеній между людьми, прежнія узкія замкнутыя рамки трещатъ, ставятся новыя задачи.

Исторія впереди, и если мы на концѣ ея магистрали, то, разумѣется, на томъ, который называется ея началомъ. Спрашивается, откуда-же пессимизмъ и это блужданіе въ поискахъ иныхъ путей для жизни?

Происхожденіе пессимизма, свойственное всѣмъ временамъ, объясняется прежде всего склонностью человѣка принимать фантомы за реальныя явленія, искать причину ненормальныхъ людскихъ отношеній не въ отдаленныхъ и сложныхъ, а въ ближайшихъ и простыхъ условіяхъ жизни (post hoc, ergo propter hoc), и скороспѣло обобщать и возводить частныя явленія въ общія. Пессимизмъ среднихъ вѣковъ поддерживался исключительно фантомами. Хиліасты ожидали въ тысячномъ году кончины міра только потому, что по самому названію это годъ—необыкновенный, слѣдовательно, и должно случиться что-нибудь самое необыкновенное. Пессимистическія убѣжденія, складывающіяся всегда подъ вліяніемъ ошибочныхъ впечатлѣній, въ прежнее время питались и поддерживались съ очень прозрачными цѣлями свѣтской и духовной властью, а теперь, хотя и съ иными цѣлями, поддерживаются и питаются философами - пессимистами, которые рѣзкими и сильными афоризмами, заключающими въ себѣ большею частью скрытый, искусственно-затемненный смыслъ, направляютъ мысль человѣка еще болѣе по скользкому и ложному пути неправильнаго истолкованія причинъ недовольства людей жизнью. Что касается склонности людей къ скороспѣлымъ обобщеніямъ, то пессимистическая философія Ницше является самымъ типичнымъ и чудовищнымъ выразителемъ этого свойства. Замѣчательно, что въ то время, какъ теорія его нашла многочисленныхъ послѣдователей между отдѣльными лицами,

изъ политическихъ и соціальныхъ партій ни одна не только не признала его своимъ, но и не приняла ни одного его положенія. Даже анархисты, съ которыми онъ ближе всего соприкасается, отшатнулись отъ него... и онъ отъ нихъ.

Во всякомъ случаѣ, философія Ницше, въ виду ея распространенности, не могла быть оставлена безъ вниманія этими партіями. Поэтому всякое изслѣдованіе, касающееся этого предмета, должно представлять интересъ.

Въ статьѣ „Ницшеанство“ („Вѣстникъ Европы“) г. Тарле изъясняетъ отношеніе нѣкоторыхъ партій къ ницшеанству; сначала-же онъ останавливается на общихъ причинахъ зарожденія общественнаго пессимизма и особенно въ наше время.

Причины эти авторъ усматриваетъ прежде всего въ обстоятельствахъ характера матеріальнаго, а также, затѣмъ, и въ сложныхъ, производныхъ моральныхъ и интеллектуальныхъ условіяхъ. Пессимизмъ Леопарди выросъ на почвѣ меттерниховскаго каземата, въ которомъ была въ то время заключена Италія. Философія Гоббеса исходила изъ впечатлѣнія тѣхъ грубыхъ насилій, которыя творились въ Англіи боровшимися за власть партіями. Переживаемый Европою общественный пессимизмъ носитъ характеръ болѣе сложный.

Въ прошлый разъ мы указывали на ламентаціи г. Н. Бердяева по поводу пропажи идеаловъ, которыми будто бы до сего времени была красна жизнь человѣка, и оспаривали потребность въ ихъ возстановленіи. По мнѣнію г. Тарле, идеалы вовсе не исчезли и нисколько не померкли, но потерпѣла крушеніе надежда когда-нибудь замѣтно къ нимъ приблизиться. „Будущее заслонено передъ умственнымъ взоромъ всегда, но люди тоже всегда дѣлали попытки туда заглянуть, а болѣе смѣлые пытались даже совсѣмъ отдернуть занавѣсъ— и предлагали *схему будущаго* на нѣсколько лѣтъ впередъ. Теперь попытокъ такихъ нѣтъ, схемы разбиты вдребезги, новыя не предпринимаются: нѣтъ *плана кампаніи* противъ гнетущихъ впечатлѣній момента. Но, — что еще могущественнѣе по моральному своему дѣйствію,—обрѣтено сознаніе и полнаго безсилія, фактической невозможности подобной кампаніи. Сознаніе это (все равно—справедливое или нѣтъ) есть господствующая черта конца XIX и начала XX в.в. Вообще, вопросъ о тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ дѣйствительности является насущнымъ для пониманія настроенія и всей умственной жизни общественныхъ слоевъ,—и, говоря объ *авангардныхъ* фракціяхъ, всегда, по существу своему наклонныхъ скорѣе къ преувеличенному оптимизму, неминуемо должно придти къ такому выводу: эти фракціи потеряли жизнерадостность вмѣстѣ съ потерею вѣры въ свою схему будущаго и, особенно, вмѣстѣ съ утратою прежняго оптимистическаго взгляда относительно легкости сокрушенія враждебной и отталкивающей дѣйствительности“. Такова психологическая почва, психологическое состояніе весьма значительныхъ круговъ европейскаго общества. На этой именно почвѣ и появляется Фридрихъ Ницше.

Итакъ, идеалы не утеряны, на чемъ и могъ бы г. Бердяевъ успокоиться. Но есть идеалы и идеалы. Не утеряны такіе идеалы, потребность въ которыхъ человѣкъ ощущаетъ постоянно. Это, говоря попросту, тѣ идеалы, которые даютъ намъ полную *увѣренность* въ завтрашнемъ днѣ, а не бердяевскіе идеалы, которые когда-нибудь скрасятъ нашу жизнь. Г. Тарле говоритъ, что эта-то *увѣренность* у насъ мало-помалу и ускользаетъ изъ-подъ ногъ.

До сего времени многочисленныя „авангардныя фракціи" намъ рисовали цѣлыя „схемы будущаго", на много лѣтъ, обезпеченнаго и благополучнаго состоянія общества. Теперь эти фракціи сами утеряли способность вести дальнѣйшій планъ кампаніи въ этомъ направленіи въ виду „враждебной и отталкивающей дѣйствительности". Но утверждать такъ значитъ только констатировать фактъ, не указывая на причины его появленія. Почему дѣйствительность, до нѣкотораго времени благосклонно относившаяся къ „схемамъ будущаго", вдругъ пошла наперерѣзъ имъ? Сущность вопроса, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, что всегда существовало два главныхъ, основныхъ принципіально и несогласимо-различныхъ теченія: одно стремится консолидировать, другое разрушить тотъ общественный слой, на почвѣ котораго оно созидалось. Теченія эти—революціонное и консервативное,—и которое перевѣшивало, то и тянуло и захватывало все, что на пути его встрѣчалось. Къ сожалѣнію, приводимые авторомъ въ доказательство своего положенія историческіе примѣры являются совершенно неубѣдительными. Гдѣ-же зарождается пессимизмъ—въ консервативномъ или революціонномъ теченіи?..

До сего времени люди со словомъ „революціонное" соединяли всегда понятіе о перестройкѣ общественнаго зданія на какихъ-нибудь новыхъ, еще не бывшихъ, и *рѣшительныхъ* началахъ. Однако, пессимизмъ не только не помышляетъ о перестройкѣ общественнаго зданія на новыхъ началахъ, но всегда *рѣшительно* противился этому, и всѣ его помыслы сосредоточивались на возвратѣ къ прошлому, возможно отдаленному, къ возстановленію этого прошлаго въ возможно рѣзкихъ и гипертрофированныхъ формахъ. Прошлое было таково, что на одного господина приходилось сотня рабовъ и тысяча враговъ, которыхъ этому *одному* страстно желалось обратить тоже въ рабовъ. Пессимизмъ идетъ еще дальше: „Боговъ нѣтъ, ибо если бъ они были, то я былъ бы богомъ". Консерватизмъ ничего подобнаго въ помыслахъ своихъ не лелѣетъ.

Пессимизмъ, особенно послѣдняго времени, является совершенно особымъ теченіемъ, не имѣющимъ ничего общаго ни съ консерватизмомъ, ни съ революціонизмомъ. Онъ питается только неопредѣленнымъ недовольствомъ людей окружающей дѣйствительностью и, не имѣя ясныхъ плановъ для перестройки этой дѣйствительности, никогда не переходитъ къ активной дѣятельности. Поэтому онъ не пріобрѣтаетъ ни популярности, ни до-

вѣрія ни у уравновѣшенныхъ консерваторовъ, ни у стремительныхъ революціонеровъ. Въ то время, какъ моральныя воззрѣнія у тѣхъ и другихъ выражаются всегда въ строго очерченныхъ положеніяхъ, у пессимистовъ эти воззрѣнія отличаются чрезвычайно произвольнымъ характеромъ и въ то-же время носятъ видъ аксіомъ, не допускающихъ сомнѣній и отвергающихъ доказательства.

Въ своей статьѣ авторъ разсматриваетъ отношеніе къ ницшеанству только двухъ партій, анархической и соціалдемократической.

Существуетъ въ Западной Европѣ угрюмая партія, которую, говоритъ авторъ, ненавидятъ одинаково всѣ другія партіи, парламентскіе слои и правительства. Замыслы этой партіи мало извѣстны, но время отъ времени слышится ея голосъ, озлобленный, повторяющій съ различными варіаціями и отклоненіями одну и ту-же основную мысль. Одинъ изъ представителей этой партіи, Жанъ Гравъ, изъясняетъ ея программу такъ: „Анархія ведетъ борьбу со всякою общественною властью и со всѣми нынѣ существующими институтами (семействомъ, собственностью и т. д.). Капиталистическое общество такъ скудно, такъ узко, широкія воззрѣнія такъ въ немъ подавляются, оно уничтожаетъ столько добрыхъ порывовъ и чаяній, охлаждаетъ и мертвитъ столько индивидуальностей, не могущихъ примѣниться къ его узости взглядовъ, что если бы ему удалось на время задушить голоса нынѣшнихъ анархистовъ,—его гнетъ вызвалъ бы къ жизни новыхъ столь-же неумолимыхъ“. Въ этой цитатѣ, очевидно, преобладаетъ одинъ изъ признаковъ анархизма—„борьба за индивидуальность“, т. э. тотъ, который характеризуетъ и ницшеанство. Можно было ожидать, что ницшеанство будетъ воспринято анархистскою средою съ радостными объятіями. Дѣйствительно, сначала въ нѣкоторыхъ анархистскихъ кругахъ оно пріобрѣло популярность, и возможно, что эта популярность разрослась бы, если бы въ анархизмѣ, кромѣ индивидуальной психологіи, не подчеркивалась громадная роль анархіи въ преобразованіи общества. Воззрѣнія анархистовъ на природу общества таковы: „Вполнѣ очевидно, что когда извѣстное количество отдѣльныхъ лицъ соединяется въ группу и соединяетъ свои силы, оно имѣетъ въ виду получить большую сумму удовольствій при меньшей затратѣ силъ. Эти лица только не желаютъ пожертвовать своею инціативою, своею волею, своею индивидуальностью въ пользу того, что не существовало до нихъ соединенія и исчезло бы при нихъ разъединеніи“. Держась такихъ воззрѣній, анархистская программа, признающая злоупотребленія общества относительно индивидуума, тѣмъ не менѣе, не считаетъ совершенно возможнымъ для людей жить одиночками, безъ соединеній и группировокъ: „Свободный индивидуумъ—вотъ кто намъ нуженъ; однако, если находятся люди, которые отвергаютъ организацію, которые только и думаютъ объ индивидуумѣ, которые смѣются надъ общественнымъ началомъ, утверждая, что эгоизмъ

каждаго индивидуума долженъ быть единственнымъ регуляторомъ его поведенія, что обожаніе своего *я* должно быть впереди и выше всякихъ человѣческихъ соображеній,—если говорящіе это считаютъ себя болѣе передовыми, нежели другіе, то такіе люди, значитъ, никогда не изучали психологической и физіологической природы человѣка, никогда не отдавали себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, не имѣютъ понятія о жизни настоящаго человѣка, о его физическихъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ нуждахъ". И Жанъ Гравъ предостерегаетъ своихъ сторонниковъ отъ индивидуализма. Ницше-же, наоборотъ, ставитъ индивидуумъ именно въ положеніе божества, на алтарь котораго должно быть принесено въ жертву все содержаніе человѣческой культуры.

Если соединеніе между этими двумя воззрѣніями невозможно, то тѣмъ болѣе невозможно даже какое бы то ни было соприкосновеніе между ницшеанствомъ и соціализмомъ, который въ основу своего ученія кладетъ подчиненіе личности обществу, доходящее иногда до крайней регламентаціи. Соціалисты не только отвергаютъ, не только ненавидятъ Ницше, но прямо обзываютъ его „философомъ капитализма", а Ницше съ раздраженіемъ отзывается о нихъ: „Пусть бы ихъ побралъ чортъ и статистика".

И. М.

Изъ иностранной жизни и литературы.

Японская журналистика.—Японская драма и каррикатура.—Жаргонная еврейская беллетристика и драма въ Нью-Іоркѣ.—А. Нобель.—Народонаселеніе Европы.—Американскій литераторъ о Сенкевичѣ.—Воспоминанія Криспи.—Бабисты въ Персіи и Америкѣ.—Французская характеристика германскаго императора.—Путешествіе Геккеля по Малайскому архипелагу.—Лекціи д-ра Франко объ украинскихъ и галиційскихъ писателяхъ.—Волненія въ Львовскомъ университетѣ.—Испанская инквизиція.—Новая біографія Фуше.

Наша сосѣдка и вмѣстѣ съ тѣмъ соперница на Дальнемъ Востокѣ, Японія, привлекаетъ все большее вниманіе европейской прессы, внимательно изучающей эту своеобразную страну, внезапно перешагнувшую отъ средневѣковой замкнутости къ послѣднимъ усовершенствованіямъ европейской цивилизаціи. Изученію Японіи въ Англіи, впрочемъ, способствуетъ то обстоятельство, что въ Лондонъ часто пріѣзжаютъ интеллигентные японцы, которые стараются ознакомить англичанъ съ Японіей. Такъ на-дняхъ въ Лондонъ прибылъ нѣкій Ассагина, редакторъ ежедневной японской газеты, выходящей въ Токіо и носящей названіе „Ниги-Ничи-Шимбунъ" („Новости дня"). Ассагина, прекрасно владѣющій англійскимъ языкомъ,

прочелъ въ клубѣ англійскихъ журналистовъ лекцію о японской періодической печати. Наиболѣе интересную часть лекціи представляютъ жалобы Ассагина на тѣ трудности, какія приходится преодолѣвать японскому литератору въ борьбѣ съ устарѣвшимъ идеографическимъ словоначертаніемъ, т. е. китайскими іероглифами, стоящими на пути не только развитію прессы, но и пріобрѣтенію простой грамотности.

„Мы въ настоящее время,—говоритъ Ассагина,—бьемся надъ введеніемъ силлабическаго письма, которое въ значительной степени облегчитъ для дѣтей изученіе родного языка и литературы. Теперь, при іероглифической системѣ, нерѣдко такое явленіе, что ребенокъ, посѣщая школу отъ 6 до 14 лѣтъ, выходитъ изъ нея не умѣя читать и писать! Когда указанная мной реформа будетъ проведена, тогда исподволь можно будетъ взяться за другую—за введеніе латинскаго алфавита. Къ сожалѣнію, въ Японіи препятствіемъ къ реформѣ являются тѣ-же предразсудки, отъ которыхъ не свободна и Западная Европа". Классическое образованіе японскаго юношества заключается въ изученіи мертваго китайскаго языка и древнихъ китайскихъ классиковъ, которые приносятъ столько-же пользы, какъ изученіе въ подлинникѣ Гомера и Виргилія. Я не хочу этимъ сказать, что съ ними не надо знакомиться, но я думаю, что этого можно достигнуть гораздо успѣшнѣе, изучая ихъ въ хорошемъ переводѣ.

„Чтобы указать вамъ на тѣ трудности, какія приходится преодолѣвать при изученіи *литературнаго* японскаго языка, достаточно сказать, что изъ англійскихъ синологовъ этимъ языкомъ пока удалось вполнѣ овладѣть лишь профессору Чемберлену, хотя многіе ученые вполнѣ свободно владѣютъ *разговорнымъ* языкомъ и пишутъ на немъ, переводя звуки японскаго языка на латинскій алфавитъ. Послѣднее обстоятельство лучше всего доказываетъ возможность и цѣлесообразность указанной мною выше реформы.

„Вообразите теперь, съ какими хлопотами сопряженъ наборъ нумера японской ежедневной газеты, благодаря употребленію идеографическихъ знаковъ. Ихъ имѣется около 50.000, да къ нимъ еще надо присоединить 84 японскихъ силлабическихъ знака. Немудрено поэтому, что обзаведеніе наборной требуетъ крупныхъ расходовъ, а наборъ требуетъ массы рабочихъ. Въ моей газетѣ работаютъ 70 наборщиковъ, которымъ помогаютъ въ розыскиваніи необходимыхъ знаковъ 50 мальчиковъ-учениковъ. Насъ лишь выручаетъ дешевизна труда въ Японіи. Каждый, даже маленькій городокъ въ Японіи обыкновенно имѣетъ свой органъ печати и это обстоятельство препятствуетъ возникновенію органовъ съ обширной циркуляціей, вродѣ западно-европейскихъ. Моя газета расходится въ 20.000 экземпляровъ ежедневно. Но имѣется нѣсколько органовъ, употребляющихъ преимущественно силлабическіе знаки, циркуляція которыхъ доходитъ до 150—200 тысячъ въ день".

Вопросу о японской драмѣ и японской каррикатурѣ посвящена статья Брандта въ октябрьской книжкѣ „*Deutsche Rundschau*“, написанная по поводу появившагося недавно перевода нѣкоторыхъ японскихъ драмъ, сдѣланнаго д-ромъ Флоренцъ и литографическаго альбома избранныхъ японскихъ каррикатуръ.

„Съ конца XVII столѣтія,—говоритъ Брандтъ,—японская драма освобождается отъ стиля и традицій китайской сцены, подъ сильнымъ вліяніемъ которой она была долгое время. Въ настоящее время японская драма, если не по содержанію, то по выполненію вполнѣ натуралистична. Публика японскихъ театровъ въ громадномъ большинствѣ, того-же состава, какъ публика нашихъ загородныхъ или парижскихъ бульварныхъ театровъ. Она болѣе всего восхищается „кровавыми сценами“ и японскіе актеры не жалѣютъ красной краски, обильно льющейся на сценѣ. Особеннымъ успѣхомъ пользуются пьесы, сюжетъ которыхъ взятъ изъ древнеяпонской исторіи и въ которыхъ фигурируютъ древнеяпонскія добродѣтели, вродѣ, напр., вѣрности крестьянина своему феодальному господину. Такъ, напр., когда на сценѣ появляется крестьянинъ Матсу съ головой своего сына, которую онъ отрубилъ у него и выдаетъ ее за голову сына жестокаго Даймioса, приказавшаго казнить собственнаго сына, всѣ зрители спектакля утираютъ слезы, тронутые этой беззавѣтной преданностью крестьянина, не остановившагося передъ тѣмъ, чтобы пожертвовать жизнью собственнаго ребенка для спасенія сына своего жестокаго господина.

Японскія каррикатуры, по словамъ Брандта, отличаются оригинальностью и тщательностью выполненія, но японскій юморъ не отличается отъ европейскаго. Въ японскихъ каррикатурахъ, говоритъ Брандтъ, вы встрѣтите тѣ-же темы какъ и въ „Fliegende Blätter“, лишь одѣтыя въ японскій костюмъ. Большинство изъ нихъ посвящено изображенію комическихъ инцидентовъ повседневной жизни, причемъ женщина и вино играютъ въ нихъ не послѣднюю роль. Лишь съ недавняго времени въ Японіи начала развиваться политическая каррикатура.

Въ ноябрьскомъ нумерѣ американскаго библіографическаго журнала „*The Bookman*“ (Книжникъ) напечатана любопытная статья Гутчинсъ Гапгуда, посвященная жаргоннымъ еврейскимъ писателямъ. Число евреевъ, живущихъ въ Нью-Іоркѣ, давно уже перевалило за 80.000 и контингентъ ихъ все увеличивается, благодаря новымъ и новымъ партіямъ эмигрантовъ, прибывающимъ изъ Россіи. Подъ вліяніемъ окружающей ихъ демократической атмосферы евреи быстро развиваются, чему въ значительной степени способствуетъ жаргонная еврейская литература, сосредоточивающаяся въ десяткахъ ежедневныхъ газетъ, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ.

Нѣкоторые изъ этихъ эмигрантовъ примыкаютъ къ еврейскимъ рабочимъ уніонамъ и такимъ образомъ сразу погружаются въ жизнь американскаго рабочаго, съ его спеціальными классовыми интересами и задачами, другіе-же (люди болѣе зрѣлаго возраста) остаются вѣрны старымъ традиціямъ и группируются вокругъ синагогъ и спеціальныхъ еврейскихъ обществъ. И „прогрессивные" евреи и такъ называемые „ортодоксы" имѣютъ свои литературные органы, которые нерѣдко ведутъ между собой оживленную полемику. Перевѣсъ, впрочемъ, на сторонѣ „прогрессистовъ", такъ какъ имъ удалось воспитать нѣсколько очень талантливыхъ писателей и публицистовъ, во главѣ которыхъ стоитъ чрезвычайно даровитый ораторъ Абрамъ Каганъ, бывшій неоднократно представителемъ американско-еврейскихъ рабочихъ на международныхъ рабочихъ конгрессахъ. Нерѣдко появленіе самородныхъ талантовъ, выдѣляющихся изъ рабочей еврейской среды и воспитавшихся исключительно на чтеніи „прогрессистской" жаргонной литературы. Гапгудъ останавливается въ своей статьѣ на трехъ еврейскихъ писателяхъ: Либинѣ, Розенфельдѣ и Гординѣ.

„Либинъ,—говоритъ Гапгудъ,—занимаетъ между еврейскими жаргонными прозаиками то-же мѣсто, какое Розенфельдъ—между поэтами. Подобно Розенфельду Либинъ долгое время былъ рабочимъ въ такъ называемой Sweat-Shop (буквально—„фабрика, на которой выжимаютъ потъ", т. е., гдѣ работаютъ 14—15 часовъ въ сутки). Немудрено, что большинство его произведеній посвящено изображенію ужасовъ фабричной жизни. Большинство героевъ его разсказовъ рабочіе и разнощики; мѣсто дѣйствія—многоэтажные коробки, въ которыхъ тѣснятся еврейскіе бѣдняки. Подобно Розенфельду въ большинствѣ своихъ произведеній Либинъ плачетъ; но въ отличіе отъ Розенфельда онъ иногда улыбается".

„Либинъ—маленькій, черномазый человѣчекъ съ кроткими глазами и мягкой улыбкой, одѣтый въ далеко не фешэнебельный костюмъ; несмотря на свое писательское званіе, онъ бѣденъ, какъ церковная мышь и занимается розничной продажей газетъ на улицахъ. Изрѣдка ему удается написать очеркъ, за который ему платятъ $1^1/_2$—2 доллара за столбецъ (около 4 р.). Онъ не профессіональный писатель, пишетъ лишь подъ вліяніемъ непреодолимаго влеченія, поэтому онъ не отличается продуктивностью. Словомъ, литература даетъ ему духовное наслажденіе, но не даетъ заработка.

Гапгудъ приводитъ въ своей статьѣ образчики произведеній Либина. Всѣ они проникнуты тихой, щемящей грустью и изрѣдка освѣщены мягкимъ юморомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., „Скорбь" представляютъ „стихотворенія въ прозѣ" и производятъ глубокое впечатлѣніе своей простотой и глубокой искренностью.

Съ большой похвалой Гапгудъ отзывается также о Гординѣ, большинство разсказовъ котораго изображаютъ опять-таки жизнь еврейскихъ рабочихъ и тяжелыя условія, въ которыя попадаютъ новоприбывшіе изъ Россіи эмигранты-евреи. 16*

Тѣ условія американской жизни, которыя вызвали появленіе еврейской жаргонной журналистики и беллетристики, послужили къ возникновенію еврейской драмы, о которой появилась въ послѣднемъ номерѣ „*The Menorah*" обстоятельная статья польско-еврейскаго критика Луиса Липскаго.

Липскій останавливается на трехъ еврейскихъ жаргонныхъ драмахъ, которыя осенью шли въ еврейскихъ театрахъ Нью-Іорка: Гермалина „Die Jüden in Brazil", Гордина „Gott, Mensh und Teufel" и вышеупомянутаго нами Либина „David und Sein Tochter".

Первая и худшая изъ этихъ драмъ „Евреи въ Бразиліи" является, по словамъ Липскаго, образчикомъ того, до какой нелѣпости можно дойти, угождая вкусамъ толпы. Дѣло происходитъ въ Бразиліи, гдѣ инквизиція преслѣдуетъ евреевъ всѣми ужасами, какіе только могла изобрѣсть богатая фантазія автора. Прибавимъ, что въ драмѣ дѣйствующія лица поютъ, декламируютъ стихи, появляется балетъ. Словомъ, это какая-то незаконная смѣсь оперы, оперетки и драмы, причемъ характеры дѣйствующихъ лицъ, обстановка, завязка и развязка этого произведенія столь далеки отъ дѣйствительной жизни, что приходится удивляться бездарности автора.

Липскій съ большой похвалой отзывается о драмахъ Гордина, сюжеты которыхъ всегда заимствованы изъ жизни евреевъ въ Россіи и отличаются тонкой психологической обработкой. (Замѣтимъ, кстати, что Гординъ не безъизвѣстенъ и въ русской литературѣ: ему принадлежатъ довольно удачные очерки изъ еврейской жизни, которые печатались въ 80-хъ годахъ въ „Книжкахъ Недѣли"; онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ одесскихъ газетъ, въ которыхъ писалъ подъ псевдонимомъ „Ивана Колючаго"). Но, несмотря на похвалы, расточаемыя Гордину, Липскій справедливо находитъ, что драмы Гордина не долго удержатся на еврейской сценѣ, благодаря тому, что они воспроизводятъ прошлую жизнь еврейской эмиграціи и не касаются тѣхъ жгучихъ насущныхъ вопросовъ, которые задаетъ эмигранту американская жизнь. Дѣйствительную, а не искусственную, жизнь драмѣ можетъ дать лишь соприкосновеніе съ вопросами дня, съ текущей повседневной жизнью и Липскій указываетъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, американско-еврейская жаргонная драма выходитъ на этотъ путь. Первой „ласточкой" является драма Либина „Давидъ и его дочь", изображающая жизнь еврейскаго шапочника и его семьи въ Нью-Іоркѣ. Драма эта, несмотря на выдающіяся достоинства, не имѣла успѣха на сценѣ, благодаря тому невыносимо тяжелому впечатлѣнію, какое она производитъ на зрителей.

Происходившая 10 декабря (нов. ст.) въ Стокгольмѣ раздача поощрительныхъ премій ученымъ, техникамъ и поэтамъ, премій, составившихся изъ процентовъ съ капитала, остав-

леннаго Альфредомъ Нобелемъ для этой цѣли, заставила многіе европейскіе журналы вспомнить о А. Нобелѣ, его карьерѣ и оставленныхъ имъ милліонахъ, которыми онъ такъ благородно распорядился. Одна изъ лучшихъ біографій Нобеля появилась въ „*Revue des Questions Scientifiques*“.

Альфредъ-Бернардъ Нобель, оставившій послѣ себя около 20.000.000 руб., проценты съ которыхъ должны употребляться ежегодно на поощрительныя преміи, выдаваемыя тѣмъ, „кто принесъ наибольшую пользу человѣчеству“, родился въ Стокгольмѣ, 21 октября 1833 г. Отецъ его, Эмануэль Нобель, въ свою очередь, пользовался въ свое время не малой извѣстностью и собственно онъ былъ основателемъ знаменитой фирмы Нобелей. Онъ былъ человѣкъ трудолюбивый и талантливый. Выдержавъ экзаменъ на званіе архитектора, онъ вскорѣ смѣнилъ это занятіе на каѳедру профессора математики, и, наконецъ, переѣхалъ изъ Стокгольма въ Петербургъ, гдѣ занялся изученіемъ торговаго дѣла и основалъ большой механическій и судостроительный заводъ. Въ Петербургѣ онъ пробылъ до половины 50-хъ годовъ и вслѣдъ затѣмъ переселился въ Стокгольмъ, оставивъ веденіе своихъ финансовыхъ дѣлъ сыну Луису; самъ-же, съ помощью другихъ сыновей принялся за изученіе взрывчатыхъ веществъ. Въ 1861 г. ему удалось приготовить нитро-глицеринъ въ такой формѣ, что его можно было употреблять для практическихъ цѣлей. Въ 1863—64 г.г. сынъ его Альфредъ взялъ два патента на улучшенія въ выработкѣ нитро-глицерина, который началъ пріобрѣтать все большее и большее техническое значеніе. Химическіе опыты по выдѣлкѣ нитро-глицерина нерѣдко сопряжены были съ опасностью жизни: въ 1864 г. братъ Альфреда Нобеля, Оскаръ, былъ взорванъ на воздухъ вмѣстѣ съ нитроглицериновой фабрикой въ Гелленборгѣ близъ Стокгольма; въ 1868 г. при опытахъ въ Брюсселѣ былъ обращенъ буквально въ атомы бельгійскій представитель фирмы Нобелей и 9 человѣкъ, присутствовавшихъ при опытахъ.

Но вотъ въ 1867 г. Альфреду Нобелю удается найти такое химическое соединеніе, которое, сохраняя разрушительную силу нитроглицерина отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ безопасности. Это былъ *динамитъ*, давшій своему изобрѣтателю не только всемірную славу, но и крупное состояніе.

Нѣкоторую идею о количествѣ вырабатываемаго теперь динамита можетъ дать указаніе, что въ настоящее время на динамитной фабрикѣ Нобелей работаетъ 12 тысячъ рабочихъ. Прибавимъ, кстати, что со времени основанія фабрики, т. е. втеченіе 25 лѣтъ, на ней не было ни одной стачки и рабочіе съ большимъ уваженіемъ отзываются о Нобелѣ.

Интересы Альфреда Нобеля не сосредоточивались на одномъ динамитѣ. Онъ изобрѣлъ искусственную гуттаперчу, новый пушечный механизмъ и принималъ дѣятельное участіе въ финансовыхъ операціяхъ своего брата извѣстнаго бакинскаго „нефтяного короля“. Однимъ изъ послѣднихъ его распоряже-

вій предъ смертью была ассигновка крупной суммы въ помощь задуманному Андре путешествію къ сѣверному полюсу.

Альфредъ Нобель былъ холостъ и всѣ его привязанности сосредоточивались въ лицѣ обожаемой имъ матери, умершей въ 1889 г. Самъ А. Нобель скончался въ 1896 г. въ Санъ-Ремо. Послѣдніе года своей жизни онъ былъ занятъ мыслью—какъ съ наибольшей пользой для человѣчества употребить накопленный имъ капиталъ въ 45 милл. франковъ? По разсказу одного изъ его душеприкащиковъ, Сольмана, Нобель былъ противникомъ передачи крупныхъ капиталовъ путемъ наслѣдованія и прямо предупредилъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, чтобы они не разсчитывали на полученіе наслѣдства послѣ его смерти. Незадолго передъ смертью онъ сказалъ своимъ ближайшимъ друзьямъ Штреленерту и Хвассу: „Я въ сущности—умѣренный соціалъ-демократъ. Опытъ научилъ меня, что крупное состояніе, пріобрѣтенное путемъ наслѣдованія не приноситъ счастья и притупляетъ природные способности. Я не хочу оставлять моихъ денегъ *дѣятельнымъ*, активнымъ людямъ, потому что это могло бы привести ихъ къ лѣности. Но я съ охотой помогу идеалистамъ, благороднымъ мечтателямъ, которые въ грезахъ о счастьи человѣчества часто остаются безъ куска хлѣба".

Сообразно этому онъ завѣщалъ употреблять ежегодно доходъ съ оставленнаго имъ капитала въ 16.000.000 руб. слѣдующимъ образомъ: вся сумма ежегоднаго дохода должна быть раздѣлена на пять равныхъ частей, которыя должны быть выдаваемы ежегодно въ видѣ премій: 1) за наиболѣе выдающееся изобрѣтеніе въ области физическихъ наукъ; 2) за наиболѣе выдающееся открытіе въ области химіи; 3) въ области физіологіи или медицины; 4) за наиболѣе замѣчательное литературное произведеніе *идеалистическаго* характера; 5) лицу, наиболѣе способствовавшему укрѣпленію и развитію идеи мира. Кандидаты избираются Шведской королевской академіей наукъ, Стокгольмскимъ медико-хирургическимъ институтомъ и комитетомъ, назначаемымъ Норвежскимъ Стортингомъ.

Мы не будемъ распространяться о результатахъ раздачи премій въ текущемъ году, такъ какъ читатели уже знакомы съ ними по отчетамъ газетъ.

В „*La Science Illustrée*" напечатано любопытное изслѣдованіе М. Регельспергера, въ которомъ сведены статистическія данныя о ростѣ народонаселенія Европы, относящіяся къ 1900—1901 г.

Авторъ начинаетъ съ Франціи, ростъ населенія которой настолько незначителенъ, что его можно назвать стаціонарнымъ. „Въ мартѣ 1901 г.,—говоритъ Регельспергеръ,—народонаселеніе Франціи выражалось цифрой 38.600.000 душъ. Сравнивая съ цифровыми данными 1896 г. мы найдемъ при-

ростъ въ 330.000 душъ. Но прпростъ этотъ относится лишь къ большимъ центрамъ, вродѣ Парижа, и можетъ быть приписанъ почти исключительно иммиграціи.

„Бертильонъ отмѣтилъ недавно въ Temps, что еще въ 1850 г. Франція была самой населенной страной Западной Европы. Но съ тѣхъ поръ населеніе Германіи увеличилось на 21.000.000; Англія, Ирландія и Шотландія за тотъ-же періодъ возросли на 14.000.000; почти въ тѣхъ-же размѣрахъ возросло населеніе Австро-Венгріи. Такимъ образомъ, лишь ростъ населенія Франціи почти прекратился".

„Народонаселеніе Англіи, включая Уэльсъ, согласно переписи 1901 года равняется 32.526.075 душъ и, взявъ для сравненія перепись 1891 года, мы увидимъ, что народонаселеніе увеличилось на 12%".

„Перепись, произведенная 1-го декабря 1900 г. въ Германіи показываетъ число душъ въ суммѣ 56.345.014. Другими словами народонаселеніе Германіи за 75 лѣтъ *удвоилось*.

„Народонаселеніе Австро-Венгріи, согласно переписи 31-го декабря 1900 г., равняется 47.000.000 (включая Боснію и Герцоговину) и показываетъ за десятилѣтній періодъ приростъ въ 4.000.000 душъ".

„Народонаселеніе Швейцаріи (по переписи 1 декабря 1900 г.) равнялось 3.312.751 душъ. Сравнивая съ переписью 1888 г. находимъ приростъ 400.000 душъ".

„Въ Италіи (по переписи 9 февраля 1901 г.) населеніе исчисляется въ 32.449.754. По переписи 1881 г. количество душъ было 28.459.628, т. е. народонаселеніе увеличилось почти на 4.000.000 душъ".

„По переписи 3 декабря 1900 г. населеніе Норвегіи было 2.231. За десять послѣднихъ лѣтъ народонаселеніе возрасло на 230.478 душъ".

„Бельгія въ декабрѣ 1899 г. имѣла населеніе въ 6.744.532 души".

„Въ Голландіи по переписи 31 декабря 1899 г. народонаселеніе равнялось 5.103.924 душъ, а за десять послѣднихъ лѣтъ возрасло на 592 509 душъ".

Извѣстный американскій литераторъ Ванъ-Норманъ разсказываетъ въ „*The Outlook*" о своемъ визитѣ къ Сенкевичу во время пребыванія послѣдняго въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ у него имѣется небольшое помѣстье. Ванъ-Норманъ съ большой симпатіей описываетъ знаменитаго польскаго беллетриста. „Среднихъ лѣтъ, полный жизненныхъ силъ, сердечный, привѣтливый и вмѣстѣ съ тѣмъ изысканно вѣжливый, скромный и сдержанный; невысокаго роста съ очень симпатичнымъ выраженіемъ лица и спокойными манерами „джентльмена" — таково было мое первое впечатлѣніе, полученное при знакомствѣ съ Сенкевичемъ. Чѣмъ больше вы его наблюдаете, тѣмъ болѣе убѣждаетесь въ его искренности и

полномъ отсутствіи „позировки", столь нерѣдко встрѣчающейся у знаменитостей".

Ванъ-Норманъ сообщаетъ не лишенныя интереса свѣдѣнія о литературной карьерѣ Сенкевича. „Какъ и громадному большинству литературныхъ знаменитостей, — говоритъ Норманъ, — Сенкевичу пришлось въ началѣ своей дѣятельности бороться тяжело съ различными затрудненіями. Отъ своей матери Стефаніи Цѣцишевской, поэтессы съ тонкимъ и развитымъ вкусомъ, Сенкевичъ унаслѣдовалъ страсть къ литературѣ. Онъ началъ свою литературную дѣятельность рядомъ критическихъ очерковъ (1869), которые не обратили на себя вниманія публики. Въ слѣдующемъ году онъ напечаталъ повѣсть, которая также не имѣла успѣха. Такъ проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, во время которыхъ Сенкевичъ перебивается мелкой журнальной работой. Въ 1876 г. онъ по приглашенію знаменитой польской актрисы Елены Моджеевской переѣзжаетъ въ Калифорнію, гдѣ Моджеевская въ то время устроила польскую колонію. „Американскіе очерки", „Письма изъ Америки" и цѣлый рядъ высокохудожественныхъ мелкихъ очерковъ изъ польской жизни, написанныхъ Сенкевичемъ положили начало его извѣстности, сначала на родинѣ, а потомъ и за предѣлами ея въ Европѣ и Америкѣ, гдѣ особеннымъ успѣхомъ пользуются его историческіе романы. Извѣстность Сенкевича за границами его отечества можно сравнивать лишь съ извѣстностью другого великаго славянскаго писателя Л. Толстого.

Норманъ приводитъ въ своей статьѣ довольно удачное опредѣленіе одного англійскаго критика, который говоритъ, что историческіе романы Сенкевича представляютъ талантливое соединеніе метода Вальтеръ Скотта и А. Дюма отца.

„Повѣсти и романы Сенкевича,— говоритъ Норманъ,— переведены почти на языки всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Шестнадцать его произведеній переведено по-англійски, тридцать девять—по-русски, четырнадцать—по-чешски, девять—по-итальянски, восемь—по-французски, многіе—по-испански, португальски, гречески и т. д. Въ Россіи Сенкевичъ одинъ изъ наиболѣе читаемыхъ авторовъ". Норманъ, конечно, не знаетъ, что въ Россіи наибольшимъ успѣхомъ пользуются мелкіе разсказы Сенкевича и его повѣсти изъ современной польской жизни, чуждые того шовинистическаго задора, который такъ непріятно поражаетъ въ историческихъ романахъ, которые, кстати сказать, были прекрасно разобраны съ точки зрѣнія ихъ исторической достовѣрности въ рядѣ статей профессора В. Б. Антоновича (въ „Кіев. Стар." 80-хъ годовъ).

Итальянскія газеты (*Observatore* и *Voce di Napoli*) сообщаютъ, что въ непродолжительномъ времени будутъ опубликованы воспоминанія *Криспи*, заключающія много интересныхъ страницъ, относящихся къ исторіи объединенія Италіи, движенія 1848 г., интересную корреспонденцію Криспи съ Мадзини, исторію послѣднихъ лѣтъ и нѣкоторыя данныя о зло-

получныхъ итальянскихъ колоніяхъ въ Африкѣ. По словамъ газетъ, Криспи долгіе годы велъ обстоятельный дневникъ, въ который заносилъ свои впечатлѣнія и массу свѣдѣній, которыя были доступны ему, благодаря занимаемому имъ высокому положенію. На основаніи этихъ дневниковъ и массы отдѣльныхъ замѣтокъ о выдающихся лицахъ и событіяхъ, Криспи началъ писать свои воспоминанія, но къ сожалѣнію, не успѣлъ довести ихъ до конца. Но, благодаря его необычайной аккуратности, всѣ матеріалы, необходимыя для окончанія этой работы, подготовлены имъ, находятся въ величайшемъ порядкѣ и будутъ напечатаны вмѣстѣ съ законченной частью рукописи воспоминаній, которая занимаетъ два огромныхъ тома in folio, по 2.100 страницъ каждый, исписанныхъ мелкимъ почеркомъ. Изданіе воспоминаній и матеріаловъ взялъ на себя близкій другъ покойнаго Криспи, сенаторъ Даміани. Многія издательскія фирмы предлагали еще при жизни Криспи издать эти воспоминанія, но онъ рѣшительно отказался. Мемуары Криспи появятся одновременно на 4-хъ языкахъ.

Еще со времени извѣстнаго „Конгресса религій“, собравшагося на Чикагской выставкѣ 1891 года, вниманіе многихъ изслѣдователей религіозной жизни Востока было обращено на бабистовъ, секту мусульманскихъ реформаторовъ, быстро вербующихъ новыхъ и новыхъ послѣдователей. Д-ръ Эдамсъ въ его недавно вышедшей книгѣ о Персіи говоритъ, что бабисты уже теперь насчитываютъ около 50.000.000 послѣдователей среди мусульманскаго населенія различныхъ странъ. Цифра эта, вѣроятно, сильно преувеличена, но тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того обстоятельства, что бабисты успѣли пріобрѣсти крупное вліяніе въ мусульманскомъ мірѣ; болѣе того, волна ихъ проповѣди докатилась даже до Сѣверной Америки, судя по сообщеніямъ американскихъ газетъ и журналовъ. Такъ, въ Чикаго насчитываютъ около 1.200 чел. бабистовъ, около 800 чел. въ Нью-Іоркѣ, помимо этого у нихъ имѣются земледѣльческія колоніи въ штатахъ Висконсинъ и Колорадо. Среди американскихъ бабистовъ имѣются богатые американцы, пользующіеся общимъ уваженіемъ. Главной ихъ представительницей является извѣстная филантропистка милліонерша м-рсъ Феба Герстъ.

Нью-Іоркскій *Herald* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о развитіи этой секты и объ ея теперешнемъ главѣ Аббасъ-эфенди, котораго его послѣдователи считаютъ воплощеніемъ Христа.

„Возникновеніе секты бабистовъ относится къ 1844 г., когда сеидъ Магомедъ-Али, молодой персъ, совершившій путешествіе въ Мекку и извѣстный своимъ благочестіемъ, началъ проповѣдь въ своемъ родномъ городѣ Ширазѣ. Онъ комментировалъ нѣкоторыя мѣста Корана, но главную сущность его проповѣди составляло ученіе о практической этикѣ и проведеніи ея въ жизнь. Онъ чрезвычайно враждебно от-

носился къ мусульманскому духовенству и благодаря этому навлекъ на себя ожесточенное преслѣдованіе со стороны озлобленнаго духовенства; но число его послѣдователей росло съ каждымъ днемъ, толпа увлекалась чистотой его личной жизни и краснорѣчіемъ проповѣди. Онъ сдѣлался извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ „Бабъ“, что означаетъ „врата“. Религію свою бабисты называютъ поэтому „вратами въ вѣчную жизнь“.

„Оскорбленное духовенство добилось, наконецъ, распоряженія шаха, которымъ Бабу запрещалась проповѣдь и ему было повелѣно не выходить за предѣлы своего дома. Бабъ выполнилъ вторую часть повелѣнія шаха, но первой не могъ выполнить по той причинѣ, что его домъ былъ всегда переполненъ слушателями, жадно внимавшими его воодушевленной проповѣди. Новое ученіе распространялось съ чрезвычайной быстротой и, когда власти вздумали подавить его, дѣло дошло до мятежа. Хотя самъ Бабъ не принималъ никакого участія въ этомъ мятежѣ, такъ какъ ученіе его осуждало насиліе въ какой бы то ни было формѣ, тѣмъ не менѣе его арестовали и послѣ краткаго суда въ Тавризѣ осудили на смерть. Вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ учениковъ Бабъ былъ привязанъ къ крѣпостной стѣнѣ веревками, захватывавшими осужденныхъ подъ мышки, такъ что тѣла ихъ изображали фигуру креста. Казнить ихъ былъ назначенъ отрядъ мусульманскихъ солдатъ. Первымъ залпомъ ученикъ Бабы былъ убитъ, а Бабъ остался не только невредимъ, но пули перерѣзали въ нѣсколькихъ мѣстахъ веревки и онъ упалъ со стѣны. Солдаты отказались стрѣлять вторично, заявивъ, что они своими глазами видѣли милость Аллаха къ Бабу, и послѣдняго прикончилъ выстрѣломъ изъ пистолета офицеръ.

„Въ настоящее время во главѣ бабистовъ стоитъ нѣкій Аббасъ-эффенди (въ переводѣ „Сынъ основателя“), называющій себя Аббасъ-Абдель-Бега (Абассъ, Слуга Божій). Сектанты вѣрятъ, что онъ является воплощеніемъ Христа и благоговѣйно называютъ его „Учителемъ“. По словамъ путешественниковъ, посѣщавшихъ его, онъ держитъ себя съ удивительной скромностью и смиреніемъ, говоря, что онъ лишь „ничтожное орудіе воли Божіей“.

Въ Нью-Іоркскомъ *The Advance* разсказаны слѣдующіе факты, показывающіе какъ относятся къ Аббасъ-эффенди его американскіе послѣдователи и поклонники:

„Нѣкоторые американцы и американки,—говоритъ авторъ статьи,—нашли новаго Мессію. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуютъ письма двухъ американскихъ женщинъ; причемъ одна изъ нихъ—богатѣйшая женщина Америки. Но прежде чѣмъ перейти къ письму m-ss Фебы Герстъ, дадимъ мѣсто показанію другой мессіанистки, которая всего 18 мѣсяцевъ тому назадъ посѣтила обожаемаго учителя. Она говоритъ:

„Д-ръ Кепралла шелъ впереди меня и по судорожному біенію моего сердца я поняла, что вскорѣ увижу благословен-

ный ликъ князя дома Давида (?!!). Мы раскрыли двери и остановились—предъ нами посреди залы стоялъ человѣкъ, облеченный въ длинныя одежды съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ. Одна его рука была простерта по направленію къ намъ; лицо его (которое я не смѣю описывать) было озарено мягкой, привѣтливой, глубоко-радостной улыбкой. Мы стояли нѣсколько мгновеній неподвижно, сердце мое хотѣло выскочить изъ груди и я, сама не понимая, что я дѣлаю, повергласъ къ его ногамъ, восклицая съ рыданіями: „Учитель! Дорогой Учитель!“ Онъ возложилъ руки на наши склоненныя головы и сказалъ тихимъ музыкальнымъ голосомъ: „Привѣтъ вамъ, дорогія дѣти, привѣтъ вамъ! Встаньте и возвеселитесь!“

„Еще болѣе удивительно,—говоритъ авторъ статьи,—письмо м-рсъ Фебы Герстъ, если принять во вниманіе, что эта милліонерша стоитъ во главѣ громаднаго коммерческаго предпріятія, требующаго незаурядныхъ практическихъ способностей и умѣнья распознавать людей. Она также „повергалась къ стопамъ“ Аббаса-Эффенди и вотъ что пишетъ о своемъ посѣщеніи этого мистика, вѣрующаго или очень удачно притворяющагося вѣрующимъ въ свое небесное посланничество.

„Я не могу рѣшиться,—пишетъ г-жа Герстъ,—описывать вамъ самаго Учителя. Скажу лишь, что я всѣмъ сердцемъ вѣрю въ то, что онъ истинный Учитель и я считаю счастливѣйшими минутами моей жизни тѣ, которыя я провела въ его присутствіи и созерцала его священный (?!) ликъ. Жизнь его—истинная жизнь Христа и все его существо дышетъ чистотой и святостью. Я глубоко вѣрю, что Аббасъ-Эффенди воплощеніе Мессіи“.

Какъ-же послѣ этого удивляться нашимъ хлыстамъ, спасовцамъ, дыремоламъ и т. д.! „Просвѣщенные“ американцы, еще недавно тысячами бѣгавшіе за „чудотворцемъ“ Шлаттеромъ, бѣгутъ теперь на поклоненіе персидскому „воплощенію“ Христа. И наша „спасовщина“ и американскій бабизмъ явленія одного и того-же порядка: въ нихъ сказывается потребность сильной вѣры, сопряженная съ отсутствіемъ способности къ критическому анализу.

Въ сентябрьской книжкѣ *Deutsche Rundschau* закончена печатаніемъ интересная серія статей Эрнста Геккеля о его путешествіи по Малайскому архипелагу. Знаменитый эволюціонистъ, неутомимо отыскивающій „недостающее звено“, съ особеннымъ вниманіемъ описываетъ обезьянъ Малайскихъ острововъ и подробно останавливается на нравахъ и образѣ жизни одной обезьяны, которую онъ изучалъ спеціально. Это былъ маленькій гиббонъ (Hylobates Leuciscus), который прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ Геккеля на островѣ Явѣ. Туземцы называютъ эту обезьянку „Оа“, благодаря ея крику: оа! оа! Обезьянка эта около трехъ футовъ роста и напоминаетъ по размѣрамъ тѣла шестилѣтняго ребенка, съ той

лишь разницей, что голова у нея меньше, ноги короче и руки значительно длиннѣе, чѣмъ у ребенка указаннаго возраста. Она никогда не ползаетъ на четверенкахъ, но всегда ходитъ выпрямившись. Въ дикомъ, неприрученномъ состояніи она замѣчательна своей способностью производить огромные прыжки съ дерева на дерево. Это милое животное пользуется чрезвычайной симпатіей малайцевъ, которые относятся къ оа съ такой-же любовью, какъ къ дѣтямъ. Обезьянка, жившая у Геккеля, отличалась чрезвычайной чистоплотностью и тщательнѣйшимъ образомъ умывалась. Она издавала два крика: оа! оа! и въ раздраженномъ состояніи: хинкъ-хинкъ! Но она умѣла такъ модулировать эти звуки, что Геккель легко понималъ ея несложныя желанія. Она нерѣдко „говорила“ сама съ собой и любила „поговорить“ съ окружавшими ее. Лишь испугавшись, она издавала третій звукъ, который рѣдко удавалось слышать. Ея жестикуляціи были очень выразительны и она чрезвычайно гордилась своей красной жакеткой, которую она всегда тщательно застегивала. Ѣда занимала первое мѣсто въ ея жизни: питалась она исключительно фруктами. причемъ очень ловко очищала кожицу съ банановъ и апельсиновъ. Кромѣ молока и какао, которыя ей давали для питья, она очень любила сладкое вино и нерѣдко была „въ подпитіи“. Малайцы считаютъ этихъ обезьянъ „зачарованными людьми“ и создали цѣлый рядъ легендъ объ ихъ происхожденіи. Въ заключеніе своей статьи Геккель указываетъ на важное значеніе, какое имѣетъ изученіе жизни обезьянъ для всякаго дарвиниста.

Въ VII—IX книжкахъ малорусскаго „*Літературно-Наукового Вістника*“, уже четвертый годъ выходящаго во Львовѣ (въ австрійской Галиціи) напечатаны три публичныя лекціи извѣстнаго беллетриста и поэта Ивана Франко (книжка его разсказовъ „Въ потѣ чела. Очерки изъ жизни рабочаго люда“;—появилась на дняхъ въ русскомъ переводѣ въ изданіи М. Д. Орѣхова). Лекціи эти были прочитаны д-ромъ Франко въ Перемышлѣ и посвящены исторіи послѣднихъ 30 лѣтъ въ области малорусской литературы, какъ въ Россіи, такъ и въ австрійской Галиціи. Лекторъ подробно останавливается на дѣятельности покойнаго профессора Драгоманова, которому обязана своимъ возникновеніемъ крестьянская малорусская партія въ Галиціи, на беллетристической и публицистической дѣятельности недавно скончавшагося и небезъизвѣстнаго въ русской литературѣ А. Кониcскаго, на томъ культурномъ вліяніи, какое пріобрѣла малорусская драма и т. д. Но особенный интересъ представляютъ сдѣланныя имъ краткія характеристики малорусскихъ беллетристовъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій въ Россіи и въ Галиціи. Изъ живущихъ въ Россіи украинскихъ беллетристовъ и поэтовъ Франко отмѣчаетъ Бориса Гринченко (извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ Чайченко), написавшаго кромѣ 2-хъ томовъ лириче-

скихъ стихотвореній, массу разсказовъ, драмъ и мелкихъ популярныхъ книжекъ для народа. Гринченко заслужилъ себѣ почетное имя въ этнографической литературѣ, издавши рядъ сборниковъ этнографическихъ матеріаловъ, о которыхъ съ большой похвалой отзываются спеціалисты. Съ большой похвалой д-ръ Франко говоритъ объ Агафангелѣ Крымскомъ (профессоръ арабскаго языка въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ), который, помимо ряда цѣнныхъ филологическихъ и публицистическихъ работъ на малорусскомъ языкѣ, издалъ книжку разсказовъ („Эскизы"), которые дышатъ горячей, почти болѣзненной любовью къ Украйнѣ. Въ послѣднее время Крымскій выдвинулся какъ крупный лирическій поэтъ. Кромѣ вышеуказанныхъ, Франко отмѣчаетъ еще Игнатія Хоткевича, Мирнаго, Левицкаго, поэта Самойленко и беллетриста Коцюбинскаго (нѣсколько разсказовъ Коцюбинскаго были переведены въ „Жизни"). Изъ женщинъ писательницъ, живущихъ въ Россіи, Франко отмѣчаетъ Людмилу Старицкую (дочь драматурга), Василевскую, Наталію и Надежду Кибальчичъ и въ особенности „Лесю Украинку" чрезвычайно талантливую поэтессу. Изъ галицко-украинскихъ писателей Франко отмѣчаетъ высокоталантливаго Стефаника (его разсказы были переведены въ „Жизни", многіе разсказы появились въ нѣмецкомъ, польскомъ и чешскомъ переводахъ) поэтовъ Маковея и Щурата, беллетристовъ Мартовича (были переводы въ „Жизни"), Бордуляка, Чайковскаго, Петрушевича, Крушельницкаго, беллетристку Кобринскую (переводы съ разсказовъ появлялись въ „Русскомъ Богатствѣ"), Олеку Пчелку (переводы были въ „Новомъ Словѣ") и высокоталантливую Кобылянскую (цѣлый рядъ ея разсказовъ появился въ нѣмецкомъ переводѣ въ „Neue Zeit.", редактируемомъ К. Каутскимъ). Франко, въ качествѣ лектора, не могъ, конечно, говорить о самомъ себѣ, а, между тѣмъ, его и по силѣ таланта и по необычайной кипучей энергіи надо было бы поставить въ первомъ ряду современныхъ галицко-украинскихъ писателей. Его дѣятельность настолько обширна и разнообразна, что мы когда-нибудь посвятимъ ей отдѣльную замѣтку.

Съ „легкой" руки покойнаго Каткова у насъ довольно прочно установилось мнѣніе, что „малорусскій языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ польской интригѣ". Это мнѣніе и теперь горячо отстаивается различными „молодыми" и „старыми" джентльменами „Новаго Времени". Казалось бы, что если въ этомъ мнѣніи есть хоть зерно правды, то австро-галицкіе поляки должны обѣими руками поддерживать малорусскій языкъ и всячески способствовать его развитію и распространенію. Увы, дѣйствительность показываетъ, что эта любовь поляковъ къ малорусскому языку существуетъ лишь въ головѣ патріотовъ „нововременскаго типа". Достаточно просмотрѣть въ XII-й книжкѣ „*Літературно-Наукового Вістника*" статью профессора Гнатюка о студенческихъ волне-

ніяхъ въ Львовскомъ университетѣ, чтобы убѣдиться, что поляковъ, если и можно въ чемъ упрекнуть, то это—развѣ въ непримиримой ненависти къ малорусскому языку, а вовсе не въ горячей любви къ нему.

Весь сыръ боръ загорѣлся изъ-за требованія галиційскихъ русиновъ объ уравненіи правъ малорусскаго и польскаго языковъ въ Львовскомъ университетѣ. Требованія эти имѣютъ свою исторію. Еще въ 1867 г. львовскіе студенты русины просили объ этомъ министерство. Въ 70-хъ годахъ объ этомъ хлопоталъ вицепрезидентъ галиційскаго сейма Лавровскій. Въ 1899 г. вопросъ объ этомъ былъ поднятъ русинскимъ депутатомъ Таначкевичемъ въ вѣнскомъ парламентѣ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ объ этомъ опять просили министерство русинскіе студенты и были поддержаны въ этой просьбѣ „Обществомъ имени Шевченки", обществомъ „Просвѣщенія" (Просвіта) и политическимъ союзомъ „Народна Рада". Въ 1900 г. агитацію въ этомъ направленіи велъ депутатъ Олесницкій и, наконецъ, въ виду того, что всѣ просьбы не привели ни къ чему и не встрѣчали даже отвѣта со стороны правящихъ сферъ въ 1901 году агитація приняла особенно широкіе размѣры и довольно бурный характеръ. Надо имѣть въ виду, что по уставу Львовскій университетъ „утраквистиченъ", т. е. въ немъ оба языка польскій и малорусскій признаны равноправными, но поляки захватили его въ свои руки и въ настоящее время всего лишь на 3 кафедрахъ чтеніе лекцій происходитъ на малорусскомъ языкѣ. Въ октябрѣ 1901 года сходка русиновъ студентовъ около 300 человѣкъ постановила опять ходатайствовать объ раздѣленіи Львовскаго университета на два равноправныхъ: малорусскій и польскій и о замѣщеніи надлежащихъ кафедръ профессорами русинами. Вскорѣ послѣ этой сходки нѣкоторые изъ студентовъ подали въ университетскій совѣтъ заявленія, написанныя на малорусскомъ языкѣ (министерство народ. просвѣщенія давно уже постановило, что на всѣ оффиціальныя заявленія, поданныя въ Львовскій университетъ на малорусскомъ языкѣ, университетскія власти должны отвѣчать на томъ-же языкѣ). Студенты получили отвѣты, написанные *по-польски*. Началась буря. На этотъ разъ къ агитаціи присоединились студенты богословскаго факультета и семинаристы. Начался цѣлый рядъ сходокъ и демонстрацій. Одна изъ этихъ сходокъ, на которой присутствовало около 500 душъ русинскихъ студентовъ окончилась крупнымъ скандаломъ. Студенты освистали профессора философіи Твардовскаго, извѣстнаго врага русиновъ, явившагося въ сопровожденіи педелей съ цѣлью закрытія сходки. Сходка постановила домогаться устройства малорусскаго университета въ Львовѣ, а пока ввести полную равноправность обоихъ языковъ въ теперешнемъ львовскомъ университетѣ. Послѣ закрытія этой сходки русинскіе студенты пошли толпой по улицамъ Львова и произвели враждебныя демонстраціи возлѣ редакцій польскихъ газетъ „Dzien-

nik Polski" и „Gazeta Narodowa". Въ польской печати поднялась буря и очень явственно было указано, что вся эта агитація о малорусскомъ языкѣ ведется на „московскіе рубли". Видите, какъ поляки любятъ и поддерживаютъ малорусскій языкъ! Бѣдные русины находятся въ трагикомическомъ положеніи: русская печать, въ лицѣ „Новаго Времени" и „Московскихъ Вѣдомостей", обвиняетъ ихъ въ „польской интригѣ", а польскіе націоналисты въ полученіи „московскихъ рублей". А, между тѣмъ, „ларчикъ просто открывается". Русины всѣми силами души противятся *колонизаціи* и поляки прекрасно понимаютъ, что малорусскій языкъ въ Галиціи является единственнымъ мощнымъ орудіемъ, способнымъ задержать дѣло колонизаціи русинскаго населенія въ Галиціи. Не понимаютъ этого лишь наши квасные „патріоты" и играютъ въ руку полякамъ. Прибавлю въ поясненіе, что въ Галиціи въ 4-хъ гимназіяхъ и 2-хъ семинаріяхъ преподаваніе ведется на *малорусскомъ* языкѣ и русинскіе студенты добиваются вполнѣ послѣдовательно, чтобы не только среднее, но и высшее образованіе велось на родномъ ихъ языкѣ.

Учрежденіе инквизиціи [1]), изобрѣтенное для борьбы съ ересями, сдѣлалось современемъ любимымъ орудіемъ правительствъ и сильные міра сего, папы и короли стали употреблять его противъ своихъ политическихъ враговъ. Какъ могъ Святой-Престолъ устоять предъ такимъ искушеніемъ? Вѣдь инквизиція была его созданіемъ, а инквизиторы его агентами; и вотъ, пользуясь выгодою такого положенія, папа объявлялъ еретиками не только дѣйствительныхъ противниковъ католической церкви, но даже всѣхъ своихъ собственныхъ политическихъ противниковъ. И, если папы были въ концѣ-концовъ побѣждены въ своей борьбѣ за свѣтскую власть, то отнюдь не потому, что они прибѣгали къ инквизиціи, а потому, что инквизиція была опасна только тогда, когда она опиралась на матеріальную силу. Такимъ образомъ, частныя лица, осужденныя инквизиціей, были обречены на гибель; но сильнымъ владѣтельнымъ князьямъ бояться было нечего, до тѣхъ поръ пока они располагали вооруженной силой. Правда, въ такихъ случаяхъ, въ XIII вѣкѣ, папы проповѣдывали „крестовые походы" противъ непокорныхъ, предоставляя тѣмъ, кто возьмется за это благое дѣло, забирать въ свою пользу земли противниковъ церкви. Эта политика удавалась довольно часто, особенно первое время, но она принесла Риму мало положительной пользы, такъ какъ завоеватели были слишкомъ склонны присваивать себѣ все, что имъ удавалось захватить. Тѣмъ не менѣе, папы XIII вѣка, желая всѣхъ увѣрить въ своемъ всемогуществѣ, пытались проповѣдывать „крестовые походы" даже противъ сильныхъ королей.

[1]) La Grande Revue, Novembre 1901.

Немудрено, что ихъ властолюбивыя притязанія надоѣли всѣмъ до послѣдней степени. Во Франціи Гильомъ Ногаре попробовалъ употребить противъ нихъ ихъ собственное оружіе—инквизиціонную систему. Онъ затѣялъ съ папой Бонифаціемъ процессъ о ереси, залилъ его потокомъ самой грязной клеветы, преслѣдовалъ его даже послѣ смерти, набравъ свидѣтелей, которые увѣряли, что папа призналъ себя виновнымъ *marticulo mortis* не только въ ереси, но еще кромѣ того во множествѣ самыхъ отвратительныхъ пороковъ. Однимъ словомъ, Ногаре употребилъ всѣ средства, какими обыкновенно пользовалась инквизиція. Довольный блестящими результатами своей системы, Ногаре рѣшилъ пользоваться ею въ борьбѣ со всѣми врагами своего короля. Что сталось бы съ Франціей, если бы Ногаре дальше велъ королевскую политику и особенно если бы у него нашлись достойные послѣдователи? Можно съ увѣренностью сказать, что никогда еще Франціи не угрожала такая страшная опасность.

Испанія казалась еще менѣе, чѣмъ Франція, предназначена страдать отъ бича государственной инквизиціи. Въ XIII вѣкѣ инквизиціи не существовало ни въ Кастиліи, ни въ Португаліи. Въ 1317 г. архіепископъ Компостельскій не зналъ, что ему дѣлать съ нѣсколькими еретиками изъ Южной Франціи, укрывшимися въ его епархіи, „потому, что способъ обходиться съ ними до сихъ поръ неизвѣстенъ въ нашихъ странахъ“. Въ средніе вѣка самая трудолюбивая часть населенія Испаніи спокойно исповѣдывала мусульманскую религію, кромѣ того вся страна была наводнена евреями. Исходной точкой измѣненій, которыя привели къ учрежденію въ Испаніи „національной инквизиціи“, было антиеврейское движеніе. Къ концу XIV столѣтія начались жестокія гоненія на евреевъ; многимъ изъ нихъ удалось избѣжать смерти только принятіемъ христіанства. Въ 1492 г. всѣ до единаго еще не обратившіеся евреи были изгнаны вонъ. Въ это-же время къ мусульманамъ стали примѣнять ту-же систему. Когда-же Фердинандъ и Изабелла покорили послѣднее независимое мавританское государство, королевство Гренадское, они предложили побѣжденнымъ на выборъ: обращеніе въ христіанство или изгнаніе. Эти насильныя обращенія, разумѣется, не могли быть искренними и большая часть обращенныхъ продолжали, потихоньку, слѣдовать своимъ прежнимъ обрядамъ и обычаямъ. Такимъ образомъ, они не сдѣлались правовѣрными католиками, но зато, прежде всегда спокойные и покорные, они стали теперь ненавидѣть притѣсняющее ихъ правительство. То-же самое чувствовали и евреи. И вотъ вмѣсто спокойствія и равновѣсія получился настоящій хаосъ враждебныхъ расъ. Чтобы помочь этому горю Фердинандъ и Изабелла рѣшили учредить въ своей странѣ инквизицію, надѣясь, что объединеніе вѣроисповѣданія въ строгихъ границахъ „національныхъ догматовъ“ будетъ способствовать объединенію Испаніи. Опираясь на матеріальную силу, правительственная инквизиція была дѣй-

ствительно могущественна и страшна. Братъ Томасъ Торквемада первый „главный инквизиторъ" и его помощники не пренебрегали никакими средствами, чтобы оправдать довѣріе Фердинанда и Изабеллы. Всѣхъ новообращенныхъ, обличенныхъ въ тайномъ исповѣдываніи своей прежней религіи, привлекали къ отвѣтственности и въ назиданіе другимъ казнили съ необыкновенной жестокостью. Но это ничуть не помогало; соотечественники казненныхъ считали ихъ, кажется, мучениками за правую вѣру и поэтому примѣръ ихъ только заражалъ другихъ и укрѣплялъ въ вѣрѣ. Въ результатѣ мусульмане нисколько не убывали въ Испаніи, несмотря на всѣ старанія инквизиціи. Тогда въ сентябрѣ 1609 г. былъ изданъ эдиктъ, предписывавшій изгнаніе, подъ страхомъ смерти, всѣмъ „морискамъ", мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Пятьсотъ тысячъ человѣкъ, почти шестая часть всего населенія Испаніи, выселилась тогда на африканскіе берега. „Вотъ, воскликнулъ доминиканецъ, братъ Бледа, еще ранѣе рекомендовавшій въ своемъ сочиненіи *Defensio fidei*, просто-на-просто перерѣзать всѣхъ еретиковъ,—вотъ со временъ апостольскихъ самое славное событіе для Испаніи: единство религіи упрочено; теперь, разумѣется, начнется эпоха неслыханнаго процвѣтанія".

Эта операція отняла много силъ у безъ того уже истощенной Испаніи Филиппа III, но все-же вредъ ея не можетъ сравниться съ тѣмъ, какой принесли ей Фердинандъ и Изабелла, учредивъ въ своей странѣ инквизицію. Если инквизиція осталась безсильна въ дѣлѣ обращенія мавровъ и евреевъ, зато надъ самими испанцами она торжествовала вполнѣ въ своемъ стараніи пріучить ихъ къ абсолютизму и отдѣлить ихъ отъ всего цивилизованнаго міра. Идеаломъ оставалось все то же единство вѣроисповѣданія и всякое малѣйшее отступленіе отъ государственной религіи считалось не только преступленіемъ противъ церкви, но также и противъ правительства. Всякая форма интеллектуальной независимости также, въ случаѣ надобности, объявлялась ересью. Однимъ словомъ, всѣ новшества воспрещались терроромъ и строжайшей цензурою. И въ то время, какъ вся остальная Европа развивалась и шла впередъ, волнуемая новыми идеями, Испанія застывала въ полной неподвижности.

Любопытный родъ „моральной эпидеміи" доставлялъ инквизиціонному суду работу до конца. Ученые, философы, критики давно уже исчезли или молчали, а испанской инквизиціи все еще приходилось бороться со вспышками мистицизма, и эта борьба составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ ея исторіи. Мистицизмъ является самой распространенной формой духовной дѣятельности въ глубоко религіозныхъ обществахъ. Въ этихъ обществахъ, гдѣ всѣ другія формы дѣятельности запрещаются или презираются, избранныя души, пламенныя и нѣжныя, которыхъ не удовлетворяетъ спокойная вѣра уравновѣшенныхъ людей, обращаются къ мистицизму. Кромѣ того, мистицизмъ имѣетъ неотразимую прелесть для

очень многихъ дегенератовъ. Въ средніе вѣка, испанскіе христіане, поглощенные постоянными войнами, совершенно не знали его; но когда, въ концѣ XV вѣка Фердинандъ и Изабелла сдѣлали изъ нихъ преимущественно католическую націю, въ Испаніи начали появляться классическіе феномены мистицизма, до такой степени одинаковые и однообразные во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, во всѣхъ религіяхъ: аскеты, ясновидящіе, фанатики, съ ихъ экстазами, добровольными ранами, видѣніями, чудесами. Всѣ усилія испанскаго инквизиціоннаго суда, съ его суровыми и жестокими мѣрами, не могли остановить размноженія этихъ искалѣченныхъ душъ.

Такимъ образомъ, хотя испанской инквизиціи и не удалось привить католичество евреямъ и мавританцамъ, ни удержать мистицизмъ въ границахъ здраваго смысла, тѣмъ не менѣе она въ триста лѣтъ съ успѣхомъ перевоспитала испанскій народъ на свой образецъ. Съ помощью террора и цензуры она вполнѣ осуществила идеалъ единодушной націи, замкнутой въ своей вѣрѣ, огражденной отъ внѣшнихъ вліяній, молчаливой и послушной. Въ результатѣ, тотъ самый испанскій народъ, который въ концѣ XV вѣка, когда инквизиція только что приняла на себя заботы о его благоденствіи, былъ первымъ народомъ въ свѣтѣ, сдѣлался къ концу XVIII вѣка, когда инквизиція успѣла уже наложить на него свою печать, послѣднимъ изъ послѣднихъ.

За послѣднее время исторія революціи и имперіи мало-помалу пополняется новыми трудами въ формѣ біографической. Однимъ изъ послѣднихъ сочиненій этого рода является книга г. Маделена „Біографія Фуше“.

До 1789 г. бретонецъ Фуше не представляетъ никакого интереса для исторіи: уже тридцати лѣтъ отъ роду революція выбросила его на политическую дорогу, но выдвинулся онъ главнымъ образомъ только тогда, когда Бонапартъ, вернувшись изъ Египта, снова появился во Франціи.

Полиція въ томъ видѣ, какъ велъ ее Фуше, не была изобрѣтеніемъ революціи; ея происхожденіе относится еще къ королевскому режиму, не древнѣе, однако, утвержденія абсолютной монархіи. Но только въ рукахъ Фуше это учрежденіе достигло своего полнаго расцвѣта и сдѣлалось могучимъ орудіемъ одинаково республики, консульства или имперіи. „Чудовище, рожденное въ революціонной грязи отъ связи анархіи съ деспотизмомъ“, какъ называлъ его Шатобріанъ, Фуше достигъ высшей степени значенія. Министръ полиціи при Наполеонѣ былъ настоящимъ главнокомандующимъ арміей, долженствовавшей поддерживать общественное спокойствіе. Онъ былъ необходимымъ помощникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, военнаго министерства и министерства иностранныхъ дѣлъ. У него были дѣятельные и бдительные агенты во всѣхъ важныхъ городахъ и особенно въ пограничныхъ. Изъ Парижа онъ передавалъ иногда желанія своего императора вассальнымъ

королямъ, угрожалъ тѣмъ, которые стремились къ независимости, шпіонилъ за иностранными посланниками, аккредитованными къ его господину, перехватывалъ и читалъ адресованныя къ нимъ корреспонденціи. Его услугами пользовались главнымъ образомъ для неблаговидныхъ порученій, требовавшихъ соблюденія полной тайны, какъ, напримѣръ, фабрикація фальшивыхъ ассигнацій съ цѣлью разорить врага. Кромѣ того, онъ долженъ былъ направлять общественное мнѣніе съ помощью разныхъ памфлетовъ, каррикатуръ противъ непріятеля и пѣсенъ и кантатъ въ честь побѣдителей. Составъ его тайныхъ и явныхъ помощниковъ представляетъ самую пеструю картину: тутъ были люди всѣхъ классовъ и профессій, писатели, поэты, состоявшіе на жалованье у министра и писавшіе на заданныя темы, всевозможная прислуга и даже знатныя дамы. Имена многихъ остались до сихъ поръ подъ сомнѣніемъ, такъ тщательно старался Фуше держать ихъ внѣ всякаго подозрѣнія. Зорко слѣдя за рулемъ этой страшной машины, Фуше двигалъ ее своей желѣзной рукой въ бархатной перчаткѣ, о которой говорилъ еще Мазарини. До 1810 г. свобода личности и свобода печати претерпѣвали во имя общественнаго блага постоянныя насилія, внушенныя Наполеономъ и приводившіяся въ исполненіе его министромъ Фуше. Впрочемъ, Фуше умѣлъ быть любезнымъ и предупредительнымъ по отношенію къ тѣмъ изъ гонимыхъ правительствомъ, которыхъ онъ считалъ малоопасными: подъ шумокъ онъ помогалъ одному убѣжать изъ тюрьмы, другому тайно возвратиться во Францію и этими ловко и подъ секретомъ оказанными любезностями онъ пріобрѣлъ себѣ много благодарныхъ доброжелателей. Благодаря такой политикѣ, онъ завоевалъ себѣ и сохранилъ за собою доступъ въ Сенъ-Жерменское предмѣстье, даже въ салоны, недоступные людямъ невысокаго происхожденія.

Благодаря своимъ заслугамъ, Фуше сталъ скоро однимъ изъ первыхъ лицъ въ государствѣ и былъ сдѣланъ графомъ Имперіи и герцогомъ Отрантскимъ. Скрывая отъ него государственные секреты, Наполеонъ посвящалъ его въ свои частныя и семейныя дѣла. Онъ считалъ его интриганомъ, но не смѣлъ подозрѣвать его въ невѣрности, такъ какъ это было, какъ говорили про него, отравленное оружіе, которое одинаково опасно было употреблять и оставлять въ бездѣйствіи.

Несмотря на все, у Фуше было много враговъ, желавшихъ его низложенія, и хотя самъ онъ считалъ себя въ прочномъ положеніи, однако не всѣ были такого-же мнѣнія. Неосторожность погубила его. Дѣло въ томъ, что ему хотѣлось изъ полиціи подняться до дипломатіи,—слабость, коварно поощренная Талейраномъ, которая и привела его къ паденію. Взявшись не за свое дѣло, герцогъ Отрантскій очень скоро возбудилъ неудовольствіе Наполеона и былъ отставленъ отъ должности. Ему было дано другое, маловажное мѣсто. Во время длиннаго политическаго кризиса, паденія им-

періи, Ста лией и двухъ реставрацій, при каждой новой конвульсіи, Фуше появляется снова, какъ всегда, услужливый и опасный. Должность, которую онъ занималъ такъ долго, дала ему возможность знать всѣ слабости и тайны каждой партіи и онъ переговаривается одновременно со всѣми, въ интересахъ собственной выгоды; но такъ какъ всѣмъ имъ онъ уже раньше льстилъ и вредилъ, то, предлагая свои услуги, ему приходится въ то-же время опасаться подозрѣній. Послѣдніе годы его жизни представляютъ изъ себя настоящій романъ, полный приключеній, изъ заключенія котораго видно, какимъ опасностямъ подвергается какой бы то ни было искусный полицейскій дѣятель, если ему вдругъ вздумается играть великую политическую роль. Фуше еще нѣсколько разъ дѣлался министромъ и, послѣ окончательнаго своего паденія, долженъ былъ оставить не только министерство, но и самую Францію. Съ тѣхъ поръ онъ еще нѣкоторое время прозябалъ за границей, осужденный на склонѣ лѣтъ на полное бездѣйствіе и безсильную злобу.

Новыя книги.

М. Фридманъ. **Ссудо-сберегательныя товарищества въ Россіи.** Спб. 1901.

Въ нашей литературѣ все какъ-то не устанавливается прочный и правильный взглядъ на кооперативное дѣло и его задачи. Иные склонны видѣть въ кооперацін вѣрное и быстрое средство кратчайшимъ путемъ совершенно видоизмѣнить существующій соціальный строй, другіе-же, наоборотъ, считаютъ чуть ли не все кооперативное дѣло, пустою затѣею, въ лучшемъ случаѣ имѣющей филантропическое значеніе.

Въ послѣдніе годы начинаютъ у насъ какъ будто бы сглаживаться крайности обоихъ этихъ взглядовъ, начинаютъ смотрѣть на кооперативное дѣло какъ на одинъ изъ сильныхъ факторовъ, ведущихъ къ соціализаціи современнаго общества и устраняющихъ многія темныя стороны современнаго экономическаго порядка.

Было, да и теперь еще не совсѣмъ прошло, время, когда у насъ необычайно кичились артельными и кооперативными начинаніями русскаго народа, видя въ нихъ надежный оплотъ противъ вторженія къ намъ западно-европейскаго капитализма; очень часто притомъ указывали, что *даже* въ капиталистическомъ Западѣ кооперативныя начинанія оказываются

жизнеспособными, несмотря на могучую конкурренцію крупнаго капиталистическаго хозяйства. Но въ этомъ весьма часто встрѣчающемся, указаніи скрывается весьма важное недоразумѣніе, мѣшающее правильному пониманію условій развитія кооперативнаго движенія. Дѣло въ томъ, что кооперативное движеніе можетъ развиваться только при условіи „европейскаго“ строя народной жизни. Не надо забывать, что на западѣ кооперативное движеніе широко воспользовалось всѣми громадными техническими и общекультурными условіями, призванными къ жизни крупнымъ капиталистическимъ развитіемъ, и отсутствіе этихъ условій у насъ въ Россіи служитъ сильнѣйшимъ тормазомъ развитію кооперативнаго дѣла.

Авторъ лежащаго передъ нами небольшого изслѣдованія приводитъ обильныя доказательства справедливости сказаннаго выше.

Существующія у насъ въ Россіи ссудо-сберегательныя товарищества въ настоящее время функціонируютъ на основаніи законоположенія 1895 года, со времени изданія котораго ихъ правильнѣе было бы назвать просто кредитными товариществами.

До законоположенія 1895 года у насъ, собственно говоря, не существовало законодательной регламентаціи кредитныхъ товариществъ, у насъ устраивались тогда ссудо-сберегательныя товарищества по образцу нѣмецкихъ Шульце-Деличевскихъ ассоціацій и притомъ каждое товарищество дѣйствовало на основаніи особаго, имъ выработаннаго устава, нуждавшагося лишь въ утвержденіи министерства финансовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ.

Лишь въ 1895 г. изданнымъ законоположеніемъ создана единообразная регламентація кредитныхъ учрежденій, на основаніи которой организуются теперь всѣ подобнаго рода учрежденія.

Г. Фридманъ ставитъ себѣ цѣлью изслѣдовать, во-первыхъ, почему эти кредитныя товарищества у насъ не развиваются — а онъ рядомъ цифръ доказываетъ, что они не развиваются — а во-вторыхъ — выяснить тѣ условія, наличность которыхъ необходима для дальнѣйшаго развитія у насъ кооперативнаго дѣла.

Авторъ справедливо указываетъ на то, что ссудо-сберегательныя товарищества такъ сравнительно плохо у насъ привились, благодаря тому, что они вначалѣ основывались не какъ сознанная потребность широкихъ слоевъ народа, а какъ

извнѣ присвоенная организація. „Они были перенесены съ Запада, говоритъ авторъ, и устроены подъ руководствомъ и опекой интеллигентныхъ людей, заботившихся объ увеличеніи благосостоянія крестьянства".

Всѣ эти попеченія „интеллигентныхъ людей", несмотря на мощную поддержку, оказанную имъ правительственными учрежденіями, не сумѣли, однако, привести къ широкому развитію у насъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Г. Фридманъ констатируетъ, что съ восьмидесятыхъ годовъ развитіе товарищества или останавливается, или даже регрессируетъ. Хотя отдѣльныя товарищества и расширяютъ свою дѣятельность, но общій районъ дѣятельности всѣхъ товариществъ сокращается, уменьшается приростъ суммы выдаваемыхъ ссудъ, увеличивается процентъ просроченныхъ ссудъ по всѣмъ выданнымъ.

Любопытно далѣе, что къ числу расширяющихъ свою дѣятельность товариществъ принадлежатъ крупныя товарищества съ значительнымъ основнымъ и расходнымъ капиталомъ, съ значительнымъ числомъ членовъ и значительными вкладами, тогда какъ число мелкихъ товариществъ и районъ ихъ дѣятельности не только не возрастаетъ, но еще уменьшается. Авторъ далѣе отмѣчаетъ, что жизнеспособными у насъ оказались тѣ товарищества, которыя были основаны болѣе или менѣе состоятельными элементами деревни и велись строго хозяйственнымъ образомъ.

Переходя отъ діагноза къ терапіи, авторъ справедливо указываетъ на губительное вліяніе народнаго невѣжества, технической отсталости на ходъ кооперативнаго дѣла; онъ считаетъ далѣе необходимостью учрежденіе у насъ долгосрочнаго, а не краткосрочнаго кредита, пониженіе ссуднаго процента и т. д.

„Кооперативное движеніе только тогда прочно, говоритъ далѣе авторъ, когда оно опирается на самостоятельность членовъ, когда оно, насколько возможно, свободно отъ благотворительнаго характера, опеки и патронатства, каковы бы ни были цѣли и мотивы этого патронатства". Это не совсѣмъ справедливо: кооперативное дѣло прекрасное средство для организаціи „маломощныхъ" современной экономической жизни, надо только, конечно, организовать ихъ на хозяйственныхъ началахъ. Въ *этомъ* отношеніи оно можетъ быть не лишено „патронатства".

П. Берлинъ.

И. И. Гейеръ. **Путеводитель по Туркестану.** Съ двумя картами. Изданіе В. М. Ильина. Ташкентъ. 1901.

Туркестанскій край составляютъ области: Закаспійская, Самаркандская, Ферганская, Сыръ-Дарьинская, Семирѣченская, и полузависимыя ханства: Хивинское, со всѣхъ сторонъ окруженное русскими владѣніями, и Бухарское, прилегающее къ нимъ восточною, сѣверною и западною границами. Общая территорія занимаетъ площадь въ 1,7 милл. кв. верстъ, населенную 8,3 милл. душъ обоего пола. По этнографическому составу населеніе раздѣляется на слѣдующія главныя группы: сарты, узбеки, киргизы, татары, таджики, европейцы, евреи, цыгане и индусы. Особенно усиленное заселеніе края русскими началось съ проведенія Закаспійской желѣзной дороги. Даже въ Бухарскомъ ханствѣ на уступленныхъ подъ желѣзную дорогу участкахъ земли устроены русскіе города и вся пограничная линія занята русскими таможенными поселеніями. Главнѣйшими водными артеріями служатъ Сыръ-Дарья и Аму-Дарья: обѣ удобны для судоходства, но только по Аму ходятъ пароходы между гг. Термезомъ и Петро-Александровскомъ; по Сыръ-Дарьѣ сплавляютъ лишь хлѣбъ и лѣсъ изъ Ферганской и Самаркандской областей. Другіе водные пути имѣютъ второстепенное значеніе, но весьма важны въ ирригаціонномъ отношеніи.

Современныя требованія практической жизни, мѣстной, торгово-промышленной и государственной, указываютъ на необходимость въ составленіи подробнаго „Путеводителя“ по вышеназваннымъ областямъ. Настоящій трудъ представляетъ первый и, надо сказать, весьма удачный опытъ сведенія въ одно цѣлое новѣйшихъ данныхъ о Туркестанскомъ краѣ. Главными источниками для него послужили мѣстныя изслѣдованія статистическихъ комитетовъ и оффиціальные годичные отчеты по состоянію разныхъ областей, а также другія описанія и литературные материалы.

Производительныя силы края, во многихъ частяхъ безводнаго, зависятъ въ значительной степени отъ искусственнаго орошенія, тѣмъ болѣе, что благосостояніе осѣдлаго населенія опирается, главнымъ образомъ, на земледѣліе, а кочевого—на скотоводство. Въ настоящее время искусственно орошенныхъ въ краѣ земель около 2,7 милл. десятинъ. „По количеству орошенной земли Туркестанскій край превосходитъ Италію, Испанію, Египетъ, Закавказье и только уступаетъ Индіи, гдѣ число десятинъ искусственно орошенныхъ земель доходитъ

почти до 8 милліоновъ". Главнѣйшими культурными растеніями являются: хлопокъ (ежегодно снимаютъ до 16 милл. пуд.), рисъ (15 милл. пуд.), пшеница (67 милл. пуд.), ячмень (20 милл. пуд.), виноградъ (свыше 8 милл. пуд.) и т. д. Хотя преобладаетъ до сихъ поръ культура злаковъ, но хлопководство, по всей вѣроятности, въ будущемъ станетъ краеугольнымъ камнемъ мѣстнаго сельскаго хозяйства. Туземный хлопокъ скупаютъ представители московскихъ и лодзинскихъ мануфактурныхъ фирмъ.

О размѣрахъ скотоводства, обезпечивающаго бытъ кочевыхъ народовъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: всего въ краѣ 2,6 милл. лошадей, 1,3 милл. верблюдовъ, 2,3 милл. рогатаго скота, 19,7 милл. овецъ, 2,2 милл. козъ и т. д. „Всѣ породы домашнихъ животныхъ круглый годъ питаются подножнымъ кормомъ, и только въ послѣднее время, съ введеніемъ русскими крестьянами въ инвентарь туркестанскаго хозяйства косы, сѣверная часть скотовладѣльцевъ дѣлаетъ небольшіе запасы сѣна для скота". Только этотъ сѣверный обычай, принесенный русскими крестьянами, нѣсколько предохраняетъ кочевниковъ отъ страшнаго несчастія—„джута", т. е. падежа отъ безкормицы. „Послѣ такихъ годовъ богатые киргизы обращаются въ нищихъ, берутся за плугъ, который, впрочемъ, бросаютъ, какъ только случай поможетъ обзавестись хоть десяткомъ козъ, съ которыми они вновь возвращаются къ любимому занятію—кочеванію". Культурныя вліянія въ краѣ настолько еще слабы, что мало гдѣ наблюдается среди кочевниковъ переходъ къ осѣдлому хозяйству.

Въ общемъ обзорѣ составитель „Путеводителя" даетъ свѣдѣнія какъ о характерѣ, бытѣ и нравахъ различныхъ этнографическихъ группъ, такъ и о состояніи различныхъ отраслей мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности: культурѣ злаковъ, огородныхъ растеній, шелководствѣ, садоводствѣ, коневодствѣ, горной промышленности, кустарныхъ и отхожихъ промыслахъ и т. д.

Послѣ общаго обзора края сообщаются подробныя свѣдѣнія и маршрутныя справки о каждой области въ отдѣльности: Закаспійской, Самаркандской, Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Бухарскомъ ханствѣ. Въ каждомъ очеркѣ приводятся статистическія таблицы; по уѣздамъ, а въ нѣкоторыхъ и по волостямъ (за исключеніемъ, конечно, Бухары), представлена площадь территоріи, численность населенія, мужчинъ и женщинъ, посѣвы и сборы главныхъ растеній, распредѣленіе

живого инвентаря, численность промышленныхъ заведеній, школъ и учащихся, обороты мѣстной и внѣшней торговли и т. д. Не лишены также интереса и практическаго значенія указанія на нѣкоторыя особенности быта мѣстныхъ народностей, религіозные обычаи и нравы, административные и судебные порядки и учрежденія.

Что же касается собственно маршрутныхъ справокъ, составитель „Путеводителя“ не ограничивается подробными свѣдѣніями о городахъ и станціяхъ, съ указаніемъ гостинницъ для пріѣзжающихъ, магазиновъ, платы извощикамъ, цѣнъ мѣстныхъ продуктовъ и т. п., но даетъ также краткія описанія мелкихъ, въ особенности, русскихъ поселковъ съ указаніемъ разстояній, водныхъ или шоссейныхъ путей и т. д. Однако, въ „Путеводителѣ“ недостаетъ обстоятельныхъ очерковъ Семирѣченской области и Хивинскаго ханства. Не притендуя на полный и всесторонній обзоръ, составитель оговаривается въ своемъ предисловіи, что для подобнаго труда необходимо участіе нѣсколькихъ лицъ, изъ которыхъ каждый взялъ бы на себя „описаніе той области, въ которой ему приходится жить и работать. Такая коллективная работа могла бы быть исполнена членами областныхъ статистическихъ комитетовъ“. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ его трудъ можетъ служить не только для практическихъ цѣлей, но и въ качествѣ пособія для изученія отдаленной окраины. Къ „Путеводителю“ приложенъ планъ русской части г. Ташкента и карта Туркестанскаго края. И. И.

266

За мѣсяцъ.

„Земство безъ гласности и публичности не земство, а тайная бесѣда людей, у которыхъ совѣсть не чиста, которые боятся свѣта и умышленно ищутъ тьмы"... говорилъ нѣкогда въ Нижегородскомъ земскомъ собраніи покойный общественный дѣятель и писатель А. С. Гацискій.—„Предупреждаю", —заявилъ на одномъ изъ недавнихъ земскихъ собраній „новый" земецъ, только что выбранный предсѣдателемъ управы,—„я чуждъ такъ называемымъ земскимъ идеаламъ, а поэтому я буду вносить въ свою дѣятельность лишь то, что дано мнѣ моимъ воспитаніемъ и что не будетъ препятствовать моей дальнѣйшей карьерѣ". Между исходными точками „стараго" и „новаго" земца дистанція огромнаго размѣра.

Собственно говоря, „новый земецъ"—понятіе отрицательное, это антиземскій элементъ. Прежде элементъ этотъ, представленный въ ограниченномъ количествѣ, былъ мало замѣтенъ, не бросался въ глаза, такъ какъ почва для процвѣтанія его была неблагопріятна. Нынѣ-же лучшія земскія силы сходятъ со сцены, либо за смертью, либо вслѣдствіе полнаго противорѣчія ихъ идеаловъ съ новымъ курсомъ въ земскомъ дѣлѣ— и антиземецъ, заступая ихъ мѣсто, откровенно, не прикрываясь, вноситъ за собой начала разрушительныя: канцелярскій формализмъ, угодничество, гоненіе на гласность—и, что самое важное, протеста не встрѣчаетъ. Внутренніе враги земства подтачиваютъ его устои—и число ихъ растетъ и армія ихъ силится и крѣпнетъ. Указанное явленіе постепенно теряетъ характеръ спорадическій, становится обычнымъ, знаменуя собою ослабленіе темпа всей земской жизни вообще.

Въ нынѣшнемъ году губернскія земскія собранія отмѣчены были, съ одной стороны, необыкновеннымъ подъемомъ общественнаго духа, напоминавшимъ лучшую пору земской жизни— выдвинуты были вопросы о мелкой земской единицѣ, о пониженіи ценза гласныхъ, объ усиленіи представительства вообще и отъ крестьянства въ частности, кое-гдѣ постановлено было ходатайствовать объ отмѣнѣ закона о предѣльности обложенія,

горячо говорили о всеобщемъ обученіи, толковали и о необходимости единенія, объ общеземскомъ органѣ—словомъ, на собраніяхъ нынѣшняго года, казалось бы, и старому земскому бойцу краснѣть не пришлось бы. Но это только одна сторона. Другая сторона отмѣчена печальными фактами антиземскаго характера и факты эти, къ сожалѣнію, многочисленны. Этотъ годъ показалъ нагляднѣе предыдущихъ антагонизмъ между старыми дѣятелями коренными и новыми пришельцами - разрушителями. Портретная галлерея послѣднихъ пополняется ежегодно новыми разновидностями, которымъ нельзя отказать въ извѣстной типичности. Есть между ними люди стойкіе, вскормленные идеями охранительной печати и только отъ этихъ идей исходящіе, есть и такіе, что ради собственныхъ желудочныхъ интересовъ должны быть въ оппозиціи земству, ибо земство и ихъ дѣятельность взаимно другъ друга исключаютъ, есть перебѣжчики, служащіе двумъ господамъ, есть, наконецъ, и комическіе персонажи, юмористы pur sang. И отъ всей этой пестрой толпы новыхъ людей несетъ специфическимъ букетомъ плѣсени, мертвящимъ холодомъ реакціи.

Все чаще земскимъ собраніямъ приходится тратить время на выслушиваніе разнаго рода нелѣпыхъ проектовъ, придуманныхъ на досугѣ поклонниками и почитателями гг. Шараповыхъ, Ярмонкиныхъ и пр. Въ этомъ году въ качествѣ юмористовъ отличились два небезъизвѣстныхъ симбирскихъ дѣятеля—Ю. Родіоновъ и А. В. Михайловъ. Первый вылилъ свои общественные идеалы въ одной категорической формулѣ,—такъ солнечные лучи черезъ выпуклое стекло скопляются въ одной точкѣ. „Установите, предлагаетъ онъ, прочныя и постоянныя цѣны на сельскохозяйственные продукты, тогда, повѣрьте, все остальное приложится“. Только и всего. Но, увы, Родіонову не повѣрили и повѣрятъ ли когда—неизвѣстно. Другое предложеніе было сдѣлано также доморощеннымъ аграріемъ г. Михайловымъ, не въ такой краткой, но зато и менѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ предыдущее. Въ солидномъ докладѣ (говорятъ, цѣлой диссертаціи, представленной имъ на степень предсѣдателя губернской земской управы) заключается истинная панацея отъ всѣхъ общественныхъ бѣдъ и золъ. Кстати, высоко-комическій характеръ этихъ на свободѣ выношенныхъ и взлелѣянныхъ проектовъ сказывается, между прочимъ, въ томъ, что авторы ихъ берутся поправлять *все зло, всѣ бѣды*,—на меньшемъ они не мирятся. Причины массоваго оскудѣнія русскаго народа, причины неурожаевъ кроются въ легкомысленной растратѣ производительныхъ силъ природы. Рецептъ, предлагаемый г. Михайловымъ, несложенъ, и стоитъ принять его, какъ въ Россіи воцарится рай земной. И г. Михайловъ настолько великодушенъ, что на открытіе свое никакихъ привиллегій не заявляетъ, въ секретѣ его не держитъ и съ необыкновенной любезностью дѣлится имъ со всякимъ и каждымъ.

„Чтобы поднять производительность и благосостояніе

120-милліоннаго народа", необходимо „возстановить лицо природы". „Къ работамъ этимъ (т. е. къ работамъ по возстановленію лица природы) слѣдуетъ привлечь все населеніе, весь безъ изъятія народъ, не убѣжденіемъ, а приказомъ свыше"...

Буквально въ такой формѣ г. Михайловъ предложилъ собранію возбудить ходатайство передъ правительствомъ, предлагая представить его глубочайшія „воззрѣнія на благоусмотрѣніе того высшаго правительственнаго учрежденія, коему нынѣ по волѣ Государя ввѣрено все продовольственное дѣло"...

Собраніе встрѣтило предложеніе г. Михайлова, какъ сообщаетъ корреспондентъ „Курьера", съ большимъ недоумѣніемъ, чрезвычайныхъ мѣръ его, отзывающихся блаженной памяти аракчеевщиной, не приняло даже къ свѣдѣнію и самъ авторъ отнынѣ знаменитой записки о „возстановленіи лица природы" былъ забаллотированъ. Но пусть не унываетъ отъ первой неудачи симбирскій цѣлитель-аграрій. Есть еще уголокъ—на Страстномъ бульварѣ—гдѣ его оцѣнятъ, поддержатъ и, „въ гробъ сходя, благословятъ".

Наряду съ буффонадами гг. Родіоновыхъ и Михайловыхъ—этихъ достойныхъ учениковъ не менѣе достойныхъ учителей, самозванно домогающихся занять мѣсто хозяевъ жизни,—замѣчаются въ этомъ году на земскихъ собраніяхъ и болѣе серьезные симптомы упадка, выражающіеся въ усиленной тенденціи ограничить себя, свое право и компетенцію, можетъ быть страха ради іудейска, а, можетъ быть, и за совѣсть. Судить о мотивахъ въ данномъ случаѣ мы не беремся. Газеты, сообщающія объ этихъ признакахъ слабости духа, считаютъ, однако, своимъ долгомъ упомянуть о тяжеломъ впечатлѣніи, которое производитъ на *часть* гласныхъ и на публику предсѣдательское veto.

Въ Казани подняли вопросъ объ увѣковѣченіи памяти 19 февраля 1861 г. Однимъ гласнымъ было предложено проведеніе въ жизнь Казанской губерніи началъ всеобщаго обязательнаго обученія. Выслушали. Слѣдующій гласный предложилъ пріобрѣсти землю и устроить на ней домъ для сиротъ, чтобы они обучались земледѣлію. Скачокъ изрядный отъ всеобщаго обученія къ сиротскому дому. Но и сиротскій домъ показался предсѣдателю г. Сазонову черезчуръ грандіознымъ.

Ему больше по душѣ просто... ясли. Неизвѣстно, до какихъ еще болѣе миніатюрныхъ проектовъ договорились бы гласные за своимъ предсѣдателемъ, если бы не поднялся гласный В. П. Геркенъ и не предложилъ два ходатайства: 1) объ установленіи въ школахъ праздника 19 февраля и 2) объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, этого остатка крѣпостного права. *Часть* гласныхъ, вѣроятно, посмотрѣла на г. Геркена, какъ на жителя Марса, внезапно свалившагося на землю. „Я не могу допустить обсужденіе этого вопроса, твердо заявилъ предсѣдатель. Дѣло земства чисто хозяйственное; юридическіе вопросы—это общегосударственные вопросы и лежатъ внѣ компетенціи земства". Гласный, свалившійся съ Марса, проситъ разрѣшенія прочи-

тать сейчасъ одно разъясненіе сената; но слышитъ въ отвѣтъ суровый голосъ: „я не могу позволить этого, я прекрасно знаю, что законно и что незаконно“.

Повторяемъ, не легко разобраться въ мотивахъ, приводящихъ земство къ „самоограниченію“, даже при видимомъ отсутствіи сторонняго внушенія. Отчасти изъ этого колебанія способны вывести сомнѣвающихся факты, правда, единичные, указывающіе на слишкомъ слабую организацію въ средѣ земства борьбы съ новыми вѣяніями. Чѣмъ, какъ не этой слабостью, можно объяснить странное избраніе въ председатели Саратовской губернской управы гр. Олсуфьева, рѣзко и опредѣленно высказавшаго свои взгляды на основные земскіе вопросы. Во-первыхъ, гр. Олсуфьевъ принципіальный противникъ губернскаго земства, какъ органа, объединяющаго и направляющаго дѣятельность уѣздныхъ земствъ; далѣе, онъ противникъ губернской медико-санитарной организаціи и организаціи текущей статистики, противникъ направленія земскаго органа „Земская Недѣля“,— и, наконецъ, онъ горячій сторонникъ школъ духовнаго вѣдомства. Еще болѣе непонятнымъ станетъ это избраніе, если принять во вниманіе, что губернское земское собраніе утвердило доклады губернской управы о текущей статистикѣ, медико-санитарной организаціи, одобрило направленіе и программу „Земской Недѣли“ и отказало въ поддержкѣ школамъ духовнаго вѣдомства.

Отказъ этотъ стоилъ собранію не малой борьбы, окончившейся, однако, блистательной побѣдой противниковъ такъ называемыхъ школъ грамоты. Послѣднихъ гласный Лятошинскій назвалъ антиклерикалами, но получилъ отъ предсѣдателя губернской управы (г. Львова) вѣскую отповѣдь: „Мы не антиклерикалы. Мы идемъ противъ школъ грамоты не потому, что онѣ преслѣдуютъ религіозныя цѣли, мы не поддерживаемъ ихъ только потому, что изъ нихъ изгоняется просвѣтительный элементъ, что онѣ порожденіе мертвящаго бюрократизма. Сочувствовать, помогать такимъ школамъ мы не должны, иначе мы поступимся своими принципами“.

Другой оппонентъ г. Давыдовъ заявилъ: „Мы 6 лѣтъ добиваемся свѣдѣній о положеніи школъ въ учебномъ отношеніи, а этого-то намъ и не даютъ. Какой-же это контроль? Мы три года ходатайствовали, чтобы въ одномъ мѣстѣ была закрыта школа, а намъ на зло выстроили тамъ новую. Какой же это контроль? Мы настойчиво требовали увольненія 17 негодныхъ учителей, насъ не послушали. Гдѣ-же здѣсь контроль? И вездѣ учителями выступаютъ безграмотные дьячки, псаломщики, выгнанные писаря и даже сторожа. Можемъ ли мы помогать такимъ школамъ“?

И сама жизнь подтверждаетъ это отрицательное отношеніе земства къ церковнымъ школамъ. Въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Воспитанія“ помѣщена интересная статья по этому вопросу, составленная по нѣсколькимъ земскимъ работамъ въ Московской, Пермской и Воронежской губерніяхъ. Въ ней, между прочимъ приведены взгляды

самого населенія, крестьянъ, на различные типы существующихъ школъ. За церковную школу высказывается сравнительно небольшая группа хозяевъ консерваторовъ, которымъ нравится, что въ ней лучше поставлено обученіе церковному пѣнію, что въ ней обращаютъ особенное вниманіе на славянскую грамоту. Большинство-же крестьянъ къ церковной школѣ относится отрицательно и только земскую называетъ настоящей. Одинъ крестьянинъ пишетъ: „Церковно-приходскія школы порушить не мѣшало бы". Нѣкоторые крестьяне предпочитаютъ отдавать своихъ дѣтей въ дальнюю земскую школу, вмѣсто ближней церковной, а „иные изъ грамотныхъ родителей отдаютъ въ земскія школы даже и тѣхъ дѣтей, которыя были уже въ церковно-приходской".

Радѣтели церковныхъ школъ въ земствѣ, какъ видно, съ жизнью и ея насущными требованіями не считаются.

Юбилей русской печати приближается и кое-откуда уже доносятся вѣсти о приготовленіяхъ къ предстоящему торжеству. Чувствуется какъ будто приливъ нѣкоторой бодрости и оживленія. Подводятся итоги дѣятельности почтеннаго юбиляра, итоги предварительные, такъ сказать, на-черно.

Пока еще будетъ сведенъ балансъ, а дѣйствительность не перестаетъ пополнять матеріалъ какъ для актива, такъ и пассива. Многострадальный терпѣливый юбиляръ и передъ своимъ праздникомъ нѣтъ-нѣтъ да и получитъ затрещину или пинокъ отъ своихъ недоброжелателей. Ему отведена роль приживала, его терпятъ, даютъ ему уголъ и за всѣ эти милости требуютъ отъ него преданности и уваженія, уваженія и преданности.

Дни его грустны и по временамъ онъ даже перестаетъ питать надежды на лучшее будущее. О надеждахъ этихъ и степени ихъ осуществимости намъ скажутъ, вѣроятно, на праздникѣ, а пока что, жизнь не даетъ основанія для отрадныхъ выводовъ.

Обострившаяся чувствительность обывателя къ печатному слову можетъ быть отнесена, конечно, въ активъ юбиляра, но, съ другой стороны, эта щепетильность доставляетъ много заботъ и горя провинціальному редактору. Бороться съ газетами ихъ-же орудіемъ, т. е. словомъ, обыватель не только не привыкъ, но даже какъ будто униженіемъ считаетъ. И тянетъ онъ редактора на судъ съ сословными представителями, да непремѣнно за диффамацію, рѣдко когда за клевету, расписываясь этимъ самымъ полностью подъ гнусностями, имъ совершенными. Вотъ не угодно ли взглянуть на списокъ дѣлъ, назначенныхъ въ Харьковской судебной палатѣ на 15 декабря: о редакторѣ-издателѣ газ. „Орловск. Вѣст." Алексѣѣ Ивановѣ Аристовѣ, обв. по 1535 ст. улож. о нак.; о ред.-изд. газеты „Орлов. Вѣст." А. И. Аристовѣ, обв. по 2 ч. 1535 ст. улож.; о ред. изд. газ. „Орлов. Вѣстн." А. И. Аристовѣ, обв. по 1039 ст. улож.; о ред.-изд. газ. „Орлов. Вѣстн." А. И. Аристовѣ, обв. по 2 ч. 1535 ст. улож.; о ред.-изд. газ. „Орлов. Вѣстн." А. И. Аристовѣ, обв. по 1039 ст. улож.

Три дѣла о клеветѣ и два о диффамаціи. Скоро редакторамъ придется проводить всѣ дни въ судебныхъ залахъ. Забѣжитъ на время перерыва въ редакцію и снова на скамью. А затѣмъ отсиживать.

Неравное положеніе защиты и обвиненія на судѣ въ дѣлахъ о диффамаціи, лишній разъ обрисовавшееся на „Аристовскихъ“ процессахъ въ Орлѣ, подало мысль нѣкоторымъ мѣстнымъ адвокатамъ поднять вопросъ въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ округа Харьковской судебной палаты, насколько допустимо для представителей адвокатуры съ точки зрѣнія адвокатской этики выступать повѣренными лицъ, возбуждающихъ въ судахъ дѣла о диффамаціи. Если адвокатская этика направлена, между прочимъ, и къ сохраненію за адвокатомъ положенія передового общественнаго дѣятеля, а не исключительно повѣреннаго, обязаннаго пещись объ имущественныхъ и личныхъ интересахъ кліента, то мысль орловскихъ адвокатовъ, вѣроятно, будетъ поддержана и въ другихъ округахъ. Такимъ образомъ, сама жизнь внесетъ давно желанный коррективъ въ законъ, который какъ нельзя лучше приходится по душѣ людямъ, желающимъ и совѣсть свою закрыть отъ посторонняго взора и дерзкаго обличителя наказать по всей строгости.

Поняли это отлично даже россійскіе кулаки, изъ тѣхъ, что прежде на всѣ газетныя обличенія только отплевывались. Теперь не то. Газетный листъ проникъ и въ деревню, тамъ создается общественное мнѣніе: міроѣду податься некуда, если бы не „диффамація“. Она и выручаетъ, хотя бы только съ внѣшней стороны.

Въ „Сѣв. Краѣ“ появился разсказъ „Антипка-разбойникъ“— современная сказочка, въ которой авторъ изобразилъ деревенскаго кулака Антипа Ивановича Архипова, превратившагося постепенно путемъ разныхъ сомнительныхъ и прямо неблаговидныхъ операцій изъ приказчика въ мѣстнаго богача-міроѣда, забравшаго въ свои цѣпкія лапы всю округу и ворочающаго дѣлами волости.

Портретъ, всѣмъ знакомый и сотни разъ повторявшійся въ литературѣ. Оказался этотъ портретъ настолько жизненнымъ, что въ Нижнеслободской волости сразу признали героя сказки.

Этимъ героемъ оказался мѣстный тузъ Федоръ Ивановичъ Антипинъ. Пошелъ слухъ, что Федора Ивановича въ газетѣ „отчокали“, и загулялъ газетный листъ по рукамъ. Не въ моготу стало Антипину. Акцизное вѣдомство предполагало нанять у него помѣщеніе для винной лавки, какъ вдругъ въ Вологодскую администрацію поступаетъ заявленіе кр. Хрѣнова, въ которомъ онъ возстаетъ противъ этого найма, причемъ для характеристики Антипина прилагаетъ №№ „Сѣвернаго Края“ съ разсказомъ „Антипка-разбойникъ“. Чаша терпѣнія переполнилась и Антипинъ потащилъ редактора газеты на судъ, предъявивъ къ нему обвиненіе въ диффамаціи. Обвинителю необходимо было установить: 1) что въ героѣ разсказа всѣ

мѣстные жители признали его, Антипина. и 2) что онъ честный человѣкъ и тѣхъ мерзостей, которыя приписаны „Антипкѣ-разбойнику", не совершалъ. Задача трудная, щекотливая и, казалось бы, прямо невыполнимая. Дѣло въ томъ, что „Антипка-разбойникъ"—олицетвореніе пороковъ, плутней и гнусностей, безъ свѣтлыхъ промежутковъ. Читавшіе только по этой черной краскѣ и узнали своего „благодѣтеля". На судѣ разыгрываются курьезныя сцены. Староста читалъ сказку и вмѣстѣ съ другими единогласно призналъ въ Антипкѣ—Антипина. На всѣ вопросы повѣреннаго обвинителя, направленные къ установленію тождества Антипки съ Антипинымъ, староста отвѣчаетъ однообразно: „такъ точно". Когда-же повѣренный спрашиваетъ: „правда ли, что Антипинъ торговалъ нечестно, спаивалъ виномъ мужиковъ и т. п.", свидѣтель отвѣчаетъ: „никакъ нѣтъ".—„Какъ-же онъ торгуетъ и что онъ за человѣкъ?" Свидѣтель молчитъ. Получается заколдованный кругъ. „Вы въ разсказѣ узнали Антипина?" „Такъ точно". „Антипинъ спаиваетъ мужиковъ и нечестно торгуетъ?" „Никакъ нѣтъ". „Такъ почему-же вы узнали въ Антипкѣ-разбойникѣ Антипина? Вѣдь Антипка обманываетъ и воруетъ?" Молчаніе. Другой свидѣтель на вопросы:—какъ Антипинъ торгуетъ, что онъ за человѣкъ,—мнется, чешетъ въ затылкѣ и нерѣшительно произноситъ: „Какъ вамъ сказать"... и, помолчавъ, прибавляетъ: „одно скажу, о Федорѣ Иванычѣ писано! по всѣмъ обстоятельствамъ видно"...

И остальные свидѣтели также скромно и потупясь умалчивали о доблестяхъ Антипина, не отрицая, однако, полнаго сходства его съ Антипкой. Редактора приговорили къ штрафу, но болѣе тяжкій приговоръ—нравственный въ этомъ процессѣ былъ вынесенъ обвинителю. Процессъ этотъ показалъ, какъ велика еще сила кулацкая въ деревнѣ, связывающая языки крестьянъ на судѣ, но онъ убѣждаетъ насъ, что миссія печати въ глуши даетъ, несмотря на всю силу противодѣйствія, благотворные результаты—и пожелать побольше гражданскаго мужества провинціальнымъ газетамъ долгъ русскаго общества.

М. Силинъ.

Редакторъ-издатель **С. Сухонинъ.**

БИБЛІОТЕКА ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ПО ИСТОРІИ НАРОДОВЪ.
Приложеніе къ журналу „Вѣстникъ Всемірной Исторіи".

Проф. РОБЕРТЪ К. ДУГЛАСЪ.

Исторія Китая.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

В. П. Батуринскаго.

С.-Петербургъ.
1902.

Тип. Исидора Гольдберга, Спб

2

3

История Китая.

Глава I.

Древняя история Китайской империи.

Изъ всѣхъ великихъ имперій древности лишь одному Китаю удалось сохранить свое существованіе, вопреки разрушительному вліянію времени и нападеніямъ враговъ. Въ то время, какъ древнія имперіи Египта, Вавилоніи и Ассиріи послѣ краткаго процвѣтанія распались, Китай сохранилъ свое положеніе въ восточномъ мірѣ и границы его владѣній скорѣе расширились, чѣмъ сократились.

Наиболѣе раннія изъ существующихъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Китая, описываютъ китайцевъ какъ небольшое племя колонистовъ, населявшихъ плодоносныя пространства сѣверо-восточнаго Китая вблизи Желтой рѣки. По мѣрѣ того, какъ колонисты эти упрочивали свое государство и вырабатывали окончательную форму правленія, они оттѣсняли туземныя племена, первоначально окружавшія ихъ, и распространяли свое владычество на области, лежавшія на западъ и югъ отъ первоначальнаго мѣста ихъ населенія. Новообразовавшееся государство начало съ теченіемъ времени устраивать колоніи въ другихъ областяхъ и руководясь тѣми методами, какіе можно и теперь наблюдать въ сношеніяхъ китайцевъ съ манджурами и монголами, сначало дѣлало эти колоніи центрами китайскаго вліянія, а вслѣдъ затѣмъ — базами, на которыхъ строилась имперія. Подвигаясь постепенно все дальше, китайцы въ III ст. до Р. Х. пересѣкли Янгъ-Тси-Кіангъ по направленію къ югу и вслѣдъ затѣмъ, присоединяя область за областью, основали имперію, какой мы не знаемъ въ настоящее время.

Втеченіе всей своей исторіи китайцы выказали ясно выраженную способность къ поглощенію сосѣднихъ территорій, причемъ почти всегда это поглощеніе производилось путемъ мирнаго поселенія въ сосѣднихъ областяхъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ путемъ нашествія и завоеванія. Китайцы вовсе

не обладаютъ характеристическими чертами воинолюбивыхъ расъ и обязаны своимъ торжествомъ надъ менѣе культурными племенами скорѣе мирному поступательному движенію впередъ, чѣмъ силѣ оружія.

Сказанія древнихъ китайскихъ лѣтописцевъ убѣждаютъ насъ, что китайцы почти во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отличались отъ тѣхъ племенъ, которыя окружали ихъ въ началѣ образованія имперіи. Поэтому невольно рождается вопросъ о происхожденіи китайцевъ и мѣстѣ ихъ первоначальной родины. Вопросъ этотъ вызвалъ много гипотезъ. Нѣкоторые ученые высказывали предположеніе, что китайцы переселились изъ равнинъ Сеннара, другіе, что они являются колоніей Египта, наконецъ, нѣкоторые отождествляли ихъ со скиѳами. Всѣ эти предположенія, однако, не имѣютъ за собой никакихъ серьезныхъ обоснованій, и честь установленія болѣе или менѣе вѣроятной и научно-обоснованной теоріи происхожденія китайцевъ всецѣло принадлежитъ покойному профессору Терьенъ-де-Лякупери, который высказалъ предположеніе, что китайцы эмигрировали на Востокъ приблизительно въ XXIII ст. до Р. Х. изъ областей, лежащихъ на югъ отъ Каспійскаго моря. Въ подтвержденіе своей теоріи профессоръ Терьенъ-де-Лякупери указалъ на близкое сродство многихъ письменныхъ начертаній древнихъ аккадійцевъ и китайцевъ, а также на замѣтное сходство общественныхъ и научныхъ учрежденій и религіозныхъ вѣрованій этихъ двухъ народовъ. Въ двѣнадцати пастыряхъ, между которыми императоръ Яо (2085 — 2004 до Р. Х.) раздѣлилъ имперію, де-Лякупери видитъ отголосокъ преданія о двѣнадцати князьяхъ-пастыряхъ древней Сузіаны. По поводу познаній древнихъ китайцевъ въ области астрономіи и медицины онъ указываетъ на положеніе этихъ наукъ въ Месопоматіи; наконецъ онъ обращаетъ вниманіе на тотъ знаменательный фактъ, что новѣйшія раскопки въ Вавилоніи выяснили необычайное сходство каналовъ и водныхъ сообщеній Китая съ каналами, пересѣкавшими всю Вавилонію, и которые являлись такой же характеристичной чертой этой страны, какую представляютъ каналы современнаго Китая.

Многолюдныя переселенія не представляютъ особенной рѣдкости въ исторіи азіатскихъ народовъ: не далѣе какъ въ концѣ прошлаго столѣтія 600.000 калмыковъ переселились изъ пограничныхъ областей Россіи въ предѣлы Китая. Это переселеніе можетъ служить характернымъ образчикомъ тѣхъ массовыхъ передвиженій, какія постоянно имѣли мѣсто среди народовъ, населявшихъ Азію. Чума, голодъ, политическія смуты оказывали вліяніе на эти постоянныя перемѣны мѣста жительства среди племенъ и націй Востока; поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ вышеприведенномъ предположеніе о переселеніи китайскихъ племенъ изъ Месопотаміи на берега Желтой рѣки.

Ограничиваясь вышеприведеннымъ, мы не будемъ подробно

разсматривать вопроса о первоначальной родинѣ китайскаго народа, такъ какъ въ настоящемъ трудѣ мы главнымъ образомъ займемся тѣми періодами китайской исторіи, которые наступили вслѣдъ за переселеніемъ этого племени въ Китай; поэтому для настоящаго краткаго очерка древней исторіи Китая мы воспользуемся лишь преданіями, заключенными въ древнихъ лѣтописяхъ китайскаго народа.

Сказанія туземныхъ историковъ объ историческихъ судьбахъ ихъ племени относятся къ такому древнему періоду, передъ которымъ блѣднѣетъ древность Египта или Халдеи и хотя эти сказанія покоятся лишь на баснословныхъ преданіяхъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ сохранились кое-какія достовѣрныя фактическія данныя. Вождямъ китайскаго народа въ древности, подобно древнимъ вождямъ другихъ расъ, лѣтописцы приписываютъ почти божескую мудрость и силу. Одному изъ древнѣйшихъ вождей, Фаши, приписывается изобрѣтеніе шести классовъ письменнаго алфавита, установленіе законовъ о бракѣ и, наконецъ, изобрѣтеніе знаменитыхъ восьми „діаграммъ", послужившихъ, по общему мнѣнію, основаніемъ извѣстной „Книги Новолуній". Его наслѣднику, Шеннунгу, приписывается обученіе китайскаго народа начаткамъ агрикультуры, установленіе публичныхъ базаровъ и открытіе цѣлебныхъ свойствъ нѣкоторыхъ травъ. На древнихъ портретахъ этотъ мудрецъ обыкновенно изображается жующимъ длинный стебель какого-то злака, причемъ судя по выраженію физіономіи мудреца, злакъ этотъ, каковы бы ни были его цѣлебныя свойства, не отличается особенно пріятнымъ вкусомъ. Вслѣдъ за Шеннунгомъ на китайскій престолъ вступилъ Хванти (въ 2332 г. до Р. Х.). Его царствованіе, подобно царствованіямъ его предшественниковъ, было очень продолжительно и, если вѣрить лѣтописямъ, тянулось болѣе столѣтія. Согласно преданіямъ, онъ обучилъ китайцевъ производству полезныхъ вещей изъ дерева, глины и металловъ, а также изобрѣлъ методъ денежнаго обращенія. Профессоръ Терріенъ-де-Лякупери находитъ большое сходство между его именемъ (Най-Хванти) и именемъ Накхунте, извѣстнаго въ исторіи эламитовъ, причемъ, по мнѣнію Лякупери, Хванти — лицо миѳическое, и императоръ съ такимъ именемъ никогда не царствовалъ въ Китаѣ. Какъ бы то ни было, туземные историки очень много распространяются о его мудрости и добродѣтеляхъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Яо (2085—2004 до Р. Х.) заканчиваются легендарныя главы исторіи Китая, такъ какъ о дальнѣйшей эпохѣ мы имѣемъ повѣствованія Конфуція. Этотъ мудрецъ называетъ императора Яо „хорошо освѣдомленнымъ, разумнымъ, образованнымъ и глубокомысленнымъ". Онъ управлялъ „черноволосой расой" съ „почти божественной мудростью" и подъ его кроткимъ управленіемъ границы имперіи расширились отъ 23° до 40° на сѣверъ и отъ 6° на западъ отъ Пекина до 10° къ востоку. Когда же Яо

сдѣлался „гостемъ неба", или попросту умеръ, его мѣсто занялъ Шунъ, царствованіе котораго было ознаменовано сильнымъ наводненіемъ (которое впослѣдствіи іезуитскіе миссіонеры смѣшивали съ всемірнымъ потопомъ). Наводненіе это причинило большіе ущербы благосостоянію многихъ провинцій Китая. Несмотря на авторитетъ іезуитскихъ миссіонеровъ, мы смѣемъ думать, что наводненіе это было результатомъ одного изъ тѣхъ разлитій Желтой рѣки, которыя періодически опустошаютъ области, лежащія по ея берегамъ. Во время этого наводненія высокопоставленному чиновнику Ію была ввѣрена важная государственная задача—направить воды разлившейся рѣки въ ихъ первоначальное русло. Его труды, по словамъ лѣтописцевъ, продолжались свыше 9 лѣтъ, причемъ онъ былъ такъ погруженъ въ рѣшеніе этой многотрудной задачи, что трижды прошелъ мимо дверей своего дома, не замѣчая ихъ. Труды его были щедро вознаграждены, такъ какъ по смерти Шуна Ію былъ избранъ на китайскій престолъ и сдѣлался первымъ императоромъ Хсійской династіи (1954 — 1687 до Р. Х.). Царствованіе Ію замѣчательно, между прочимъ, тѣмъ, что этотъ монархъ раздѣлилъ имперію на 9 провинцій, вмѣсто прежде бывшихъ 11, каковой его административный подвигъ былъ выгравированъ въ назиданіе потомству на 9 мѣдныхъ сосудахъ. Помимо этого, въ воздаяніе его заслугъ отечеству и благодѣяній, оказанныхъ имъ его подданнымъ, на горѣ Хенгъ былъ воздвигнутъ въ честь его каменный монументъ, съ высѣченнымъ на немъ надписаніемъ.

Ію наслѣдовали одинъ за другимъ шестнадцать монарховъ, но, какъ это часто наблюдается не только въ Китаѣ, а и въ другихъ восточныхъ странахъ, наслѣдники представляли печальное зрѣлище постепеннаго ниспаденія съ того высокаго моральнаго положенія, которое занималъ основатель династіи. Настойчивость, соединенная съ чистотой характера, являвшаяся отличительной чертой Ію и снискавшая ему похвалы историковъ, не воодушевляла болѣе его недостойныхъ наслѣдниковъ. Распущенность и жестокость усиливались съ каждымъ новымъ монархомъ, пока, наконецъ, всѣ худшія страсти предшественниковъ не нашли себѣ выраженія въ характерѣ и поведеніи императора Чигъ-Квеи (царствовавшаго отъ 1739 до 1687 до Р. Х.). Согласно традиціоннымъ преданіямъ древнихъ китайцевъ, которыхъ въ данномъ случаѣ поддерживалъ авторитетъ философа Менсіуса. Такой кризисъ и наступилъ въ исторіи Китая. Открытымъ угнетеніемъ народа, а также нападеніемъ на жизнь и имущество своихъ подданныхъ Чигъ-Квеи поставилъ себя внѣ закона. Подданные его единодушно возстали подъ предводительствомъ нѣкоего Танга, носившаго названіе „Совершеннаго". Тангъ оправдалъ это названіе, низложивъ Чигъ-Квеи, и объявилъ себя „милостію Божіей" императоромъ Китая.

Исторія династіи Шангъ или Енъ, какъ ее иначе называютъ, является въ сущности повтореніемъ исторіи Хсійской династіи. Благородныя побужденія, вложившія императорскій скипетръ въ руки Танга, мало-по-малу исчезаютъ въ лицѣ тѣхъ 28 императоровъ, которые одинъ за другимъ наслѣдовали ему. Правда, историки дѣлаютъ лестныя исключенія въ пользу немногихъ изъ наслѣдниковъ Танга, но въ общемъ, династія эта быстро клонилась къ упадку, и императоръ Чоу-Синъ, подобно Чигъ-Кви, привелъ ее своими пороками и преступленіями къ паденію. „Безумная расточительность, — говоритъ историкъ, — неудержимое сладострастіе и свирѣпая жестокость являлись главными изъ его пороковъ. Онъ, чтобы доставить удовольствіе своей порочной наложницѣ Таки, построилъ безчисленные дворцы и увеселительные сады, въ которыхъ практиковались самыя разнузданныя стороны распутства“. Одинъ изъ знаменитыхъ государственныхъ людей того времени такъ характеризуетъ положеніе вещей въ Китаѣ въ царствованіе Чоу-Сина: „домъ Ена не можетъ болѣе владычествовать надъ всѣми предѣлами имперіи. Великія дѣла его основателя до сихъ поръ сіяютъ въ исторіи, но мы, его потомки, погрязшіе въ пьянствѣ, разрушили въ настоящее время вліяніе добродѣтелей великаго основателя династіи. Члены дома Ена, не взирая на степень занимаемыхъ ими должностей, предались разбою на большихъ дорогахъ, мошенничеству и измѣнѣ. Дворяне и офицеры подражаютъ одинъ другому въ нарушеніи законовъ. Злодѣи не получаютъ должнаго возмездія, а народъ волнуется и предается междуусобнымъ мятежамъ. Династія Ена находится на краю гибели. Ея положеніе можно сравнить съ положеніемъ человѣка, переходящаго рѣку и не могущаго найти ни брода, ни береговъ“.

Чоу-Синъ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ его министровъ и въ разговорѣ (приводимомъ Конфуціемъ) съ однимъ высокопоставленнымъ чиновникомъ заявилъ, что онъ въ качествѣ императора „находится подъ верховнымъ покровительствомъ небесъ“. — „Твои безчисленныя преступленія, — отвѣтилъ чиновникъ, — также записаны въ небесахъ. Какъ же ты осмѣливаешься говорить о покровительствѣ неба? Династія Ена погибнетъ. Твои дѣянія могутъ повести лишь къ разрушенію государства“. Это предсказаніе вскорѣ исполнилось. Въ лицѣ такъ называемаго „Храбраго Принца“ явился предводитель возстанія, который низвергнулъ императора съ трона и понудилъ его прибѣгнуть къ самоубійству. Несмотря на то, что этотъ поступокъ „Храбраго Принца“ имѣетъ всѣ признаки революціоннаго дѣянія, онъ тѣмъ не менѣе не противорѣчитъ правиламъ китайской морали и находитъ горячаго защитника въ лицѣ философа Менсіуса. „Всякій, оскорбляющій милосердіе, говоритъ этотъ мудрецъ, — именуется злодѣемъ, оскорбляющій честность — именуется негодяемъ. Какое уваженіе мы можемъ питать къ злодѣю или негодяю? Поэтому я могу

сказать, что слыхалъ объ умерщвленіи какого-то негодяя Чоу, но я ничего не слыхалъ объ умерщвленіи императора".

Слѣдуя обычному примѣру удачливыхъ предводителей возстанія, „Храбрый Принцъ" взялъ въ свои руки скипетръ имперіи, при полномъ одобреніи народа. Всѣ китайскіе историки, включая Конфуція, отзываются съ высочайшей похвалой объ управленіи этого узурпатора, который, если вѣрить историкамъ, былъ щедро надѣленъ всѣми добродѣтелями, долженствующими украшать императора. Во время его царствованія въ Китай прибыли посольства отъ королей Кореи, Кохинхины и другихъ отдаленныхъ государствъ. Новый императоръ былъ неизмѣнно счастливъ въ своихъ воинственныхъ походахъ и оставилъ своимъ наслѣдникамъ имперію, границы которой внушали почтеніе врагамъ и возбуждали зависть союзниковъ. Къ счастью для государства, слѣдовавшіе за „Храбрымъ Принцемъ" два или три императора подражали примѣру своего великаго предшественника. Они скрѣпили имперію и заботились о лояльности и вѣрной службѣ феодальныхъ областей. Исторіи нечего дѣлать съ большинствомъ дальнѣйшихъ правителей изъ дома Чоу, какъ названа была новая династія. Единственнымъ правителемъ, обращающимъ на себя вниманіе, является Му-Вангъ (1001—946 до Р. Х.), такъ какъ нѣкоторыя его дѣянія невольно вызываютъ размышленіе историка. Его обвиняютъ въ введеніи системы оплаты преступленій штрафами, благодаря чему развилось то ужасающее взяточничество и подкупность, которыя такъ вредно повліяли на нравственность какъ самого народа, такъ равно и его правителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ историки разсказываютъ объ успѣшныхъ войнахъ, которыя велись въ царствованіе Му-Ванга на восточной границѣ имперіи. Войны эти повели даже къ созданію легенды о походѣ Му-Ванга къ миѳическому „Алмазному озеру", гдѣ его съ почетомъ принимала не менѣе миѳическая „Царственная Мать Востока", доставившая, по сказаніямъ лѣтописцевъ, своему гостю всѣ наслажденія мусульманскаго рая.

Для того, чтобы правильно понимать положеніе страны въ этотъ періодъ, необходимо помнить, что тогдашняя Китайская имперія состояла изъ группы областей, каждая изъ которыхъ имѣла собственнаго правителя и была, подобно многимъ современнымъ восточнымъ княжествамъ, лишь въ очень незначительномъ и неопредѣленномъ подчиненіи главенствующему королевству Чоу. Никакія патріотическія узы не связывали этихъ феодальныхъ правителей съ ихъ верховнымъ вождемъ, и его господство надъ ними основывалось исключительно на грубой силѣ. Вслѣдствіе этого всякій признакъ слабости съ его стороны служилъ сигналомъ къ возстанію наиболѣе безпокойныхъ феодальныхъ правителей. По мѣрѣ того какъ королевство Чоу теряло богатство и вліяніе, возстанія наиболѣе честолюбивыхъ феодальныхъ правителей все учащались и принимали все болѣе и болѣе угрожающій ха-

рактеръ. Страна была въ постоянномъ волненіи, благодаря междоусобнымъ ссорамъ феодальныхъ владѣтелей и мятежамъ. Философъ Менсіусъ слѣдующимъ образомъ описываетъ тогдашнее положеніе Китая: „Пищевые запасы истреблены и голодающіе не находятъ пищи. Люди, не смѣя взглянуть другъ на друга, шепчутъ проклятія, и народъ устремляется на путь порока. Въ тоже время императорскіе указы нарушаются, народъ угнетенъ, запасы пищи и напитковъ исчезаютъ съ быстротой весеннихъ водъ. Нѣкоторые правители отдаются на волю стремительнаго потока, другіе пытаются бороться съ нимъ. Они обезумѣли и погибаютъ. Если можно найти оправданіе тѣмъ, которые снисходительно относятся къ порокамъ правителей, то вина тѣхъ, которые всячески помогаютъ развитію этихъ пороковъ, — велика и непростима. А между тѣмъ, всѣ высокіе вельможи въ настоящее время виновны въ этомъ, и я могу сказать, что они совершаютъ преступленіе противъ своихъ правителей. Нѣтъ болѣе мудрыхъ императоровъ, и правители областей безпрепятственно предаются порокамъ. Скотные дворы ихъ переполнены тучными животными, конюшни ихъ не вмѣщаютъ откормленныхъ лошадей, а народъ въ это время голодаетъ и поля усѣяны трупами погибшихъ отъ голода. Поступать такъ, значитъ утучнять животныхъ за счетъ умирающаго отъ голода народа".

Когда страна находилась въ этомъ положеніи, такъ наглядно изображенномъ Менсіусомъ, родился *Конфуцій*. Мы не будемъ останавливаться на легендарныхъ сказаніяхъ о его рожденіи и первыхъ годахъ жизни и лишь вкратцѣ разсмотримъ политическое вліяніе Конфуція. Для изслѣдователей исторіи Китая вліяніе это кажется совершенно несоотвѣтствующимъ значенію проповѣди этого мудреца и убѣдительной силѣ его ученія. Конфуцій засталъ имперію потрясаемой мятежами и предательствомъ и вѣрилъ, что его задача — возвратить императора и народъ къ тому положенію вещей, которое существовало, когда Яо правилъ „согласно велѣніямъ неба" и „Храбрый Принцъ" былъ мудрымъ патріархомъ народа. Постоянной темой его проповѣдей была добродѣтель древнихъ мудрецовъ и единственной панацеей противъ всѣхъ политическихъ золъ служило возвращеніе къ традиціоннымъ добродѣтелямъ этихъ великихъ мужей древности. Конфуцію нерѣдко приходилось подвергаться насмѣшкамъ со стороны областныхъ правителей и мелкихъ князьковъ, и онъ пользовался нѣкоторымъ успѣхомъ лишь тогда, когда его вліяніе требовалось для поддержки кого-либо изъ нихъ. Лишь послѣ смерти Конфуція народъ призналъ его однимъ изъ великихъ вождей человѣчества и втеченіе послѣдовавшихъ затѣмъ 23 столѣтій его ученіе было путеводной звѣздой китайскаго народа.

Конфуцій громко обличалъ царившую въ странѣ анархію. Его біографы разсказываютъ характерный эпизодъ, иллюстрирующій отношенія Конфуція къ тогдашнему положенію вещей

въ Китаѣ. Однажды, когда Конфуцій путешествовалъ, направляясь изъ своей родной области въ область Чи, онъ замѣтилъ женщину, горько плакавшую надъ могилой при дорогѣ. Конфуцій, тронутый ея скорбью, послалъ одного изъ своихъ учениковъ къ ней—разузнать о причинахъ ея рыданій.

— Почему ты плачешь такъ горько, — спросилъ ученикъ женщину,—какъ будто на тебя обрушились всѣ несчастія?

— Мой тесть,—отвѣтила женщина,—былъ убитъ тигромъ, вслѣдъ за нимъ тигръ убилъ моего мужа, а теперь та-же судьба постигла моего сына.

— Но почему же ты не переселишься въ какую-либо другую мѣстность?—спросилъ подошедшій Конфуцій.

— Потому, что здѣсь правительство отличается милосердіемъ,—отвѣтила женщина.

— Помните это, дѣти,—сказалъ Конфуцій, обращяясь къ своимъ ученикамъ,—деспотическое правительство хуже лютаго тигра.

Несмотря, однако, на предупрежденіе Конфуція и на философскую проповѣдь Лао-Тси, основателя таоизма, безпорядки въ странѣ все усиливались, и вскорѣ туземные мудрецы начали указывать на „знаменія“, предрекавшія паденіе династіи Чоу. Мѣдные сосуды, воздвигнутые въ царствованіе Ію, сотрясались, какъ бы предсказывая политическую катастрофу; голодъ и эпидеміи свирѣпствовали въ странѣ. Въ виду этихъ зловѣщихъ предзнаменованій сердца людей сжимались отъ ужаса. Словомъ, положеніе вещей было таково, что всякій честолюбивый вождь могъ разсчитывать на успѣхъ. Такимъ вождемъ оказался глава династіи Чинъ, который объявилъ войну императорской области, находившейся на краю гибели. Послѣ цѣлаго ряда побѣдъ онъ, по праву побѣдителя, занялъ императорскій престолъ и явился первымъ императоромъ изъ недолговѣчной династіи Чинъ. Однако, ни самъ основатель династіи, ни слѣдовавшіе за нимъ два императора не блистали дарованіями, и лишь вступившему вслѣдъ за ними на престолъ императору Шихъ-Хванти династія Чина обязана тѣмъ, что она совсѣмъ не исчезла въ пропасти забвенія, никѣмъ не оплакиваемая и не воспѣтая. Упомянутые нами выше три императора не обладали ни даромъ инидіативы, ни энергіей, что нельзя сказать о Шихъ-Хванти.

Вредныя стороны феодальной системы давно были очевидны, но до тѣхъ поръ не находилось смѣльчака, который рѣшился бы нарушить древнія историческія традиціи и реформировать способы управленія страной. Шихъ-Хванти, приписывая всѣ несчастія, отъ которыхъ такъ долго страдала страна, древней системѣ управленія, рѣшилъ сразу покончить со всѣми проявленіями мелочной зависти между отдѣльными областями и укрѣпить имперію, объявивъ себя самодержавнымъ монархомъ.

Эта реформа встрѣтила рѣшительную оппозицію со стороны класса ученыхъ. Національное пристрастіе къ древнимъ

обычаямъ, находившее себѣ опору въ ученіи и трудахъ Конфуція и его послѣдователей, было оскорблено суровыми мѣрами новаго императора. Ученые указывали на тѣ золотые дни древности, когда „Храбрый Принцъ“ и его ближайшіе потомки правили надъ федераціей областей и въ странѣ царили миръ и гармонія; они цитировали произведенія Конфуція въ доказательство блестящаго положенія страны въ ту эпоху. Эта оппозиція носила настолько серьезный характеръ, что императоръ, не любившій полумѣръ, рѣшился вырвать изъ рукъ своихъ противниковъ тѣ свидѣтельства древности, на которыя они постоянно ссылались въ борьбѣ съ нимъ. Шихъ-Хванти издалъ указъ, согласно которому всѣ литературныя произведенія, за исключеніемъ сочиненій, относящихся къ медицинѣ и предсказательной астрономіи, должны были подвергнуться немедленному истребленію. Благодаря широкому распространенію литературы, дословное выполненіе императорскаго указа оказалось невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе, въ извѣстныхъ границахъ, онъ былъ приведенъ въ исполненіе, несмотря на энергическое сопротивленіе ученыхъ, многіе изъ которыхъ предпочитали лучше погибнуть на плахѣ, чѣмъ предать пламени любимыя книги. Эта суровая мѣра возымѣла дѣйствіе, и начавшееся процвѣтаніе государства, вызванное новыми методами администраціи, снискало императору общую поддержку. Онъ ревностно принялся за улучшеніе матеріальнаго положенія страны и, понявъ политическую и коммерческую важность правильныхъ путей сообщенія между областями, провелъ по всей странѣ дороги, построилъ мосты надъ рѣками и вообще всячески заботился объ облегченіи способовъ передвиженія. Во время его царствованія татары постоянно угрожали сѣверной границѣ имперіи и Шихъ-Хванте, сознавая, что его подданные не менѣе, чѣмъ въ развитіи внутренняго благосостоянія страны, нуждаются въ охраненіи отъ внѣшнихъ враговъ, воздвигнулъ Великую Стѣну, которая до настоящаго времени является памятникомъ энергической административной дѣятельности этого великаго монарха. Къ несчастью, его замѣститель на тронѣ не унаслѣдовалъ талантовъ своего отца, и въ кратковременное трехлѣтнее царствованіе этого послѣдняго представителя династіи Чинъ страна не только не сдѣлала ни шагу впередъ по пути скрѣпленія, но напротивъ была раздираема постоянными гражданскими войнами и сдѣлалась ареной разбойничества.

Въ этотъ періодъ китайской исторіи снова явился человѣкъ, оказавшійся на голову выше своихъ современниковъ. Историки династіи Ханъ разсказываютъ, что основатель ея, нѣкій Каоти, передъ отправленіемъ въ первое сраженіе счелъ нужнымъ, подобно Макбету, спросить совѣта у кудесника, который предрекъ ему грядущее величіе. Пророчество это исполнилось съ поразительной быстротой: Каоти сдѣлался первымъ императоромъ новой династіи, получившей названіе династіи Ханъ, по имени области, изъ которой происходилъ Каоти.

Время успѣло примирить всѣ классы народа съ уничтоженіемъ феодальныхъ областей, и новый императоръ рѣшилъ, что нѣтъ больше надобности въ преслѣдованіи произведеній древней національной литературы, тѣмъ болѣе, что ученые продолжали выказывать признаки недовольства. Съ ихъ вліяніемъ надо было считаться, и Каоти, рѣшивъ снискать ихъ симпатіи, отмѣнилъ указъ Шихъ Хванти и разрѣшилъ розысканіе и возстановленіе древнихъ рукописей. Подъ его покровительствомъ ученые съ жаромъ принялись за симпатичную для нихъ работу розысканія уцѣлѣвшихъ списковъ произведеній древнихъ китайскихъ классиковъ и другихъ произведеній литературы, уцѣлѣвшихъ во время погрома Шихъ-Хванти. Древняя литература, подобно фениксу, возродилась изъ пепла. Изъ различныхъ погребовъ и чердаковъ начали появляться манускрипты, владѣльцы которыхъ нерѣдко рисковали жизнью, ради спасенія этихъ драгоцѣнностей. Историки разсказываютъ, что, помимо розысканія рукописей, ученымъ удалось записать нѣкоторые древніе тексты произведеній, манускрипты которыхъ погибли и которые сохранились лишь въ памяти немногихъ престарѣлыхъ представителей ученаго сословія. До извѣстной степени исправивъ разрушительную работу императора Шихъ-Хванти, Каоти слѣдовалъ его примѣру въ дѣлѣ улучшенія путей сообщенія, и инженерамъ его царствованія принадлежитъ честь изобрѣтенія и построенія первыхъ висячихъ мостовъ, какіе извѣстны въ исторіи строительнаго искусства.

Періоду царствованія династіи Хана китайцы отводятъ почетное мѣсто, какъ одному изъ самыхъ блестящихъ періодовъ китайской исторіи: если вы желаете назвать китайца наиболѣе ласкающимъ его ухо наименованіемъ, назовите его „сыномъ хана". Это можно въ значительной степени объяснить тѣмъ, что въ періодъ царствованія этой династіи началось замѣчательное возрожденіе литературы. Если самъ Каоти еще раздѣлялъ до извѣстной степени подозрѣнія Шихъ-Хванти относительно ученыхъ, его наслѣдники выказали болѣе правильный взглядъ на вещи и не щадили усилій для поддержанія литературнаго развитія націи. Литературное оживленіе не остановилось на реставраціи древнихъ текстовъ, но повело къ образованію новой литературной школы. Оживленіе это проявилось во всѣхъ областяхъ литературы и о его размѣрахъ можно судить по тому факту, что при вступленіи на престолъ Каоти (въ 206 г до Р. Х.) изящная литература вовсе не существовала, а на зарѣ христіанской эры на полкахъ императорской библіотеки уже находилось 3.123 труда классиковъ, 2.705 философскихъ произведеній и 1.383 произведенія, посвященныхъ поэзіи. Но имперія, помимо мирнаго литературнаго развитія, сдѣлала за этотъ періодъ гигантскіе шаги и въ другихъ направленіяхъ. Китай могъ похвалиться военными и дипломатическими успѣхами далеко за границами имперіи, въ малоизслѣдованныхъ областяхъ центральной Азіи.

Китайскій посолъ Чангъ-Чинъ посѣтилъ (во II ст. до Р. Х.) Восточный Туркестанъ, а двумя столѣтіями позже китайская армія подъ предсѣдательствомъ генерала Панъ-Чао дошла до Хотена и береговъ Каспійскаго моря. Не меньшими успѣхами пользовался Китай на югѣ и сѣверо-востокѣ: имъ были завоеваны Кохинхина и Ляотунгскій полуостровъ, обращенные въ ленныя владѣнія имперіи; въ то же время къ имперіи былъ присоединенъ Юннанъ.

Не менѣе важнымъ событіемъ этого періода китайской исторіи было *введеніе буддизма*. Историки разсказываютъ, что однажды ночью императоръ Мингти (А. Д. 58 — 76) имѣлъ видѣніе: духъ съ золотыми крыльями повелѣлъ ему послать посольство въ западныя страны для розысканія Будды, а также статуй, картинъ и книгъ, поясняющихъ ученіе этого святого мужа. Императоръ, не теряя времени, немедленно выполнилъ это приказаніе и выслалъ пословъ въ Индію, которые послѣ одиннадцатилѣтняго отсутствія привезли съ собой не только книги, статуи и различныя изображенія, но также и буддійскаго жреца. Вслѣдъ за этимъ піонеромъ буддизма вскорѣ явились другіе, которые съ поразительнымъ трудолюбіемъ занялись переводомъ санскритскихъ сутръ на китайскій языкъ.

Но всѣ эти культурныя и военныя заслуги не спасли династію отъ упадка, который является характерной чертой китайскихъ императорскихъ фамилій. Къ концу второго вѣка нашей эры начали обнаруживаться всѣ тѣ симптомы близкаго политическаго переворота, къ какимъ нація уже успѣла привыкнуть. Одновременно выдвинулись три вождя: въ областяхъ Шухъ. Вей и Ву. Царствовавшій тогда императоръ Хсіенти (190—221) не могъ удержать за собой престола и малодушно удалился въ частную жизнь, предоставивъ имперію хищничеству трехъ соперниковъ. Вслѣдъ затѣмъ наступилъ періодъ междоусобныхъ войнъ, отличавшихся особенной жестокостью. Народъ, утомленный всѣми этими безпорядками и междоусобіями, съ радостью привѣтствовалъ вступленіе на престолъ новой династіи (265), получившей названіе династіи Западнаго Чина.

Буддизмъ, пользовавшійся до этого времени лишь незначительной поддержкой, нашелъ могущественныхъ покровителей въ императорахъ новой династіи. Къ этому періоду относится путешествіе китайскаго буддиста Фа-Хсіена, отправившагося въ Индію съ цѣлью посѣщенія мѣстностей, освященныхъ пребываніемъ Будды, и пріобрѣтенія тѣхъ каноническихъ буддистскихъ книгъ, какія еще оставались неизвѣстными въ Китаѣ. Послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія онъ возвратился домой моремъ изъ Цейлона и привезъ цѣлую библіотеку книгъ, а также путевые дневники, написавъ съ помощью ихъ въ позднѣйшіе годы интересное повѣствованіе о своихъ путешествіяхъ, съ которымъ европейскую публику познакомили блестящіе переводы Ремюза и Беаля.

Къ концу царствованія династіи Чинъ въ имперіи опять

возникли междоусобія и втеченіе 103 лѣтъ шесть областей боролись другъ съ другомъ за главенство. Вслѣдъ затѣмъ наступило кратковременное (около 30-ти лѣтъ) царствованіе новой династіи, среди императоровъ которой слѣдуетъ отмѣтить Ангти, выказавшаго похвальную энергію въ дѣлѣ построенія каналовъ въ восточныхъ и центральныхъ областяхъ имперіи. Эту недолговѣчную династію смѣнилъ домъ Танга, появленіе котораго на престолѣ имперіи открываетъ періодъ китайской исторіи, приравниваемой, благодаря расцвѣту литературы, къ вѣку Августа. Главной заботой императоровъ этого дома являлось возстановленіе во всей полнотѣ древнихъ вѣрованій и традицій, освященныхъ авторитетомъ Конфуція. Преслѣдуя эту задачу, многіе изъ императоровъ всячески выказывали свое отрицательное отношеніе къ иноземной религіи, занесенной въ Китай изъ Индіи. Къ этому времени въ различныхъ областяхъ страны успѣли возникнуть буддійскіе монастыри, и весьма вѣроятно, что они и тогда, какъ въ настоящую эпоху, нерѣдко служили гнѣздами измѣны и предательства. Какъ бы то ни было, извѣстно нѣсколько императорскихъ указовъ, въ которыхъ буддистскимъ монахамъ предписывалось оставить эти монастыри и возвратиться въ ряды міряпъ.

Какъ мы уже сказали выше, славой своей династія эта была обязана главнымъ образомъ развитію литературы, пышно развернувшейся подъ благожелательной опекой императоровъ. Произведенія многихъ поэтовъ, публицистовъ и историковъ того періода вызываютъ и теперь не меньшее восхищеніе ученыхъ и читателей, чѣмъ во время ихъ первоначальнаго появленія. Въ каждой библіотекѣ Китая можно найти „полное собраніе поэмъ изъ эпохи династіи Танга“; помимо этихъ поэтическихъ произведеній, многія произведенія изящной литературы той эпохи ставятся китайскими учеными, какъ образчики недосягаемаго искусства. Въ то же время нація пользовалась на полѣ битвы успѣхами не меньшими, чѣмъ въ области литературы. Области Хамилъ, Тюрфанъ и Уйчуръ были съ большимъ искусствомъ присоединены къ владѣніямъ имперіи, и имя далекаго „Катая“ сдѣлалось извѣстнымъ не только въ предѣлахъ западной Азіи, но, мало-по-малу, дошло и до Европы.

Римскіе папы, всегда стремившіеся къ расширенію сферы своего вліянія и пріобрѣтенію новыхъ прозелитовъ, воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ для установленія сношеній съ Китаемъ. Ко двору китайскаго императора прибылъ папскій посолъ, но, къ своему изумленію, нашелъ, что его предупредили несторіанскіе послы изъ Персіи и Непала. Несторіане раньше римскаго папы позаботились о посылкѣ въ Китай миссіонеровъ и хотя въ лѣтописяхъ осталось мало указаній, относящихся къ этому событію, тѣмъ не менѣе можно съ нѣкоторой увѣренностью сказать, что пропаганда несторіанъ имѣла значительный успѣхъ. Яркимъ свидѣтельствомъ этого

является находящійся до настоящаго времени въ городѣ Хсіанъ-Фу монументъ, на которомъ высѣчена надпись, сообщающая объ этой первой попыткѣ введенія христіанства въ Китаѣ.

Съ теченіемъ времени, однако, внутреннія дѣла имперіи пришли въ то безпорядочное состояніе, которое сопровождаетъ упадокъ династіи. Домъ Танга далъ Китаю двадцать три императора, причемъ большинство изъ нихъ не отличалось особенной энергіей. Исключеніемъ въ этомъ отношеніи является императрица Ву, царствовавшая отъ 684 до 710 г. Она въ сущности была узурпаторшей, такъ какъ захватила престолъ, отстранивъ законнаго наслѣдника, но, благодаря ея мудрости и энергіи, страна на короткое время испытала періодъ мирнаго процвѣтанія.

Династія Танга, выказавшая, въ началѣ своего царствованія, широкую вѣротерпимость, съ теченіемъ времени начала не только преслѣдованіе христіанства, которое съ промежутками продолжается до настоящаго времени, но проявила суровую нетерпимость также по отношенію къ буддистамъ и магометанамъ.

Въ области литературы этого безпокойнаго періода китайской исторіи необходимо отмѣтить поэтовъ Ту-Фу и Ли-Тайпо, поэмы которыхъ, воспѣвающія вино и красоты природы, заслужили имъ безсмертіе, если не во всемірной литературѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Срединнаго Царства.

Наконецъ, въ 907 г. императорскій домъ Танга со всѣми его славными и безславными дѣяніями отошелъ въ вѣчность и на смѣну ему выступило нѣсколько недолговѣчныхъ династій, единственной заслугой которыхъ было поддержаніе идеи единства имперіи въ умахъ народа вплоть до возвышенія дома Сунга въ 960 г.

Къ концу царствованія династіи Танга на границахъ имперіи явилось племя, которое впослѣдствіи оказало громадное вліяніе на судьбу Китая. Татары, уже раньше нападавшіе на сѣверныя области, собрали значительныя силы, вступили въ южный Китай и подчинили своему владычеству области Китайской имперіи, лежащія на сѣверъ отъ рѣки Янгъ-Тси. Эти суровые завоеватели носили имя *китановъ*; имя это послужило къ образованію средневѣковаго названія Небесной имперіи — въ формѣ „*Катай*“, а также въ болѣе близкой, доселѣ употребляемой въ Россіи формѣ—„Китай“. Владычество этихъ номадовъ, однако, не отличалось продолжительностью: продержавшись около двухъ столѣтій, они уступили мѣсто своимъ соплеменникамъ, татарамъ, племени Кинъ (предкамъ нынѣ царствующей династіи). Династіи Кинъ пришлось бороться за власть съ династіей Сунгъ.

Глава II.

Династіи Юнгъ и Мингъ.

Въ то время, какъ въ Китаѣ велась борьба между династіями Кинъ и Сунгъ, въ монгольскихъ степяхъ возникала новая сила, которая вскорѣ сокрушила обѣ борющіяся стороны. Въ сосѣдствѣ плоскогорій Каракорумъ, въ долинѣ Онона, въ это время подросталъ монгольскій вождь, которому было суждено въ близкомъ будущемъ сдѣлаться однимъ изъ могущественнѣйшихъ завоевателей. Чингизъ-ханъ по происхожденію не особенно возвышался надъ окружающей его средой, но уже съ юности блисталъ тѣми дарованіями, которыя дѣлаютъ людей вождями. Онъ въ юношескомъ возрастѣ былъ избранъ ханомъ своего племени и вскорѣ совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ противъ вождей сосѣднихъ племенъ. Покоривъ этихъ вождей и включивъ подданныя имъ племена въ составъ своей орды, Чингизъ-ханъ началъ подготовляться къ болѣе серьезнымъ завоеваніямъ.

Область Хсіа, въ составъ которой входили теперешнія китайскія провинціи Кансу и Шенси, хотя и не отличалась особеннымъ плодородіемъ, но, по сравненію съ холодными и безплодными степями Монголіи, могла быть названа страной, текущей молокомъ и медомъ. Суровые воины Чингизъ-хана безъ особенныхъ затрудненій покорили эту страну, а вслѣдъ затѣмъ напали на территорію, находившуюся подъ управленіемъ династіи Кинъ (1211). Этотъ походъ увѣнчался лишь частичнымъ успѣхомъ, и Чингизъ-Ханъ ретировался въ ханскую ставку на рѣкѣОнонѣ, чтобы собрать свѣжія войска для новаго похода. Два года спустя, онъ снова вторгнулся въ Китай и, опустошивъ область, занимаемую нынѣ провинціей Чихли, разрушилъ 90 богатѣйшихъ китайскихъ городовъ, включая столицу династіи Кинъ, лежавшую въ сосѣдствѣ теперешняго Пекина. Оставивъ въ завоеванныхъ областяхъ оккупаціонныя силы, Чингизъ устремился къ западу и съ поразительной быстротой и рѣшительностью покорилъ своей власти области Кашгара, Ярканда и Хотена. Но эти огромныя завоеванія не удовлетворили безмѣрнаго честолюбія монгольскаго вождя. Его орды, сѣя разрушеніе, пронеслись, какъ ураганъ, по богатымъ областямъ Хуарезма, вступили въ Грузію, а вслѣдъ за тѣмъ хлынули въ западную Европу. Внушая общій ужасъ, какъ живое олицетвореніе „гнѣва Божія", Чингизъ-ханъ взялъ Москву и Кіевъ и шелъ все впередъ, пока не достигъ Кракова и Песта. Разрушивъ всѣ поименованные выше города до основанія, такъ что, по его выраженію, лошади „не на чемъ было споткнуться", Чингизъ-ханъ возвратился въ Монголію, гдѣ и умеръ въ 1227 г. Оставленные имъ въ Китаѣ военачальники не бездѣйствовали и продол-

жали завоеванія, занявъ плодородныя области, лежавшія въ западной излучинѣ Желтой рѣки. Наслѣднику Чингизъ-хана, Оготаи, досталось въ удѣлъ богатое наслѣдіе.

Въ царствованіе Оготаи католическими миссіонерами были сдѣланы первыя попытки христіанской пропаганды въ мрачныхъ областяхъ Монголіи. Миссіонеръ Викольдъ (изъ Монте-Кроче) говоритъ по этому поводу: „Христіане должны съ благодарностью помнить, что въ то самое время, когда Господь наслалъ на западныя страны орды татаръ, сѣявшія смерть, Онъ послалъ въ страны Востока своихъ вѣрныхъ слугъ Доминика и Франциска для обученія и наставленія этихъ язычниковъ въ истинной вѣрѣ“.

Объ этихъ первыхъ проповѣдникахъ Евангелія въ Монголіи до насъ не дошло почти никакихъ извѣстій, но въ 1245 - 47 гг. дворъ хана посѣтилъ Плано-Карпини, оставившій описаніе сдѣланныхъ имъ наблюденій. Хотя Карпини не удалось проникнуть въ самый Китай, онъ видѣлъ представителей китайскаго народа при дворѣ хана. Карпини описываетъ ихъ, какъ „язычниковъ, обладающихъ, однако, собственными письменами. Китайцы,—говоритъ Карпини, — кажутся очень кроткимъ и вѣжливымъ народомъ; они чрезвычайно искусны въ различныхъ ремеслахъ и художествахъ. Страна ихъ очень богата хлѣбомъ, виномъ, серебромъ, золотомъ, шелкомъ и вообще всякаго рода продуктами, поддерживающими существованіе человѣка“.

Нѣсколькими годами позднѣе Карпини Монголію посѣтилъ францисканскій монахъ Рубруквисъ, который, обладая недюжинной наблюдательностью, въ своихъ запискахъ дополнилъ графическое описаніе китайцевъ, сдѣланное его предшественникомъ.

Рубруквисъ считалъ „Китай“ той страной Цереры, которую воспѣвали римскіе поэты Августовскаго вѣка. И китайцы— говоритъ Рубруквисъ, — небольшого роста, говорятъ съ гнусавымъ произношеніемъ и, подобно другимъ восточнымъ племенамъ, очень узкоглазы. Они отличаются большими художественными и ремесленными талантами; китайскіе врачи обладаютъ большими познаніями о цѣлебныхъ свойствахъ травъ, а также умѣніемъ ставить діагнозъ по біенію пульса. Роль денегъ въ Китаѣ выполняютъ куски хлопчатой бумаги, величиной въ ладонь, на которой оттиснуто изображеніе, напоминающее печать хана Мангу (наслѣдника Оготаи). Для писанія китайцы употребляютъ кисть, подобную той, какой пользуются живописцы, причемъ китайская письменность отличается той особенностью, что одна буква нерѣдко заключаетъ въ себѣ цѣлое слово. Это краткое описаніе Рубруквиса является очень живописной и точной характеристикой терпѣливыхъ и трудолюбивыхъ обитателей Китая.

Эти благочестивые послы папы Иннокентія привезли въ Европу не только любопытныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ китайцевъ, но также и очень неутѣшительныя вѣсти о

судьбахъ несторіанскаго христіанства въ Монголіи. Рубруквисъ разсказываетъ, между прочимъ, что когда онъ хотѣлъ впервые объяснить хану задачу своего посольства, попытка его не увѣнчалась успѣхомъ, благодаря тому, что „переводчикъ постоянно освѣжался глотками вина, которымъ его угощалъ ханъ, причемъ самъ ханъ, прежде чѣмъ аудіенція успѣла закончиться, впалъ въ полное опьяненіе“. Христіанское богослуженіе также не пользовалось особеннымъ успѣхомъ, благодаря однороднымъ причинамъ. Праздничныя богослуженія превращались въ пышныя оргіи: однажды сама ханша, питавшая большія симпатіи къ несторіанству, „была вынесена изъ церкви въ состояніи опьяненія, сопровождаемая пьяными священниками, которые нестройными голосами пѣли священные гимны“.

Ханъ Мангу продолжалъ вести войну съ китайскимъ иниціаторомъ династіи Сунга, и война эта еще не была закончена, когда ханъ умеръ (1259), оставивъ всевозроставшія владѣнія въ наслѣдіе внуку Чингизъ-хана, великому хану Кублаю.

Новый ханъ энергично принялся за дѣло окончательнаго покоренія Китая, завѣщанное великимъ завоевателемъ Чингизъ-ханомъ. Въ то время, когда еще нельзя было опредѣлить окончательнаго исхода этой борьбы, ко двору великаго хана прибылъ венеціанскій путешественникъ Марко Поло. Отецъ и дядя Марко, преслѣдуя коммерческія цѣли, уже раньше совершили богатое приключеніями путешествіе въ долину Онона и въ 1571 г., отправляясь снова въ Монголію, взяли съ собой юношу Марка.

„Когда два брата Поло и Маркъ“,—пишетъ Марко Поло,— „прибыли въ великій городъ (Монгольскую столицу), они отправились въ ханскій дворецъ, гдѣ застали хана, окруженнаго большой свитой вельможъ. Путешественники преклонили колѣни предъ ханомъ и вообще отнеслись къ нему со всевозможнымъ почтеніемъ, простершись предъ нимъ ницъ на землю. Ханъ повелѣлъ имъ подняться и, вообще отнесся къ нимъ очень милостиво, высказавъ удовольствіе по поводу ихъ прибытія и задалъ имъ милостивые вопросы о состояніи ихъ здоровья и о томъ, какъ они себя чувствуютъ послѣ столь продолжительнаго путешествія. Путешественники отвѣтили, что, убѣдившись въ добромъ здоровьи и благополучіи хана, они чувствуютъ себя прекрасно. Вслѣдъ за тѣмъ они представили хану вѣрительныя грамоты и письма, данныя имъ папой и доставившія хану большое удовольствіе. Увидавъ Марка, который былъ тогда въ юношескомъ возрастѣ, ханъ спросилъ братьевъ Поло о немъ. „Господинъ,—отвѣтилъ отецъ Марка, мессеръ Николо, — это мой сынъ, а твой вѣрный слуга“.— „Добро пожаловать“,—сказалъ ханъ. По случаю прибытія путешественниковъ при дворѣ хана было большое торжество и всѣ отнеслись къ нимъ со вниманіемъ и почетомъ“.

Блескъ и пышность ханскаго двора привели путешественниковъ въ изумленіе: имъ раньше не приходилось видѣть ни-

чего подобнаго. Годовщины побѣдъ и вообще дни національныхъ празднествъ отличались необычайнымъ великолѣпіемъ. Въ тоже время путешественники могли наблюдать такія черты высшей цивилизаціи, которыя невольно заставляли ихъ дѣлать сравненія этого восточнаго ханства съ Европой, настолько нелестныя для послѣдней, насколько нелестнымъ является для современнаго Китая сравненіе его съ западной Европой. Особенно ихъ поразило существованіе ассигнацій (которыя въ Европѣ были введены лишь четырьмя столѣтіями позже). Ханъ, по описанію Марко Поло, — былъ средняго роста и отличался стройнымъ и пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ.

Ханъ Кублай велъ въ это время, какъ мы уже сказали выше, войну съ императоромъ династіи Сунгъ. Перейдя Желтую рѣку, онъ напалъ на городъ Хсіангіангъ, въ области Хупехъ. Характерной чертой этихъ войнъ является, между прочимъ, то обстоятельство, что китайцы оказали гораздо болѣе упорное сопротивленіе набѣгу монголовъ, чѣмъ народы Западной Азіи и Восточной Европы. Хсіангіангъ сдался лишь послѣ очень продолжительной осады, и Кублаю пришлось предпринимать нѣсколько походовъ прежде чѣмъ онъ покорилъ города: Ганіангъ, Ханкоу, Вучэнгъ, Сучоу и наконецъ, столицу династіи Сунгъ, городъ Генгчоу. Паденіе Генгчоу повело къ паденію и самой династіи, хотя ея приверженцы еще пытались нѣкоторое время бороться съ нахлынувшей волной монгольскаго завоеванія. Не смотря на ихъ усилія, въ 1276 году весь Китай призналъ власть Кублая. Монгольскій ханъ оказался властелиномъ одной изъ величайшихъ въ мірѣ имперій, въ составъ которой входили безчисленныя орды кочевниковъ, занимавшія обширныя территоріи, простиравшіяся отъ береговъ Чернаго моря до береговъ Китайскаго океана и отъ границъ сѣверной Монголіи до границъ Аннама.

Одной изъ характерныхъ особенностей походовъ Кублая является быстрота и легкость, съ которыми его войска проходили громадныя пространства. Гдѣ бы ни находились ихъ враги, — въ Персіи или въ Кохинхинѣ, — войска Кублая, не задумываясь, отправлялись противъ нихъ и съ поразительной быстротой являлись предъ врагами. Тѣ, кому приходилось путешествовать по Западному Китаю, пробираясь черезъ горныя цѣпи, единственной дорогой среди которыхъ нерѣдко служитъ лишь узенькая тропинка, болѣе пригодная для горныхъ козловъ, чѣмъ для человѣка, поймутъ, какія затрудненія должна была испытывать армія, передвигавшаяся изъ Пекина къ границамъ Бирмы. Но монголы съ несокрушимой энергіей преодолѣли всѣ препятствія, и вскорѣ ихъ армія стояла въ долинахъ Юнгченга. Орды Кублая, привыкшія къ веденію войны въ сѣверныхъ областяхъ, были сначала озадачены методами войны и вооруженіемъ бирманцевъ. Имъ въ первый разъ пришлось встрѣтиться съ войсками, передовые отряды которыхъ двигались на слонахъ, которыхъ монголы никогда не видали раньше. Они, однако, не растерялись и, спѣшив-

шись, пустили въ слоновъ такую тучу стрѣлъ, что испуганныя животныя бросились назадъ и произвели страшный безпорядокъ въ рядахъ бирманцевъ. Монголы, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, бросились на враговъ и одержали рѣшительную побѣду. Король Бирмы, видя превосходство силъ Кублая, подчинился ему и обязался платить дань Китаю.

Насколько Кублай былъ счастливъ въ военныхъ операціяхъ на сушѣ, настолько же были неудачны его морскіе походы. Въ 1266 г. онъ выслалъ посольство въ Японію, но посольство это возвратилось, не рѣшившись переплыть море, отдѣляющее Корею отъ Японіи. Задачей посольства было рѣшеніе вопроса о прекращеніи разбойничьихъ набѣговъ японцевъ на берега Кореи и Китая. Не достигнувъ такимъ образомъ мирнымъ путемъ разрѣшенія этого вопроса, Кублай снарядилъ противъ японцевъ флотилію, которую постигла судьба китайскаго флота во время послѣдней войны Китая съ Японіей. Часть судовъ была взята въ плѣнъ, часть истреблена и лишь небольшое количество судовъ успѣло спастись, чтобы привести Кублаю вѣсть о пораженіи. Нѣсколько лѣтъ спустя Кублай снарядилъ другую флотилію, расчитывая высадить на японскіе берега 100,000 войска, но и эту флотилію постигла та же судьба: почти весь флотъ Кублая погибъ. Другія экспедиціи, направляемыя къ завоеванію различныхъ острововъ, находящихся въ китайскихъ водахъ, оказались столь же неудачными, и Кублаю въ концѣ-концовъ пришлось признать, что его воины, непобѣдимые на сушѣ, не могутъ бороться съ островитянами, привыкшими къ морскимъ волнамъ.

Въ области религіи Кублай выказалъ ту же терпимость, какая характеризовала его предшественниковъ: съ одинаковою благосклонностью или, пожалуй, съ одинаковымъ безразличіемъ онъ относился къ христіанству, буддизму и магометанству. Онъ съ равнымъ вниманіемъ выслушивалъ проповѣди христіанскихъ миссіонеровъ, буддистскихъ ламъ и мусульманскихъ муллъ. Если онъ иногда высказывалъ особый интересъ къ какой-либо изъ этихъ религій, то въ такихъ случаяхъ всегда можно было найти политическую подкладку. Такъ напр., желая распространить свое владычество на дикія и малоизвѣстныя области Тибета, онъ одно время началъ выказывать особую склонность къ буддизму и достигъ этимъ того, что въ его рукахъ оказалась привилегія назначенія великаго ламы. Обезпечивъ такимъ образомъ за собой вліяніе на выборъ главы государства, Кублай сдѣлался фактическимъ владыкой страны и присоединилъ еще новую, хоть и неприносившую никакихъ доходовъ область къ своей и безъ того неимовѣрно разросшейся имперіи.

Помимо этой религіозной терпимости, Кублай высказывалъ вообще большую терпимость къ иностранцамъ. Кублай продолжалъ неизмѣнно выказывать, въ продолженіе 17-лѣтняго пребыванія Марко Поло въ Китаѣ, ту же благосклонность, съ какой онъ встрѣтилъ юнаго путешественника при первомъ его

появленіи при ханскомъ дворѣ. Кублай, убѣдившись въ талантливости и усердіи Марко Поло, далъ ему административный постъ, предложилъ совершить путешествіе по областямъ Шанси, Шенси, Шехуанъ и Юннанъ и сдѣлать докладъ о положеніи этихъ провинцій. Марко такъ хорошо выполнилъ данное ему ханомъ порученіе и выказалъ такія административныя способности, что Кублай назначилъ его правителемъ города Янгчоу, въ каковой должности Марко пробылъ три года и, вѣроятно, съ теченіемъ времени, достигъ бы еще болѣе высокихъ степеней, если бы имъ не овладѣла гнетущая тоска по родинѣ. Отецъ и дядя Марко Поло, также находившіеся въ Китаѣ, страстно стремились возвратиться въ Венецію, но на ихъ постоянныя просьбы о разрѣшеніи возвратиться на родину Кублай неизмѣнно отвѣчалъ отказомъ, и лишь счастливый случай выручилъ венеціанцевъ изъ этого китайскаго плѣненія. У персидскаго хана Аргуна, племянника Кублая, умерла жена, и онъ избралъ себѣ въ качествѣ новой спутницы жизни родственницу первой жены, принадлежавшую къ монгольскому племени. Кублай отнесся благосклонно къ этому выбору Аргунъ-хана, но путешествіе невѣсты въ Персію вызвало затрудненія, такъ какъ оно должно было совершиться морскимъ путемъ, а придворные Кублая, непривычные къ морю, являлись ненадежными провожатыми и не выказывали особенной охоты къ этому рискованному путешествію. Кублай счастливо вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія, поручивъ Марку и братьямъ Поло сопровождать монгольскую принцессу. Путешественники отправились въ путь въ 1292 г. и доставили невѣсту благополучно на мѣсто: но возвращеніе на родину заняло почти 3 года и лишь въ 1295 г. бывшій губернаторъ Янгчоу и братья Поло прибыли въ Венецію.

Царствованіе Кублая было ознаменовано необычайнымъ процвѣтаніемъ страны. Кублай отличался недюжиннымъ умомъ и справедливостью; онъ всячески старался приспособиться къ учрежденіямъ и обычаямъ страны. Кублай покровительствовалъ національной литературѣ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы обезпечить народу правосудіе. Но все-же въ глазахъ народа онъ былъ „иноземцемъ", и его династіи не удалось пустить глубокіе корни, не удалось заставить китайцевъ забыть о чужеземномъ происхожденіи царствующаго дома. Спустя два года по отъѣздѣ Марко Поло, Кублай скончался и былъ похороненъ безъ особыхъ признаковъ скорби со стороны народа, которымъ онъ правилъ втеченіе 35 лѣтъ. Ему наслѣдовалъ его внукъ Тимуръ, лишенный тѣхъ талантовъ, которые помогли его дѣду поднять значеніе имперіи на небывалую до того времени высоту.

Тимуръ скончался въ 1307 году, и ему наслѣдовали одинъ за другимъ семь императоровъ, изъ которыхъ заслуживаетъ упоминанія лишь Енъ-Тсунгъ, бывшій горячимъ послѣдователемъ Конфуція и прославившійся, между прочимъ, тѣмъ, что онъ старался распредѣлить должности по возможности равно-

мѣрно между монголами и китайцами, не слѣдуя установившемуся обычаю отдавать предпочтеніе монголамъ.

Монголы, въ началѣ царствованія Кублая, не обладали собственнымъ національнымъ алфавитомъ и для выраженія своихъ мыслей письменными знаками должны были пользоваться алфавитами сосѣднихъ, болѣе просвѣщенныхъ народовъ. Сближеніе съ культурными, обладавшими литературой китайцами заставило великаго завоевателя задуматься надъ отсутствіемъ монгольскаго алфавита. Онъ поручилъ монгольскому ученому Башпа составленіе таблицы письменныхъ знаковъ. Башпа успѣшно выполнилъ порученіе Кублая, и ханъ издалъ немедленно указъ, которымъ предписывалось употребленіе новоизобрѣтеннаго алфавита во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ. Но, какъ только монголы завоевали Китай, алфавитъ Башпы вышелъ изъ употребленія. Китайская пословица говоритъ: „Китай подобенъ морю, которое дѣлаетъ солеными всѣ воды, впадающія въ него". Монголы оправдали эту пословицу и, забывъ о своихъ пустынныхъ степяхъ и младенческихъ опытахъ литературы, превратились въ горькихъ полонниковъ китайской учености. Особеннымъ вниманіемъ и покровительствомъ монголовъ пользовались драматическія произведенія; можно даже сказать, что они собственно являются творцами китайскаго драматическаго искусства. Драматическія произведенія этого періода ставятся историками китайской литературы на первое мѣсто и носятъ наименованіе: „Пьесы эпохи династіи Юэнъ".

Во время царствованія послѣднихъ представителей династіи Юэнъ начали проявляться обычные признаки близящейся эволюціи. Въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи начали возникать мятежи и безпорядки, принявшіе особенно крупные размѣры въ царствованіе послѣдняго представителя монгольской династіи, императора Шунти. Монгольская династія, какъ мы уже сказали выше, никогда не пользовалась особенной популярностью, и когда ея представители мало-по-малу начали терять свое могущество, въ народѣ все сильнѣе стало пробуждаться желаніе—видѣть императорскій тронъ занятымъ чисто-китайской династіей, а не „чужеземцами".

Во главѣ возстанія, вспыхнувшаго на югѣ имперіи, стоялъ нѣкій Чу, которому вскорѣ суждено было сдѣлаться императоромъ. Чу принадлежалъ къ зажиточной когда-то семьѣ, лишившейся своего благосостоянія въ тѣ тревожныя времена. Послѣ смерти родителей молодой Чу остался безъ крова и безъ средствъ. Онъ нашелъ себѣ временное убѣжище въ стѣнахъ буддійскаго монастыря, но монашескіе обѣты недолго сдерживали его пылкую натуру, и вскорѣ онъ принялъ участіе въ мятежѣ, вспыхнувшемъ неподалеку отъ той мѣстности, гдѣ находился монастырь. Выдающіяся качества характера вскорѣ поставили Чу во главѣ мятежа, который, благодаря выказанному тактическому таланту предводителя, принялъ широкіе размѣры. Чу направился къ Нанкину и послѣ кратко-

временной осады взялъ этотъ важный городъ и сдѣлалъ его своей столицей. Дѣйствуя изъ Нанкина, какъ изъ операціонной базы, онъ успѣлъ вытѣснить монголовъ изъ области Кіангси.

Монголы потерпѣли неудачу не только въ центральныхъ провинціяхъ Китая: западныя области и Корея были объяты возстаніемъ, и мятежники одержали крупныя побѣды надъ императорскими войсками въ 1370 г., когда скончался императоръ Шунти.

Предводитель возстанія, Чу, въ это время снарядилъ три большія арміи, изъ которыхъ двѣ назначилъ для покоренія южныхъ провинцій: Фухкіена, Квантунга и Квангси, въ то время какъ третья армія, состоявшая изъ 250,000 человѣкъ, отправилась на сѣверъ. Между тѣмъ, возстаніе распространялось все дальше, и арміи Чу, благодаря этому обстоятельству, не встрѣтили сильнаго сопротивленія. Такъ, Пекинъ сдался почти безъ всякихъ признаковъ оппозиціи, и Чу былъ провозглашенъ императоромъ.

Новый императоръ понималъ, что ему еще остается разрѣшить труднѣйшую часть задачи. Побѣдить монголовъ, находясь во главѣ громадной арміи, пользуясь сочувствіемъ населенія, было легко. Теперь онъ долженъ былъ оправдать довѣріе народа, отдавшаго ему тронъ: Чу не потерялся въ этомъ затруднительномъ положеніи и выказалъ ту же дальновидность, какой была ознаменована его борьба съ монголами. Онъ понялъ значеніе національной науки, которой такъ гордился народъ, и однимъ изъ первыхъ его распоряженій было изданіе указа о возстановленіи въ странѣ школъ, которыя успѣли прійти въ совершенный упадокъ въ тревожныя времена паденія дома Чингизъ-хана.

Еще въ счастливый періодъ процвѣтанія династіи Танга была основана императорская академія, пользовавшаяся прямымъ покровительствомъ императоровъ. Назначеніе членомъ этой академіи считалось высшей почестью, какую могъ получить китайскій ученый. Мало-по-малу, однако, академія пришла въ полный упадокъ, и Чу, принявшій имя Гунгву, рѣшилъ возстановить это учрежденіе. Онъ перестроилъ зданіе академіи и своими частыми посѣщеніями и неусыпными заботами всячески старался поднять престижъ этого ученаго учрежденія. Академія находилась въ Пекинѣ, а Гунгву не могъ совершенно забыть о Нанкинѣ, который былъ первой его столицей, и онъ устроилъ филіальное отдѣленіе академіи въ этомъ городѣ, бывшемъ первымъ свидѣтелемъ его успѣховъ въ борьбѣ съ монголами.

Другой крупной работой, предпринятой Гунгву, была кодификація законовъ имперіи. Царствованіе монгольской династіи не блистало особеннымъ развитіемъ юстиціи. Монгольскіе правители больше заботились о вооруженіи арміи, чѣмъ о формахъ юридической процедуры. Поэтому кодификація законовъ, произведенная Гунгву, была истиннымъ благодѣяніемъ для страны. Но императоръ въ то же время понималъ, что нельзя

ограничиться однимъ упорядоченіемъ формъ судопроизводства и посвятилъ много времени и труда на очистку авгіевыхъ стойлъ, какими являлись тогдашніе китайскіе суды. Къ сожалѣнію, предпріятіе это превышало силы одного человѣка, какой бы энергіей и талантами онъ ни обладалъ, тѣмъ болѣе, что чиновники выказывали въ дѣлѣ извращенія законовъ такую же энергію, какую императоръ выказывалъ въ дѣлѣ упорядоченія правосудія. Можетъ быть. Гунгву и удалось бы сдѣлать что-либо болѣе основательное въ этомъ направленіи, если бы ему не помѣшали монголы, которые, оправившись отъ пораженія, подняли возстаніе. Они одержали крупныя побѣды не только въ провинціяхъ Шанси и Шенси, но также въ Лаотунгѣ, Шехцанѣ и Юннанѣ. Гунгву удалось подавить возстаніе и освободить эти провинціи отъ монгольскаго ига.

Одержавъ эти побѣды, Гунгву, достигшій престарѣлаго возраста, скончался (1399), завѣщавъ престолъ, вслѣдствіе смерти старшаго сына, бывшаго прямымъ престолонаслѣдникомъ, своему внуку, принявшему имя Чіенвенъ.

Въ восточныхъ странахъ, гдѣ наслѣдованіе по прямой линіи не является неизмѣннымъ правиломъ, подобныя императорскія завѣщанія престола нерѣдко вызываютъ недовольство. Каждый изъ младшихъ сыновей императора предполагаетъ, что онъ имѣетъ больше правъ на престолъ, чѣмъ его племянникъ. Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній Гунгву незадолго передъ смертью отослалъ императорскихъ принцевъ къ мѣстамъ ихъ служенія въ провинціи, удержавъ при себѣ лишь внука. Затруднительность положенія новаго императора, Чіенвена, усиливалась, благодаря тому обстоятельству, что онъ долженъ былъ пригласить недовольныхъ принцевъ участвовать въ церемоніи похоронъ покойнаго императора, Гунгву. Принцы, за исключеніемъ Ена, отказались прибыть на похороны, но и явившійся въ Пекинъ принцъ Енъ вовсе не отличался вѣрноподданническими чувствами. Тотчасъ послѣ похоронъ онъ отправился въ Нанкинъ для организаціи оппозиціи новому императору. Будучи человѣкомъ очень способнымъ и энергичнымъ, Енъ, не теряя времени, выступилъ противъ Чіенвена и нанесъ рядъ пораженій императорскимъ войскамъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, Ену удалось привести силы противника въ такое состояніе, что императоръ счелъ лучшимъ уступить и въ 1402 г. отказался отъ престола. Сначала ходили слухи, что онъ покончилъ съ собой самоубійствомъ, но, какъ оказалось потомъ, Чіенвенъ удалился въ буддійскій монастырь въ Юннанѣ, гдѣ пробылъ около 40 лѣтъ, сохраняя строжайшее incognito, которое было раскрыто лишь благодаря тому, что Чіенвенъ издалъ поэму, въ которой очень краснорѣчиво и съ мельчайшими деталями разсказалъ о своемъ прошломъ. Изъ опасенія, что въ странѣ можетъ вспыхнуть возстаніе въ пользу бывшаго императора, Чіенвенъ былъ привезенъ въ Пекинъ и до самой смерти, въ качествѣ государственнаго арестанта, содержался въ одиночномъ заключеніи.

Енъ, принявшій имя Юнгло, перенесъ столицу изъ Нанкина въ Пекинъ и для успокоенія собственной совѣсти издалъ указъ, которымъ предписывалось исключеніе изъ государственныхъ лѣтописей всѣхъ упоминаній о царствованіи Чіенвена и причисленіе 4-хъ лѣтъ царствованія этого императора къ годамъ царствованія императора Гунтву.

Царствованіе Юнгло отличалось сравнительнымъ спокойствіемъ, которое нарушалось лишь войнами на сѣверной границѣ съ татарами и, хотя китайскимъ войскамъ удалось одержать нѣсколько крупныхъ побѣдъ надъ татарами, партизанскій способъ войны, усвоенный послѣдними, дѣлалъ затруднительнымъ нанесеніе рѣшительнаго удара, такъ какъ татары имѣли за собой огромную пустынную територію, служившую для нихъ превосходнымъ убѣжищемъ въ случаѣ нужды. Во время одного изъ походовъ противъ татаръ Юнгло тяжко заболѣлъ и скончался въ 1425 г. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ одно изъ замѣчательныхъ дѣлъ его царствованія, назначеніе имъ ученой комиссіи для составленія энциклопедіи, долженствовавшей суммировать результаты долговременнаго литературнаго развитія Китая. Комиссія, потративъ не мало времени и труда на это гигантское предпріятіе, представила императору, какъ результатъ своихъ занятій, энциклопедію, состоявшую изъ 22,877 книгъ, съ приложеніемъ указателя къ нимъ, занимавшаго 60 томовъ.

Юнгло наслѣдовали одинъ за другимъ нѣсколько монарховъ, царствованіе которыхъ отмѣчено административнымъ хаосомъ и анархіей. Правда, китайскіе историки съ гордостью отмѣчаютъ прибытіе посольствъ изъ центральной Азіи, Индіи и Малакки, но эти событія мало скрашиваютъ мрачную картину постоянныхъ мятежей и безпорядковъ, господствовавшихъ въ имперіи.

Въ 1428 г Тонкинъ сбросилъ съ себя китайское иго, и татары, не встрѣчая на своемъ пути почти никакихъ препонъ, хлынули въ Китай черезъ сѣверныя границы имперіи. Одна изъ битвъ китайцевъ съ татарами окончилась тѣмъ, что въ ней погибло около 100.000 китайскаго войска, а самъ императоръ, Ченгтунгъ, попалъ въ плѣнъ. До какого истощенія была доведена имперія въ это время, лучше всего можно судить по тому факту, что когда предводитель татарскихъ войскъ предложилъ китайцамъ освободить императора, если за это будетъ уплачено 100 таэлей золота [1]), двѣсти таэлей серебромъ и двѣсти кусковъ шелковой матеріи, китайцы не въ состояніи были выкупить ихъ плѣннаго императора. Ченгтунгъ пробылъ въ плѣну 8 лѣтъ, причемъ во время его отсутствія изъ Пекина его именемъ правилъ младшій братъ. Въ 1465 г. Ченгтунгъ скончался, издавъ передъ смертью гуманный указъ, которымъ запрещалось впредь умерщвлять рабовъ на могилахъ императоровъ, согласно варварскому обычаю, перенятому прежними

[1]) Таэль равняется $1^1/_2$ унца.

представителями Мингской династіи у монголовъ. Кромѣ этого гуманнаго распоряженія, слѣдуетъ отмѣтить крупную географическую работу, составленную въ царствованіе Ченгтунга, носящую названіе: „Полное описаніе имперіи въ періодъ царствованія великой Мингской династіи“.

Въ царствованіе императора Ченгва, наслѣдовавшаго Ченгтунгу, былъ проведенъ каналъ изъ Пекина въ Пейхо. Это— единственное событіе, которое можно отмѣтить въ этомъ періодѣ китайской исторіи, характернымъ отличіемъ котораго являются постоянныя мятежи и возстанія, особенно въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ имперіи.

Царствованіе императора Ченгте (1506 — 22) ознаменовано событіемъ, которое съ теченіемъ времени повело къ заключенію первыхъ договоровъ, регулирующихъ сношенія Китая съ внѣшнимъ міромъ. Въ 1511 г. португалецъ Рафаэль Перестрало (Perestralo) прибылъ къ южнымъ берегамъ Китая, а, спустя 6 лѣтъ послѣ его пріѣзда, явился въ Кантонъ во главѣ небольшой эскадры донъ Фернао Пересъ д'Андраде. Задачей этихъ піонеровъ было расширеніе коммерческихъ сношеній, и д'Андраде, любезно встрѣченный кантонскими властями, отправился въ Пекинъ, гдѣ онъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ игралъ своеобразную роль никѣмъ не уполномоченнаго посла Европы. Нѣкоторое время его отношенія къ столичнымъ властямъ носили дружественный характеръ, но неистовства, которыя совершались его соотечественниками въ другихъ частяхъ имперіи, положили конецъ миссіи д'Андраде. По приказанію императора, д'Андраде былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ шесть лѣтъ и, въ заключеніе, былъ обезглавленъ по приказанію наслѣдовавшаго Ченгте императора Чіачинга. Мѣра эта должна, конечно, казаться жестокой, но не должно также забывать того обстоятельства, что португальскіе побережные купцы (особенно въ Нингпо и Фучоу) переполнили чашу китайскаго терпѣнія. Они не останавливались ни передъ какими формами насилія и дошли до того, что, поссорившись съ жителями китайской деревни, расположенной вблизи Нингпо, напали на деревню и перебили ея жителей. Разсматривая поведеніе въ подобныхъ случаяхъ восточнаго государства, не должно забывать оборотной стороны медали, и надо признать, что исторія раннихъ сношеній португальцевъ съ Китаемъ переполнена всякаго рода насиліями.

Китайскія лѣтописи даже не отмѣтили пребыванія д'Андраде въ Пекинѣ, и первое извѣстіе о португальцахъ занесено въ нихъ подъ 1533 г., когда въ окрестностяхъ Фучоу было произведено жестокое избіеніе португальцевъ, поводомъ къ которому послужило гнусное поведеніе португальскихъ купцовъ. Изъ нѣсколькихъ сотенъ португальцевъ успѣли спастись лишь 30 человѣкъ, которые бѣжали въ окрестности Кантона, гдѣ также жили португальскіе купцы. Послѣ долгихъ переговоровъ и столкновеній флибустьерскаго характера, кантонскія власти дозволили португальцамъ поселиться на полуостровѣ

Макао подъ условіемъ уплаты ежегодно извѣстной подати. Жизнь этихъ колонистовъ была въ постоянной опасности. Имъ угрожали съ одной стороны китайскія войска, съ другой стороны—пираты, грабившіе побережныя поселенія. Хотя португальцамъ приходилось ежеминутно трепетать за свою жизнь, тѣмъ не менѣе торговля, которую они вели, была такъ прибыльна, что въ скоромъ времени число португальцевъ въ Макао превышало 500 человѣкъ.

Нечего удивляться, что поведеніе этихъ піонеровъ европейской коммерціи не внушало китайцамъ особеннаго желанія облегчить иностранцамъ доступъ въ страну. Китайцы не позволили миссіонеру Ксавье высадиться на берегъ. Онъ, не желая отказаться отъ своей завѣтной мечты, поселился на островѣ Саншенъ, гдѣ и умеръ въ 1552 г., не осуществивъ своего пламеннаго желанія. То же отсутствіе гостепріимства китайцы выказали по отношенію къ Мишелю Рожé, первому іезуитскому миссіонеру, пытавшемуся проникнуть въ Китай.

Иначе отнеслись китайцы къ великому Риччи, прибывшему въ 1582 г. въ Макао. Риччи обладалъ широкой терпимостью, обширными знаніями и чисто христіанской добротой. Онъ началъ свою работу въ Китаѣ съ того, что принялся за изученіе китайскаго языка, религіозныхъ вѣрованій китайскаго народа и его своеобразной „науки". Риччи вскорѣ пришелъ къ заключенію, что идеи китайцевъ о Верховномъ существѣ и обязанностяхъ человѣка, хотя и затемнены различными суевѣріями, въ общемъ напоминаютъ тѣ высокія истины, которыя заключены въ Евангеліи. Онъ собралъ воедино различные отрывки конфуціанской литературы, наиболѣе, по его мнѣнію, совпадавшія съ ученіемъ Св. Писанія и, слѣдуя примѣру Павла въ Аѳинахъ, началъ проповѣдывать китайцамъ, что Богъ, которому они поклоняются безсознательно, въ сущности тотъ же Богъ, волю котораго онъ явился возвѣстить имъ. Поведеніе Риччи вызвало широкія симпатіи къ нему во всѣхъ классахъ населенія, начиная съ безграмотныхъ носильщиковъ и кончая образованными мандаринами. Благодаря такой заранѣе установившейся хорошей репутаціи, Риччи былъ благосклонно принятъ въ Пекинѣ, гдѣ онъ также быстро завоевалъ себѣ симпатіи, можетъ быть отчасти благодаря тому обстоятельству, что онъ обладалъ нѣкоторыми познаніями въ области практической механики и былъ въ состояніи привести въ порядокъ механизмы многочисленныхъ часовъ въ императорскихъ покояхъ, испорченные неумѣлымъ обращеніемъ съ ними дворцовыхъ чиновниковъ. Стремясь заинтересовать мандариновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желая принести имъ осязательную пользу, Риччи перевелъ на китайскій языкъ первыя шесть книгъ Евклида. Позднѣе онъ издалъ китайскій переводъ трактата по теоріи астрономическихъ измѣреній и богословское изслѣдованіе объ аттрибутахъ божества. Строго научный характеръ этихъ работъ вызвалъ одобреніе даже со стороны

китайскихъ „ученыхъ", и Риччи, во время его пребыванія въ Пекинѣ, пользовался большимъ уваженіемъ со стороны двора и китайскихъ вельможъ.

Въ концѣ царствованія императора Чіачинга (1522—67), омраченнаго нѣкоторыми внутренними междоусобіями, имперіи снова пришлось столкнуться со стариннымъ врагомъ, который уже нанесъ однажды унизительное пораженіе Китаю. Читатели помнятъ, что еще Кублай-ханъ предпринималъ нѣсколько экспедицій противъ Японіи, которыя хотя и окончились неудачей, тѣмъ не менѣе возбудили въ японцахъ злобныя чувства по отношенію къ Китаю. Съ паденіемъ монгольской династіи японцы все чаще стали нападать на китайскіе берега съ цѣлью грабежа прибережныхъ поселеній. Булджеръ въ своей „Исторіи Китая" цитируетъ слѣдующій интересный отзывъ китайскаго историка о тогдашнихъ японцахъ: „они отличались, — говоритъ историкъ, — неустрашимостью, были неутомимы и съ презрѣніемъ относились къ смерти; сотня японцевъ сочтетъ позоромъ отступленіе предъ тысячью враговъ, зная, что въ случаѣ бѣгства, бѣглецы не смогутъ возвратиться на родину, гдѣ ихъ встрѣтитъ общее презрѣніе. Чувство стыда предъ малѣйшимъ проявленіемъ трусости, внушаемое имъ съ дѣтства, дѣлаетъ японцевъ безумно-храбрыми въ сраженіяхъ". Періоды разбойничьихъ нападеній японцевъ на китайскіе берега (по преимуществу Фухкіенга и Чехкіанга) смѣнялись періодами сравнительнаго затишья, во время котораго японскіе купцы собирали богатую жатву съ китайскаго населенія. Въ 1552 г. японцы предприняли болѣе серьезную кампанію и, высадившись на берега Чехкіанга, окружили себя укрѣпленіемъ, подъ прикрытіемъ котораго нѣкоторое время успѣшно отражали всѣ нападенія. Нѣсколько лѣтъ спустя они даже осадили Нанкинъ и, хотя ихъ широкіе завоевательные планы не увѣнчались успѣхомъ, тѣмъ не менѣе постоянныя вражескія вторженія тяжело отзывались на престижѣ императорской власти, приводя восточныя провинціи имперіи въ состояніе хроническаго безпорядка. Японцы пользовались неизмѣннымъ успѣхомъ во всѣхъ морскихъ сраженіяхъ, проявляя въ то же время такую храбрость на сушѣ, что, несмотря на численное меньшинство непріятеля, китайцамъ не удавалось нанести ему окончательное пораженіе.

Отыскиваніе философскаго камня и жизненнаго элексира съ незапамятныхъ временъ являлось любимымъ занятіемъ китайскихъ алхимиковъ и, несмотря на всю очевидную безплодность этихъ занятій, всегда находились новые мечтатели, посвящавшіе свою жизнь этого рода изысканіямъ. Императоръ Чіачингъ, царствованіе котораго было въ сущности непрерывной тревожной борьбой съ внѣшними и внутренними врагами, тѣмъ не менѣе не хотѣлъ разстаться съ жизнью, доставлявшей ему такъ мало удовольствій, и посвятилъ долгіе годы безграничнаго прилежанія отысканію жизненнаго элексира, въ чемъ ему помогали жрецы таоизма. Приближеніе

смерти заставило, однако, его признать всю безполезность этого рода изысканій, и онъ оставилъ, въ назиданіе потомству, завѣщаніе, въ которомъ говорить, между прочимъ: „Царствованіе мое было однимъ изъ самыхъ продолжительныхъ, ибо я занималъ тронъ втеченіе 45 лѣтъ. Прямой моей обязанностью было повиноваться велѣніямъ неба и заботиться о благосостояніи моего народа, но, стремясь найти какое-либо утѣшеніе въ тѣхъ злоключеніяхъ, отъ которыхъ я постоянно страдалъ, я поддался обману шарлатановъ, которые обѣщали открыть мнѣ тайну безсмертія. Это заблужденіе было дурнымъ примѣромъ для народа и для окружающихъ меня вельможъ. Я желаю исправить, насколько возможно, это зло настоящимъ указомъ, который долженъ быть опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе немедленно послѣ моей смерти". Въ 1566 г. этотъ искатель безсмертія скончался, и ему наслѣдовалъ его сынъ Люнгчинъ.

Единственнымъ достопримѣчательнымъ событіемъ въ царствованіе этого императора можно считать подчиненіе мятежнаго монгольскаго вождя, Енты, императорской власти. Ента, чувствуя приближеніе старости и желая спокойно окончить свою жизнь, вошелъ въ переговоры съ Люнгчингомъ, который, по восточному обыкновенію, наградилъ покорившагося мятежника титуломъ принца. Царствованіе Люнгчинга закончилось въ мирѣ и спокойствіи, но, къ сожалѣнію, съ его смертью бразды правленія перешли въ руки ребенка, хотя имперія въ это время нуждалась въ болѣе зрѣломъ и энергичномъ правителѣ. Согласно обычаю, мать юнаго императора была провозглашена императрицей-регентшей и нѣкоторое время имперія пользовалась миромъ, которому положило конецъ возстаніе, вспыхнувшее съ угрожающей силой въ Шехуанѣ и на сѣверо-западной границѣ. Крупный городъ Нингсія попалъ въ руки татаръ, предводимыхъ нѣкіимъ Попаи, занимавшимъ раньше высокій постъ въ китайской арміи. Къ счастію, императорскимъ войскамъ удалось взять городъ назадъ и подавить возстаніе.

Но въ то время, какъ китайцамъ счастливо удалось справиться съ врагами на сѣверо-западѣ, на восточномъ берегу снова появился врагъ, который и въ будущемъ причинилъ немало хлопотъ имперіи.

Долговрéменный миръ и удачные набѣги на китайскіе берега разлакомили японцевъ, и они задумали экспедицію болѣе обширныхъ размѣровъ. Они давно съ пристальнымъ вниманіемъ наблюдали за внутренними событіями въ Кореѣ и, воспользовавшись тѣмъ часто случавшимся въ исторіи этого государства обстоятельствомъ, что внутри страны вспыхнула междоусобная война, японцы высадили войска подъ предводительствомъ знаменитаго вождя Гидейоши, въ портѣ Фузанъ. Гидейоша, не встрѣчая особеннаго сопротивленія, вскорѣ занялъ корейскую столицу Сеулъ. Китайскій императоръ былъ сюзереномъ Кореи, и король Кореи обратился къ нему за

помощью. Императоръ снарядилъ въ защиту своего ленника большую армію, которая направилась черезъ область Ялу. Но японцы, предвидя это движеніе, передвинулись къ сѣверу, съ цѣлью отразить ожидаемую аттаку и заняли позицію въ Пингіангѣ, гдѣ они не встрѣтили сопротивленія со стороны туземнаго населенія. Аттака китайцевъ была съ большимъ искусствомъ отбита Гидейоши.

Обѣ націи должны были такъ напрягать свои силы для этой борьбы, что вскорѣ ихъ рессурсы истощились. Китайцы поджидали подкрѣпленій, а японцы медленно ретировались къ своей базѣ въ Фузанѣ. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ китайцамъ удалось одержать рѣшительную побѣду близъ Пингіанга, гдѣ они сожгли депо, снабжавшее армію Гидейоши. Начались переговоры о мирѣ, но китайцы едва не испортили всего дѣла, пославъ для переговоровъ представителей столь низкаго ранга, что Гидейоши счелъ себя оскорбленнымъ и началъ готовиться къ новому походу, но вскорѣ онъ умеръ и между двумя странами былъ заключенъ миръ. Японцы возвратились съ войны, обремененные награбленнымъ у корейцевъ имуществомъ, и между другими военными трофеями привезли въ Японію 10.000 паръ ушей, отрѣзанныхъ ими у злосчастныхъ корейцевъ.

Къ этому времени относится занятіе испанцами Филиппинскихъ острововъ, обладающихъ пріятнымъ климатомъ и плодоносной почвой. Но испанцы встрѣтили въ лицѣ китайцевъ соперниковъ на этомъ пути. Не успѣли испанцы поселиться на Филиппинскихъ островахъ, какъ ихъ примѣру немедленно послѣдовали переселенцы изъ Китая и вскорѣ со свойственной имъ спокойной настойчивостью успѣли наводнить острова. Сначала испанцы даже радовались этому китайскому нашествію, видя въ новыхъ колонистахъ прилежныхъ и искусныхъ ремесленниковъ, но по мѣрѣ угрожающаго роста этой иммиграціи они начали опасаться за свое господство на островахъ. Сначала испанцы попытались подѣйствовать на китайцевъ увѣщаніями и угрозами, убѣждая ихъ возвратиться на родину, но, видя полную безполезность своихъ угрозъ, они рѣшили приступить къ избіенію чужеземцевъ. Китайскіе историки говорятъ, что приэтомъ убито около 20.000 китайцевъ. Несомнѣнно, будь убитые подданные какой-либо другой державы, неминуемо вспыхнула бы война. Но до недавняго времени, — когда въ Пекинѣ начали интересоваться вопросами международнаго права, — китайское правительство почти вовсе не заботилось о подданныхъ, живущихъ за границами страны. Помимо этого равнодушія къ судьбѣ уѣхавшихъ изъ страны подданныхъ, императору Ванли просто не было возможности вступить въ войну, такъ какъ въ это время ему приходилось считаться съ вспыхнувшимъ внутри страны мятежомъ, для подавленія котораго пришлось пустить въ ходъ всѣ наличныя силы. Несмотря на всѣ усилія, Ванли не удалось возстано-

вить полное спокойствіе въ странѣ, и до самой его смерти (1620) Китай былъ потрясаемъ междоусобными войнами.

Несмотря на отсутствіе спокойствія въ странѣ въ періодъ царствованія Ванли, христіанство, благодаря искусному руководительству Риччи, могло похвалиться значительными успѣхами. Распространенію христіанства помогло, между прочимъ, то обстоятельство, что Риччи удалось обратить въ католицизмъ нѣкоего Хсю, одного изъ вліятельныхъ китайскихъ „ученыхъ", который со всѣмъ пыломъ новообращеннаго предался миссіонерской работѣ. Главнымъ образомъ благодаря его помощи Риччи удалось опубликовать свои ученые труды, которые сдѣлали его имя безсмертнымъ. Внучка Хсю, получившая при крещеніи имя Кандиды, посвятила не мало энергіи и денежныхъ средствъ на дѣло распространенія христіанства въ Китаѣ: на ея средства было построено 30 церквей и 90 зданій для помѣщенія миссіонеровъ и ихъ учрежденій.

У императора Ванли не было законныхъ наслѣдниковъ и онъ передъ смертью принужденъ былъ назначить себѣ преемника въ лицѣ старшаго сына одной изъ своихъ наложницъ. Младшій братъ этого престолонаслѣдника, бывшій фаворитомъ Ванли, счелъ себя обиженнымъ, такъ какъ онъ самъ разсчитывалъ занять престолъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, послѣдніе дни Ванли были омрачены междоусобнымъ мятежомъ.

Три императора, наслѣдовавшіе одинъ за другимъ Ванли, заканчиваютъ рядъ императоровъ династіи Нинга, и въ 1644 году на китайскій престолъ вступаетъ первый императоръ донынѣ царствующей Тайпингской династіи.

Хотя въ общемъ нельзя сказать, чтобы науки и искусства особенно процвѣтали въ странѣ во время царствованія Мингской династіи, тѣмъ не менѣе въ этомъ періодѣ китайской исторіи слѣдуетъ отмѣтить развитіе живописи. Многочисленные китайскіе артисты занимались въ этомъ періодѣ изображеніемъ пейзажей и оказали значительное вліяніе на развитіе живописи въ сосѣдней Японіи. Два наиболѣе извѣстные японскіе художника той эпохи, Сешіу и Кано, черпали свое вдохновеніе изъ китайскихъ образцовъ этого періода Пейзажи Ма-Юна и изображенія цвѣтовъ и птицъ, рисованныя Ючуаномъ, являются такими художественными работами, которыя всегда будутъ вызывать восхищеніе знатоковъ. Эти два художника стояли во главѣ громаднаго количества талантливыхъ живописцевъ той эпохи. Не меньшее восхищеніе вызываютъ гравюры на деревѣ этого періода, до сихъ поръ усердно разыскиваемыя знатоками.

Благодаря присутствію въ странѣ миссіонеровъ, китайская наука въ этомъ періодѣ также сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Риччи, какъ мы уже разсказывали выше, ознакомилъ китайскихъ „ученыхъ" съ начатками геометріи и астрономіи. Продолжателемъ его трудовъ въ этой области былъ прибывшій въ 1628 г. въ Пекинъ Іоганъ Адамъ Шалль, который былъ назначенъ императорскимъ астрономомъ, при-

чемъ ему былъ порученъ пересмотръ императорскаго календаря. Во время царствованія трехъ послѣднихъ императоровъ Мингской династіи и двухъ первыхъ императоровъ династіи Та Чингъ Шалль былъ окруженъ почетомъ и уваженіемъ, которыхъ онъ вполнѣ заслуживалъ. Но въ началѣ царствованія императора Кангси противъ Шалля начались интриги, и онъ, обвиненный въ „нарушеніи законовъ", былъ брошенъ въ тяжелыхъ оковахъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ въ 1663 г. Въ періодъ, когда Шалль пользовался почетомъ и вліяніемъ, онъ съ громаднымъ успѣхомъ занимался дѣломъ миссіонерской проповѣди и, по словамъ историковъ, благодаря его личнымъ усиліямъ и работѣ его помощниковъ, церковь могла насчитывать (1660—1664) около 100.000 прозелитовъ. Даже самъ императоръ Кангси выказывалъ одно время склонность къ принятію христіанскаго вѣроисповѣданія. Но это страстно желанное миссіонерами событіе не осуществилось, несмотря на то, что мать императора, его жена и сынъ, а также 50 придворныхъ дамъ приняли крещеніе.

Миссіонеры, въ качествѣ ученыхъ людей, пользовались вниманіемъ императора; что же касается его отношенія къ христіанству, то хотя оно внушало миссіонерамъ надежды, несомнѣнно, что императоръ въ глубинѣ души смотрѣлъ на этотъ вопросъ съ полнымъ безразличіемъ истиннаго ученика Конфуція.

— Зачѣмъ, спросилъ онъ однажды миссіонеровъ, — вы такъ заботитесь о будущемъ мірѣ, въ которомъ вѣдь никто изъ васъ не былъ,—и вслѣдъ затѣмъ императоръ иронически замѣтилъ, что для нихъ лучше было-бы посвящать больше вниманія міру, въ которомъ они живутъ, чѣмъ міру загробному.

Возможно, что это насмѣшливое отношенія Кангси къ проповѣдникамъ христіанства было вызвано раздорами, которые возникли среди католическихъ миссіонеровъ со времени прибытія (въ 1651) въ Китай доминиканцевъ, которые явились помогать іезуитамъ. Не успѣли доминиканцы хорошенько осмотрѣться въ странѣ, какъ подняли вопль о нарушеніи чистоты обрядовъ, которое было допущено дальновидными іезуитами въ интересахъ пропоганды. Іезуиты, стремясь къ интеллектуальному господству въ странѣ и руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ „змѣиной мудростью" и „голубиной кротостью", допустили въ богослуженіи нѣкоторые обряды, которые отзывались язычествомъ и представляли уступку туземныхъ вѣрованіяхъ. Такъ, они допустили поклоненіе предкамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что это скорѣе гражданскій, чѣмъ религіозный культъ. Они приняли терминъ „Тіенъ", обозначавшій „Небо", для названія христіанскаго Божества и позволяли вывѣшивать въ христіанскихъ храмахъ надписи, гласившія, что здѣсь происходитъ „поклоненіе небу". Доминиканцы, только что прибывшіе изъ Рима и непривыкшіе къ іезуитской казуистикѣ, которая у іезуитовъ, благодаря долгой практикѣ, сдѣлалась второй натурой, немедленно начали протестовать противъ

СБОРНИКЪ ИНОСТРАННЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ.
Приложеніе къ журналу „Вѣстникъ Всемірной Исторіи".

Анджела Борджіа

НОВЕЛЛА

Конрада Ф. Мейера.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Е. Паукеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

Тип. Исидора Гольдберга.

Конрадъ Ф. Мейеръ.

(Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности).

I.

Имя Конрада Мейера извѣстно у насъ, пожалуй, только спеціалистамъ, людямъ, занимающимся исторіей литературы,—обыкновенному-же читателю оно ничего не говоритъ. А, между тѣмъ, подъ этимъ скромнымъ именемъ скрывается очень крупный талантъ,—поэтъ и беллетристъ, обладающій глубокой оригинальностью. Правда, впрочемъ, и въ нѣмецкой литературѣ онъ оцѣненъ по достоинству сравнительно недавно и лучшая критико-біографическая работа о немъ, принадлежащая перу извѣстнаго беллетриста Карла Францоза, появилась спустя годъ послѣ смерти поэта [1]). Малозамѣченнымъ прошелъ и его 60-лѣтній юбилей, хотя, впрочемъ, онъ былъ отмѣченъ спеціальной работой, посвященной изученію дѣятельности юбиляра [2]) Въ этой работѣ, между прочимъ, приведена небольшая автобіографическая замѣтка Мейера, которой мы и воспользуемся для настоящаго очерка.

„Я родился,—пишетъ Мейеръ,—въ 1825 г. въ Цюрихѣ, гдѣ нашъ родъ прожилъ около 200 лѣтъ. Въ 1802 году, когда войска гельветическаго правительства бомбардировали Цюрихъ, защитой города завѣдывалъ

---

[1]) *Karl Emil Franzos*. «Konrad Ferdinand Meyer; Ein Fortrag». Berlin 1899.

[2]) *Anton Reitter* „Konrad F. Meyer: Eine litterarische Skizze zu des Dichters 60geburtstage“ Leipzig 1885. Изъ другихъ работъ о Мейерѣ укажемъ на превосходную литературную его характеристику, сдѣланную извѣстнымъ галиційскимъ беллетристомъ Франко (Літературно-Науковый Вістникъ 1899, кн. VII—VIII), которой мы воспользовались для настоящаго очерка.

мой дѣдъ, полковникъ Мейеръ, а другой дѣдъ (по матери), намѣстникъ Ульрихъ, бывшій представителемъ гельветическаго правительства, принужденъ былъ бѣжать изъ Цюриха. Можетъ быть, сліяніе крови этихъ двухъ заядлыхъ политическихъ противниковъ было причиной моей нейтральности въ политическихъ вопросахъ. Отецъ мой, правительственный совѣтникъ, Фердинандъ Мейеръ, хотя отличался слабымъ здоровьемъ, обладалъ крупными организаторскими талантами, безпристрастіемъ и трудолюбіемъ и былъ горячимъ сторонникомъ парламентарной республики. Мать моя, Бетти Ульрихъ, согласно отзывамъ всѣхъ знавшихъ ее, была чрезвычайно симпатичная женщина и обладала, по ея словамъ, „веселой душой и печальнымъ сердцемъ". Знаменитый Блюнчли въ своей книгѣ „Denkwürdigkeiten aus meinem Leben" (т. I, стр. 56) мастерски охарактеризовалъ моихъ отца и мать и мнѣ нечего прибавить къ этой характеристикѣ. Отца я потерялъ въ 1839 году, вскорѣ послѣ цюрихскаго кантональнаго бунта, бывшаго результатомъ назначенія Давида Штрауса (автора „Жизни Христа") на должность профессора Цюрихскаго университета. Это событіе, между прочимъ, является важнѣйшимъ воспоминаніемъ моей юности. Припоминаю, что кто-то далъ мнѣ тогда памфлетъ, направленный противъ Штрауса. На памфлетѣ красовалось motto изъ библіи: „Изгоните страуса назадъ въ пустыню". Я тогда-же спросилъ отца:

— Вѣдь въ библіи говорится о птицѣ страусѣ? Развѣ подобное употребленіе цитатъ изъ библіи не является отуманиваніемъ народа?

„Отецъ въ отвѣтъ лишь улыбнулся и вздохнулъ.

„Окончивши гимназію, которая не дала мнѣ ничего, кромѣ довольно основательнаго знакомства съ классическими языками, которыхъ я не позабылъ и до сихъ поръ, я переѣхалъ въ Лозанну, а позднѣе въ Женеву, гдѣ у матери были друзья. Послѣ смерти отца, усердно занимавшагося мѣстной исторіей (онъ написалъ, между прочимъ, изслѣдованіе о „Евангелической общинѣ въ Локарно", о которомъ съ похвалой отозвался Ранке), я унаслѣдовалъ его дружбу къ Людвигу Вуллеміану, историку Вадтскаго кантона. Вообще, французская Швейцарія была съ юности моей второй родиной, гдѣ я нерѣдко находилъ убѣжище отъ скорбей. Во время моего перваго пребыванія во французской Швейцаріи я цѣликомъ поддался вліянію французской литературы, равно упиваясь и классиками и современными писате-

лями, классическимъ комизмомъ Мольера и лирическимъ шампанскимъ Альфреда де Мюссе. Благодаря этому, я смолоду привыкъ къ французскому языку, которымъ и теперь недурно владѣю. Безъ особеннаго удовольствія я уѣхалъ изъ Лозанны въ Цюрихъ, сдалъ экзаменъ зрѣлости и записался на юридическій факультетъ. Но юриспруденція не интересовала меня, хотя Блюнчли съ большой добротой всячески старался пріохотить меня къ этого рода занятіямъ. Вскорѣ я пересталъ посѣщать лекціи и повелъ одинокую жизнь. Жизнь эту нельзя было назвать бездѣятельной, но она была какъ-то разбросана. Я тогда массу перечиталъ, углубляясь въ историческія изслѣдованія, но безъ опредѣленной цѣли и безъ метода; прочелъ много лѣтописей и познакомился по первоисточникамъ съ духомъ различныхъ историческихъ эпохъ. Кое-что изъ этого безсистемнаго чтенія осталось: историческая почва и мѣстный колоритъ моихъ произведеній берутъ начало въ этомъ чтеніи.

„Эта одинокая жизнь тянулась цѣлые десятки лѣтъ, отчасти потому, что моя мать предоставила мнѣ полную свободу; послѣ ея смерти моимъ хозяйствомъ занялась сестра, съ которой я былъ очень друженъ. Мы оба рисовали и въ эти годы я очень полюбилъ живопись и скульптуру.

„Во всякомъ случаѣ это долголѣтнее одиночество, оживляемое лишь изрѣдка посѣщеніями близкихъ друзей, не могло не отозваться на моемъ духовномъ развитіи, хотя я и старался уравновѣсить его вліяніе гимнастикой, плаваніемъ, фехтованьемъ и прогулками на высокіе гребни горъ. Безцѣльность моей жизни не разъ доводила меня до отчаянія и меня спасло лишь бѣгство во французскую Швейцарію. Оживили меня нѣсколько и поѣздки по Европѣ. Я довольно долго пробылъ въ Парижѣ (1857); нѣсколько разъ побывалъ въ Италіи (въ Римѣ въ 1858 г.). Сдѣлавшись совершеннымъ чужакомъ въ Цюрихѣ, я перебрался изъ города въ мѣстность надъ Цюрихскимъ озеромъ. Въ 1875 году я женился на дочери полковника Циглера и пріобрѣлъ себѣ небольшое помѣстье въ Кюхельбергѣ, гдѣ я и живу теперь съ моей женой и дочерью.

„Исторія моей литературной карьеры такова. Въ 1868 г. одинъ изъ моихъ женевскихъ знакомыхъ, Эрнестъ Навилль (теперь членъ французской академіи), читавшій тогда въ Женевѣ рядъ популярно-научныхъ лекцій, которыя были переведены на многіе языки, жаловался мнѣ, между прочимъ, на неточность нѣмецкаго пере-

вода первой изъ этихъ лекцій и просилъ мою сестру сдѣлать новый переводъ подъ моимъ руководствомъ. Этотъ переводъ былъ изданъ въ Мюнхенѣ Гесселемъ. Въ слѣдующемъ году Гессель навѣстилъ меня и мы подружились. Онъ просилъ меня дать ему что-нибудь для изданія (до тѣхъ поръ были изданы въ 1864 г. анонимно лишь мои „Двадцать балладъ") [1]). Я далъ Гесселю новый томикъ стихотвореній, который былъ изданъ имъ въ 1870 г. подъ заглавіемъ „Romanzen und Bilder".

„Вообще 1870 годъ былъ для меня критическимъ годомъ. Великая война [2]), которая отозвалась и у насъ въ Швейцаріи, закончила также и войну въ моей душѣ. Мало-по-малу созрѣло въ моей душѣ пламенное сознаніе и захватило меня. Въ этотъ великій историческій моментъ я сбросилъ съ себя французскую окраску и далъ выраженіе моимъ взглядамъ въ поэмѣ „Huttens letzte Tage" (Послѣдніе дни Гуттена). Поэма вышла въ 1871 г. и понравилась публикѣ (она недавно вышла 8-мъ изданіемъ). Ободренный успѣхомъ, я въ 1872 году издалъ небольшую поэму „Engelberg", идиллію, написанную раньше и лежавшую въ моемъ портфелѣ.

„Меня уже давно занимала одна историческая фигура, наиболѣе крупная въ исторіи Бюндена. Частыя и долгія прогулки по Бюндену познакомили меня чуть ли не съ каждой пядью земли въ немъ, а хроники кантона я изучилъ детально. Долго я занимался этой темой и, наконецъ, написалъ повѣсть „Юрій Еначъ" (Jury Jenatch). Еще въ Лозаннѣ я усиленно занимался изученіемъ работъ французскаго историка Огюстьена Тьерри и издалъ нѣмецкій переводъ его „Récits des temps mérovingiens". Въ его-же „Histoire de la conquête de l'Angleterre" я наткнулся на загадочную фигуру Ѳомы Бекета и такъ долго изучалъ ее, такъ углубился въ ея психологію, что она стояла до болѣзненности выпукло предъ моими глазами. Я избавился отъ этого впечатлѣнія, написавъ разсказъ „Святой", вышедшій въ 1880 г. (потомъ выдержалъ 6 изданій). Въ 1882 году вышелъ сборникъ моихъ стихотвореній, куда вошло большинство моихъ старыхъ балладъ, значительно передѣланныхъ. Мои „Маленькіе разсказы" (Kleine Novellen) вышли въ 1883 г. Послѣдними по времени моими произведеніями являются разсказы: „Страданія мальчика" („Die Leiden eines Kna-

[1]) Zwanzig Balladen eines Schweizers.
[2]) Мейеръ имѣетъ въ виду франко-прусскую войну.

ben") и „Свадьба монаха" („Die Hochzeit des Mönchs"). Въ 1880 году университетъ родного моего города (Цюриха) удостоилъ меня званія доктора honoris causa".

Этотъ суховатый автобіографическій очеркъ, давая перечень важнѣйшихъ фактовъ внѣшней жизни писателя, не даетъ ключа къ пониманію его сложной душевной жизни, въ которой, несмотря на кажущійся покой, было много драматическаго. Хронологическія даты, приведенныя въ автобіографіи, показываютъ, что нѣмецкимъ поэтомъ Мейеръ сдѣлался лишь подъ 40 лѣтъ, да и то лишь семь лѣтъ спустя онъ создалъ поэму, съ которой онъ не считалъ постыднымъ предстать предъ публикой не анонимно и которая, дѣйствительно, сразу поставила его на ряду съ крупными нѣмецкими поэтами. Родившійся въ 1825 году Мейеръ лишь въ 70-хъ годахъ находитъ свое настоящее призваніе. Личное счастье тоже долго не давалось ему, и онъ женится уже 50-лѣтнимъ старикомъ. Появившіяся недавно воспоминанія о Мейерѣ людей, близко знавшихъ его, раскрываютъ немного эту житейскую драму.

Мать Мейера, о которой онъ съ такой теплотой говоритъ въ своей автобіографіи, воспитала его въ строго-религіозномъ духѣ нетерпимаго и узкаго кальвинизма. Горячая любовь къ матери способствовала тому, что Мейеръ всей душой отдался исповѣдуемой матерью религіи. Но вотъ юноша начинаетъ читать, самостоятельно мыслить и его религіозность начинаетъ колебаться. Эти сомнѣнія причиняли ему страшную душевную муку, обострявшуюся еще болѣе благодаря тому, что мать его дѣлалась все болѣе и болѣе религіозной, ея религіозность перешла въ аскетизмъ, потомъ въ религіозное помѣшательство, въ которомъ она и умерла. Тихій, задумчивый, углубленный въ себя Мейеръ тратитъ лучшіе годы молодости на тяжелую душевную борьбу съ самимъ собой. Отсутствіе энергіи въ его характерѣ, какъ результатъ нелѣпаго воспитанія, затягиваетъ эту борьбу на долгіе годы. Но вотъ, наконецъ, душа его проясняется, онъ обрѣтаетъ душевное равновѣсіе, находитъ энергію. Но, увы, подкралась старость и организмъ уже расшатанъ. Литературная работа дается ему съ трудомъ и требуетъ громаднаго напряженія воли: по цѣлымъ недѣлямъ онъ не могъ написать ни строчки,— обезсиленный мозгъ отказывался работать. Эти припадки безсилія дѣлались все чаще и чаще и въ 1891 году Мейеръ долженъ былъ отказаться отъ умственной работы, требовавшей большого напряженія. Провидѣніе

было милостиво къ нему и, несмотря на наслѣдственное предрасположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ, Мейеръ былъ избавленъ отъ того трагическаго конца, который постигъ его мать. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ погруженный въ тихую меланхолію, явившуюся результатомъ умственнаго переутомленія. Онъ изрѣдка выѣзжалъ на прогулку, писалъ письма, велъ бесѣду съ друзьями, но уже не могъ заниматься литературнымъ трудомъ и тихо скончался въ концѣ 1898 года.

По отзывамъ всѣхъ, знавшихъ Мейера, это былъ чрезвычайно добродушный, неподкупно-честный и очень простой въ обращеніи человѣкъ, удивительно скромный и безпретенціозный. Правда, онъ, потомокъ швейцарскихъ патриціевъ, держался поодаль отъ „толпы" и домъ его былъ мало доступенъ, но къ своимъ друзьямъ онъ относился очень сердечно, отличаясь вообще большой тактичностью, деликатностью и высокой гуманностью. Въ своемъ помѣстьѣ Кюхельбергъ Мейеръ построилъ убѣжище для больныхъ рабочихъ и обезпечилъ его крупной суммой. Уже этотъ фактъ показываетъ, что его „аристократизмъ" былъ больше аристократизмомъ духа, чѣмъ дворянской спѣсью. Мейеръ былъ человѣкъ богатый (послѣ него осталось состояніе, оцѣненное въ 1½ милліона марокъ) и ему не приходилось работать изъ-за куска хлѣба. Но богатство это, какъ видѣли читатели, не дало ему счастья и пагубно отразилось на его дѣятельности, лишивъ его энергіи. Прибавимъ, что жилъ онъ очень скромно, считая себя лишь „администраторомъ" своего имущества; по слухамъ, онъ тратилъ крупныя суммы на благотворительность и щедро поддерживалъ учащуюся молодежь и начинающихъ писателей и художниковъ.

II.

Для того, чтобы понять, какія трудности приходилось преодолѣвать Мейеру въ его литературной дѣятельности, необходимо знать, что роднымъ его языкомъ былъ неблагозвучный *цюрихскій діалектъ* нѣмецкаго языка. Литературный нѣмецкій языкъ былъ ему знакомъ лишь по книгамъ: мыслилъ онъ на родномъ діалектѣ и при работѣ каждую мысль ему приходилось переводить на литературный языкъ. Французскимъ языкомъ онъ владѣлъ несравненно свободнѣе, писалъ по-французски легко и плавно; первые его нѣмецкіе литературные опыты были переполнены галлицизмами, такъ что онъ

нѣкоторое время колебался въ выборѣ, не зная, какой языкъ — нѣмецкій или французскій — избрать для своей литературной дѣятельности. Можно быть увѣреннымъ, что если бы Мейеръ сдѣлался ученымъ, историкомъ (какъ онъ одно время предполагалъ), его ученыя работы были бы написаны по-французски. Но на французскомъ языкѣ онъ, по его собственному признанію, не могъ найти „поэтическаго тона", нѣмецкій языкъ былъ все-таки родственнѣе его душѣ и вотъ онъ дѣлается нѣмецкимъ поэтомъ, преодолѣвая всѣ затрудненія. Эта борьба съ языкомъ вошла у него въ привычку, сдѣлалась второй натурой, перешла почти въ манію. Онъ всегда добивался найти возможно болѣе простое, ясное и краткое выраженіе для всякой своей мысли и никогда не удовлетворялся той формой, въ которую выливалось его произведеніе подъ первымъ импульсомъ, хотя и эта первоначальная редакція была обыкновенно долго выношена въ душѣ и выливалась на бумагу съ большимъ трудомъ. Свою поэму „Послѣдніе дни Гуттена" Мейеръ передѣлывалъ *десять разъ*. Тому-же процессу подвергались его стихотворенія и разсказы. Но не слѣдуетъ думать, что Мейеръ былъ „чистымъ эстетикомъ", что для него форма была всѣмъ. „Мастеръ формы, — говоритъ о немъ Французъ, — Мейеръ высоко цѣнилъ „формальный" талантъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ для него было чрезвычайно антипатично большое мастерство формы, соединенное съ „пустенькимъ" содержаніемъ".

Изъ своей молодости Мейеръ вынесъ двѣ страсти, имѣвшія рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшее творчество: страсть къ исторіи и живописи. Мы видѣли въ его автобіографіи, какъ онъ, вмѣсто того, чтобы изучать право, погрузился въ изученіе старыхъ хроникъ и новыхъ историковъ. Его національныя колебанія отразились и на его занятіяхъ исторіей: Тьерри онъ перевелъ по-нѣмецки, а Момзена по-французски. Эта страсть къ изученію исторіи обогатила его умъ массой фактовъ, сценъ и характеровъ, которые потомъ, оживленные силой его поэтическаго таланта, выступили въ его стихотвореніяхъ и разсказахъ. Живопись, въ свою очередь, одно время занимала его такъ сильно, что онъ серьезно мечталъ сдѣлаться артистомъ. Но, смѣнивъ палитру художника на перо литератора, онъ сохранилъ чуткость живописца ко всему, что касается красокъ и контуровъ. Его стихотворенія и разсказы такъ врѣзываются въ память читателя именно потому, что каждая фигура въ нихъ обрисована двумя-тремя словами, но въ такомъ

положенія, какъ будто бы поэтъ видитъ ее предъ собой на рисункѣ.

Извѣстный галиційскій поэтъ и беллетристъ Франко, написавшій блестящую литературную характеристику Мейера, такимъ образомъ опредѣляетъ его литературное значеніе:

„К. Ф. Мейеръ, — говоритъ Франко, — былъ однимъ изъ величайшихъ и оригинальнѣйшихъ поэтовъ и беллетристовъ второй половины XIX вѣка. Молодое поколѣніе нѣмецкихъ писателей, выступившее на литературную арену послѣ 1870 г., съ какой-то лихорадочной поспѣшностью переживало духовныя болѣзни и литературныя моды сосѣднихъ народовъ: русскихъ, французовъ, скандинавцевъ и т. д. Писатели этого поколѣнія бросались въ разныя стороны, искали новыхъ формъ и новыхъ тоновъ, въ большинствѣ случаевъ безрезультатно. К. Ф. Мейеръ высится среди нихъ, какъ раскидистый дубъ, который широко и глубоко запустилъ свои корни въ почву. Отъ этого дуба слышится, можетъ быть, немного однообразный, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-поэтическій шумъ, трогающій сердце и навѣвающій свѣжія свѣтлыя думы. Поле творчества Мейера очень широко: лирика души, современная жизнь и безграничное поле историческаго прошлаго. Темы его произведеній чрезвычайно разнообразны, ибо онъ рисуетъ самыя разнообразныя явленія жизни: и дикіе порывы страстей, и тихія минуты радости и скорби, и взрывы отчаянія, и горечь укора запечатлѣны въ его произведеніяхъ.

Анджела Борджіа.

ГЛАВА I.

Донна Лукреція Борджіа, молодая супруга наслѣдника Феррары, съ тріумфомъ вступала въ свою новую резиденцію.

Окруженная блестящей свитой, во главѣ которой находился ея мужъ, донъ Альфонсо д'Эсте, она ѣхала на бѣлоснѣжномъ иноходцѣ, подъ пурпуровымъ балдахиномъ, поддерживаемымъ надъ ея головой профессорами университета.

Достойные мужи торжественно выступали по четверо съ каждой стороны балдахина. Рядомъ съ ними шло еще столько же, чтобы замѣнять первыхъ и со своей стороны удостоиться высокой чести служить герцогинѣ. То и дѣло одинъ изъ нихъ поднималъ задумчивый взоръ на нѣжное, лучезарное видѣніе въ ореолѣ развѣвающихся золотыхъ кудрей. Профессоръ естественной исторіи размышлялъ надъ рѣдкимъ цвѣтомъ ея свѣтлыхъ глазъ, которые онъ находилъ загадочными, между тѣмъ какъ профессоръ нравственной философіи, суровый, неподкупный старецъ, серьезно задавалъ себѣ вопросъ, возможно ли совмѣстить радостную, беззаботную внѣшность молодой женщины съ ея ужаснымъ прошлымъ и не есть ли донна Лукреція порожденіе ада, повинующееся какимъ-то невѣдомымъ законамъ. Третій—математикъ и астрологъ—видѣлъ въ ней обыкновенную женщину, выбитую изъ колеи въ силу всевозможныхъ обстоятельствъ и вліяній и способную при другой обстановкѣ вернуться къ нормальной жизни.

Четвертый-же, юноша съ курчавыми волосами и мужественными чертами лица, не сводилъ со всей ея стройной фигуры жаднаго, горячаго взора. Это былъ Геркулесъ Строцца, профессоръ права и старшій судья въ Феррарѣ, несмотря на свою молодость. Не будь Лукреція его герцогиней, онъ, какъ ярый флорентинскій республиканецъ, привлекъ бы ее къ суду, но теперь этотъ блестящій, незаконный тріумфъ послѣ такихъ позорныхъ дѣяній повергъ его въ восторженное изумленіе.

Молодая тріумфаторша ѣхала, распространяя улыбкой вокругъ себя свѣтъ и счастіе и оставаясь безучастной къ возбуждаемымъ ею мыслямъ, которыя она, однако, легко отгады-

вала присущимъ ей яснымъ умомъ. Между тѣмъ, и ея головка усиленно работала: она обсуждала и взвѣшивала рѣшительность этого часа, приближающаго ее къ Феррарѣ и разрушающаго мостъ между нею и отвратительнымъ ея прошлымъ. Правда, оно преслѣдовало ее еще, терзая ужасными видѣніями, но не угрожая больше опасностью; развѣ она потеряетъ самообладаніе и оглянется назадъ... Но настолько то она была увѣрена въ себѣ.

Нѣжное растеніе, возросшее въ разсадникѣ порока, безстыдныхъ залахъ Ватикана, Лукреція, избавившаяся ядомъ отъ перваго мужа и предавшая второго въ руки своего любимаго, наводящаго на всѣхъ ужасъ брата, съ трудомъ усваивала, точно звуки чуждаго ей нарѣчія, самыя простѣйшія нравственныя понятія.

Въ силу обычая она удалялась время отъ времени въ монастыри, гдѣ принимала участіе въ исповѣди и церковныхъ процессіяхъ, но совершенно механически, такъ какъ раскаяніе было невѣдомо ея душѣ. Самое большее, что удавалось иногда проповѣдующему покаяніе монаху, котораго затѣмъ св. отецъ приказывалъ въ наказаніе бросать въ Тибръ, это вызвать мгновенную краску въ лицѣ и трепетъ въ жилахъ Лукреціи; да и то подымалась она на другое утро со своего ложа снова беззаботная и точно обновленная. Такимъ образомъ, то, что для праведной души казалось бы ничѣмъ неискупимымъ грѣхомъ, забывалось Лукреціей безъ всякаго труда.

Если-же послѣ какого-нибудь неслыханнаго преступленія ее начинали терзать угрызенія совѣсти, она старалась поскорѣе заглушить ихъ.

Только обширнымъ умомъ своимъ постигла она мало-помалу всю неправедность своего существованія. Сравненіе Рима со всѣмъ остальнымъ міромъ, случайно подмѣченный испугъ на лицѣ невиннаго при встрѣчѣ съ нею или-же налету схваченное людское осужденіе постепенно привели ее къ безповоротному, страстному рѣшенію начать новую жизнь и забыть Римъ, какъ тяжелый, страшный кошмаръ.

Осуществить ея стремленіе помогъ ей ея третій супругъ, наслѣдникъ Феррары. При взглядѣ на его сдержанное, спокойное лицо, она сказала себѣ: теперь все достигнуто, съ нимъ я спасена. Онъ знаетъ мое прошлое и, какъ я ни обаятельна, онъ никогда не забудетъ его. Ему стоило большой борьбы при его узкихъ мѣщанскихъ взглядахъ обмѣняться кольцами со мною, пользующеюся такой дурной славой; но разъ это сдѣлано, для блага ли государства—чтобы полными горстями загребать изъ сокровищницъ св. Петра—или-же изъ другихъ какихъ нибудь видовъ—такой человѣкъ поставитъ крестъ на мое прошлое и никогда не попрекнетъ меня имъ, если только я сама опять не согрѣшу... Но этого я буду остерегаться. И онъ узнаетъ всѣ мои качества, будетъ удивляться моему административному дару — донна Лукреція управляла уже княжествами и даже самою апостольскою церковью во время

отсутствія своего отца—непоколебимому присутствію духа, моей справедливости и общительности...

Никогда не подамъ я ему ни малѣйшаго повода заподозрить свою жену въ невѣрности или непослушаніи... если только—мрачная складка легла между бровями и она вздрогнула—если только отецъ не прикажетъ или братъ не позоветъ... но отецъ въ Римѣ, а братъ сидитъ въ своей испанской тюрьмѣ...

Лукреція собрала всю свою силу воли, чтобы оборвать тревожившія ее мысли, и стала улыбаться снова народу.

Въ это самое мгновеніе процессія остановилась у крѣпости, съ башни которой спускался внизъ по канату акробатъ. „Ты, какъ и я", подумала она про себя, „скользишь, но не падаешь".

Спрыгнувъ съ каната и преклонивъ передъ Лукреціей колѣни, плясунъ, который изображалъ амура, подалъ ей миртовый вѣнокъ и почтительно произнесъ: „цѣломудренной Лукреціи".

При всеобщемъ ликованіи надѣла она его себѣ на голову упиваясь минутами радости.

Вдругъ засверкали молніи изъ амбразуръ круглой башни и, гремя, обволокли ее всю чернымъ дымомъ.

Донъ Альфонсо былъ страстнымъ любителемъ огнестрѣльныхъ орудій и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ услаждалъ себя пушечной пальбой. Рѣзкій звукъ поразилъ нѣжное ухо иноходца, онъ взвился на дыбы и герцогиня выскользнула изъ сѣдла на руки подхватившихъ ее профессоровъ; между тѣмъ, за нею восхитительная дѣвушка съ волнистыми волосами и сіяющимъ взоромъ безстрашно усмиряла своего вороного коня.

Рядомъ съ нею пришпоривалъ коня худощавый всадникъ, съ презрительной, непріятной физіономіей. Это былъ донъ Ферранте или, какъ его прозвали въ Феррарѣ, человѣконенавистникъ, бывшій въ Римѣ на бракосочетаніи своего брата Альфонсо его замѣстителемъ. Онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность освѣтить своей сегодняшней спутницѣ Феррару и великогерцогскій домъ, къ которому и самъ принадлежалъ, со своей точки зрѣнія и возбудить къ нимъ отвращеніе въ молодой дѣвушкѣ.

Смѣлая наѣздница эта была Анджела Борджіа, близкая родственница и новая фрейлина герцогини, которую она сопровождала въ Феррару, чтобы вступить подъ ея покровительствомъ на жизненную арену.

А арена эта развертывалась сегодня въ необычайномъ великолѣпіи: сіяющее небо, блестящія одежды, всеобщее ликованіе, опьяняющая музыка, прекрасныя женщины, влюбленные юноши... И все это отравлялось въ глазахъ Анджелы издѣвательствами чорта, ѣхавшаго рядомъ съ нею.

— Посмотрите, юная госпожа,—язвилъ онъ теперь,— какъ восхитительно падаетъ донна Лукреція и какъ торжественно

се поднимают наука и добродѣтель—онъ указалъ на профессоровъ.—Я согласенъ съ акробатомъ и прославляю ея непорочность. Она была только одинока въ семьѣ и страдала подъ гнетомъ отца и брата...

Оттого то она и ухватилась за дона Альфонсо, чтобы найти здѣсь — онъ указалъ на виднѣющіяся башни и куполъ Феррары—болѣе подходящее обхожденіе; но донна Лукреція ошибается: Альфонсо, какъ и всѣ мы, сыновья герцога, поспоритъ съ его святѣйшествомъ и дономъ Цезаремъ въ своихъ нравственныхъ достоинствахъ...

Вы удивляетесь, что я такъ свободно говорю объ отцѣ и братьяхъ! Но видите ли, право открыто клеветать и злословить даровано мнѣ герцогомъ, моимъ отцомъ, подъ условіемъ удерживаться отъ тайныхъ козней противъ нихъ — порокъ, который издавна гнѣздится въ крови нашего рода.

Знайте, храбрая дѣвушка, что вы сразу привлекли меня на свою сторону тѣмъ, что не безцвѣтны и, какъ и я, готовы открыто и безстрашно свидѣтельствовать правду. Тѣ другіе—онъ презрительно оглянулся на ѣхавшихъ парами придворныхъ—что они? Разряженная сволочь, мошенники и безпутныя женщины, лицемѣры и бездѣльницы. Не стоитъ, чтобы солнце освѣщало ихъ, за исключеніемъ, разумѣется той сотни вьючныхъ животныхъ, которыя везутъ приданое донны Лукреціи. Это честныя и заслуженныя созданія. И труда-же стоило намъ съ братомъ кардиналомъ вырвать всѣ эти сокровища изъ когтей св. отца, и церкви! Гораздо легче удалось намъ провести его святѣйшество относительно имѣній, предоставленныхъ невѣстѣ герцогомъ нашимъ отцомъ...—донъ Ферранте захихикалъ. — Мы наболтали св. отцу про наши знаменитыя помѣстья, управляемыя, правда, феррарскимъ фискомъ, но оспариваемыя у него судебнымъ порядкомъ графомъ Контраріо. Вы знаете, конечно, милѣйшаго графа Контраріо, самаго упрямаго спорщика во всей Италіи! Это то обстоятельство, кажется, больше всего и радуетъ нашего бережливаго отца въ настоящемъ бракѣ. Итакъ, все уладилось на законныхъ основаніяхъ. Съ какимъ восторгомъ составлялъ я послѣ бракосочетанія депешу: „Вопросъ о приданомъ рѣшенъ. Его святѣйшество проведенъ. Донна Лукреція обвѣнчана и настроена не враждебно, что означало: на этотъ разъ съ нею нѣтъ бѣлаго порошка въ карманѣ... Дѣйствительно, мнѣ кажется, братъ Альфонсо можетъ спокойно положить сегодня вечеромъ свою голову на одну подушку съ этими золотистыми волосами...

При намекѣ на ядъ, къ которому любила прибѣгать Борджіа, на глазахъ дѣвушки показались слезы, которыя она гнѣвно стряхнула съ длинныхъ рѣсницъ.

— Вашъ языкъ жалитъ, донъ Ферранте! проговорила она.

Анджела Борджіа происходила изъ боковой линіи знаменитаго испанскаго рода. Какъ многіе дѣти того времени она трагическимъ образомъ лишилась своихъ родителей въ самомъ

раннемъ дѣтствѣ и была затѣмъ воспитана въ монастырѣ съ другими отпрысками благородной крови. Какъ родственница папы, она пользовалась предупредительностью монахинь и стояла во главѣ своихъ подругъ.

Жизнь въ то время состояла изъ рѣдкихъ, ужасающихъ противорѣчій, способныхъ смутить душу даже итальянской дѣвушки, легко мирящейся со всякими условіями.

Юной Анджелинѣ постоянно проповѣдывали о добрѣ и нравственной красотѣ, между тѣмъ какъ выразитель ихъ на землѣ, старецъ, на которомъ зиждется христіанство, былъ отъявленнымъ негодяемъ, безбожіе котораго оплакивали монахини и надъ которымъ втихомолку потѣшались худшія изъ ея подругъ.

Анджела не могла примириться съ тяжелой дѣйствительностью. Она стала накладывать на себя эпитеміи за своихъ родственниковъ, св. отца и двоюродную сестру Лукрецію, о которой въ монастырѣ говорили со скрытымъ отвращеніемъ.

Но монахини скоро убѣдили ее въ безполезности ея самобичеванія. Тогда въ ней стало развиваться стремленіе бороться со всеобщимъ ничтожествомъ. На ряду съ необычайной женственностью она была полна почти рыцарской отваги, отваги не женщинъ-святыхъ, а поэтическихъ героинь сказаній, прекрасныхъ дѣвственницъ, умѣющихъ постоять за себя и овладать съ собою, не теряя приэтомъ привлекательности.

Въ одинъ ясный лѣтній день изъ темнаго дубоваго лѣса, покрывавшаго подошву утеса, на которомъ былъ расположенъ монастырь, выѣхала на бѣлоснѣжномъ иноходцѣ лучезарная лѣсная фея, сама богиня Діана со своими подругами, и остановилась у воротъ монастыря. Это была донна Лукреція.

Она была встрѣчена настоятельницей. Принявъ благословеніе, она попросила вызвать монахинь и воспитанницъ. Для каждой нашлось у нея ласковое и внимательное слово. Потомъ, отведя Анджелу въ сторону и прогуливаясь съ нею по аллеѣ сада, она сообщила ей о своемъ обрученіи съ наслѣдникомъ Феррарскимъ и о намѣреніи взять ее съ собою въ новую резиденцію, въ качествѣ близкой родственницы и фрейлины.—Я хочу устроить твое счастіе, кузина, говорила она, улыбаясь,—ты мнѣ нравишься и я хочу, чтобы ты была при мнѣ, пока не выйдешь замужъ.

Также дружелюбно привѣтствовалъ Анджелу въ Ватиканѣ, въ который она вступила съ затаеннымъ отвращеніемъ, грозный братъ Лукреціи. Непринужденно болтая съ кузиной, онъ сказалъ: „Дѣла не позволяютъ мнѣ сопровождать васъ въ Феррару, но я рекомендую вамъ дона Джуліо, младшаго брата дона Альфонсо. Это скромный, богато одаренный юноша, достойный связать свою судьбу съ благородной женщиной, чего я ему отъ души желаю“.

И вотъ Анджела ѣхала теперь вслѣдъ за донной Лукреціей и прислушивалась къ пушечной пальбѣ, возвѣщавшей близость воротъ городскихъ.

Донъ Ферранте долженъ былъ спѣшить, такъ какъ хотѣлъ до вступленія въ городъ успѣть окончательно очернить во мнѣніи Анджелы своихъ братьевъ.

— Удивляюсь, говорилъ онъ,—какъ это донна Лукреція, которой молва приписываетъ такъ много необычнаго, будетъ жить со своимъ будущимъ супругомъ, моимъ братомъ. Вѣдь это обыкновеннѣйшій изъ смертныхъ, съ утра до вечера проводящій время за кубкомъ и ѣдой! Венера рядомъ съ закоптѣлымъ Вулканомъ... Она будетъ восхищаться его прелестными рисунками по фарфору и этимъ дѣлать его счастливымъ. Но пусть она остерегается,—продолжалъ онъ съ угрозой въ голосѣ,—донъ Альфонсо самый мстительный изъ насъ и выжидаетъ только минуты мщенія, которое онъ считаетъ справедливымъ возмездіемъ. Но нѣтъ, я несправедливъ къ брату кардиналу. Его месть самая опасная, потому что онъ, какъ самый умный изо всѣхъ насъ и самый необходимый, ничего не боится, ни въ чемъ не знаетъ препоны. Онъ дипломатъ нашего дома. Всѣ дѣла проходятъ между его ловкими пальцами и онъ знаетъ самыя наши сокровенныя тайны. Берегитесь этого коршуна, молодая дѣвушка!

Этотъ кардиналъ Ипполитъ, государственный мужъ Феррары. присутствовалъ въ Римѣ при совершеніи брачнаго договора и теперь еще оставался тамъ, чтобы условиться съ папой насчетъ передачи земель, шедшихъ въ приданое Лукреціи. Онъ обратилъ вниманіе на Анджелу, былъ съ нею очень любезенъ и приглашалъ украсить своимъ присутствіемъ Феррару.

Ужасъ овладѣлъ Аножелой. Солнце, пыль, шумъ, ядовитыя рѣчи Ферранте, отталкивающій образъ кардинала, вызванный имъ передъ ея умственнымъ взоромъ... Дѣвушка почувствовала, что близка къ обмороку отъ отчаянія и безпомощности. Слабый крикъ вырвался изъ ея губъ.

Тогда Лукреція обернулась и проговорила, сверкая глазами:

— Чѣмъ онъ тебя пугаетъ, Анджела? Знайте и запомните хорошенько, донъ Ферранте: кто тронетъ Анджелу—тронетъ меня. Но вѣдь вы не захотите имѣть врага въ Лукреціи Борджіа!

Этого донъ Ферранте, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ. Онъ любезно улыбнулся.

— Не можетъ быть и рѣчи о томъ, донна Лукреція! Я прилагаю все стараніе, чтобы развлечь донну Анджелу и завоевать ея расположеніе нашему дому!

— Что мнѣ вамъ еще разсказать, юная госпожа, продолжалъ онъ, когда герцогиня отвернулась.—Удивительные и преступные глаза моего у брата Джуліо? Вы его знаете?—спросилъ онъ, замѣтивъ движеніе въ ея лицѣ. Вѣроятно, только по наслышкѣ, но въ скоромъ времени вы увидите его самого, когда отворите съ донной Лукреціей его темницу.

— Когда мы отворимъ его темницу? удивленно переспросила Анджела.

Digitized by Google

Открыта подписка на 1902 годъ.

(пятый годъ).

на ежедневное изданіе

„ЦАРИЦЫНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Вступая въ пятый годъ изданія газеты „Царицынскій Вѣстникъ“, редакція будетъ по-прежнему стремиться къ улучшенію его какъ въ отношеніи содержанія, такъ и съ внѣшней стороны. Чтобы сдѣлать газету болѣе интересной, редакція пригласила новыхъ сотрудниковъ изъ Петербурга и Москвы. Не увеличивая объема газеты, редакція будетъ давать особыя прибавленія къ газетѣ.

Программа газеты:

1. **Правительственныя распоряженія**. 2. **Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства**. 3. **Хроника**, въ которую входятъ всѣ событія дня и происшествія, отчеты о засѣданіяхъ Суда, Думы, Земскаго Собранія, Дворянскаго Собранія, благотворительныхъ и др. обществъ и учрежденій; рецензіи о зрѣлищахъ, концертахъ и т. п. увеселеніяхъ. 4. **Корреспонденція** изъ разныхъ мѣстъ Поволжья, съ Дона и другихъ. 5. **Фельетонъ**: очерки мѣстной общественной жизни (въ стихахъ и прозѣ), провинціальное обозрѣніе на основаніи газетныхъ извѣстій. 6. **Среди газетъ**: выдержки и всевозможныя перепечатки изъ газетъ. 7. Желѣзнодорожныя извѣстія. 8. Торговый отдѣлъ. 9. Сторонніе сообщенія. 10. Справочный указатель. 11. Объявленія. Срокъ выхода ежедневный, кромѣ дней, слѣдующихъ за воскресеньями и праздниками. Даются отзывы о присылаемыхъ книгахъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ съ пересылкой и доставкой 6 р., на полгода 5 р., безъ пересылки и доставки на годъ 5 р. 50 к., на полгода 4 р., на 1 мѣсяцъ 1 р.

Адресоваться слѣдуетъ: Царицынъ въ редакцію газ. „Царицынскій Вѣстникъ“.

Редакторъ-Издатель *Е. Д. Жигмановскій.*

Годъ изд. XIX — ***Открыта подписка*** — Годъ изд. XIX

на 1902 годъ

(девятнадцатый годъ изданія)

САМАРСКАЯ ГАЗЕТА

Органъ литературно-политическій и экономическій, выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Оставаясь вѣрною прежнимъ своимъ задачамъ и стремленіямъ, „Самарская Газета“ и въ 1902 г., задается цѣлью прежде всего освѣщать въ возможной полнотѣ мѣстныя нужды Самарской, Казанской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Симбирской и Уфимской губ. и въ то же время „Самарская Газета“ по прежнему будетъ носить характеръ большого ежедневнаго изданія, замѣняющаго для провинціи столичные органы.

Въ „Самарской Газетѣ“ принимаютъ участіе В. Ангарскій, (В. Викторовъ). Ив. Алексѣевъ, Е. А. Буланина, Р. Бухгольцъ (Берлинъ), В. Владимирцевъ (псев.), Т. Е. Гаврилонъ, М. М. Гранъ, Петръ Добротворскій, К. О. Дергуновъ (Ахеръ), М. И. Іолшинъ, А. Корневъ (псев.), В. С. Колпаковъ, П. Лопуховъ (псевд.) А. И. Матовъ (Степной), Н. Г. Михайловскій (Н. Гаринъ), Немвродъ, (псевд.) Вл. Ольховскій (Лондонъ), Д. М. Поповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), Д. Д. Протопоповъ, А. С. Пругавинъ, С. Г. Петровъ (Скиталецъ), С. П. Ранскій, Трепловъ (псев.) В. Е. Чешихинъ (Ч. Вѣтринскій), Н. А. Чудовъ Ѳ. И. Хитровскій, П. Л. Юдинъ, Василій Якимовъ и многіе другіе

Для улучшенія внѣшней стороны изданія выписана новая скоропечатная машина и новые шрифты, отлитые по спеціальному заказу по заграничнымъ образцамъ, что дало возможность выпускать газету ежедневно въ нѣсколько увеличенномъ объемѣ.

Подписная цѣна:

въ городѣ съ доставкой на 12 м. 6 руб., на 6 м. 3 р., иногородніе съ пересылкой на 12 м. 7 р., на 6 м. 3 р. 50 к.

Подписка на газету отъ иногороднихъ принимается съ 1-го числа, а отъ городскихъ 1-го и 15-го каждаго мѣсяца.

Редакція „Самарской Газеты“ и контора редакціи помѣщаются на Алексѣевской площади, въ собственномъ домѣ. Въ розничной продажѣ нумеръ 5 коп.

Редакторъ-издатель **С. И. Костеринъ.**

Digitized by Google

XII годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г.

НА

ШАХМАТНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

удостоенный диплома на Всероссійской Художественно-Промышленной Нижегородской выставкѣ 1896 года (по издательскому дѣлу).

Издается съ 1891 года.

Условія подписки:

На годъ съ доставкою и пересылкою въ Россіи и за границу **6 р.**, на полгода **3 р. 50 к.**

Полный экземпляръ „Шахматнаго Журнала“ за прошедшіе годы съ пересылкою и доставкою продается по **3 руб.**; 4 номера за 1898 г. 1 р.; за 1900 г. 4 р. и за 1901 — 5 р. Въ переплетѣ на **50** коп. дороже.

Подписка принимается въ Конторѣ журнала при книжныхъ магазинахъ **Н. П. Карбасникова** (*С.-Петербургъ*, Литейный, № 46; *Москва*, Моховая, д. Нееловой; *Варшава*, Новый Свѣтъ, № 69; *Вильна*, Большая ул., пр. Св. Яна).

Редакція и контора „Шахматнаго Журнала“ принимаетъ на себя всевозможныя порученія по выпискѣ изъ-за границы шахматныхъ книгъ, подпискѣ на шахматные журналы и покупкѣ предметовъ, относящихся къ шахматному искусству.

Редакторъ-издатель *А. К. Макаровъ.*

ИСТОРІЯ РУССКАГО ИСКУССТВА XVIII—XIX ВВ.

ВЪ ОЧЕРКАХЪ И КАРТИНАХЪ

(къ предстоящему 200-лѣтію Петербурга)

будетъ печататься въ теченіе 1901—1902 г. въ иллюстрированномъ изданіи **Н. П. Собко**

„Искусство и Художественная Промышленность“,

со снимками въ фотогравюрахъ и фототипіяхъ, частью въ краскахъ, съ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской школы изъ общественныхъ и частныхъ собраній Имперіи.

Подписная цѣна за 12 выпусковъ съ особыми приложеніями безъ доставки **8 руб.**, съ доставкой и пересылкой **10 руб.**, за границу **12 руб.**

1-й вып. выйдетъ въ январѣ 1902 г.

Подписка принимается въ *С.-Петербургѣ*: въ Главномъ складѣ художественныхъ изданій Н. П. Собко (Почтамтская, 13), въ книжн. магазинѣ Віоле (М. Конюшенная уг. Невскаго 26/16); въ *Москвѣ*—у Кнебеля (Петровскія линіи), въ *Кіевѣ*—у Идзиковскаго (Крещатикъ), въ *Одессѣ*—у Свистунова, въ *Харьковѣ*—у Петрова (Университетская горка), въ *Казани*—у А. Дубровина (Гостин. дворъ), въ *Томскѣ*—у Макушина, въ *Варшавѣ*—у Віоле (Сенаторская), въ *Юрьевѣ*—у Карова, въ *Парижѣ*—у Boyveau et Chevillet (rue de la Banque), въ *Лейпцигѣ*—у Hiersemann (Königsstrasse), въ *Берлинѣ*—у Amsler u. Ruthardt (Behrenstrasse), въ *Вѣнѣ*—у Artaria (Kohlmarkt).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

Письма къ Ближнимъ

Ежемѣсячный журналъ, издаваемый въ Петербургѣ, въ предѣлахъ программы:

Обзоръ событій. — Нравственно-философскій отдѣлъ. — Критика. — Публицистика. — Обзоръ печати. — Сообщенія и возраженія.

Цѣна за годъ **3 руб.**, за полгода **2 руб.**

Ред.-изд. ***М. О. Меньшиковъ.***

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1902 годъ

на еженедѣльную общественно-литературную газету

ДЕРЪ ЮДЪ

Въ „Деръ Юдъ“, издаваемомъ уже четвертый годъ товариществомъ „Ахіасафъ“ на еврейскомъ разговорномъ языкѣ, помѣщаются руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ еврейской жизни, политическое обозрѣніе, хроника текущихъ событій, общія новости, обзоръ провинціальной жизни и корреспонденція. Обширные отдѣлы отведены оригинальнымъ повѣстямъ, разсказамъ, стихотвореніямъ и фельетонамъ лучшихъ народныхъ писателей, популярнымъ статьямъ по естествознанію и критикѣ новыхъ книгъ.

Въ теченіе 1902 г. редакція дастъ своимъ годовымъ подписчикамъ въ видѣ премій:

1) 12 книгъ ежемѣсячнаго журнала „Еврейская семья“ (Ди Юдише Фамиліе) (романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критич. статьи, путешествія, стихотв. и пр.), объемомъ въ 4 листа каждая большого формата, за небольшую цѣну въ 1 р. (портов. 50 к.). Подписная цѣна на журналъ отдѣльно (безъ газ. „Деръ Юдъ“) на годъ 4 р.

2) Стѣнной календарь на 1902 г., отпечатанный красками.

Подписная цѣна: на годъ 5 р., на полгода 3 р., на четверть года 1 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 50 к. Допускается разсрочка годовымъ подписчикамъ: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 августа 1 р., а вмѣстѣ съ журналомъ: при подпискѣ 2 р. 50 к. (съ портов. 2 р. 75 к.), къ 1 апрѣля 2 р. 50 к. (съ портов. 2 р. 75 к.) и къ 1 августа 1 р. Подписка принимается по адресу:

Издательство „Ахіасафъ“ Варшава.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-ый годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

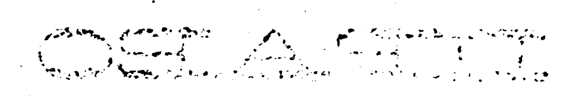
Въ теченіе 1901 г. напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній. С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ. М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы. Ея же; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. П. Мижуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебныхъ заведеній (Германія). А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи. Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи. Д-ра А. Виренiуса; 8) Первый международный конгрессъ педаг. печати въ Парижѣ. Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ рускаго начальнаго образованія на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. С. Игнатенкова; 10) Въ американской гимназіи. Н. Рубинова; 11) Дѣятельность управленія Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-ти-лѣтіе. Н. Попова; 12) Школьная гигіена (по Котельману). М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ. М. Лысковскаго; 14) Школа и воспитаніе. О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ. А. Миронова; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся. Я. Гуревича; и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки — 7 руб., съ доставкою — 7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою — 8 руб.; за границу 9 руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за 6 руб., въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%. Подписка принимается въ конторѣ ре-
[illegible]

	Руб.	Коп.
„Общій Уставъ Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ и 683 ст. X т. ч. 1 Свода законовъ гражданскихъ съ разъясненіями Сената" Составилъ *Х. Ф. Штюрцваге,* завѣдующій столомъ желѣзнодорожныхъ исковъ въ Сенатѣ.	3	—
„Гербовый Уставъ въ Алфавитномъ порядкѣ *со всѣми разъясненіями.*" Съ приложеніемъ офиц. текста устава и всѣхъ инструкцій М-ва Финанс., мнѣніями Госуд. Сов., касс. рѣшен., циркул. и т д. Изд. 3 Сост. *Х. Абрамовичъ.* Спб. 1902 г.	2	—
„Практическое руководство для составленія дѣловыхъ бумагъ" Образцы и формы актовъ, договоровъ, контрактовъ, обязательствъ, прошеній и жалобъ на постановленія сословныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій съ разъясненіемъ порядка и срока подачи жалобъ. Бумаги въ лѣсохранит. комитетъ, бумаги по залогу недвижимыхъ имуществъ въ кред. учрежд. сост. *Х. Абрамовичъ.* Спб.	1	—
„Торговля и Торговая Политика". Соч. проф. *Брогта.* Перев. съ нѣм. подъ редакц. *Е. Н. Рагозина*	3	—
„Желѣзо и Уголь на Югѣ Россіи", *Е. Н. Рагозинъ.* Съ 23 политипаж., картой, діаграммой и вѣдомостями. . . .	3	—
„ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ или Теорія Происхожденія Богатства отъ непроизводит. труда." Проф. *В. Г. Сомнера* .	1	—
„Капиталъ" *К. Марксъ.* Критика политической экономіи. *Процессъ производства капитала.* Полный перев. д-ра математики *В. Д. Любимова*	2	50
„Животныя" *Л. Шелгунова. Съ 276 хромол.*	1	75
„Растенія и Минералы". *Съ 270 хромол.*	1	75
„Бесѣды съ дѣтьми о природѣ". *А. Беклей.* Перев. Съ англійскаго *Д. А. Коропчевскаго.* Изд. 2-е	—	60
„Сказки Топеліуса". Перев. со шведскаго. Больш. томъ, со многими рисунками въ текстѣ, 254 стр	1	—
„Сказки Музеуса" 2 т. *Съ 8-ю хромолит.* Каждый по . .	1	30
„Двигательныя силы народнаго хозяйства" проф. *Карла Рейнгольда,* въ 4-хъ част., по 10 лист. каждая	4	—
„Приключенія Якова Вѣрнаго" *К. Марріетъ.* Переводъ *Л. Шелгуновой, съ 6 хромолит.*	—	60
„Робинзонъ и Робинзона" *Р. Маэля.* Съ 25 рисунк. . .	1	30
„Среди льдовъ и во мракѣ ночи" *Фритіофа Нансена. Со мног. рис.* Переводъ маг. физ. *Г. Ковалевскаго.*	1	—
То же на веленевой бумагѣ.	1	50
„Открытіе клада короля Соломона" *Р. Гаггарда.* Сцены изъ жизни южной Африки. Съ англ., *со мног. рисунками* . . .	1	—
„Опредѣленіе пола потомства." *проф. д-ра Л. Шенка.* Полный переводъ д-ра медицины *В. И. Рамма.*	—	50

Digitized by Google

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

35 годъ **„ДОНЪ“.** 35 годъ

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

на 1902 годъ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Просуществовавъ такой долгій срокъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила больше трети столѣтія. Поэтому, открывая подписку на 1902 годъ, редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой въ Воронежѣ: на годъ 6 р., на полгода 3 р., 50 к. на 3 мѣс. 2 р. на 1 мѣс. 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города. на годъ 7 р., на полгода 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. на 1 мѣс. 1 р.

Ред.-Издатель В. **Веселовскій.**

Открыта подписка на 1902 г. на политич.-обществен. и литературную газету

Выходитъ въ г. Красноярскѣ 3 раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Телеграммы 2. Отдѣлъ оффиціальный. 3, Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей. совмѣстно съ интересами сибирскихъ губерній соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея. 4. Статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасающихъ.—по городскому и земскому хозяйству, экономич. по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. 5. Обзоръ обществен. жизни Сибири и Россіи. 6. Политическія извѣстія. 7. Корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея и изъ Россіи. 8. Научный отдѣлъ. 9. Литературное обозрѣніе. 10. Фельетонъ: романы, повѣсти, очерки и пр. 11. Судебная хроника. 12. Смѣсь. 13. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля, на четверть года 2 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяцъ 1 рубль.

Подписка принимается въ Красноярскѣ—въ конторѣ редакціи газеты, въ Томскѣ—въ отд. конторы въ Москвѣ—въ конторѣ объявленій Л. и Э. МЕТЦЛЬ и К°., Мясницкая ул. д. Сытова, и въ конторѣ объявленій И. К. Голубева—Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи, въ Петербургѣ—Т. д. Л. и Э. МЕТЦЛЬ и К°, Б.-Морская № 11.

Редакторъ-Издатель **Е. Кудрявцевъ.**

О ПОДПИСКѢ НА 1902 Г.

на ежедневную политико-общественную, литературную и торгово-промышленную газету.

„АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

(14 годъ изданія).

Въ газетѣ помѣщаются самыя точныя свѣдѣнія о всей мѣстной астраханской, приволжской и прикаспійской жизни и дѣятельности, фельетонныя обозрѣнія мѣстной жизни, историческіе очерки и матеріалы, касающіеся Астраханскаго края.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: *Астрахань*, Д. Рѣнина, Почтовая улица.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ пересылкою:

На 1 годъ—7 р. 50 к., на 11 мѣс. 7 р. 25 к., на 10 м.—7 р., на 9 м.—6 р. 75 к., на 8 м.—6 р. 50 к., на 7 м.— 6 р., на полгода—5 р., на 5 м.—4 р. 75 к., на 4 м.—4 р., на 3 мѣсяца—3 р. 25 к., на 2 м.—2 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 25 к

Разсрочка на льготныхъ условіяхъ. Всѣ новые подписчики, внесшіе годовую плату за 1902 г.—получаютъ газету со дня подписки. съ 1901 до 1902 г.

БЕЗПЛАТНО.

Редакторъ А. Н. Штылько. Издательница А. А. Штылько.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

безцензурный журналъ (органъ независимой мысли).

12 КНИЖЕКЪ ВЪ ГОДЪ.

Только оригинальныя произведенія русскихъ писателей (сотрудники: К. Д. Бальмонтъ, М. Бѣлинскій, В. Брюсовъ, В. П. Горленко, А. А. Коринфскій, Д. Л. Мордовцевъ, И. Е. Рѣпинъ, В. К. Саккетти, К. К. Случевскій, Вс. С. Соловьевъ, гр. Левъ Л. Толстой, А. С. Худековъ, Н. Н. Юрьинъ и мн. др.).

Только оригинальныя рисунки и картины, художники: И. Айвазовскій, А. Боголюбовъ, Альбертъ Бенуа, Галкинъ, А. Ивановъ, Н. Каразинъ, Лагоріо, В. Маковскій, Микѣшинъ, И. Рѣпинъ, Суходольскій, Р. Судковскій, Сверчковъ и мн. др.

Изящное изданіе. Роскошно исполненные черные и цвѣтные рисунки, все въ форматѣ журнала.

Подписная цѣна: на 1 годъ пять руб., на 1/2 года три руб., на 1/3 года два руб., на 2 мѣс. одинъ руб. Съ пересылкою и доставкою.

Нашъ журналъ стоитъ за неограниченную свободу слова, за торжество красоты въ жизни и искусствѣ надъ безобразіемъ и уродствомъ, за преобладаніе и развитіе высшихъ сторонъ человѣческаго генія, за торжество духа надъ матеріей, за идеализмъ во всѣхъ его разносторонних и лучшихъ проявленіяхъ. Гдѣ свобода, тамъ нѣтъ рамокъ, нѣтъ замковъ, нѣтъ цѣпей. Удѣляя въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" мѣсто критическимъ статьямъ, мы одинаково признаемъ право на существованіе и за общественной критикой, и за эстетической.

Поэзія, беллетристика, критика, точная наука, философія, политика, обществовѣдѣніе, фельетонъ.

Въ 1903 году въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" будетъ печататься съ первой книжки большой (около 40 печатн. лист.

Романъ въ IV частяхъ графа ЛЬВА ТОЛСТОГО (сына)

ПОИСКИ И ПРИМИРЕНІЕ.

150 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ.
12 портретовъ писателей и художниковъ—въ приложеніи.
12 хромоавтотипій—въ приложеніи.

ОБЪЕМЪ ЖУРНАЛА УВЕЛИЧЕНЪ.

Адресъ редакціи: СПб., Головинская ул., 9.

Ред.-Изд. І. Ясинскій.

Открыта подписка
НА НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОЛЛЕКЦІОНЕРЪ"

предназначенный служить интересамъ собирателей всякаго рода коллекцій.

Программа журнала:

Иллюстрированный обзоръ новостей. Статьи научнаго и практич. содержанія. Описаніе музеевъ, замѣчательн. коллекцій и т. п. Фельетонъ. Фальсификаціи. Описаніе подделокъ. Библіографія. Вопросы подписчиковъ и отвѣты по нимъ редакціи. Объявленія. Приложенія. Различные каталоги и спеціальныя сочиненія, въ видѣ безплатнаго приложенія.

Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ.

Первый номеръ выйдетъ 1 декабря.

Подписная цѣна въ годъ **2 р. 50 к.** съ доставкою и перес.

Съ требованіями обращаться въ г. Псковъ, въ контору журнала „Коллекціонеръ".

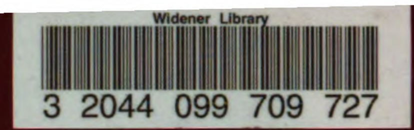
Продается у всѣхъ книгопродавцевъ и въ конторѣ журнала:

Homo sapiens" — „На распутьи" — пов. *Ст. Пшибышевскаго*, ..р. *Эрве*. Цѣна 80 коп.

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 2.
1902 г.

Widener Library
3 2044 099 709 727